

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ. Том 1

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ. Том 1

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА
БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА
БРЕМЯ ЖИВЫХ
ДАЛЬШЕ ФРОНТА
ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЬЮ

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ

Книга первая
ИНВАРИАНТ

Книга вторая
КРИПТОКРАТЫ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

СКОРПИОН
В ЯНТАРЕ

Книга первая

ИНВАРИАНТ

МОСКВА
«ЭКСМО»
2007

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

- Звягинцев В. Д.**
3-45 Скорпион в янтаре: Фантастический роман. Книга первая. Инвариант / В.Д. Звягинцев. — М.: Эксмо, 2007. — 448 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-23633-6
ISBN 978-5-699-23635-0

Александр Шульгин — мыслитель и авантюрист, солдат Истины и стратег Игры — еще одно доказательство того, что и один в поле воин. Его нынешнее путешествие по химерическим реальностям — на грани фола, в отрыве от друзей — позволяет не только зачислить еще несколько очков на счет людей в их противостоянии с Держателями и Игроками, но и раскрыть нового противника, до поры до времени копившего силы и не спешившего себя обнаружить. Под личиной наркома оборонной промышленности Григория Шестакова Александр затекает игру на поле предвоенного Советского Союза с самим Сталиным. Не зная точных ответов, Шульгин чувствует, что изменить историю в этой конкретной точке совершенно необходимо...

УДК 82-312.9
ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-23633-6 (Кн.1)
ISBN 978-5-699-23635-0

© Звягинцев В.Д., 2007
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2007

Скорпион — целеустремленный, темпераментный, независимый, с развитой интуицией, способный проникать в суть любого явления, твердый, терпеливый, решительный, склонный к мистике.

Упрямый в достижении личных целей, своевольный, мстительный, скрытный.

Из гороскопа

Застрясть во времени своем,
как муха в янтаре,
и выждать в нем иных времен —
получше, поясней?

Быть человеком из толпы,
таким, как вся толпа,
и видеть, как ее столпы
мир ставят на попа?

А может, выйти из рядов
и так, из ряду вон,
не шум огромных городов,
а звезд услышать звон?

Борис Слуцкий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

а окнами не только этой великолепной, расположенной в самом центре Москвы, квартиры, за всеми окнами столичного города продолжалась морозная, вьюжная ночь конца января тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Такая же точно, как прошлая, как все другие ночи, что случались здесь всеми январями, сколько их наберется в писаной и неписаной истории. Наверное, те же самые ветры свистели и завывали над теремом князя Юрия Долгорукого, писавшего в тысяча сто сорок седьмом году своему родственнику: «Приезжай ко мне, брате, на

Москов. Дам тебе обед силен!» Принято считать, что дал, только меню не сохранилось.

Отличался нынешний январь от всех прошлых, пожалуй, тем, что был он пострашнее, чем любой другой, включая времена Батыева нашествия. В тринадцатом веке возможность быть ограбленным или убитым входила в норму жизни; радости, конечно, не вызывала, но и вгоняющего в беспросветную депрессию ужаса — тоже. У каждого мужика имелись топор, рогатина, за-сапожный нож, у князя, самого затрапезного, пусть небольшая, но дружина. Оборониться было чем и чаще всего удавалось.

В году же по Рождеству Христову тысяча девятьсот тридцать восьмом случилось совершенно иначе. Каждый человек великой Страны Советов внезапно узнал (догадывался-то и раньше), что отныне над жизнью он своей не властен даже в тех ограниченных пределах, что гарантировала «Конституция победившего социализма». В любой момент по доносу соседа, за неудачно сказанное слово, за анекдот, за принадлежность к давно упраздненным «эксплуататорским классам» или просто так, случайно попав в список, можешь пойти без суда и следствия на высылку, в лагеря, под расстрел. Самое же обидное — никто не заступится, не «возвысит голос», чаще — даже не удивится. Забрали и забрали, хорошо, что не меня...

Уходили бесследно в дальневосточные лагеря или на «десять лет без права переписки» заслуженные полководцы Гражданской, соратники Владимира Ильича, члены Политбюро, наркомы, простые инженеры, комбриги и полковники, слесари, бухгалтеры, колхозники из глухих, забытых даже райисполкомом, но не отделом НКВД деревень. Для приведения системы всеподавляющего страха в окончательную, законченную, самодостаточную форму пролетарское государство победившего социализма приняло закон о применении смертной казни к гражданам начиная с двенадцатилетнего возраста. Такого, кажется, не было в Европе со времен мрачного Средневековья.

Однако нашелся в числе особо ответственных товарищей один, отчего-то не захотевший идти в тюрьму и под расстрел, когда имеется возможность к сопротивлению и формально разрешенной самообороне. Нарком оборонной промышленности Григорий Петрович Шестаков. Группа сотрудников спецотдела ГУГБ¹ не сумела положенным образом задержать и доставить по назначению обреченного на заклятие деятеля. Все вышло несколько иначе.

Оставив у себя в квартире тела не пригодных к дальнейшему несению службы чекистов, Шестаков целую неделю скрывался от властей, бросивших на его поиски всю мощь государственного аппарата, пока наконец с помощью ближайшего помощника товарища Сталина не был разыскан, доставлен на прием к вождю, прощен и обласкан.

Заместитель заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б), Валентин Валентинович Лихарев, удовлетворенный проделанной работой, оставил недавно опального и вдруг вознесенного на горние вершины наркома Шестакова отдыхать и набираться сил в своей квартире в Столешниковом переулке, а сам решил немного развеяться в «злачных местах» столицы. Которых и тогда для «знающих людей» хватало².

...Валентин возвратился домой, как и полагалось после хорошей гулянки, часов около семи утра. Затем еще. Мог бы и позже, однако сказывались многолетняя привычка и номенклатурный опыт — не оставаться ночевать в чужих квартирах, чьи бы они ни были. Мало ли что может случиться, когда ты *выпал* в иные измерения? Любой (любая в особенности) агент НКВД, иностранных разведок, соперник из инопланетных спецслужб, да просто умеющий втираться в доверие уголовник возьмут тебя голыми руками.

¹ Главное управление государственной безопасности наркомата внутренних дел СССР.

² См. роман «Бои местного значения».

Поэтому спать нужно только дома и уходить из гостей в легком подпитии, но трезвым, веселым, хорошо и правильно все замотивировавши. Тогда даже в чисто земном раскладе останешься в выигрыше. Перед женщиной, перед друзьями, особенно — перед недоброжелателями.

Уже на пороге квартиры Валентин испытал странное беспокойство. Ему показалось, что за время его отсутствия здесь случилось нечто нехорошее, неправильное. А что же именно? Не был он охотничьей собакой, способной уловить молекулу пахучего вещества, принадлежащего чужим людям или животным, однако именно такое ощущение возникло, едва он переступил грань двух миров, разделенных массивной, обитой кожей, пуле- и времянепроницаемой дверью. Впрочем, натуральная тисненая кожа — это уже за временным порогом, а в обычной жизни — дешевый, местами облезший до хлопковой основы дерматин стандартной коммуналки. В советской действительно кожа, нагло выставленная напоказ, или наводит проходящих мимо граждан на ненужные ассоциации, или ее просто срезают бритвой, на перчатки, например, или на сапоги.

Он торопливо, не раздеваясь, пересек прихожую, длинный коридор, гостиную, толкнул дверь кабинета, где оставил Шестакова-Шульгина. Нарком спал глубоким сном ничем не озабоченного человека, лежа на спине, забросив левую руку за изголовье, тихо похрапывая.

«Вот же нервы», — мельком отметил Лихарев, словно бы даже позавидовав. В человеческом, разумеется, смысле, потому что в своем ему завидовать было нечему. Он в любой момент умел отключаться от текущей реальности гораздо легче, чем актер эпизода от своей крошечной роли.

На журнальном столике рядом с наркомом лежал взведенный пистолет, поблескивала бутылка коньяка, опустошенная на две трети, стакан с остывшим чаем, целая горка окурков в хрустальной пепельнице. На

коврике корешком вверх валялась упавшая из ослабевших рук книга.

«Какая?» — заинтересовался Лихарев. Тут ведь, в их работе, любой штришок может иметь значение. Взглянул на фиолетовый переплет. «Приключения авантюриста Феликса Круля». Ничего особенного. Легкое чтение. Хотя и не рядовое, мысли всякие навеивает. Ухитрился Григорий Петрович отыскать на полках именно ее. Или не он, а Шульгин. Тому такая литература больше по характеру.

Ну да ладно. Все нормально. Клиент спит, в квартиру никто не входил, дверь межвременных переходов не зафиксировала. Теперь часиков шесть самому поспать, и можно отправляться на службу. Забот сегодня будет достаточно. С Поскребышевым план текущей работы согласовать, обычный, по сектору, не учитывающий *отдельной деятельности*. Выяснить, как складывается обстановка в верхах НКВД вообще и ГУГБ — само собой. По мере сил подстраховать Заковского — мало ли что с ним может случиться в эти смутные, переломные дни. Вдруг, как Камо в свое время, под грузовик попадет или, как Савинков, в окно следовательского кабинета выпадет.

И с Буданцевым что делать, тоже подумать стоит. Большие на сыщика надежды возлагал Валентин, успел убедиться в его человеческих и деловых качествах. Холмс не Холмс, а по нынешним временам фигура крайне неординарная, штучная, можно сказать. И использовать его на административной должности, как сгоряча вообразилось, — глупо. Хоть бы и начальником МУРа. Текучка заест, и врагов тут же обозначится немерено. Если не сожрут в первые же дни, так работать по профилю не дадут точно. Так что Ивана Афанасьевича мы иначе задействуем...

Лихарев вернулся в прихожую, разделся, прошел на кухню, по старому домостроительному обычаю упрятанную в таких глубинах, что обычный гость разве что случайно забредет. В те времена, когда строился дом, архитекторы отнюдь не рассчитывали, что кухня

лет через сто, в советские шестидесятые годы, станет центром общения интеллигенции. А почему, кстати, стала? В однокомнатных хрущевках — понятно, но и в настоящих, просторных «сталинских» квартирах грудились там же. Какой-то муравьиный синдром. Или думали, что глупые чекисты подслушки ставят исключительно в гостиных и спальнях, а до кухни у них мозги и руки не доходят?

Валентин собрался приготовить чаю, от мысли о кофе его едва не тошнило, столько он его выпил, чтобы соответствовать той компании, в которой провел ночь. Ни в чем русские творческие люди меры не знают. Пролетарии кофе не пьют, значит, мы будем, до сердечных спазмов и рези в желудке.

А вот настоящий зеленый чай, да по японской традиции заваренный, — самое то.

Лихарев взбил бамбуковой кисточкой пену в глиняном чайнике, аккуратно перелил в чашку, сделал первый глоток и вдруг вскочил.

Дошло до него!

Запах, запах, тот самый, что ощутил, входя в квартиру! Нездешний запах, словно бы тонких мужских духов. Отнюдь не «Шипра», не «Тройного». Иностранцы гости навестили? Из Англии, от леди Спенсер? Кто еще смог бы сюда проникнуть, минуя дверь? И — еще один штрих, сразу не воспринятый, но отложившийся в сознании. Проявившийся только сейчас.

Он, ступая очень тихо, едва ли не на цыпочках, вернулся к входной двери.

Вот оно! Под вешалкой стояли дорогие, штучной работы шевровые сапоги Шестакова. В таких ходили только самые ответственные из ответственных работников. В царское время они назывались «timoфеевские» — был такой мастер, что обувал царскую семью, высших сановников и богатейших гвардейских офицеров. Сто рублей пара стоила, в то время как массового пошива, из того же материала, — три!

Валентин увидел, что подошвы этих сапог испачканы свежей, черной, сыроватой землей. Да еще и тра-

винка к каблуку левого прилипла. Живая, сочная травинка. Откуда такое — в зимней Москве?

Даже в Кремле, если бы невзначай оступился нарком, выходя с «крылечка», газоны были покрыты полуметровым слоем снега. А дальше только машина, тротуар перед домом — и все. Нигде больше они не были с Григорием Петровичем.

Загадка? Еще бы!

Валентин не в такой мере был человеком, чтобы его прошиб холодный пот, но тем не менее душевного спокойствия он лишился напрочь. Еще покрутил в руках сапог, осторожно, как взведенную мину, поставил на место, вернулся на кухню.

Подкидывает жизнь варианты. Только что избавился от некоторых, нате вам новенький.

...Валентин Лихарев не зря был очень высокого мнения о себе. Он считал, что как экземпляр профессионального координатора стоит на более высокой ступеньке эволюции, чем прочие работающие на Земле. Ведь его создали и воспитали на сотню лет позже, чем ту же леди Спенсер, и при подготовке наверняка использовали уже накопленный опыт функционирования подобных «псевдохомо». И роль ему предназначалась более серьезная, чем Сильвии. Личный друг полнопровального Самодержца — это не в пример значительнее, чем приятельница принцев царствующего, но не правящего дома, всяких там пэров и министров то и дело сменяющихся кабинетов.

А что ранг в аггрианской иерархии у нее гораздо выше — это лишь упущение тех, кто его сюда направил. Рано или поздно оно будет исправлено, Лихарев был уверен в этом. Не зря же, вопреки обычаю, его все же повысили в звании, и леди Спенсер сама заменила в его Шаре системный блок на гораздо более мощный. Не исключено, что карьерный рост продолжится по мере возрастания веса Советской России в мировых делах. Тем более что Сильвия в деле Шульги-

на-Шестакова продемонстрировала отнюдь не лучшие деловые качества.

Антон напрасно считал, что имеет возможность надежно заблокировать все установленные в квартире следящие системы. Возможно, ему внушил эту уверенность один из Игроков, которому захотелось обострить столь неожиданно возникший эпизод с тридцать восьмым годом, матрицей и кольцевым парадоксом «письма к самой себе».

На самом деле Лихарев сумел записать почти все переговоры, которые вели и Сильвия, и Антон с Шульгиным. Единственное, что осталось ему неизвестным, — это замысел Александра сохранить свою матрицу в личности наркома. Тоже скорее всего по воле Игроков. Иначе терялась всякая интрига.

Зато Валентин теперь знал, что дорога на Таорэру ему открыта, ранг позволяет. Пойдет и встретится там с кем-то из высшего руководства, а заодно и с Шульгиным, когда его переправят туда Сильвия или же не проходивший ранее ни по каким учетам агент противника Антон. Кто успеет. «Настоящего» Шульгина увидеть прежде других даже предпочтительнее. Обговорить с ним условия дальнейшего сотрудничества, а уже потом выходить на Дайяну или кого-нибудь еще сопоставимого ранга¹.

А теперь выходит, что Шестаков уже «пустой»? Валентин испытал чисто человеческое чувство обиды, что Шульгин его так нагло обманул. Пообещал дожидаться, обсудить дальнейшие, связанные с использованием наркома планы, еще раз сходить к Сталину для закрепления достигнутого успеха, а уже потом... И вдруг — сбегал сразу, не оставив хотя бы записочки.

Благородные люди так не поступают.

¹ Подробный отчет об этих событиях Лихарев изложил в своей «тетради», которая затем попала к членам «Андреевского братства», откуда и они узнали о произошедшем (см. роман «Хлопок одной ладонью»).

Но его еще можно догнать. Шар сохранил координатную привязку времени и направления внепространственного перемещения. Новые возможности позволяли Лихареву, рассчитав параметры перехода, прибыть на Таорэру не позже чем через пять минут после Шульгина. Вряд ли за этот срок его успеют переправить обратно на Землю, но уже в другую реальность.

Все же Валентину был не совсем понятен механизм задуманного форзейлем обмена разумов. С аггрианскими технологиями он не имел ничего общего. Если леди Спенсер посадила матрицу Шульгина в тело наркома в виде волнового пакета, то Антон зачем-то отправил Шестакова через канал физически, это подтверждалось и зафиксированным Шаром количеством перемещенной массы, и тем самым «штрихом мастера», с травинкой (придуманным Сашкой на этот именно случай).

Или же отсюда, с напичканной всевозможной техникой базовой точки, переместить матрицу в неповрежденном виде было невозможно? Сразу и через пространство, и через границы довольно далеко разнесенных реальностей? Лихарев понимал: не его это уровень компетенции. Но раз сделано именно так, значит, способ кем-то сочтен оптимальным. Предположим, что тогда же, на Таорэру-Валгаллу, одновременно из двадцатых годов было перенесено собственное тело Шульгина и обмен состоялся именно там, непосредственный, «из мозга в мозг», после чего организмы возвратились «по принадлежности».

Александр Иванович — в свое основное время, Шестаков — обратно в квартиру Лихарева.

Валентин знал, что по его положению самостоятельно являться на главную базу — то же, что провинциальному партруботнику, минуя местное руководство, приехать в Москву, в Центральный Комитет, с жалобой или доносом. Может повезти, если ткнешься в нужную дверь, но скорее — голову открутят, сразу или спустив задачу по инстанциям.

Но он же не собирался сразу к начальству, он сна-

чала хотел Шульгина перехватить. А если не выйдет, так можно «по-тихому» вернуться, в случае чего объяснив свою инициативу искренним желанием следовать не букве, а духу задания.

Лихарев понятия не имел, куда именно попадет на далекой планете, которую по-настоящему так и не видел в годы «учебы», он просто шел по следу, как ищейка по запаху. Само собой, ничего не знал о событиях, происшедших здесь почти через полвека, о постройке земного форта и обо всем прочем. О штурме землянами Базы и взрыве информационной бомбы, обрубившей связь между Метрополией и Таорэрой нулевой зоны, вообще свернувшей доступную агграм Главную реальность в подобие пергаментного свитка. О нескольких встречах Новикова и Шульгина с Верховной координаторшей Дайяной, которые происходили практически в одно и то же время и в том же месте, независимо от того, попадали земляне сюда своей волей или «случайно», из восьмьдесят четвертого, тридцать восьмого и двадцать первого года.

С точки зрения знатока математики Левашова здесь имела место «закольцованная дурная бесконечность» плюс создающая сильные волновые помехи близкая зона вырожденного времени.

Лихарев проскользнул тоннелем, который при внешней длине под пятьдесят парсек изнутри был не больше переходного тамбура обычной электрички. Войти и выйти. Из сумрачной зимней квартиры на солнечную, но продуваемую знобким осенним ветром поляну напротив высокого деревянного терема. Видно, что не так давно он был основательно поврежден, одно его крыло носило следы не слишком тщательного ремонта. Бревенчатая, в стиле древнерусской оборонной архитектуры ограда, в нескольких местах проломленная, как бы не стенобитными орудиями, заделана на скорую руку рогатками из плохо ошкуренных бревен, щедро обмотанных колючей проволокой.

Валентин, сделав несколько шагов по направлению к дому, остановился, не зная, как поступить дальше.

Дом явно человеческой постройки и, значит, должен иметь отношение к Шульгину и его друзьям. Таорэрские корпуса учебно-тренировочного лагеря для будущих земных координаторов выглядели не в пример солиднее, относились по стилю к индустриальной эпохе, а не позднему Средневековью, да и располагались на много сотен километров южнее.

Однако само место ему понравилось. Не только терем, гармонично вписанный в окружающий пейзаж, будто совместно потрудились Шишкин и Билибин, а и разлитая в пространстве аура покоя и умиротворенности. «Благорастворение воздушных», если вспомнить язык XVIII века.

Некоторым диссонансом выглядела брошенная ближе к краю поляны, тронутая ржавчиной угловатая коробка гусеничной машины неизвестной конструкции, несколько черно-рыжих лишаяев на дернине, чересчур похожих на следы гранатных разрывов. Или плевков огнемета.

И здесь, значит, воевали. Кто с кем? Если бы этим поместьем занялись агтры с Главной базы, тут бы, кроме пепла, ничего не осталось. Нападение аборигенов? Кое-что о них Лихарев слышал, но, кажется, агрессивностью они не отличались и до столь высоких широт не добирались. Но сейчас не это важно.

Валентин машинально коснулся ладонью маузерной коробки на левом боку. С «маузерами» в Советской державе ходили только заслуженные участники Гражданской войны или такие, как он, «особо доверенные лица». Орден не орден, а все-таки знак отличия, признания заслуг. И сюда он явился в своей форме военинженера, с пистолетом. Хоть ты какой «координатор», а жизнь в СССР приучила, что личное оружие если не всегда поможет реально, то шансы все-таки повысит.

До ворот усадьбы оставалось метров двадцать, как вдруг из-за них поднялся многоголосый собачий лай низких и угрожающих регистров. Обитаемое, значит, место. Собак, в случае чего, можно успокоить волевым посылом, если только они не имеют специальной

защиты. Да откуда? И Лихарев продолжал идти ровным неторопливым шагом, ожидая, пока появится кто-нибудь более высокоразвитый.

Он немедленно и появился, растворил калитку. Мужчина тридцати с небольшим лет, несколько выше среднего роста, располагающей наружности. Так и хотелось назвать его «господином», пусть и не в ходу теперь был этот термин. В спортивном костюме начала двадцатых годов, то есть брюках-гольф с застёжками под коленями, шерстяных клетчатых гетрах, коричневых ботинках-бульдо на толстой каучуковой подошве. Твидовый пиджак с накладными карманами просто брошен на плечи. В опущенной левой руке «винчестер», короткий, но впечатляющего калибра.

«Успел, слава тебе, господи», — подумал Лихарев, потому что никем иным, кроме как А.И. Шульгиным в своем «естественном» облике (из тех самых двадцатых годов), этот человек просто не мог оказаться.

С другой стороны, он мог быть кем угодно, вплоть до самой Верховной, мадам Дайяны, которая, как слышал Валентин еще в «интернате», умела принимать любой облик. Только вот земное оружие ей ни к чему. Не по должности.

Исходя из первого предположения, он дружелюбно помахал рукой.

— Примете, Александр Иванович?

— Догнал все-таки? — широко улыбнулся мужчина, тем самым подтверждая свою идентичность. — Приму, конечно. Это в твое уже время какой-нибудь Лебедев-Кумач сочинил песню: «За столом никто у нас не лишний...»?

— В мое, в мое. «По заслугам каждый награжден...» Вместе с Дунаевским...

— Тебе виднее. Заходи.

Он цыкнул на собак и провел гостя по мощенной дубовыми плахами дорожке на крыльцо.

— Не пойму только, зачем я тебе так потребовался, чтобы 3,086 км, умноженные на 10 в тринадцатой сте-

пени и еще раз на пятьдесят, пешком за мной гнаться? Это сколько всего будет?

— Грубо — пятнадцать с половиной квадриллионов, точнее нужно? — сообщил Лихарев, испытывая удивительное ощущение радости от встречи с человеком, с которым можно, а главное — хочется говорить, не задумываясь о последствиях.

— Пока достаточно. Меня в начальной школе тоже учили быстрому устному счету, но не в таких масштабах, конечно. Но на первый вопрос ответь все-таки...

— Вы же не англичанин, надеюсь? Обещали еще кое-какие темы обсудить, а ушли не прощаясь.

— Как раз сейчас — именно англичанин. Сэр Ричард Мэллони. Разве не видно? Надоело в вашей сталинской Москве болтаться, ну, взял и ушел, заглянул на подмандатную территорию — проверить, что здесь без меня успело приключиться. А тут как раз гости... Да не ты, не ты, выше бери. Главное, войдешь — не пугайся и не делай резких движений...

Лихарев не понял, очередная ли это шутка, не совсем попадающая в тему по причине их разного исторического возраста и жизненного опыта, или практический совет.

Предпочел подумать, что последнее.

Шульгин провел Валентина по широкому, пахнущему сосновой смолой коридору, с подчеркнутым пиететом распахнул перед ним высокую створку украшенной резьбой двери.

— Видите, уважаемая, наши ряды пополняются. Не знаю, что будет, если визитеры повалят валом...

Лихарев мгновенно охватил взглядом весь обширный зал. Четырехметровые потолки, подкрепленные грубо тесанными балками с подкосами, горящий камин у левой стены, три окна прямо, два справа, в простенках остекленные книжные шкафы и открытые стеллажи, у глухих стен пирамиды с многочисленными, очень не рядовыми ружьями и винтовками. Посередине — массивный, нарочито, одним топором сделанный стол,

за которым могли бы пиршествовать до двадцати человек, но весьма скромно накрытый только на двоих.

У ближнего к камину торца, в грубом свитере, скорее подобающем полярнику, чем красивой сорокалетней даме, подперев кулаком подбородок, сидит та самая недостижимая рядовым агграм, почти как Сталин советским трудящимся, Дайяна, Верховный координатор. С которой хотел и одновременно боялся встретиться Лихарев. Было у нее, само собой, и другое имя, и иная исходная внешность, только никто из человекообразных агентов об этом достоверной информации не имел. Одни лишь осторожные слухи.

Сейчас, впрочем, никаких следов величия в ней не просматривалось. Женщина и женщина. Лихарев не бывал в восьмидесятых и даже в шестидесятых годах, там ее облик не показался бы странным, наоборот, он больше соответствовал здешнему интерьеру, чем парадное платье или деловой костюм.

Валентин поздоровался, стараясь держать себя в руках. Если Шульгин с ней на равных, что очевидно, так и ему опасаться нечего. По крайней мере здесь. Да он ведь этого и хотел. Вот и пожалуйста. В идеальной, между прочим, обстановке.

Шульгин достал из шкафа третий прибор. Есть Лихареву совершенно не хотелось, но стакан выдержанного сухого хереса он выпил с удовольствием, едва ли не с жадностью. После вчерашнего.

Дайяна смотрела на него странным взглядом. Потерянным и тусклым. Валентин мог бы еще понять, если бы она сделала ему какой-то тайный знак, попыталась предупредить или предостеречь, да пусть даже прожечь глазами за нарушение субординации и регламента. Неужели товарищ Шульгин сумел на чем-то поймать и ее? Поразительно. Но ведь и в записанных им словах разговора Сильвии с Шульгиным тоже проскакивали намеки на некую масштабную неудачу их проекта...

— Друзья, друзья, — слегка аффектированно провозгласил Александр, — наша встреча неожиданна, но

потому и особенно приятна. Наверное, мадам, те силы, о которых мы говорили в прошлый раз, зачем-то ее организовали? Или я не прав? Валентин вон, бросив свои ответственные заботы, помчался по моим следам. Да и мне кое-кто помог вернуться именно сюда, хотя в мои личные планы это совершенно не входило. Вы тоже вдруг вышли прогуляться по окрестностям и совершенно случайно встретились со мной... Или, может быть, наш форт обладает особой мистической силой, притягивая к себе всех, даже случайно попадающих в орбиту его воздействия?

Шульгин, завершив тост и выпив, вдруг счел необходимым ввести Лихарева в курс дела. Чтoб он не сидел, бессмысленно хлопая глазами, как человек, по ошибке оказавшийся не в той компании.

Крайне любезно сообщил, что он совсем не собирался так невежливо покидать гостеприимный приют на Столешниковом, что ему действительно крайне интересно было бы продолжить общение с вождем всего прогрессивного человечества, но так вот получилось... Только он вздумал укрепить свои силы и лечь спать, как закрутило-замутило незнамо что и выбросило вот сюда. В свое собственное, в восемьдесят четвертом году потерянное тело, которое, оказывается, без него очень недурно обжилось в двадцать первом и прибыло сюда, чтобы забрать владельца домой.

Он замолчал, отпил глоток, посмотрел по сторонам, как бы ожидая реакции на красиво сконструированный период. Не дождался, сотрапезники оказались слишком травмированы происходящим, хотя чего уж, казалось бы? Например, загоня Новикова и Берестина в сорок первый год, Дайяна вела себя очень уверенно и даже надменно. Правда, когда некоторое время спустя Андрей возил ее породистым лицом по здешней грязи, она часть своего гонора потеряла. А потом на катере снова держалась вполне прилично, несмотря на то что положение у нее было совсем пиковое. Не прояви Новиков почти самоубийственного гуманизма, так и сидела бы до сих пор в промерзшей стальной коробке ка-

терной каюты, два на два метра, причем без галльона. Выручить ее оттуда на всей планете было некому, а вылезти через иллюминатор пышные бедра не позволили бы.

Лихарев, будучи по натуре личностью попроще, и держался соответственно. А что за беда? К нему жизнь всегда была повернута *казовой* стороной. Ему поручено решать судьбы человечества, он их и решает. Успешно и с полным для себя удовольствием. Правда, сейчас все как-то иначе начало оборачиваться.

Он успел впервые ощутить это, самым краешком, когда Шульгин-Шестаков вмиг его обезоружил в заснеженном Сокольническом парке и заставил играть по своим правилам. Но это было еще не так наглядно, могло сойти и за досадную случайность. А сейчас этот землянин просто подавляет, и не только его, но и Высшую...

Александр Иванович, поняв, что клиенты *готовы*, резко сменил тон:

— Согласитесь, Дайяна, что сейчас мы с вами в одинаковом положении. Прошлый раз на катере вы говорили от имени Игроков, Держателей, и мы вас слушали, конечно, без трепета, но с достойным обстановки вниманием. Сейчас, я вижу, вы отвечаете только за себя. Так?

Лихарев снова не понял, о чем речь, но Дайяна кивнула утвердительно.

Очень интересно.

— Ты, Валентин, тем более ни за что не отвечаешь. Для тебя наш разговор — хуже, чем китайская грамота. Так?

Валентин тоже кивнул, предпочитая не говорить слов, которые могут быть истолкованы самым неожиданным для него образом. Почему и в ближнем окружении Сталина продержался так долго.

— Скажите, Дайяна, — спросил Шульгин, — сколько времени назад по вашему счету мы расстались?

— Часов десять-двенадцать, я думаю...

Очень хорошо. Для *первого* Александра, по личным

ощущениям, прошло не меньше года. Это с возвращением в крымскую Россию, в Москву, со спасением Колчака, сражениями с англичанами и всем прочим. И — переброс сюда.

Вторая память ограничивалась десятью днями — от ночи в постели Сильвии до ухода сюда же, через историю Шестакова. При этом он спокойно относился к со-
вмещению в себе этих далеко не конгруэнтных¹ вариантов.

И пока еще он не очнулся в каменной каютке Нерубаевских катакомб², чтобы осознать часть (только часть) с ним произошедшего. Это, в определенном смысле, впереди.

Ни Дайяну, ни Лихарева он *грузить* собственными сомнениями не собирался. Они раз и навсегда договорились с Новиковым (кстати — после напряженного разговора с Дайяной же), который единственно его понимал в почти полной мере, — не касаться проблем собственной адекватности и душевного здоровья. Иначе легко зайти слишком далеко. Лучше попросту: психи — так психи, нет — так нет. Начнешь углубляться, выяснять, обсуждать, диагностировать — верный путь к смирительной рубашке. Не джеклондоновской, к обыкновенной.

— Давайте лучше уточним наши позиции, — предложил он. — Последний с вами разговор, Дайяна, мне показался конструктивным. Вы вели себя как весьма разумная и отстранившая потерявшие смысл эмоции женщина. Мы могли бы принять вас в наше общество, как Ирину, как Сильвию...

Лицо Дайяны дернулось мгновенным тиком. Нет, пожалуй, Шульгин слегка перебрал. Так сразу предложить герцогине место горничной или приживалки — не всякая поймет правильно, найдет в себе силы здраво оценить обстановку. А с другой стороны, Алек-

¹ Конгруэнтный — относится к геометрическим фигурам, совпадающим при нужных перемещениях (лат.).

² См. «Время игры».

сандр сам видел, как легко адаптировались, оставив горор, русские князья, полковники и фрейлины двора Ея Величества к положению шоферов, швейцаров борделей или... Но не будем, не будем уточнять.

— Спасибо за предложение, но планы у меня есть собственные, и вряд ли мы сможем найти общий язык. Вы просто не понимаете, о чем говорите. И правы вы только в одном — из того, что наши пути снова пересеклись, следует лишь вопрос: кому и зачем это нужно? Но уже не мне. Я сижу сейчас здесь и не могу найти никаких объяснений — зачем? На самом деле самое простое — у меня появилось желание вновь увидеть это место, я пришла и увидела вас. А теперь и этого господина, которого я неплохо помню. Леди Спенсер отзывалась о нем достаточно положительно. Вы от нее, это она дала вам формулу перехода? А для чего? Ваше появление здесь и раньше не показалось бы мне уместным, а теперь тем более. Или на Земле опять случилось что-нибудь неожиданное?

— Насколько я знаю, нет, — осторожно сказал Лихарев. — Простите мою инициативу, но я просто счел своим долгом найти кого-нибудь из руководства. Леди Спенсер последнее время ведет себя достаточно странно, вот хотя бы в истории с товарищем Шульгиным-Шестаковым... Есть и еще несообразные моменты...

— Стучать прибежал? — широко улыбнулся Шульгин. — Террор среды, как у вас говорят? Не донесешь ты первым, донесут на тебя? А мне казалось, ты к советскому яду нечувствителен...

Такая трактовка его поступка Лихарева, кстати, вполне устраивала. Не нужно придумывать ничего более сложного.

— Александр Иванович, все ведь зависит только от того, как назвать. По-вашему — стучать, по-другому — принять необходимые меры. Если на фронте вы узнаете, что ваш командир собирается перебежать на сторону врага с секретными документами, неужели сделаете вид, что вас это не касается?

— Хорошо, хорошо, пример удачный, а вообще ва-

ши дела меня ни малейшим краем не интересуют. Вот, встретил ты главнейшую из главных, докладывай, а я и выйти могу, мне ваши секреты вон где... Мне бы домой поскорее вернуться.

Он в самом деле встал, пружинистой походкой направился к двери на окружавшую терем галерею.

— Вы опоздали, координатор Лихарев, — прежним тусклым голосом сказала Дайяна. — Ничего нет. Базы нет, Проекта нет, меня, в том смысле, как вы это представляете, тоже нет... Живите, как знаете, или, наподобие самураев в день капитуляции Японии, сделайте себе харакири...

— А немного подробнее — можно?

Дайяна очень коротко и устало пересказала ему то, что раньше уже говорила Сильвии. О ликвидации связи с Метрополией, исчезновении базы, распаде памяти, ее личной и компьютерной, «схлопывании» всего «Рах Аггрияна»¹.

Но Лихарев был не так прост. Он спросил Дайяну о реальной, фиксированной по Главной последовательности дате начала этого процесса.

— Ваш вопрос не имеет смысла. Какая разница?

— Для меня — есть. По косвенным данным, ставшим мне доступными совершенно случайно, это произошло никак не раньше конца восьмидесятых годов...

— И что?

— Я ведь живу и работаю в тридцать восьмом. Что бы тут у вас ни случилось, в моем времени все остается по-прежнему?

— Очень может быть. Но меня это уже не интересует. Я ведь — здесь.

— А я могу переместиться оттуда — сюда? Если миссия там больше не имеет смысла?

Дайяна задумалась на несколько секунд.

¹ «Аггриянский мир» — по аналогии с «Римским» и «Американским», территория, находящаяся под политическим, военным и культурным контролем метрополии, не входя формально в ее состав.

— Боюсь, что нет. Вас же учили...

Теорию Лихарев помнил, но ведь столько уже произошло и происходит вещей, никак с ней не согласующихся.

— Простите, ведь только что господин Шульгин предлагал ВАМ присоединиться к их компании в их времени. Почему бы и не мне тоже? Раз в тридцать восьмом моя работа уже не имеет смысла и перспектив...

Дайяна пристально посмотрела ему в глаза.

— Просто потому, что вы — не я. Вы жестко привязаны к своему месту и времени. Если вздумаете остаться здесь — вас просто *выдернет* обратно, когда напряжение хронопольа упадет. А оно упадет очень скоро, оно уже падает, потому что Базы на Таорэре нет и его нечем поддерживать. То, что вы сюда сумели проникнуть, — это уже парадокс. Да вот, смотрите, тот, на кого вы уповаете, исчез...

Валентин посмотрел в окно.

Буквально минуту назад он видел Шульгина, сидящего на перилах и безмятежно покуривающего. Теперь же там было пусто.

Подчиняясь странной смеси отчаяния и облегчения, он выскочил на галерею. Действительно, землянин исчез, испарился. Ни убежать Александр Иванович не успел бы, ни спрятаться, приди ему в голову такая затея.

— Что бы это значило? — спросил он у Дайяны, возвращаясь в комнату.

— Да ничего. Фантом, призрак, или та самая «пересадка». Его земное тело было прислано, чтобы встретить информационный сгусток матрицы. Мы успели, случайно или нет, стать очевидцами. Он говорил с нами, пока личности, одноименные, но не одинаковые, *притирались* друг к другу. Оттого и знание событий, никогда на самом деле не совмещавшихся и несовместимых. Очередной парадокс. Теперь процесс завершился. Сейчас он снова «дома». Через несколько минут уйдете и вы. Ничего не могу вам посоветовать. Живите, работайте. В тридцать восьмом у вас есть леди Спенсер, там же может появиться и *прежняя* госпожа Дайяна. Лет через

пятьдесят, может быть, встретимся. А возможно, и раньше. Сейчас я уже не помню, было такое в той жизни или не было...

— Тогда я совсем ничего не понимаю. Зачем мы сейчас втроем сошлись здесь? Должен ведь быть какой-то смысл, цель, сверхзадача?

— Вполне возможно. Только нам об этом не сказали. Вам, предположим, нужно было увидеть меня нынешнюю, чтобы с учетом этой встречи как-то иначе вести себя там, где вы сейчас пребываете. Мне — убедиться, что змея в очередной раз укусила собственный хвост.

Шульгин же... Тут я пас. Или действительно простая случайность, незапланированное пересечение мировых линий, или — ход, последствия которого не нам знать... Так что прощайте, Лихарев. Живите по инструкции, ничего лучшего вам посоветовать не могу. И, мне кажется, впредь вам следует избегать контактов с господином Шульгиным и ему подобными. Ничего хорошего такое общение не принесет, а потерять вы можете гораздо больше того, что имеете сейчас. Это я говорю вовсе не как бывший руководитель Проекта, просто как достаточно умудренная жизнью женщина.

Все беды начались после того, как *одна из нас* вообразила себя *одной из них*.

Еще раз — прощайте...

И без какого-либо действия со своей стороны, без произнесения формулы и включения блок-универсала Валентин осознал себя вновь стоящим в дверном проеме из кабинета в мастерскую. Пол под ногами слегка покачивался, и мутило так, будто накануне он пил, не закусывая, неразведенный спирт. А на самом деле — не больше двух бутылок шампанского в обществе прелестной молодой коммунистки, сотрудницы отдела литературы на иностранных языках Ленинской библиотеки.

Девушка, безусловно, была «из бывших», но тщательно замаскировавшаяся. Не может выпускница рабфака, сразу после него — института имени Мориса То-

реза абсолютно свободно владеть французским и иметь такое точеное, гибкое тело. Она принесла в ридикюльчике¹ «Камасутру» парижского издания 1899 г., и они увлеченно переводили ее на русский, часто смеясь и пытаясь выяснить, действительно ли это техническая инструкция или всего лишь плод болезненного воображения отставного евнуха из гарема джайпурского магараджи.

Кое-как совместив события минувшей ночи и последних минут, Лихарев бросил на диван «маузер», стянув сапоги и гимнастерку, снова прошлепал босиком на кухню. Хитро улыбаясь, снял с руки браслет гомеостата, после чего извлек из буфета очередную бутылку коньяка, набулькал себе в обычный «тонкий» стакан гораздо больше половины (а что, государь Александр Третий Александрович на меньшие дозы не разменивался), выцедил сквозь зубы. Не спеша, прислушиваясь к ощущениям. Если *отпустит*, значит, он — еще он. Если нет — на этот случай у него ответа не было приготовлено.

Слава богу, отпустило.

Ровно так, как полагалось, сообразно его натуре и биохимии.

Посидел, допил чай уже без всякого удовольствия, выкурил папиросу. И пошел будить Шестакова. Что-нибудь он ведь расскажет, если правильно вопрос поставить?

Шестаков, может быть, и расскажет, а Шульгин?

Шульгина после всего случившегося вчера-позавчера он опасался точно так, как любой лейтенант или капитан опасается полковника, независимо от личности. Сами по себе знаки различия подразумевают, что любой их носитель может сотворить с тобой любую пакость, никак не связанную с реальными заслугами или провинностями, и всегда будет прав, а ты — наоборот.

¹ Ридикюль — женская сумка (фр. устар.).

И даже квартира вдруг показалась совсем не тем надежным, экстерриториальным убежищем, *выключенным* из человеческого мира, к которому он привык за десять лет, а подобием первобытного леса, где из-за любого куста и дерева может выскочить саблезубый тигр или пещерный медведь.

«Нехорошо, — сказал сам себе Лихарев, — нельзя так расслабляться». И тут же подумал, что не сам по себе *расслабился*, а оказывает на него влияние некая *третья сила*.

Григорий Петрович после всего пережитого и после коньяка, наверное, спал так крепко, что будить его пришлось долго и утомительно. Он бормотал что-то невнятное, отмахивался рукой, потом вдруг отчетливо начал ругаться отборными флотскими выражениями и лишь после этого сел на диване, с недоуменным интересом воззрившись на Лихарева. А это, мол, кто тут еще такой.

— Александр Иванович, вы проснулись, надеюсь? — тихо спросил Лихарев и для надежности добавил сообщенную Сильвией фразу, которая прошлый раз сработала сразу.

— К кому это вы обращаетесь... э-э... Валентин, кажется?

Нарком наконец окончательно пришел в себя, опустил ноги на ковер, потянулся, протер ладонью глаза.

— Да, что-то вчера мы слегка перебрали, согласны? Но спешить, кажется, некуда? Темно еще. И время на отдых мне товарищ Сталин предоставил. Так в чем дело?

Шестаков выглядел настолько убедительно, что нехорошее ощущение Лихарева превратилось в еще более нехорошую уверенность.

— Вы ничего не помните? — спросил он.

— О чем? Все я великолепно помню. Не алкоголик, из ума не выжил, несмотря на... события. И прием у товарища Сталина, и нашу с вами поучительную беседу, и как вы ушли поразвлечься, а мне любезно отдохнуть позволили, все помню. Что-то опять случилось

или желаете продолжить веселье в моей компании? Так я не против. Давайте выпьем, поговорим, а потом снова спать. Метель, я слышу, совсем разыгралась. Самое время, если срочные дела не препятствуют...

Говорил нарком так просто и естественно, а главное — с непередаваемыми интонациями именно высокого номенклатурного лица, нисколько не похожими на интеллигентно-саркастическую манеру Шульгина, что Лихарев сразу поверил — сам по себе, в единственном лице он здесь присутствует, а никакого Александра Ивановича нет, как и не было никогда. Наваждение, морок, да и только.

— Да нет, это я просто так... Сам переутомился слегка. Всю ночь выпивали да в преферанс играли. Трудные дни выдались, вот и захотелось расслабиться. И что-то мне показалось, будто мы с вами договорились с утра кое о чем побеседовать...

— Было такое, — не стал спорить Шестаков. — По поводу моего доклада товарищу Сталину. Так ведь рано еще, время терпит. Может, действительно выпьем? У нас, на царском еще флоте, офицеры безотказное средство знали в таких случаях. После хорошего «проворота» часика за два-три до подъема флага суметь проснуться, большую стопку водки выпить, и снова на боковую. Встаешь, как огурчик...

— Что ж, давайте попробуем. Вам сегодня вообще спешить некуда, а мне — не раньше двенадцати.

— Море времени. Выпьем, закусим, и все такое прочее...

Нет, ни малейших признаков присутствия Шульгина. Абсолютно естественное поведение наркома, каким его знал и представлял Лихарев, человека, самому себе полностью адекватного, лучше многих здешних, но и не более того. Самую малейшую нотку несоответствия Валентин непременно бы уловил.

С одной стороны, жаль неразыграной партии, а с другой — так, наверное, проще будет. Шестаков в нынешней роли и позиции никуда не денется, будет исполнять, что приказано. А с Шульгиным работать —

упаси бог. Однако леди Спенсер может неудовольствие высказать по поводу несделанного задания. Замечание прописать «о неполном служебном соответствии». И ранее дарованные привилегии отобрать.

Ох, сложно, сложно. Никогда так не было за последние десять лет.

Валентин прошел в свою лабораторию, примыкавшую через малую прихожую к «парадному» кабинету. Якобы за новой бутылочкой приличного напитка. На самом же деле ему хотелось взглянуть на показания приборов. Как, когда и с чьей помощью исчез непонятный господин? Товарищем его назвать язык не поворачивался.

Да, так и есть. Около двух часов ночи Шар зарегистрировал собственное включение, причем по совершенно незнакомой схеме, и двукратный перенос стокилограммовой массы с интервалом в десять секунд. Туда и обратно. В этом, конечно, никакой хитрости не было. Десять секунд вполне могли равняться и суткам, и месяцу, в других, разумеется, координатах.

Но факт есть факт. Тело наркома было переброшено отсюда куда-то и возвращено обратно. Остальное понятно.

Валентин перевел взгляд несколько левее и увидел листок бумаги, небрежно прищипленный к дверце до сих пор секретного, хорошо спрятанного за стеновой панелью сейфа, а сейчас открытого для обозрения. Сам сейф вскрыт вроде бы не был, но выявлен — показательно, демонстративно и оскорбительно.

На бумажке — небрежно, похоже, на коленке нацарапанные слова.

«Лихарев! Вы мне надоели. Со всеми вашими заморочками. Я ушел. Навсегда. Привет Сильвии. Не обижай наркома. Он вам еще пригодится. Если нет — отпусти. Запомни, кроме твоего времени, есть очень много других. Они умеют мстить несогласным. Леди Спенсер знает. Не хотел бы встречаться впредь, а если придется — только по твоей вине. Или беде».

Ни подписи, ничего. Точка в конце.

Валентин покрутил в руках листок, глянул на просвет. Даже понюхал. Точно. Пахнет теми самыми нездешними духами. А больше — ничего. Обычная бумага из его собственного бюроара. Написано, правда, не перьевой и не автоматической ручкой, не карандашом, само собой, а чем-то непонятным. Вроде как тонкой кисточкой, которой пишут свои иероглифы китайцы и японцы.

Как ушел, куда, почему — не сказано. Ну и ладно. Зато будет что предъявить Сильвии.

Лихарев взял из тумбочки бутылку «Двина», который регулярно, ящиками привозил в Кремль секретарь армянского ЦК, вернулся в кабинет.

В ходе необязательного, можно сказать, светского разговора Валентин, не выдавая своего интереса к глубинным мотивам недавних поступков Шестакова, провел экспресс-тестирование личности сидящего напротив человека.

До этого такой возможности у него не было, слишком все происходило стремительно, непонятно, да и Шульгин, как догадывался Лихарев, немедленно разгадал бы его замысел и сумел бы создать о себе то впечатление, которое считал нужным.

Сейчас же все получалось так, как надо. Нарком понятия не имел о психологических практиках и раскрывался легко.

Валентин выяснил, что никаких, даже остаточных следов наличия в Шестакове чужой матрицы не имеется. Он теперь — сам по себе, и необъяснимые, если смотреть со стороны, изменения собственного характера, стереотипа поведения etc. его подсознание успело переосмыслить, рационализировать, создать вполне непротиворечивую модель, с которой можно жить, не испытывая параноидального или шизофренического синдромов. Шульгин каким-то образом сумел внедрить своему реципиенту новую схему памяти, систему базовых ценностей, громадный блок информации и плюс к этому убеждение, что так всегда и было. Просто, исходя из данности, из реалий той жизни, которой пришлось жить после Гражданской войны, нарком научил-

ся разделять собственную натуру на непересекающиеся и почти не взаимодействующие составные части.

Причем кое-какая истина в этом была, иначе вторжение Шульгина не прошло бы столь безболезненно.

Прослужив советской власти и ВКП(б) почти двадцать лет на весьма высоких постах, Григорий Петрович чудесным образом ухитрился остаться в стороне от «зверств» режима. Он вообще сторонился всего, что прямо не входило в его должностные обязанности. Не участвовал ни в оппозициях, ни в борьбе с ними (за исключением обязательных дежурных фраз на партсобраниях и в докладах), не входил ни в какие «тройки», сколь мог (исключительно в интересах ДЕ-ЛА) поддерживал и защищал «буржуазных спецов» и вообще сотрудников, по тем или иным причинам попадавших «под кампании» или в поле зрения «органов». Удавалось это не всегда, но в целом (по меркам тех времен) Шестаков оставался человеком порядочным и даже, если так можно выразиться применительно к наркому, члену ЦК и депутату, — аполитичным.

Причем следует отметить, что именно эти черты и защищали его до последнего времени от «Большого террора» и терроров предыдущих, поменьше. Позиция «делай свое дело и не высывайся», в общем, встречала благосклонное отношение со стороны вождя. Кому-то же и работать надо, а к стенке поставить можно и других, погорластее да побездарнее.

Но теперь-то Григорий Петрович явно перешел в другую категорию. Заявил о себе, да как! Дело даже не в эпизоде с чекистами, их судьба не интересовала Сталина абсолютно, а вот то, что поблизости от него объявился человек, способный на подобное, — это совсем другое. Да мало того, Шестаков ввязался в *государственную политику*! И весьма решительно. Сыграл на повышение и пока в выигрыше. Вся беда в том, что именно *пока*.

Что ж, Лихареву этого достаточно. Даст бог, не меньше полугода продержится Шестаков *на волне*, а за это время много чего случиться может.

— А вот что вы насчет своего семейства думаете? — спросил Валентин после третьей или четвертой рюмки.

— А что тут особенно думать? Осмотрюсь немного, разберусь, в какую сторону для меня обстоятельства поворачиваются, да и привезу обратно. А пока пусть у Николая Александровича проживут, сейчас им бояться нечего, отдохнут на природе. Как-никак переживания Зое достались труднопереносимые, и в старую квартиру ей возвращаться вряд ли захочется.

— Иных вариантов не рассматриваете?

— Какие еще могут быть варианты. Чай, не старое время, ни в Ниццу, ни в фамильное имение отъехать не получится. Разве не так?

— Так-то оно так, а все-таки поразмыслить есть над чем...

Шестаков сдержанно рассмеялся. «Неловко работает сталинский порученец. Он что же, думает, так я ему все и выложу? Да, мол, не доверяю я товарищу Сталину и обещанным милостям, посему для подстраховки собираюсь, как и раньше хотел, переправить жену с детьми через финскую границу. Если б даже и имел подобные намерения, ни за что бы не признался, хоть после литра выпитого, в самом бессвязно-доверительном разговоре».

— Ну, поразмыслите, Валентин, вы в таких делах не в пример меня опытнее, вдруг да и придумаете нечто этакое, что мне сейчас в голову не приходит. Вы, кстати, действительно считаете, будто мне еще какие-то опасности грозят? Мне так, напротив, кажется, что лучшего случая избавиться от меня, чем сейчас, Иосифу Виссарионовичу искать смысла нет. Как ни рассуждай, а события последних лет укладываются в строгую логику. Я ведь инженер, да и вы тоже. Политика политикой, но ведь она не более чем «надстройка». Так и в «Кратком курсе» написано. Если бы я представлял вред, да просто смутную опасность для системы, для «дела ВКП(б)», увели бы меня под белы руки из приемной, хоть до встречи, хоть после. Не увели, значит,

«взвешен, измерен и признан достойным». Разве не так, Валентин? Вы ведь непосредственно на кухне служите, где готовятся «острые блюда».

— Так, Григорий Петрович. На данный момент именно так. Признаны. Причем даже больше скажу — в нынешних обстоятельствах не просто полезным, а незаменимым. И ждет вас великолепный карьерный взлет. Вся беда — что станем делать, если генеральная линия вдруг изменится, а вы не успеете этот поворот отследить?

Нарком снова рассмеялся. Слегка даже издевательски, выпитое совместно с Лихаревым количество вполне оправдывало подобное изменение качества.

— Я же старый моряк, Валентин. Ходовые вахты, подменяя сигнальщиков, стоял. В том и задача, и смысл — непрерывно наблюдая за флагманом, не упустить момента смены курса, желательно даже предвидеть сей маневр, заблаговременно к нему подготавливаться. Тут есть масса профессиональных секретов. Одним учат, другие постигаются интуитивно. Вам не понять. Допустим, засек ты в бинокль, что суeta на мостике флагмана усилилась, коллеги-сигнальщики к ящикам с флажками побежали... Тут же и докладываешь вахтенному начальнику, так, мол, и так, вашбродь, господин лейтенант, сейчас чтой-то будет, и не изволите ли ручки на машинный телеграф возложить да мателота¹ предупредить, чтоб не зевал... Таким образом. А уж кто из нас этим сигнальщиком будет...

— Согласен с вами, Григорий Петрович. Обстановка покажет. Будем присматриваться. А сейчас, тоже следуя вашим рекомендациям, давайте свернем застолье да придавим минут по триста.

— Целиком присоединяюсь. Добрых вам снов, Валентин Валентинович.

¹ Мателот — в данном случае следующий в кильватере корабль, хотя вообще «мателотом» называется любой соседний из состава эскадры, спереди, сзади, справа или слева.

За истекшую неделю Шульгин настолько освоился в роли «драйвера» подчиненной личности, что без всякого труда перенацелил дозу алкоголя, уже преодолевшую гематозэнцефалический барьер, на шестаковскую составляющую и погрузил ее в глубокий, здоровый сон. Вообще присутствие внутри черепной коробки «напарника» его никак не затрудняло, контролировать «реципиента» было не труднее, чем управлять мотоциклом на гладкой дороге. Или не впускать в сознание словарный запас и грамматические конструкции всех известных тебе языков, когда требуется говорить и писать именно на русском.

Просто сейчас ему требовалось поразмышлять о таких вещах, знать о которых Григорию Петровичу не следовало. Даже не в силу их крайней секретности, а просто чтобы они не засоряли основной формат наркомовской натуры. Сашке он нужен именно в собственном качестве. Как источник подлинной, здешней информации, эмоциональной модели поведения, присущей только Шестакову моторики, динамических стереотипов, спонтанных реакций. Если он начнет хоть насколько-то отождествлять себя с Шульгиным да, упаси бог, в острые моменты сверяться с его, а не своими чувствами и знаниями, вполне можно *проколоться* так, что костей не соберешь.

Шестаков ушел, и Шульгин ощутил себя словно в знакомой комнате, из которой вынесли мебель. Гулко и просторно.

Итак. Из чего следует исходить?

Он снова разобрал по минутам содержание двух последних суток, от подготовки к проникновению в наркомат и до прощания с Антоном¹.

Здесь следует обратиться к опыту Робинзона Крузо, затеявшего инвентаризацию собственных чувств, плюсов и минусов положения, в котором оказался. Разде-

¹ См. «Бои местного значения».

лил, помнится, страницу на две колонки, над одной написал «Худо», над другой — «Хорошо». И, соответственно, разложил те и иные моменты по принадлежности.

Вот и мы пойдем аналогичным путем. Что в минусе?

Потеря собственного тела, друзей, времени. Абсолютное одиночество в эпохе, мало приспособленной для жизни уважающего себя человека. Материально тоже не слишком, но это ладно, при некоторой изворотливости и соответствующем социальном статусе устроиться можно и здесь. В конце концов, даже в сравнении с восемьдесят четвертым годом чего здесь не хватает? Ну, телевидения. Невелика потеря. Реактивной пассажирской авиации. Современной (ему) литературы и кино. Магнитофонов, электропроигрывателей с приличным качеством звуковоспроизведения. Антибиотиков. Приятной глазу женской одежды. Вот, пожалуй, и все. Остальное в той или иной степени совершенства существует. Кое-что даже получше. Международные вагоны, например. Пищевые продукты элитных сортов. Экология.

(Все эти оценки, разумеется, касались именно того Шульгина, что жил в восемьдесят четвертом. Уже Валгалла и Замок отличались куда большим разнообразием жизненных благ и возможностей.)

Проигрыш в плане нравственном. Он превращает-ся из вольного стрелка, хозяина своей судьбы в зажатого массой ограничений чиновника, служащего одному из самых бесчеловечных тиранов в мировой истории. Дело даже не в том, что террор, бессудные расстрелы и посадки. Таким не слишком удивишь, бывало и круче и страшнее, причем в любой ныне цивилизованной стране. Степень подавления личности, ликвидация даже намеков на ее свободы, экономические, политические, сословные. Любой средневековый ремесленник, бюргер, купец был не в пример свободнее, чем самый высокопоставленный «гражданин» нынешнего режима. Однако, с другой стороны, указанная степень несвободы парадоксальным образом освобождает его от необходимых в иных обстоятельствах нравствен-

ных ограничений. Если позволено «им», то тем более позволено мне. «Какою мерою меряете, такую и отмерится вам».

Угроза собственной жизни? Есть, как не быть. Но тоже на паритетной основе. Что и подтвердилось уже в истории с чекистами. Разобрался с ними, разберется и с кое-кем повыше, лишь бы не дать застать себя врасплох.

Техническая оснащенность, в тех пределах, что может потребоваться, — вполне достаточная. Стрелковое оружие практически не уступает тому, каким Шульгин пользовался полвека спустя. Автомобили — не слишком навороченные, но вполне отвечающие основным функциям. Ни на «эмку», ни на «ЗИС-101» он пожаловаться не мог. Средства связи? А с кем тут связываться, кроме Лихарева? Что же касается Антона, то Сашка надеялся — с ним-то контакт восстановится, раньше или позже, смотря по обстоятельствам. Он ему безусловно нужен, иначе чего бы форзейлю соглашаться на нынешний вариант, более того, обеспечивать «магическое» прикрытие акции?

Плюс запасной вариант — возможность при помощи формулы, переданной Сильвией, сбежать, как только в этом возникнет настоятельная необходимость. Не совсем, правда, ясно, куда именно сбежать. Если на Валгаллу, в собственное тело до того, как пришлось эвакуироваться в Замок, то возникают интересные расклады. Он сразу приобретает преимущество над собой тамошним и получает возможность предотвратить разгром Форты агтрами, сохранить колонию в ее первоначальном виде. Одновременно исключив возможность своего попадания в тело Шестакова и, соответственно, текущий момент и все мысли, которыми он сейчас развлекается.

Пусть так, этот парадокс мы пока (но не окончательно) отмечаем. Опыт подсказывал, что любой парадокс является таковым лишь до тех пор, пока о нем рассуждаешь чисто теоретически, а в стадии практической реализации все каким-то образом разрешается

достаточно непротиворечиво и самым неожиданным образом.

По нормальной, «человеческой» логике, он безболезненно может возвратиться только в узкий зазор между «настоящим» возвращением в собственное тело после того, как обеспечил выезд наркома с семьей из Москвы на Ленинградское шоссе (об этом он кое-что помнил сам, кое-что слышал от Антона), и началом следующего этапа шульгинской жизни. Так, чтобы нынешние его знания не могли повлиять на последующие события.

А как они могут повлиять, собственно говоря?

Один раз Шульгин в собственное тело вернулся, судя по имеющейся информации — вполне там адаптировался и продолжил существование, сохранив память обо всем происшедшем. Каким-то образом сделал Сильвию своим союзником, а может, и другом. Все у него там, похоже, сложилось нормально.

Но дело в том, что несколько часов, проведенных им в ином облике, и даже полгода, которые прожили в роли Сталина и Маркова его друзья, нельзя сравнивать с нынешней ситуацией. Слишком далеко разошлись оригинал и копия. Он нынешний пробыл в здешней роли десять дней, а тот Сашка у себя — несколько лет. В случае «воссоединения» его нынешняя личность просто растворится в основной. Превратится из полноценного, мыслящего и чувствующего индивида в короткое, полузатертое воспоминание о давних и не самых значимых событиях. Вот это и страшно.

Потому он сейчас, при здравом размышлении, не считал свое импульсивное решение остаться здесь столь уж экстравагантным. Старый философский вопрос: что важнее — сохранить личность в каком бы то ни было виде или утратить ее ради внешнего облика, принадлежащего уже не тебе?

Хотя тут тоже напрашивается вопрос иного плана: так ли оно на самом деле? И добровольно ли это решение принято? Что, если все наоборот и, вернувшись, именно он станет (останется) самим собой, просто

присоединив к имеющимся воспоминаниям еще один их пласт? Приобретая, тем самым, дополнительные духовные силы и способности.

Отчего и решили придержать его *здесь*, не допустить появления *там*, с каковой целью и внушили якобы собственное желание подзадержаться в наркомовском теле. Кто внушил? Лично Антон или пресловутые Держатели.

Есть ли реальная возможность выяснить, как на самом деле обстоят дела? Непосредственно сейчас — наверняка нет. Разве только постепенно, с течением времени, по каким-то косвенным признакам. То ли через Антона, то ли через Сильвию, а может быть, как-то иначе.

Как он сам для себя замотивировал решение остаться Шестаковым? Страх перед возвращением, слегка завуалированный желанием еще немного поиграться в данной реальности. Испробовать свои силы в поединке со Сталиным. Новиков попытался сделать это изнутри, но не успел. Антон его (их) оттуда выдернул. Андрей неоднократно говорил, что, будь его воля, он бы остался еще немного. Хотя бы до начала общего контрнаступления Западного фронта. И прохождения «точки возврата», после которой Сталин уже не сможет сохраниться в своем основном диктаторском качестве.

Что ж, будем считать, что именно эта цель для меня сейчас главная. Именно эта. Решить шахматную задачу. В состоянии ли не самый рядовой человек восьмидесятых годов, причем без всякой помощи извне, единственно используя свои интеллектуальные способности и знание будущего, стать «серым кардиналом» при одном из самых эффективных и беспринципных диктаторов мировой истории? Грубо говоря — не дать себя убить, а вождя заставить плясать под свою дудку до тех пор, пока удастся кардинально перестроить эту «сталинско-советскую цивилизацию»?

Зачем? А вот это как раз не вопрос. Зачем гроссмейстер старательно пытается поставить в безвыходное положение, именуемое «мат», белого короля по ту

сторону доски? При этом великолепно зная, что завтра с таким же азартом будет «матовать» короля черного, которого сейчас самоотверженно защищает. На самом же деле глубокое отвращение у него вызывает плохо выбритый тип, сидящий напротив, нагло вообразивший, что имеет право претендовать на оспариваемый во время этого матча титул.

А что касается так называемой «справедливости», «восстановления исторической правды», «ленинских норм» или, наоборот, «замшелого самодержавия» времен Александра Третьего и Победоносцева, такие вещи Шульгина совершенно не интересовали. Не Господь Бог он — и никогда себя за такого не держал — пытаться решать за давно отживших людей их проблемы, которые они сами себе и создали, кто — не поддерживав белых, кто, наоборот, — поддерживав красных. Все они прожили отпущенный им век, радуясь судьбе или проклиная ее же, кое-кого Сашка еще успел застать живыми, большинство умерло раньше, но в любом случае их друг с другом ничего не связывало.

Он не мог, в отличие от героев фантастических романов, сослаться на то, что поставлен в условия безальтернативного выбора. И действует, мол, «по крайней необходимости». Не было таковой. За исключением самого первого момента, все остальное — плоды его личного выбора. Такого, какой он сделал. Смешно горевать добровольцу, своей волей пошедшему на фронт, что вдруг стало страшно и захотелось вернуться домой, к уютному свету лампы, вкусному ужину и теплой постели. Или альпинисту, зависшему на скальной стенке восточного склона Эвереста. Раньше думать нужно было, а сейчас выкручивайся, как знаешь.

И тут же наступило, наконец, холодное спокойствие. Чего он и добивался. Известный психологический прием. Исчерпать собственные доводы «против» и остаться при тех «за», от которых уже никуда не деться. «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

А Шестаков, что же Шестаков? На некоторое время ему придется как бы и умереть. Что он там чувствует

«внутри себя», Сашке понять не дано. Его эмоциональная составляющая вовне не выходит. Страдает он там, радуется, что кто-то за него решает его проблемы, или в силу особенностей взаимодействия «драйвера» и «реципиента» не ощущает вообще ничего, Шульгину не известно.

По крайней мере, ему сейчас лучше, чем если бы он остался наедине с собой. И органами пролетарской диктатуры.

Сашка встал, прошел к холодильнику, налил себе стакан шипящего «Боржома», с удовольствием выпил. Мозги-то у них с наркомом разные, а биохимия общая.

А теперь невредно и самому поспать. Ход сделан, ответ за партнером.

Лег, с головой укрылся тонким покрывалом, чтобы отвлечься от всего, начал представлять себе туманный дождливый день, бетонный пирс и пришвартованную к нему яхту «Призрак», на которой они с Андреем собрались отправиться в далекие южные моря.

И тут он вдруг вспомнил, сразу, будто очередную завесу раздернули, абсолютно все.

Годы, прожитые им, никем другим, после возвращения в Замок с пленной Сильвией, переход на «Валгалле» в Крым двадцатого года с попутным заходом в Стамбул и вербовкой там Басманова и всего батальона, Каховку, Москву и все-все-все вообще, включая визит в 2056 год, в Австралию и ростокинскую Россию. И предыдущее возвращение памяти в одесских катакомбах.

И что же теперь? С одной стороны, свалился с сердца тяжелый камень. Он — это все-таки он, как бы ни мотала его судьба или те, кто ею распоряжается. Вернулся сам в себя три (кажется, так) раза, вернется и в четвертый. Выполнив здесь очередную миссию. Возложенную или добровольно принятую? Да так ли это важно?.. Делали там, попробуем сделать здесь. Будет трудно? А когда было легко? Нет рядом друзей? Нужно будет — появятся. В это он верил так же непреложно, как и в то, что за окном рано или поздно рассветет. Опыт подсказывал.

Ну а попробовать на равных сыграть с самим товарищем Сталиным — отчего же и нет? Он теперь его знает гораздо лучше, чем знал Андрей в мае сорок первого. И по рассказам Новикова, и памятью Шестакова, и по тем книгам, что успел прочесть уже «после Замка». Так что, можно сказать, сейчас он во всеоружии. Плюс имея такого помощника, как Лихарев. Тот-то по-прежнему понятия не имеет, кто теперь у него в «партнерах».

Нет, поиграем, поиграем, даже забавно: граф Монте-Кристо снова возвращается в свой, но — чужой ему мир. Сокровищ кардинала Спада, увы, нет, и общественно-политическая обстановка несколько иная. Тем интереснее...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Другой Шульгин обалдело покрутил головой. Все-таки слишком много непонятого свалилось на него сразу, и *связности* в происходящем гораздо меньше половины. Он был совершенно уверен, что только что беседовал с Лихаревым и Дайяной на достаточно важные темы. Потом решил, что нужно дать им возможность перемолвиться наедине, обменяться мнениями, вдруг да и выболтать нечто интересное и важное. Встал и вышел, оставив вместо себя заблаговременно спрятанный в шкафу и включенный магнитофон. Самый обыкновенный кассетник «Сони», на батарейках, жуткий дефицит в начале восьмидесятых, в комиссии можно было приобрести только по большому благу. Или, как Левашов, за границей купить. Встроенный микрофон там весьма чувствительный, в пределах комнаты любой звук берет. По мнению «того» Шульгина, устройство слишком примитивное, чтобы его можно было обнаружить какими-то агтрианскими детекторами, если они у них вообще при себе имелись.

А сейчас вот снова ощущал себя как внезапно разбуженный человек, не успевающий зафиксировать

★

только что виденный сон. Только обрывки, да и то стремительно теряющие хоть какую-то осмысленность и последовательность. Еще помнилось, что несколько мгновений назад он ощущал себя тем Сашкой, который прожил годы и годы, участвовал в событиях, вкратце обрисованных Антоном, говорил с агграми именно с его позиций. И вот, кроме смутного ощущения однажды уже прожитой жизни, — ничего конкретного. Он снова — только «первый», с личными воспоминаниями, обрывающимися сначала на ночи в доме Сильвии, а потом — прощальном разговоре с Антоном и провале в состояние, похожее на скоропостижную смерть.

Вот он сидит на перилах галереи, в пальцах дымится почти сгоревшая сигарета. Полная тишина, никакого шевеления вокруг, и в доме тоже тихо. Даже собаки успокоились, разлеглись по двору, кто где вздумал, иные подремывают, иные занимаются нормальными в «мирной обстановке» делами — почесываются, ищут блох и тому подобное. Значит, действительно в ближних окрестностях чужих не чуют.

Ну-ну. Очередное перемыкание матриц и реальностей? Случайное или целенаправленное? Не нам судить. А все же...

Про включенный магнитофон он удивительным образом помнил вполне отчетливо. И о том, что довольно скоро придется возвращаться в Москву тридцать восьмого. Как он сюда попал — тоже. Он явно не использовал оставленную Сильвией формулу перехода на Валгаллу, да и с Антоном они так не договаривались. Форзейль в принципе согласился, что вариант с имитацией ухода Шульгина может открыть совершенно новые горизонты игры, но, кажется, подразумевалось, что предварительно он подумает, просчитает варианты, наметит стратегию и тактику прикрытия, и лишь потом...

Сам Сашка тоже никуда не торопился, имел кое-какие предварительные соображения, которые следовало обмозговать не торопясь, в более спокойном рас-

положении духа. Буквально несколько минут назад, стоя с чашкой кофе в руках у подоконника, он любовался картиной вновь обрушившегося на Москву рождественского снегопада. И думал о том, что запасной выход у него всегда остается. Как бы ни сложилась судьба у них с Шестаковым, позволит Сталин реализовать далеко идущие планы или решит проблему привычным способом, уйти на Валгаллу он успеет, если, конечно, не получит, вроде Кирова, пулю в затылок в самый неожиданный момент. Тогда никакой гомеостат не поможет, даже если бы он и был. Но это такой вариант, от которого никто не застрахован. Можно не принимать во внимание...

В памяти отпечаталась последняя сформулированная мысль: «Главное, господа, война продолжается, и очень я вам не завидую, если вы меня по-прежнему держите за аборигена Кокосовых островов».

Кому эта угроза адресовалась, Антону, Лихареву с Дайяной и Сильвией или непосредственно Держателям, он и сам не успел понять.

Головокружение, вспышка тьмы — и он уже снова был самим собой, тем самым, что отправился по просьбе Антона на встречу с леди Спенсер в Лондон восемьдесят четвертого (или уже восемьдесят пятого?), и одновременно пережившим события двадцатого — двадцать четвертого, побывавшим в Австралии и Москве две тысячи пятьдесят шестого... Шел по дорожке навстречу возникшему на поляне Лихареву.

Ощущение было странное, но не очень. Ничуть не более удивительное, чем при пробуждении в камерке Нерубаевских катакомб.

Он только начал осваиваться, известным уже способом пытаясь совместить наличную матрицу (а что это была именно матрица — очевидно) со своей же, но более опытной, а значит, и более мощной.

И очередной срыв.

Доминирующий Сашка исчез, более того, исчез, прихватив с собой и общее тело, а он — остался, теперь уже в физическом облике наркома. Насколько

он, конечно, физический — большой вопрос. Тут уж ничего не угадаешь наверняка. Находясь внутри фантомата (по Лему), или Ловушки Сознания (по собственному опыту), судить о степени реальности окружающего невозможно. Остается поступать в соответствии с тем, как ты сам ко всему этому относишься.

Шульгин вернулся в зал. Следы недавнего пребывания здесь трех человек — вот они. Посуда на столе, бокалы, бутылки. А отражение в зеркале — не то. Память сохранила его собственный облик, только в стильном «спортивном» костюме середины двадцатых, сейчас же он снова видел ставший привычным фенотип Шестакова. Его лицо, костюм, сапоги. Для сна — вполне нормально, там подобные метаморфозы происходят постоянно, хорошо еще, что женского тела ему не всучили. В этом случае сложностей бы значительно прибавилось.

Но дело совсем не в этом. Сашка с удивлением отметил, что абберрация памяти у него распространяется и на события, никаким образом не связанные с нынешним сюжетом разыгрываемой драмы или трагикомедии... Он ведь совершенно отчетливо помнил последний бой на остатках Форта. Агтры, прилетевшие на гравибронеходах, носили белые «временозащитные» скафандры и гравитационные ружья. Он до последнего отстреливался из «ПК» и нескольких успел поразить, а они начали в ответ гвоздить по терему так, что бревна и крыша порхали по небу, все вокруг рушилось, Левашов буквально в последнюю секунду протолкнул их с Ларисой в межвременной тоннель, и тут же обвалились бетонные перекрытия подвала.

Пробившись в Замок, они, все трое, единодушно утверждали, что Форт разрушен практически дотла. Ни малейших сомнений в этом ни у него самого (хотя как раз ему в горячке последнего боя могло примерещиться всякое, особенно когда доской по голове ударило), ни у Олега с Ларисой не было. Все видели и ощутили одно и то же.

Потом, когда уже вытащили с Базы и из сорок пер-

вого года Новикова с Берестиным, часто горевали, что нет больше их любимого Форта, отчего и возвращаться некуда и незачем. Другие причины тоже были, конечно, но главная все же — никому не хотелось пытаться еще раз войти в ту же реку...

А вот, оказывается, повреждения на самом деле оказались отнюдь не катастрофическими, пусть следы ремонта и заметны, но почти косметического. Было снесено несколько секций ограды, часть крыши над южной стороной окружающей второй этаж галереи, несколько резных опорных столбов. Перебита пополам открытая мансардная лестница, вылетели стекла витражей. И все, пожалуй. Но и эти повреждения уже были устранены, пусть и наскоро. Как если бы вместо столяров — золотые руки здесь потрудились армейские саперы. Без попытки сделать «так, как было», но достаточно прочно и надежно. Зиму перезимовать можно.

Значит, приходили сюда ребята, с ним или без него. Когда и как — он не помнил, но верил словам Антона и «другой» Сильвии, что за четыре, кажется, года, которые «альтер эго» прожил самостоятельно, они здесь бывали, встречались с Дайяной и вроде бы доставили ей серьезные неприятности.

Это, конечно, здорово, только вот какая чепуха получается...

Шульгин наскоро осмотрел жилые помещения терема. Со свойственной ему наблюдательностью и почти абсолютной зрительной памятью установил, что по внутреннему времени планеты здесь прошло никак не больше месяца. Россыпи гильз его пулемета, тут и там поблескивающие в траве от ворот и до самой веранды, почти совсем не потускнели. Там, где производился ремонт, интерьер, конечно, нарушен капитально, но в спальнях, кабинетах, малой гостиной все сохранилось в первозданном виде. Слой пыли на предметах тоже соответствует именно этому сроку. Похоже, некоторое время в доме проживали два или три человека. И можно угадать — кто именно. Андрей наверняка, в его комнатах следы пребывания наиболее очевидны, и

ясно, что был здесь именно хозяин, никто другой. Случайный постоялец обращался бы с имуществом и предметами обстановки совсем по-другому.

В спальне Ларисы кто-то рылся в ее платяных шкафах, причем вряд ли она сама, вид был такой, будто в вещах ковырялись наугад. Ища «то, не знаю что». Если учесть, что в комнатах Андрея использовались обе кровати и остались забытыми кое-какие дамские вещишки да от простыней и подушки исходил едва уловимый, но безусловный запах духов, значит... Явно это была не Ирина, не Лариса, тем более не Наталья... Простейшая дедукция — женщина с пропорциями Ларисы, которой потребовалась одежда соответствующего размера, ему известна только одна. Уж он-то имел возможность наблюдать ее во всех видах, вплоть до полной обнаженности. Интересно, что же Новиков делал здесь с леди Спенсер? Выполнял свою часть задания? Допустим, узнав, что у Шульгина не вышло, Антон подключил к интриге Андрея? Трудно так сразу поверить, но что они здесь были вдвоем, и не один день, — факт. Ну да ведь она сама писала, что перешла на сторону бывших врагов...

Черт, неужели друг-приятель не оставил ему хоть записочки, хоть какого-нибудь намека?

Он приступил к повторному осмотру, точнее, теперь уже настоящему обыску. И кое-что обнаружил. В его кабинете клинком наградного эсэсовского кинжала с надписью «Аллес фюр Дейчланд» был вскрыт запертый верхний ящик письменного стола. Здесь он в предвидении самых неожиданных жизненных коллизий хранил позаимствованную из своего института богатую коллекцию всевозможных психотропных веществ, транквилизаторов, наркотиков и ядов. Мало ли чью психику потребуется подкорректировать или кардинально изменить в грядущих тайных и явных войнах с людьми и пришельцами. Среди его препаратов были такие, что не имели в мире аналогов по силе и избирательности действия. И Новиков об этом знал. Моментами, еще в «нормальной» жизни, прибегал к Сашкиным услугам. Когда,

например, требовалось добиться благосклонности особо неприступной подруги. Или замужней дамы, отягощенной неуместными моральными принципами.

Но были там вещества и совершенно противоположного действия, полезные для подводников, антарктических зимовщиков и неуверенных в своей выдержке разведчиков и дипломатов. Даже цивилизованные шейхи, не желающие использовать для присмотра за своими гаремами настоящих евнухов, могли бы с Сашкиной помощью доверить жен попечению хоть самого Казановы.

Именно такой препарат Андрею и понадобился, причем в дозировке примерно на неделю ежедневных приемов. Вот тебе и знак — вольно или невольно Новиков сообщил, что выполняемая им здесь работа требовала полной невосприимчивости к чарам агтрианки и, одновременно, что никакой иной угрозы он для себя не видел, в качестве личного оружия ограничился «узи», тем самым, с которым они впервые шагнули на почву планеты.

Что касается чар — Шульгин имел достаточное представление, сколь непреодолимыми, увлекательными и опасными они у Сильвии могут быть. Соответственно, Андрей, памятуя о печальном Сашкином опыте, решил себя обезопасить. Как говорил один из персонажей византийской истории, евнух-полководец Нарзес: «Ум евнуха неизмеримо превосходит по остроте отягощенный низостями ум мужчины».

Интересно бы узнать, какие вопросы они здесь решали? Проводили на местности рекогносцировку последствий взрыва информационной бомбы? Или Новиков на завершающем этапе перевербовки демонстрировал агтрианке бессмысленность дальнейшей конфронтации?

Жаль, что так быстро улетучилась память Шульгина-второго! Или все-таки вторым следует считать себя, поскольку «тот» в гораздо большей мере сохранил непрерывность их общей личности?

Ладно, пока подождем, именно что пока. Подкормка —

она свое дело знает, глядишь, всплывет нечто непредусмотренное...

Сашка рассказывал по карманам коробочки с порошками, таблетками и капсулами. Если он явился здесь в физическом облике и одежде Шестакова, велики шансы на то, что так же и вернется обратно. А в новой жизни эта психофармакология будет далеко не лишней. Сталинскую Москву смело можно сравнить с той же Византией или Италией эпохи Борджиа и их партнеров. Кто знает, на кого и как потребуются повлиять, особенно в ситуации, когда никаких других достижений цивилизации конца XX века в его распоряжении не будет. Ирина, Сильвия и прочие имели к моменту *инфильтрации* в качестве неременной экипировки гомеостат, портсигар, Шар. Он же — ничего, кроме собственных мозгов и приличной физподготовки.

Разумеется, тот же гомеостат он, в случае нужды, сможет позаимствовать у Лихарева, да и прочими устройствами воспользоваться, но вряд ли всегда и с гарантией. Может выйти совсем наоборот.

Из имевшихся в кабинете стволов личного арсенала выбрал «томпсон». В предложенных условиях оптимальное (на его вкус) оружие самообороны по сочетанию компактности, мощности и боезапасу. В случае внезапного встречного боя в пределах внутренней территории Форта ничего лучше не придумаешь. А мало ли кто или что здесь может появиться? Проверил, гладко ли ходит затвор, не загустела ли смазка в улитке диска. Бывает такое, тогда автомат клинит в самый неподходящий момент. Капнул, куда нужно, веретенки, протер чистой ветошью. Прихватил сумку с двумя дисковыми и двумя коробчатыми магазинами. На поясной ремень повесил кобуру с пятнадцатизарядной девяти-миллиметровой «береттой».

На душе стало спокойнее. Надежное оружие и против аггров, и против людей, для местных хищников сгодится, что же касается существ сверхъестественных, так в них он верил мало. Если же появятся порожденные Ловушкой — в любом случае схарчат,

имея соответствующее задание. С оружием ты или без оног...

Он решил, перед тем как заняться собственными делами, покормить собак. Как они тут сами обходились, брошенные хозяевами?

Однако выглядела свора отнюдь не оголодавшей, собаки, как тут же и выяснилось, нашли лаз в продовольственный склад и питались по преимуществу рационами армейского «НЗ», раздирая картонные коробки и съедая подчистую все, за исключением салфеток и туалетной бумаги. По количеству разбросанных внутри склада и в его окрестностях упаковок было видно, что друзья человека себя не ограничивали. Только вот консервные банки с тушенкой вскрывать не научились, и Сашка щедро вывалил перед каждым псом по паре килограммов отличного мяса, какое в советское время доставалось только полярникам да лицам, «имевшим доступ».

Удивило его то, что чуткие животные, наделенные собственной модификацией разума, не воспринимали Шестакова за чужого. Отнеслись ровно так, как к настоящему Шульгину или любому из их команды. Неужели биотоки мозга воспринимают и считают их более квалифицирующим признаком, чем запах и внешний вид? По всему выходит, что так.

Он потрепал каждого пса по мощному загривку, дал команду: «Охранять», — и удалился в дом. Теперь можно не беспокоиться, извне никто не подберется внезапно.

А если изнутри... Ну, об этом уже сказано.

Заставив себя вообразить, что ничего из уже случившегося еще не произошло, что все идет, как шло, просто друзья отлучились по собственным надобностям, кто в леса, а кто в Москву, Сашка, не представляя, сколько времени ему отведено, делал то, что привык. Что диктовала обстановка.

Если его вздумают так же внезапно выдернуть отсюда — не возразишь. Но, видимо, до тех пор, пока не

случится *нечто*, ради чего и разыгрывается очередная мизансцена, ему будет позволено остаться. Более того, вздумай он уйти по собственной воле — вряд ли отпустят.

Он давно понял, что не следует преувеличивать степеней собственной свободы. Да, он и его друзья поступали так, как считали нужным, и действия их почти всегда были успешными, но в то же время сами обстоятельства формировались кем-то таким образом, что выйти за пределы очерченного круга не удавалось. Якобы случайно, но число «случайностей» значительно превышало допустимый уровень. Лабиринт, все они в лабиринте, разве что он так обширен, что создает иллюзию безграничности и, следовательно, почти безграничной свободы. А разве и в *обычной* жизни все обстоит сколько-нибудь иначе?

Он спустился в «машинное отделение». Здесь картинка оказалась более печальной, чем наверху, хотя, казалось бы — бревенчатый терем и защищенный бетонными перекрытиями подвал несравнимы по прочности. Но направленный под непонятным углом, скорее всего — с воздуха, удар гравитационной пушки сорвал с ригелей и обрушил вниз многотонную плиту, которая легла как раз на дизели. На оба сразу. Каким-то чудом не повредив систему подачи топлива. Иначе б, конечно, взрыв и пожар оставили от терема только золу.

Очевидно, этот именно удар, едва не накрывший Олега, до последнего управлявшего пультом СПВ, они и восприняли за смертельный для Форты. На самом же деле — ничего страшного. На три дня работы. Бригаде из шести человек с необходимой техникой. А в одиночку ничего не сделаешь, без вопросов. Но мы тоже не дураки. Это Андрей, интеллигент-гуманитарий, посмотрел, матернулся и предпочел перейти на керосиновое освещение, а технарю-любителю, который сам из ржавых железок восстановил в первоначальном виде трофейный немецкий «Цундап», отступить негоже. А с ним еще и настоящий инженер-механик Шестаков.

Всего и делов — имелся в боксе для боевой техни-

ки пармовский¹ дизельгенератор на колесном шасси. Мощности хватит на что хочешь — на сварку, на освещение, на зарядку аккумуляторов. Для энергоснабжения Форта тем более достаточно. Шульгин снова порадовался, что когда-то вел себя подобно Робинзону на затонувшем корабле. Тащил в нору все, что в голову приходило и под руку подворачивалось. Тот же генератор.

Повозился полчаса, разогнал движок, из двухтонной цистерны наполнил бак, бросил временный кабель к распределительному щиту — и пожалуйста. При необходимости можно и зимовать, если придется. Вода есть, свет есть, не только на внутреннее освещение, но и на прожектор, на электрозабор хватит. А то и на дубликатор, и чтобы запустить установку СПВ. Правда, обращаться с ними Сашка не умел, но видел неоднократно, как это делает Левашов, и надеялся, что с помощью Григория Петровича разберется, возникни настоящая нужда.

Здесьнее солнце едва коснулось верхушек леса, а он уже закончил ремонтно-восстановительные работы, затопил камин в малой гостиной, собрал неприятельный ужин. Что нам, солдатам? Большая банка свиной тушенки с гречневой кашей, соленые огурчики-помидорчики, абсолютно не зачерствевший в вакуумной упаковке хлеб. Остуженная во вновь заработавшем холодильнике водка, из спеццеха, снабжавшего исключительно Кремль и ЦК. Тут он усмехнулся: Григорий Петрович должен быть доволен, этим продуктом его тоже убаготворяли регулярно, не понять только разницы во вкусе. Лучше в те годы была «Столичная», чем нынешняя «Посольская», или же нет? Вряд ли угадаешь, нормальный хлебный спирт, родниковая вода и разведение по Менделееву — если по уму сделано, от этикетки не зависит.

¹ ПАРМ — полевая авторемонтная мастерская.

Хорошо-то как, подумалось Шульгину. Для чего все — чины, должности, заботы о судьбах державы и Вселенной? всю жизнь, подобно Робинзону, в одиночку, может, и скучно провести, а несколько недель — с нашим удовольствием. Чтобы никто не мешал и не приставал с дурацкими идеями. Как бы хорошо утром на берег спуститься, катер наладить, застоялся, наверное, «Ермак Тимофеевич», да и отправиться, подобно Уильяму Уиллису или Фрэнку Чичестеру, в одиночное кругосветное плавание. Круговалгалльское, точнее. Наверняка ведь Большая река впадает в какие-то моря, те — в океаны, и так далее. А может быть, и нет здесь никаких океанов. Не удосужились друзья изучить планетку, не успели просто. Может, вся она — единый континент, прорезанный исключительно большими и малыми реками. Не появившись тогдашним утром в небе дирижабль Сехмета, так, может, и жили бы здесь спокойно, изучая валгаллографию, составляя карты и атласы, не спеша продвигаясь до краев Ойкумены.

Приятно было размышлять на столь возвышенные темы, глядя на пляшущее в закопченном жерле камина пламя, на книжные полки от пола до потолка, на кожаные корешки, таящие за собой спрессованную мудрость тысячелетий... Хорошо бы дождь сейчас пошел, ровный, сплошной, гремящий по крыше и козырькам подоконников, чтобы на двадцать шагов ничего не увидеть и грунтовые дороги немедленно развезло так, чтобы не пройти, не проехать даже и на гусеничной технике.

И, словно повинувшись этому желанию, дождь немедленно посыпался с неба. Сначала робко бросил первые капли на стекла, потом быстро разгулялся до нужной кондиции. Ничего, честно сказать, удивительного в этом не было. Дожди на Валгалле и в прежние времена начинались внезапно, шли часто, не хуже, чем в Батуми и Ленинграде, а все-таки... То ли намек, то ли исполнение заказа.

Точно так же внезапно начался дождь, когда они устроили первый банкет после завершения строительства, когда появились здесь Лариса с Натальей.

Галерею прикрывала широкая наклонная крыша, под ней не страшны были ставшие жесткими ливневые струи, брызги и те не доставали. Бесконечная ночная мгла простиралась вокруг, окружала Форт, сжимала гигантское дикое пространство до нескольких сот обжитых квадратных метров. Только ограда отделяла цивилизацию от вечности, не знающей календаря. Сколько там миллионов лет насчитывал на Земле кайнозой, шестьдесят, кажется? И все несчетное количество дней родная планета была точно такая, как эта, со всеми своими пейзажами, морями, реками, только без людей. Вот и сейчас...

Жутковато, в общем-то, если всерьез задуматься.

Один на целой планете. Это вам не островок Хуан-Фернандес.

Шульгин, попыхивая сигарой, обошел галерею по периметру, вглядываясь и вслушиваясь в шелестящее безмолвие, вернулся на прежнее место. За время неторопливой прогулки успел сообразить, что именно ему следует сделать. Не тратя времени на сон. А то ведь и вправду можно не успеть. Если ему подброшена задача на сообразительность, надо ее решить нетривиально и с блеском. Иначе сочтут, что не годен, и выбросят обратно.

Минуту назад опасался, что придется здесь зазимовать, а теперь испугался совсем противоположного.

Как правильно он сделал, что запустил генератор. Дизелек на постоянном газе рокотал, почти уже и неслышный, только ветром иногда накидывало горький запах выхлопа. Солярки в цистернах на полгода хватит, дальше видно будет. Освещение — бог с ним, на самом деле можно было и свечами обойтись, а вот компьютер сейчас необходим. Левашов и Новиков по известным им сетям и каналам давным-давно скачали десятки тысяч страниц недоступных в советской стране исторических книг и документов, хранившихся в библиотеках и спецфондах Лондона, Вашингтона, Парижа, касавшихся в том числе интересующего Сашку периода.

Тут, кстати, следовало сказать спасибо и Ларисе. Она ведь, кроме всего прочего, была еще и аспирантом историко-архивного института, занималась (по закрытой теме) вопросами антирусской дипломатии конца XIX — начала XX века. Когда узнала о реальных возможностях своих новых друзей, немедленно потребовала извлечь и предоставить ей все, о чем могла только догадываться или слышать от надежных людей. Профессоров, доцентов, «выездных» или каким-то образом прикосновенных к поступавшим прямиком в спецхраны заграничным журналам. Все же прочие были обречены создавать свои диссертации, бесконечно переписывая и перефразируя десяток-другой «высочайше одобренных» монографий и трудов «основоположников», да и то не в полном объеме. Маркса с Энгельсом, например, дозволялось цитировать только по изданиям ИМЭЛ¹. Что не переведено при советской власти или просто не «залитовано»² — крамола.

Однако Маркс с Энгельсом, при всей их оголтелой русофобии, Шульгина сейчас не интересовали. Ему достаточно было прочитанной в юности энгельсовской «Истории винтовки». И тех трудов, что требовались по программе кандидатского минимума. А сейчас нужно было все, что имелось по сталинскому периоду, с тридцатого до сорок первого. Его-то теоретическая база, кроме разговоров с Андреем после возвращения, состояла лишь из опубликованного после XX съезда. Прозы, публицистики и кое-каких партийных постановлений, практического значения не имеющих. Примерно то же самое, что готовиться к оперативной ра-

¹ ИМЭЛ — Институт Маркса—Энгельса—Ленина, высочайшая и единственная инстанция, имевшая право публиковать и иногда комментировать труды «основоположников».

² З а л и т о в а т ь — эвфемизм советского периода, означающий «получить разрешение цензуры на публикацию», от сокращения «ЛИТО» — «литохранина», т.е. «охрана государственных тайн в печати».

боте против (и в окружении) кардинала Ришелье, опираясь на романы Дюма. Забавно, но бессмысленно.

Шестаков тоже мог помочь мало. С его позиции картина периода, в котором предстояло вести смертельную игру, выглядела столь же примитивно и *заданно*. Нарком знал только то, что касалось лично его и что писалось в документах партии и правительства, пусть и предназначенных «для служебного пользования». Еще конфиденциальные беседы с коллегами, отфильтрованные до крайности, слухи, анекдоты. И вся его информация, достоверная и не очень, заканчивалась январем тридцать восьмого. А дальше?

Хитросплетения внутренней и внешней политики, события столь близко касавшейся Шестакова гражданской войны в Испании, взаимоотношения литвиновской дипломатии со странами Запада, Хасан, Халхин-Гол, предыстория пакта Риббентроп — Молотов, смысл и цели третьей, уже бериевской волны репрессий против тех, кто благополучно проскочил первые две... Все это будет потом.

А уж о том, что творилось (на самом деле) в означенное время в кулуарах правительств и руководящей элиты противостоящих сторон («Антанта» и «ось Берлин — Рим — Токио»), он вообще понятия не имел. Не учили у нас этому.

Не зная всего этого, затевать большую игру с Иосифом Виссарионовичем было бессмысленно. В лучшем случае будешь пешкой в руках того же Антона, который в пику Дайяне и Лихареву мечтает использовать Шульгина в собственных целях.

— А вот хрен что у вас получится, господин «тайный посол», — вслух произнес Сашка в некоторой надежде, что Антон его услышит. — Мы и сами как-нибудь...

Хорошо, что Антон подарил ему перед визитом к Сильвии блестящее знание английского, немецкого и еще нескольких необходимых в его положении языков. Теперь он мог читать в оригинале справки и отчеты разведок и посольств, изданные по горячим следам

★

событий в СССР монографии и статьи. Пусть не всегда достоверные и беспристрастные, но содержащие ценный фактический (и — что еще важнее — психологический материал).

Далеко за полночь он закончил отбирать и компоновать интересующие его сведения и мнения, не все, конечно, но наиболее важные, постоянно подкрепляя себя густым шестидесятиградусным ликером «Селект», запиваемым глотком столь же густого кофе. Вдруг понял, что все — хватит, включил лазерный принтер и отправился подышать свежим воздухом. Ощущал он себя крайне усталым. Успеет машина отпечатать все, что нужно, или нет, а в память себе он и так загнал жуткий объем информации. Хорошо, если сохранится, тогда у него будет база для дальнейшей, *изысканной* работы.

Сел на крыльце под навесом, прямо на влажные ступеньки. Совсем, кажется, недавно сидели они здесь, отмечали окончание постройки. Веселые, довольные, гордые собой. И никому в голову не приходило, к какому водовороту все ближе и ближе подносит их «утлый челн», выражаясь высоким штилем. Все еще было впереди, включая прекрасную вечеринку по случаю основания Форты Росс, где впервые встретились все основоположники «Братства».

Какого братства? Вроде так они себя не называли. И тут же краем сознания промелькнуло, что да, появился этот термин — «Андреевское братство», но гораздо позже, не в его жизни. Опять эта проклятая раздвоенность. Лучше бы уж не помнить вообще ничего, чем так, как сейчас. Теперь он хорошо понимал своих пациентов, страдавших разными формами амнезий, конфабуляций и иных поражений сознания.

Ну ничего, ничего, потерпим. Рано или поздно это кончится, просто исходя из предполагаемых правил игры. Может быть, так даже нужно, излишние знания, особенно знание будущего, могут только повредить исполнению миссии. Вон, Сильвий сейчас, по самым грубым подсчетам, не менее трех, и они основательно запутались даже в собственных взаимоотношениях.

Да, кстати, спохватился он, а невредно бы послушать, о чем беседовали Дайяна, Лихарев и он сам до его же здесь появления. Память оживится, или вообще нечто новенькое для себя узнает.

Вытащил наружу магнитофон, перемотал ленту назад.

Так, сначала обыкновенная, в привычном стиле болтовня с Дайяной, не несущая фактического смысла, но направленная на то, чтобы заставить партнера хоть что-нибудь отвечать. А дальше уже дело техники.

Длинная пауза, это он вышел из комнаты. Судя по звукам, агтрианка встала из-за стола, сделала несколько шагов по залу, снова пауза. У окна стояла или книжные полки рассматривала. Опять шаги, звук передвигаемой посуды.

Затем шаги за дверью, голоса. Это вошли они с Лихаревым. Обрывок сказанной его голосом фразы о том, что в восемьдесят четвертом году потерянное тело прибыло сюда, чтобы забрать владельца домой.

Получается, «тот» Шульгин продолжает придуманную с Антоном схему дезинформации. Но отсюда следует — очередное соединение и наложение матриц уже случилось, хотя и одностороннее. Его двойник, оказавшись здесь, уже знал и помнил все, и за себя и за него. Как это было сделано? В тот краткий миг, когда он почувствовал себя дурно, с его мозга сняли очередную копию, перебросили ее туда, где находился Шульгин-второй, совместили, после чего физическое тело доставили сюда. Всего на десяток-другой минут. И вернули обратно. Зачем? Исключительно для того, чтобы убедить аггров, что Шульгина в Шестакове больше нет, и заодно привести их в изумление своими безграничными возможностями? Допустим. Противник убежден и одновременно деморализован.

Заодно можно допустить, что никакого «другого» Шульгина здесь не было, а был фантом, наведенная галлюцинация, в натуральном же виде в Форт доставлен, только и единственно, он сам.

Не очень сходится, кто-то же включил магнитофон?

Впрочем, это как раз не вопрос. Тот, кто все устроил, тот и включил. Небось попроще, чем все остальное. Но вообще удобнее исходить из допущения, что все было именно так, как выглядело.

...Почти получасовой разговор его, Дайяны и Лихарева, из которого он узнал много интересного как о противниках, так и о себе самом — неизвестно какой реинкарнации.

А пленка продолжала разматываться.

Вот последние его слова, обращенные к Валентину: «...встретил ты главнейшую из главных, докладывай, что собирался, а я и выйти могу, мне ваши секреты вон где... Мне бы домой поскорее вернуться...»

Стук каблучков по деревянному полу, хлопок двери, короткая пауза.

Еще несколько минут прощального, одинаково бессмысленного для бывшей начальницы и ее подчиненного разговора. Вроде дежурной речи от имени месткома на похоронах сослуживца.

Пауза, звук шагов. Судя по времени, Лихарев дошел до входной двери и вернулся. Жалко, что Левашов не удосужился видеокамерами их терем оснастить.

— Что бы это значило? — слегка растерянно спросил Валентин.

— Да ничего. Фантом, призрак или та самая «пересадка». Его земное тело было прислано, чтобы встретить информационный сгусток матрицы. Мы успели, случайно или нет, стать очевидцами...

— Тогда я совсем ничего не понимаю. Зачем мы сейчас втроем сошлись здесь? Должен ведь быть какой-то смысл, цель, сверхзадача?

— Вполне возможно. Только нам об этом не сказали. Так что прощайте, Лихарев...

В этот момент оба собеседника, наверное, просто растворились в воздухе, в мировом эфире, ушли в астрал или межвременной переход. Как хочешь, так и назови. Но пленка домоталась почти до самого конца в полной тишине, пока на ней не зазвучали другие, чем

у Шульгина и у Лихарева, шаги. Размеренные, тяжелые, шестаковские, громкий звук отодвигаемых книг, за которыми стоял магнитофон. Щелчок переключателя, и теперь уже окончательно все.

Ничего особенно нового и неожиданного Сашка не почерпнул из этой записи. Да, конечно, память оживилась, Дайяна подтвердила, что после их акции на Базе все для аггров, как организованной военно-политической силы, кончилось. И главная *метресса* на самом деле ощущает себя подобно оставшемуся в джунглях Филиппин или Суматры самураю, через много-много лет после капитуляции достреливающему свои последние патроны из ржавой «арисаки» по случайным автомобилям на горной дороге.

Тоже убеждена, что ныне происходящее определяется не ею, не форзейями, а пресловутой «третьей силой».

Ему-то сейчас какая личная польза от такого знания?

Вообще-то кое-какая есть.

Например, он услышал, что *эта* Дайяна посоветовала Лихареву держаться подальше от него, Шульгина. В принципе понятный совет. Но она же оговорила, что у Валентина в тридцать восьмом есть своя Дайяна и своя Сильвия, которых ему по-прежнему предписано считать начальницами. Трудновато парню придется, если память об этой встрече у него сохранится. Знать, что пусть через целых пятьдесят лет, но твое существование непременно потеряет смысл, не намного лучше, чем получить информацию о дате собственной смерти.

Либо он сорвется с катушек прямо сейчас, либо продолжит работу, но наверняка через силу, и скорее всего вольно или невольно двинется по Иркиному пути. Значит, вернувшись обратно, с Лихаревым придется быть поосторожнее, кто знает, что ему может прийти в голову.

Шульгин рассмеялся. Увлекательно все же жизнь складывается.

Спать сейчас лечь было бессмысленно, если

сказать честнее — и страшновато тоже. Когда бодрствуешь — оно как-то проще. Опасность можно встретить в здравом уме и полной боеготовности. Пусть она ничего не решает и не значит, когда имеешь дело с «высшими силами».

Да какие они, на хрен, высшие, вдруг взъярился Сашка, если ни одни, ни другие, ни третьи ничего без нас решить и сделать не могут? Как английские колонизаторы в Индии без тамошних махараджей, племенных вождей, духовных авторитетов и сипаев с сикхами и гурками. Пока те соглашались им помогать, исходя из собственных интересов, «жемчужина Британской короны» прочно держалась на месте, а появился некий Махатма Ганди — и амбец!

Кроме того, здравый смысл подсказывал, что, если он и его друзья успешно существуют и функционируют после восемьдесят четвертого в двадцатых, а он, соответственно, здесь, и Сильвия пишет ему письма в тридцать восьмой, и по-прежнему Дайяна мечется между мирами, опасаться ему фактически нечего. Иначе б давно все реальности схлопнулись, вообще ничего не осталось, кроме, скажем, того вечера, когда они с Андреем и Олегом сели играть в преферанс под пиво и раков.

Принтер закончил печатать, жалобно помаргивал лампочкой. Солидная груда горячих листов громоздилась на лотке. Сашка просмотрел. Нормально. Две с лишним сотни. Кроме сжатого, но достаточного для практической работы конспекта сталинской политической биографии на три ближайших года (дальше — ни к чему), там содержалась и хронологическая роспись внутренней, европейской и общемировой истории на тот же период, реальные (насколько возможно) данные по экономике и военно-стратегическим потенциалам СССР, прочих влиятельных игроков на мировой шахматной доске. На первый случай хватит. Подобной информацией не располагают ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Гитлер, а тем более — Иосиф Виссарионович. Дотащить бы эти бумаги и собственные воспоми-

нения до Москвы, а там посмотрим, господа. Неплохо бы, конечно, выйти сейчас на связь с Антоном, уточнить диспозицию, так ведь тот эстет появляется только тогда, когда ему самому позарез что-то нужно, причем обставляет так, будто оказывает бескорыстную помощь.

Ничего, и с ним разберемся при случае.

Можно, конечно, попытаться, сделать очередное ментальное усилие. Да и капсулка его, удобный инструмент связи, при нас. Раз она есть, то рано или поздно заработает. Вопрос только — когда мне будет нужно или ему?

Но это не самый срочный вопрос.

Сильно захотелось спать, но наперекор себе или еще кому-то Сашка в третий уже раз вышел на улицу. Дождь не утихал. Сесть бы сейчас за рычаги привычной МТЛБшки да погонять часик-другой по знакомым окрестностям. Спугнуть с лежек прайд суперкотов, не стрелять даже, пусть живут, просто заставить размяться зверьков в свете фар.

Прислушался к себе — а вправду этого хочется? Погонять по прерии мохнатых хищников, каждый из которых видом домашний котенок, размером — гризли. Вроде как и нет. Или ему лень, или Шестакову, у которого совсем другие глубинные стереотипы.

Ну, нет так нет. Тогда и вправду спать пойдем, товарищ нарком.

Он сложил бесценную распечатку, можно сказать — «Книгу жизни», в офицерскую полевую сумку, перебросил через плечо ее ремешок, еще раз проверил содержимое карманов, сдвинул подальше к спине пистолетную кобуру и лег на кровать, как начальник караула, не раздеваясь. Уставом допускается отдыхать, ослабив ремень, расстегнув крючки и верхнюю пуговицу кителя, до середины голенища сдвинув сапоги. Не более.

Вот и он решил так же, на случай чего. И не ошибся. Выдернули его.

Вернулся он обратно на Столешников так же неощутимо, как до этого попал на Валгаллу.

Прежде всего осознал сам факт перехода, тут же проверил, удалось ли сохранить при себе бесценные документы и прочее имущество. Все было при нем. Значит, он правильно понял смысл случившегося и свою миссию. Примерно за этим его и посылали, а не для того, чтобы подогреть ностальгические чувства.

В квартире было пусто и гулко. Валентин еще не вернулся. Да по здешнему времени прошло едва ли полчаса. Нормально, старые принципы сохраняются. Раз так — хорошо, будем отдыхать как ни в чем не бывало. Утром разыграем задуманную интермедию и посмотрим, как поведет себя навязанный в партнеры товарищ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лихарев разбудил своего гостя ровно в полдень. Шульгин встал, чувствуя себя на удивление бодро, словно в один из осенних дней на Валгалле, когда еще не встретили они квангов¹, не узнали о присутствии на планете агтрианской базы. Когда все было просто великолепно. Рассветы над великой Рекой, прохладный, смоляной и хвойный воздух, ощущение полной свободы и безопасности, надежды на светлое будущее.

Удивительно, но только там в свои тридцать с небольшим лет Сашка узнал, что это такое — настоящая безопасность! Понятие в некотором роде иррациональное. Как будто в Москве ему что-нибудь по-настоящему угрожало? За исключением возможного наезда машины на перекрестке, упавшего с крыши кирпича или бандитского ножа под ребра в темном переулке за отказ дать закурить или просто так, от скуки. Совсем не в этом дело. Мало могло найтись в городе людей, не

¹Кванги — жаргонное наименование коренных обитателей планеты Таорэра, гуманоидов.

только пьяных придурков, а и хорошо подготовленных специалистов, которые сумели бы обидеть Шульгина. Кто пробовал — горько жалели. Или — жалели их друзья и родственники.

Дело совсем в другом. Кандидат медицинских наук, сотрудник полусекретного института, неплохой актер, спортсмен, знаток японского языка и восточных боевых искусств, в какой-то мере даже философ-конфуцианец, а моментами и буддист, Александр Иванович Шульгин с того дня, когда мать отвела его первого сентября в первый класс, не ощущал себя принадлежащим себе.

Нынешнему читателю это понять трудно. Пожалуй, и невозможно, если он не ровесник. Кто-то, может быть, слышал расхожую, превратившуюся в анекдот фразу: «Шаг вправо, шаг влево считается побегом. Прыжок на месте — провокация. Охрана стреляет без предупреждения». Так это — чистая правда. В местах лишения свободы — абсолютная, в трехлинейную пулю воплощенная. В «свободной» жизни — опосредствованная. За примерно те же действия, пусть и иначе выглядящие, кара соразмерная. Исключение из октябрят, пионеров, комсомола, отказ в приеме в эти же организации, постоянная угроза обсудить на собрании, выгнать из школы, из вуза, не принять в аспирантуру, не дать сдать кандидатский, не дать защититься, защитившись, не пустить в «старшие научные» или доценты...

Да, господа, в самой что ни на есть гитлеровской Германии обычного человека не подстерегало столько опасностей, как в родном СССР. Чего стоит одна только возможность получить реальный тюремный срок за то, что сам прочитал и другим дал не какой-нибудь «Архипелаг ГУЛАГ», а невиннейшее в политическом смысле «Собачье сердце».

Зато, отбившись от «спецназа» аггров, переместившись на Валгаллу, они поняли, что наконец свободны, в абсолютном выражении. В полном соответствии с классиком марксизма здесь для них осуществились

одновременно «свобода от чего-то» и «свобода для чего-то». Как минимум для того, чтобы каждый смог стать, кем мечтал сам или предназначала судьба.

— Отдохнули, Григорий Петрович? — заботливо осведомился Валентин, успевший привести себя в порядок, чисто выбриться и облачиться в привычную форму военинженера.

— Более чем, Валентин Валентинович. Какие у вас для меня предложения имеются?

— Да пока что никаких. Вот сейчас на службу отправляюсь, прозондирую обстановку. Сдается мне, нынче там много интересного происходить должно. За вас я не беспокоюсь, а вот с Заковским нужно вопрос как можно быстрее решать. Пока Хозяин не передумал или со стороны какую-нибудь неприемлемую фигуру не подсунули...

— А могут подсунуть? — с искренним интересом спросил Шульгин. — Мне показалось, что Иосиф Виссарионович вполне определенно высказался по этому вопросу...

Еще бы не определенно. Вместе с Антоном они крайне деликатно, но со всей возможной убедительностью внушили Сталину, что лучшего наркомвнудела, чем Леонид Михайлович Заковский, сорокачетырехлетний комиссар госбезопасности первого ранга, ему не найти. Человек с громадным практическим опытом, «карьерный профессионал», начиная с восемнадцатого года ничем, кроме разведки и контрразведки (настоящей), не занимаясь, с политикой связан лишь с одной стороны — безоговорочно выполнял политические решения руководства, какими бы они ни были.

С точки зрения умного и дальновидного руководителя — идеальный начальник тайной полиции. Нужно только в окончательной, перед подписанием постановления, беседе отчетливо дать понять человеку, что данный пост — вершина его карьеры, что никаких иных вариантов рисовать себе не следует даже в мыслях и что личное благополучие, а также и физическое существование четко очерчено сроками жизни сюзерена.

Впрочем, объяснять это чересчур подробно тоже не следует, если умный — сам поймет.

Судя по ответной реакции, Сталин ментальный посыл принял, внутреннего протеста или отторжения он у вождя не вызвал. Значит, Шестакову, если и его партия сложится удачно, предстоит налаживать с Заковским собственные отношения, достаточно конструктивные и доверительные, но ни в коем случае не имеющие оттенка «сговора». Это как раз не так уж трудно, с его-то знаниями и способностями.

Казалось бы, давным-давно, а на самом деле всего чуть больше двух недель назад Антон, активизируя Шульгину зоны мозга, нужные для одномоментного усвоения всего английского языка, а также истории, географии и культуры «страны пребывания», сказал ему, что при необходимости, используя достаточно несложные приемы, Сашка может самостоятельно извлекать из своей памяти вообще любую содержащуюся там информацию.

То есть все, что когда-либо поступило в мозг через любой из рецепторов, там и хранится в «упакованном» виде. Другое дело, что более девяноста процентов информации так никогда больше не возвращается в сознание, а что с ней, информацией, делает подсознание — бог весть. Но что-то наверняка делает, отчего и возможны так называемые загадки и тайны человеческой психики.

Применительно же к Шульгину и его нынешнему положению указанный факт позволял ему свободно оперировать всем объемом сведений, относящихся к истории текущего века, как общезначимых, так и совершенно локальных. Он помнил (или мог вспомнить) абсолютно все когда-либо читанное, виденное или слышанное, в том числе и о Сталине и его окружении, канву исторических событий и хитросплетения мировой политики. Беда только, что информация эта была во многом или конъюнктурно препарирована, или просто сфальсифицирована в собственно сталинские, хрущевские и брежневские времена. Только вчера ему в руки

попали, наконец, сравнительно достоверные документы, да и то... Факты все равно отбирались по определенным идейно-политическим критериям, выводы делались людьми, имеющими собственные пристрастия...

Но и того, что имелось, было достаточно, чтобы более-менее ориентироваться в вопросе. Плюс к этому столь же детально он мог анализировать память Шестакова (тут-то достоверных фактов куда больше), а также подробнейшие отчеты Новикова и Берестина, сопровождавшиеся прекрасным видеорядом.

— Что же, займитесь этим вопросом, Валентин. Интуиция мне подсказывает, что нас с вами ждут не очень простые и легкие времена и наличие «нашего» человека на Лубянке окажется очень невинным...

Лихарев опять не смог сообразить с ходу — самостоятельно Шестаков пришел к весьма опасным в его положении выводам или же опять сказывается остаточное воздействие личности Шульгина.

Очень, очень плохо, что он не имеет возможности убедиться стопроцентно в том, что в памяти наркома не осталось никаких следов от событий, которые случились, и слов, произнесенных в последние сутки. А было их настолько много, что...

Все доступные методики использовал, никаких отклонений не заметил. А вот поди ж ты, сосет под ложечкой странная тревога.

Он попытался прикинуть, как ситуация выглядит с точки зрения «нормального» наркома, понятия не имеющего о творящихся вокруг потусторонних делах.

После визита в наркомат, где Шестаков благополучно изъяс из своего сейфа валюту и чеки, отбил от опергруппы, захватил в плен Буданцева и уехал с ним в Сокольники, имела место столь же неудачная попытка Лихарева взять реванш. Но нарком обезоружил и его. После чего Валентин активизировал в нем матрицу Шульгина, и дальше они уже общались напрямую.

Предположим, тесты «на идентичность» сработали правильно, Григорий Петрович действительно получил

от Шульгина при прощании «замещающую информацию», которая «прижилась» на место, не оставив ни следа, ни рубца. Шестаков, насколько Лихарев вообще разбирался в людях и умел отличать правду от лжи, даже тщательнейшим образом замаскированной, совершенно искренне был убежден, что после возвращения из Сокольников на квартиру Валентина они вчетвером посидели за столом, снимая нервное напряжение и обсуждая случившееся. После этого легли спать. Утром Буданцев ушел к себе домой, Власьев уехал на кордон. Лихарев с Шестаковым встретились с Заковским, согласовали позиции, после чего отправились в Кремль.

Время, занятое в реальности разговорами Шульгина и Лихарева о сути и смысле агтрианско-форзейлианского противостояния, встречей с Сильвией и т.п., в памяти наркома было заполнено обсуждением чисто внутренних вопросов — о дальнейшей судьбе Шестакова, о Ежове, о докладной, которую Григорий Петрович подготовил для Сталина. Ее содержание, кстати, чрезвычайно интересовало Лихарева, он не совсем понимал, для чего Шульгин подsunул ее вождю без согласования с ним. И весьма хотел бы тщательно ознакомиться с ее содержанием. Здесь, казалось ему, крылась какая-то тайна. Для чего бы Шульгину, собравшемуся уходить, осложнять таким образом предстоящую жизнь наркома? Или же облегчать реализацию планов агтрианской резидентуры?

Однако добиваться ответа у Шестакова бесполезно. Он абсолютно убежден, что докладную писал сам, еще до «событий», готов отвечать за каждый пункт и посыл, а Валентину не сообщил о ее содержании и самом факте существования «меморандума» исключительно исходя из собственных номенклатурных представлений. Для него ведь, в отличие от Шульгина, Лихарев не более чем сталинский порученец, хотя и фрондирующий. И согласовывать с ним вопросы, касающиеся взаимоотношений *такого* уровня, — явный нонсенс.

Но есть не только в политике, но и в медицине такой термин, как «провокация». Это когда в организм

вводят некое вещество, призванное выявить наличие иным способом не определяемого микроба, заставить его проявиться...

— А вот знаете, Григорий Петрович, одна мысль меня все-таки мучает. До этого все не мог выбрать подходящее время, чтобы спросить. Как вы все-таки сумели в парке меня сделать? Я мужик очень тренированный, вы даже не знаете насколько, и моложе вас почти на десять лет, и всякими приемами владею! Но то, что вы там проделали, не знаю даже, как объяснить...

И уставился Шестакову в глаза пронзительным взглядом все знающего следователя.

— Какие приемы, Валентин, — нарком развеселился, заулыбался, — ну какие приемы? Это ведь все для дураков. Просто я умею драться лучше вас, и реакция у меня быстрее. И только. Давайте, прямо сейчас испытайте на мне свой самый лучший прием, пока я сижу напротив вас! Ну! Сокольники — вспомните! Вы с «маузером», я — никто, безоружен и на прицеле...

Неизвестно почему Лихарев вдруг испытал редкое для него чувство злости, требующей немедленного выхода. Уж больно вызывающе прозвучали последние слова, с явно прорывающимся сквозь спокойную усмешку презрением. Не просто унизил его тогда Шестаков, а и сейчас демонстративно об этом напоминает. Только вот зачем?

Ладно! Прошлый раз он проиграл суперсуществу, против которого оказалась бессильна сама леди Спенсер, но сейчас-то напротив него даже не стоит, а сидит, развалившись на стуле, совсем не спортивного типа человек. На борца полутяжелого веса он похож или даже на боксера, но никак не на специалиста восточных или каких там еще единоборств. Что он без помощи Шульгина может?

И не насторожил Лихарева очевиднейший факт — если бы нарком сам по себе ничего не умел, зачем бы ему *нарываться*?

Не слишком даже сосредоточившись, Валентин сделал выпад, достаточно хитрый, впрочем. Лево́й рукой

обозначил атаку на голову и шею противника, одновременно правой, собранными «птичьим клювом» пальцами намерился ударить наркома в солнечное сплетение. Пропустит — его беда, минут пять будет ловить воздух ртом и корчиться от боли. Сам напросился. Но главная хитрость заключалась в том, что он рассчитывал, в случае, если Шестаков и успеет поставить блок против двух ударов сразу, подсесть правой ногой ножки стула и банально опрокинуть его на спину. Достаточно на первый случай.

В реальности все случилось совсем не так. Вопреки любой теории и практике ближнего боя, Григорий Петрович, вообще не обратив внимания на его понятные любому знатоку ближнего боя движения, просто ударил навстречу обеими ногами. Значительно опередив в темпе. Хорошо еще, что он был без сапог.

Сметая антикварную мебель, Лихарев врезался спиной в дубовый буфет. Зазвенела сыплющаяся с полок посуда. И вдохнуть было нечем. Спереди удар в живот, еле-еле пресс выдержал, сзади — позвоночником и ребрами о резное дерево.

Он лежал, а нарком уже стоял над ним, неизвестно когда успев встать, с усмешкой покачивая в руке бронзовый шандал.

— Следующий жест, как вы понимаете, поставил бы точку на вашей биографии. — Голос был спокойный, но крайне убедительный. — Примерно так я разобрался с чекистами. Только шума было меньше, поскольку они к драке не готовились, в отличие от вас, и занимались обычным обыском, заведомо списав меня в тираж. — И протянул Лихареву руку, помогая подняться. — Ваше (и не только) заблуждение в том, что вы исходите из каких-то странных понятий. Большинство даже неглупых людей отчего-то уверены, что человек моего возраста и положения просто по определению должен быть вялым, рыхлым, нерасторопным, в какой-то мере трусливым. Непонятный стереотип. Как-то выводится за скобки, что наше поколение отвоевало по несколько лет на самой страшной войне. Некоторые —

не на одной. Хорошо отвоевало, вашему поколению и не снилось. В кавалерии, пехоте, на флоте, вроде меня. Теперешние видят только нынешнюю вальяжность и бронзовую неподвижность за столами президиумов.

Обывателям простительно, но удивительно для человека вашей профессии, тем более что имеете уже определенный личный опыт в общении лично со мной. Вам не очень больно?

— Нет, все в порядке. Это действительно урок, — ответил Валентин, быстро приходя в себя. Так же вели себя и агтрианские боевики, с которыми Шульгин столкнулся в Москве, в самом начале этой истории. Восстанавливались почти мгновенно от практически смертельных ударов. — Я, признаться, до последнего момента думал, что имеет место, так сказать, эксцесс исполнителя. Мол, вы были в настолько перевозбужденном состоянии, что у вас невольно проявились «сверхчеловеческие» способности. Так бывает, когда, спасаясь от угрозы неминуемой смерти, человек перепрыгивает трехметровый забор или разрывает стальную цепку наручников... Редко, но бывает. А вы, получается, умеете произвольно переходить в такое состояние?

— Что поделать, Валентин, умею. С самого детства. А за время службы на флоте значительно усовершенствовался. Вы даже не представляете, как морская служба способствует развитию всяческих способностей. Если у человека имеются, конечно, изначальные задатки. Работать в шторм на мокрой, все время ускользающей из-под ног палубе, карабкаться на марсы и салинги, когда размахи достигают десятков градусов, чтобы закрепить, например, поврежденную снасть... Да мало ли еще «неизбежных на море случайностей»! Это вам совсем не то, что на берегу. Я вот не уверен, что вы сумели бы при хорошей волне просто перебежать со шканцев на бак нашего «Победителя», не говоря о чем-то более серьезном...

— Я тоже не уверен, — согласился Лихарев, — к таким вещам нужно привыкать с ранней молодости.

— И я о том же. А когда пришлось служить на лин-

коре — там другие дела. В море ведь наша бригада все-ръем не выходила, в боях не участвовала, так что времени свободного было у матросиков много, вот начальство и старалось его всемерно занимать. Учения, тренировки, погрузки-разгрузки всякие. На станках зарядания по несколько часов в день двухпудовые снаряды кидали из беседок на лоток, потом в казенник и обратно, причем на скорость. Никаких гирь и штанг не надо, почти любой из нас тогда мог руками лом согнуть, правда, за порчу казенного имущества строго наказывали, его ж потом обратно толком не выправишь, остаточные деформации, знаете ли...

Ну и еще был у нас один битый жизнью боцман из запасных, много лет ходил по южным морям на английских, голландских и прочих кораблях, в Шанхае жил, в Нагасаки. Учил желающих всяким восточным хитростям, в том числе и рукопашному бою в тесных закрытых помещениях — отсеках, тюремных камерах... Знаете, с моряками в диких странах всякое может случиться. Дома, впрочем, тоже. Я оказался способным учеником.

— Да уж, — согласился Валентин. — И потом, наконец, форму поддерживали? Неужели чувствовали, что может пригодиться?

Шульгин решил, что он сумел достаточно убедительно замотивировать необыкновенные способности наркома. А если Лихарев и не до конца поверил, так это уже его проблемы.

— Думал — не думал, теперь уже не столь важно. Главное — пригодилось. Иначе сейчас бы мы с вами не разговаривали здесь. А спортом занимался, как же. На значок «ГТО»¹ первым в наркомате сдал. Личным примером, так сказать...

В голосе его прозвучала едва скрытая насмешка.

¹ «ГТО» — «Готов к труду и обороне», популярный в довоенном СССР комплекс многоборья. Удостоенный значка первой степени приравнивался едва ли не к нынешнему мастеру спорта. Значок (на двух цепочках) носили наравне с орденами и медалями, что можно видеть на фотографиях того времени.

Лихареву ничего не оставалось, как поблагодарить Григория Петровича за удовлетворенное любопытство и отправиться в прихожую надевать сапоги и реглан.

— Я вернусь поздно ночью, если вдруг возникнут экстренные вопросы — позвоню. А вы чем занимаетесь?

— Воспользуюсь предоставленным отпуском. Давненько, признаюсь, не ощущал такой свободы, хотя бы на ближайшие сутки. Наверное, пойду по городу прогуляюсь...

Подобное решение категорически не устраивало Лихарева. Прежде всего потому, что, выйдя из квартиры, нарком самостоятельно вернуться в нее не сможет. Вручать ему свой блок-универсал Валентин не собирался (да и как объяснить сам факт наличия параллельно-совмещенных пространств?). Без него же Шестаков, подойдя к двери, увидит облупленный дерматин и батарею звонковых кнопок с указанием, кому из жильцов сколько раз звонить. Фамилия «Лихарев» в списке точно не значится. Как бы разум у товарища наркома снова не помутился. Но и заставить Шестакова оставаться взаперти у него возможностей было не так уж много. Объявить, что наркому нельзя выходить на улицу, поскольку ему угрожает НКВД и еще какая-то служба, — глупо. После того как они вместе побывали у Сталина, Григорий Петрович в такую легенду вряд ли поверил бы, резонно возразив, что взять его могут и здесь, будь на то высочайшая воля, а кому-либо из сотрудников теперь уже бывшего Ежова такая инициатива в голову ни за что не придет. Ну и, что молчаливо подразумевалось, при любом раскладе нарком за себя постоять сумеет.

— Я ведь только сейчас узнал, что совершенно не представлял, как выглядит настоящая жизнь.

— Подобно марктовеновскому принцу? — съязвил Валентин.

— Очень точно подметили. Именно так. Жил во дворцах и понятия не имел, что делается «на дне».

— В советской власти не разочаровались?

— Во власти — нет, а вот в том, что народ живет ху-

же, иначе, чем воображалось, убедился в полной мере. Наверняка определенная корректировка требуется...

— Не смею спорить, только примите дружеский совет: возвращаясь во дворец, большую часть своих открытий постарайтесь оставить при себе. Исключительно для пользы дела.

— Спасибо, я и сам за последнее время достаточно поумнел.

— Тогда из квартиры выйдем вместе. Нагуляетесь — перезвоните мне из уличных автоматов. Вот телефоны, рабочие и здешний. Договорились?

— Никаких вопросов. Только дайте мне несколько подходящих монет, у меня меньше тридцаток ничего нет, а где их с ходу разменяешь?

— Возьмите. — Лихарев высыпал ему в ладонь горсть пятнадцатикопеечных монет, в народе по-прежнему называемых пятиалтынными. — А вообще с деньгами у вас как? Могу субсидировать, если что.

— Около трех тысяч у меня есть. Не считая валюты. На ближайшее время, думаю, достаточно. Пойдемте...

— Да. Однако обязан еще раз предупредить, вы уж извините, в категорической форме. Без меня вам сюда приходить нельзя ни в коем случае. Даже в подъезд входить. Придется вам оставаться в городе, пока я не вернусь. Или договоримся о встрече где-то еще...

Шульгин, конечно, понял, в чем дело, он и разговор о прогулке затеял именно для того, чтобы посмотреть, как Лихарев на него отреагирует. Проверить степень его находчивости.

— Не доверяете? — снисходительно усмехнулся он.

— Да как вы могли подумать? Дело совсем в другом. Вопрос исключительно оперативного плана. Видите ли, квартира под наблюдением. И если станет известно, что вы (или кто угодно другой) имеете возможность посещать ее в мое отсутствие... Ну, вообразите, стало бы известно, что тот же Бухарин или Демьян Бедный отдали ключи от своих кремлевских апартаментов неким третьим лицам...

Нормально вывернулся, вполне в духе времени.

— Понимаю, понимаю. Действительно, я как-то не подумал. Что ж, не беда. Погуляю подольше. В Третьяковскую галерею схожу. Вы не поверите, первый и последний раз был там в четырнадцатом году, к родственникам в Москву приезжал перед началом занятий на первом курсе. Война как раз началась...

— Ну и сходите, много там за эти годы изменилось. Да и у себя дома можете побывать, есть, наверное, поводы...

Шестаков дернул щекой.

— Нет, не тянет. Сегодня, по крайней мере. Лучше в ресторане где-нибудь посижу.

— А то, знаете, — будто его вдруг осенило, с энтузиазмом воскликнул Лихарев, — к Буданцеву в гости сходите. Он сейчас тоже дома сидит, скукой и сомнениями мается. Ищет наверняка свое место в новой жизни. Помните, о чем ночью здесь разговаривали?

— Само собой. Определенный смысл в вашем предложении есть. А где он живет?

Лихарев снял трубку телефона.

— Иван Афанасьевич, вы дома? Как себя чувствуете? Не возражаете, если наш общий друг вам визит нанесет? Да вот прямо сейчас. Ну и хорошо, минут через двадцать подъедем... Видите, Григорий Петрович, очень хорошо складывается. Посидите, поговорите. Прослушки в его новой квартире нет, ручаюсь. А потом и погуляете, если желание сохранится. Хоть один, хоть вдвоем.

«Гудзон» довез их сквозь продуваемые жесткой метелью переулки до нужного дома, и Шульгин едва не рассмеялся. Вот же! Или Энгельс прав, что случайность не более чем непознанная закономерность, или вправду такое невероятное совпадение. Именно здесь жила Ирина после развода, к началу их эпопеи. Полный цирк будет, если еще и в той же самой квартире.

Нет, квартира оказалась другой, в соседнем подъезде. Но все равно увлекательно!

Лихарев, не переступая порога, пожелал приятного времяпрепровождения, посетовал, что неотложные дела не позволяют поддержать приятную компанию (а то бы и в преферансик втроем сгонять невредно «по маленькой»), передал Шульгину пузатый, перетянутый ремнями портфель старорежимного вида, легко сбежал вниз по лестнице.

— Заходите, Григорий Петрович, — сделал Буданцев радушно-приглашающий жест. Одет он был по-домашнему: галифе, заправленные в толстые шерстяные носки, вязаная жилетка поверх байковой рубашки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Свое новое обиталище Буданцев успел привести в относительный холостяцкий порядок. Посвятил этому весь вчерашний день. Кое-что перевез из прежней комнаты, по-солдатски выдраил полы, горячей водой со щелоком, повесил над круглым столом в большой комнате новый зеленый абажур, шелковый, с бахромой и кистями. Светился разноцветной шкалой настроенный на заграничную музыкальную программу мощный радиоприемник «Телефункен», оставшийся от арестованных хозяев. Каким чудом его не вынесли отсюда чекисты или сотрудники горкомхоза? Наверное, при аресте в опись внесли, не подумавши, — и привет. Слишком ценная пд тем временам вещь, без позволения с самого верха не украдешь. А когда прошла команда от самого Булганина об оформлении ордера, тогда уж все...

Чувствовал себя сыщик после того, как Лихарев освободил его из лубянской «внутрянки», скажем так — непривычно. Он не сломался и даже не очень испугался. Когда двадцать лет тратишь все силы, время и способности, чтобы сажать в тюрьму других людей, точнее — подводить к ее порогу, остальное решает суд, неоднократно бываешь в тюремных коридорах и камерах, пусть и в ином качестве, невольно проникаешься мыслью, что это вполне естественная составная часть жизни. Хотя и теневая ее сторона, вроде об-

ратной стороны Луны. Лежа на шконке в камере, как-то подготовился к тому, что и не один год здесь проведет, если так на роду написано. А вот выйдя на свободу и начав плотно сотрудничать с Лихаревым, ощутил, что перескочил на совсем иной уровень.

Слишком близко соприкасаться с такими сферами ему никогда не хотелось, не то что стремиться войти в них, как в естественную среду обитания. Не для него это. Но ведь и в прежнее состояние вернуться вряд ли позволят. Особенно обострилось это чувство после ожидания неизбежной смерти в автомобиле Шестакова, и уж тем более когда они все: Лихарев, Шестаков, его напарник и сам сыщик — оказались в громадной, роскошной квартире Валентина.

Там Буданцев окончательно понял, что жизнь его продолжается, но будет она совсем не привычной. Интуиция заслуженного «легавого» и предыдущий опыт общения с «военинженером» подсказывали, что сталинский порученец говорит чистую правду. В его силах сделать его и начальником МУРа, и всей московской милиции. Раз уж за полдня сверхдефицитную жилплощадь выбил и оформил, из тюрьмы вытащил, что вообще за гранью вероятности. Попутно и беглого наркома нашел.

Правда, внутренне усмехнулся Буданцев, найти-то нашел, но вроде того мужика, что медведя поймал. Теперь пусть и выкручивается, у нас свои заботы.

Допустим, вознесут его к вершинам власти, но во что такой служебный взлет выльется — трудно сказать. Или наоборот, не трудно, а очень даже легко. В реальном училище преподаватель Шпонька рассказывал про методику тирана Фразибула, который имел манеру сбивать тростью колосья на пшеничном поле, выраставшие выше других.

Когда утром Лихарев разрешил ему уйти со Столешникова к себе домой, но строго предупредил, что появляться на службе до особого указания не следует, ни с кем из знакомых обоего пола не связываться, да и на улицах особо не светиться, Буданцев ощутил некоторое

облегчение. Похоже, в ближайшие дни его трогать не будут, и можно полноценно отдохнуть, не задумываясь о дальнейшем, которое само подскажет, как быть...

По мере того как он осваивался и обживался в новообретенной квартире, она нравилась ему все больше. Старинная, уютная, не то что нынешние новостройки. Теплая. Ребристые паровые батареи, в отличие от современных водяных, грели так, что пришлось открыть все форточки. Полутораметровой толщины стены и полукруглые окна создавали ощущение надежной защищенности от превратностей внешнего мира, словно в средневековом замке или монастыре. Окруженный высокими брандмауэрами заснеженный двор вместо кишачей людьми и машинами улицы тоже настраивал на умиротворенность.

«А вот интересно, — думал Буданцев, — если бы я тогда успел уйти со службы или не поднял бы трубку и начальник вместо меня послал бы к Шадрину того же Мальцева, как сложилось бы остальное? Квартиры у меня бы не было, точно, но я бы и не подозревал о возможности ее получения. Лихарева не встретил и Шестакова тем более. Ковырялся бы с делом актрисы, со всеми прочими делами, шерстил младших оперов, психовал, возвращаясь в свою коммуналку... Лучше бы мне было сейчас или нет?»

Такие философические темы занимали его не слишком часто. От недостатка праздного времени и в целях самосохранения. Бывало, приходило в голову — а если бы не в Советской России он остался «тогда», а, как некоторые друзья, подался к белым, на фронт, потом в эмиграцию? Бессмысленный вопрос. Просто жил бы сейчас на свете (или вообще не жил) другой человек с той же фамилией и некоторыми общими чертами ранней биографии.

«А ты, именно ты, живешь здесь и сейчас. Того Ивана Буданцева, что подшивал бумажки, давился дымом скверной папиросы и наблюдал полет ворон над садом «Эрмитаж», нет и больше никогда не будет. Вот и живи, пока дают...»

Осматривая, по привычке старого сыщика, доставшееся ему владение, он в очередной раз подивился профессиональной беспомощности агентов ГУГБ. Взять они людей взяли и обыск какой-то произвели, изъяли интересующий их компромат. На другое, получается, глаза у них не настроены?

Здесь опять Буданцев судил по себе. Как сравнить наметанный глаз сыскаря «по особо важным» с пятнадцатилетним стажем и гэбэшного опера, три класса образования, четвертый — коридор? Ровно столько же выучки проявили те, которых голыми руками перебил нарком, те, кто его бессмысленно ловил целую неделю, поймав в итоге своего же старшего майора и привлеченного мильтона, «сбоку припека».

Вот она — квартира, маленькая, ни закоулков, ни подвалов с антресолями... На два часа спокойной работы, все осмотреть, все увидеть. Прямо перед тобой, подходи и бери — тайник под паркетом, в нише батареи. Паркетины чуть другого оттенка и лежат не в уровень с окружающими, зазоры на миллиметр, но пошире. Даже царапины просматриваются, пусть и затертые восковой мастикой, но отнюдь не тщательно. Халтурно, можно сказать.

Буданцев взял кухонный ножик с тонким лезвием, присмотрелся, поддел, где надо. Крышка, сантиметров тридцать на сорок, поднялась легко. Н-да, недурно! — он даже присвистнул от изумления и удовольствия. И не только профессионального.

Враги народа тут жили или не враги, профессиональные спекулянты и расхитители собственности, просто люди «из бывших», «классово чуждые», попавшие в поле зрения органов, но обеспечили они себя «на черный день» неслабо.

Правда, как говорил предыдущий опыт, когда наступает по-настоящему «черный день», никакие накопления и заначки значения не имеют. Достаются другим, а чаще веками гниют в земле в качестве пресловутых кладов.

Он вытащил из тайника и разложил на столе то, что

хранили его предшественники. Много всякого добра. Двенадцать тугих пачек серых сторублевок, пачку царских пятисотенных «петров» (жалко было выбросить или надеялись на реставрацию?), увесистый замшевый кисет, набитый золотыми десятками и даже империалами царской чеканки. Отдельно — упаковка советских червонцев, ценой, размером и весом равных дореволюционным. С некоторым трепетом откинул крышку шкапулки карельской березы, догадываясь, что там увидит. Не ошибся — доверху явно старинные и крайне дорогие ювелирные изделия: кольца, перстни, кулоны, фермуары и даже три орденских звезды, золотых и осыпанных бриллиантами.

— Ни хрена себе, — вслух сказал Буданцев, не боясь, что его кто-то услышит. — Бывший камергер тут жил, что ли? Да вряд ли, судя по нашим бумажкам, из тех же чекистов кто-то...

Узнать установочные данные на хозяев — проблемы нет. Только спешить не нужно. Успеем.

Кроме денег и драгоценностей, там же хранился и пистолет марки «веблей скотт» (1912 г., калибра 0,455) в рабочем состоянии, заряженный и смазанный.

«Ох, и лопухнулись вы, ребята, — так же вслух отозвался Буданцев о своих «коллегах» с нескрываемым злорадством. — Небось брошюрок Троцкого нагребли мешок — и рады...»

Что ж, осталось сесть за стол и составить опись найденного, как положено. «Изделие из желтого металла, ажурной работы, с большим камнем синего цвета посередине и пятнадцатью мелкими белыми в виде осыпи по краям». Какой металл и какие камни — нам определять не положено, есть на то специальные люди. И так — сто или более пунктов (в трех экземплярах). До глубокой ночи, до рези в глазах и боли в пальцах. После чего расписаться, сложить изъятое в пакет, прошнуровать, скрепить сургучной печатью. И отнести в приемную ГУГБ? Ту самую, где его на днях принимали, тоже по описи. Вежливо. Затем — без всякой вежливости хлестали резиновой палкой. Больно бы-

ло... Нет, больно, но терпимо. По затылку не бил капитан, по лицу. Спина и плечами ограничился...

За что и отблагодарим? Возьмите мол, товарищи, ваши при первом обыске недоглядели... Внесите на дальнейшие успехи второй пятилетки! А самому, опоздав на последний трамвай, пешочком в свою коммуналку через половину Москвы, и если осталось в тумбочке что пожевать, так, считай, повезло.

Буданцев опять рассмеялся, громко, зло, никого не стесняясь. У него теперь отдельная квартира, никто под дверью не подслушивает, как бывало.

Что там в ордере, выданном Лихаревым от имени Моссовета, написано? «Вселить в квартиру № 26 гражданина имярек с передачей ему всего там находящегося, в настоящее время выморочного¹ имущества». Сами написали, никто вас не просил.

Если бы не случившееся в последние дни, не арест за выполнение задания гутбэшного чина, не тюремная камера и погулявшая по его плечам резиновая палка коллеги, никогда бы ему в голову не пришло присвоить хоть десятку, найденную при обыске. А вот сейчас совершенно ничего не шевельнулось в районе так называемой совести.

«Значит, я теперь не только живой, но и очень богатый человек, — несколько отстраненно подумал Буданцев. — Пошло бы только на пользу».

Никогда его особенно финансовые проблемы не занимали. Денег, конечно, постоянно не хватало даже на самые насущные нужды, но предпринимать нечто, выходящее за привычные рамки, чтобы их приобрести, не было ни желания, ни возможностей. Операм угрозыска взяток не дают, а искать еще какие-то источники дохода... Единственно — в адвокаты податься, так университетского образования нет.

А сколько же ему всего досталось, по-нынешнему?

¹ Выморочное имущество — оставшееся без наследников, отходящее в казну и распределяемое ею по усмотрению (см. В. Даль, словарь).

Миллионы и миллионы, если пересчитывать даже не в ничемные советские рубли, а в твердую валюту. Драгоценности, само собой. Бумажек тоже до хрена. Пачки не стандартные, банковские, в каждой намного больше ста листов. Значит — тоже несколько миллионов. Остап Бендер, помнится, за миллион в ценах тридцатого года сколько надрывался. А тут — куда больше, и практически даром. А что с ними делать? Чтобы пользоваться «на полную катушку» — и речи быть не может. Единственно возможное без риска — добавлять понемножку к зарплате, слегка, совсем незаметно приподнимая жизненный уровень. В отпуске себя посвободнее вести, ибо в Кисловодске или на озере Рица никто не обратит внимания на размах его трат, в любом случае не выходящих за рамки допустимого. Два шашлыка съел человек или три, коньяк «Пять звездочек» выпил или «КВК» — кому какое дело? В «международном» вагоне на юг поехал, так он, может, весь год именно на этот билет деньги откладывал...

А чтобы по-настоящему развернуться — тут уж никуда, придется, как Корейко, ждать реставрации капитализма.

Ну, а пока, радостно потер руки Буданцев, испытаем, каково оно — жить не по средствам. В этом районе он ни разу в коммерческие магазины не ходил, его там пока не знают приметливые продавщицы. Значит, тысяч на пять за раз отовариться можно. Как будто он полярник после зимовки или шахтер-стахановец, нарубивший уголька двадцать месячных норм.

Что и не преминул сделать Иван Афанасьевич, зайдя в очень приличный магазин на Сретенке. Просторный, с красиво оформленными застекленными прилавками. Целый саквояж набил отличнейшими продуктами, ну и в промтоварном отделе кое-чего для дома приобрел. Себе, опять же, приодеться немного, а то штатской приличной одежды совсем не было. Впервые, пожалуй, в жизни тратил деньги, не считая в уме рублей и копеек, в том смысле, что если сейчас купит килограмм твердокопченной и бутылку чего-то приличнее

«сучка»¹, то следующую неделю будет питаться только в служебной столовой и курить «Норд»².

Поэтому, чтобы лишний раз не бегать, «Казбека» он взял сразу на месяц вперед. Подмигнув миловидной продавщице, доверительно сообщил, что собирается сделать подарок членам своей экспедиции ко Дню Красной Армии — каждому по коробке.

Только-только успел вернуться домой, управиться по хозяйству, и — звонок от «благодетеля».

Иван Афанасьевич то, что теперь у него имелось, не стал афишировать. Выставил самые скромные из закусок, нажарил «микояновских» котлет. Весьма вкусных, кстати, из настоящего мяса, да еще и поджарил их на коровьем масле, тоже настоящем. Да, вот это жизнь! Не совсем та, что у товарищей, прикрепленных к буфету ГУГБ (когда они на свободе), но намного лучше, чем у Шадрина, сидящего сейчас на нарах. А там черт его знает, может, старшим майорам и в камеру спецпаек носят.

У нас же — строго в пределах наличности, оставшейся до очередной зарплаты. А какая наличность у совслужащего на исходе третьей пятидневки³ после предыдущего жалования? Ну да посидеть за мужским разговором хватит. А если высоким товарищам не понравится — пусть знают, как простые люди живут.

Буданцев с интересом наблюдал за гостем. Опыт имелся. Это следователи могут разбираться с клиентом неделями и месяцами, выстраивая психологический

¹ «Сучок» — простонародное название самой дешевой водки, в конце тридцатых годов стоила 6 руб. 30 коп. пол-литра, равно как две коробки папирос «Казбек» или одна — «Герцеговины Флор».

² «Норд» (в период борьбы с космополитизмом переименованный в «Север») — папиросы 3-го сорта, цена — 45 коп. пачка.

³ В тридцатые годы в СССР на несколько лет вместо обычных недель была введена «пятидневка», выходной день — каждый шестой по скользящему графику.

портрет и стратегию дела, а оперу приходится иногда за несколько минут сообразить, с кем дело имеет и как себя вести.

Неплохо выглядит нарком и нормально держится. Гораздо спокойнее, чем позавчера. Только вот что его привело сюда? Несопоставимы их социальные уровни. Поболтать да водки выпить? А для чего? Если он по-прежнему при должности и на свободе, так не с опером муровским ему душу отводить. А если не сложилось чего, так тем более не явился бы. В другом месте разговоры разговаривал...

Несмотря на эти вполне естественные мысли, сыщик изобразил искреннюю радость. Да и стараться особенно не пришлось. Гость — всегда гость, особенно когда распирает изнутри чувство давно забытой свободы. Теперь уже и финансовой. Говорить именно об этом Буданцев не станет, но перевести эмоцию в другое русло — отчего же и нет? Сказку про парикмахера, который от невыносимого желания высказаться об узнанной страшной тайне убежал в камыши и там отвел душу, он тоже помнил¹.

— Очень вы вовремя, Григорий Петрович. Я тут, узнав о вашем визите, решил нечто вроде новоселья устроить. В одиночку-то какой праздник? Верный путь к алкоголизму. А вдвоем очень недурненько можно посидеть. Смотрите, какие мне апартаменты отломились, неожиданно-негаданно...

Гордясь, провел гостя по всем помещениям.

Шульгин оценил, похвалил, особо отметил именно те преимущества квартиры, что нравились и самому Буданцеву.

— Тут, если что, пока дверь ломать будут, через окошко кухни свободно можно на крышу вон тех са-

¹ Имеется в виду миф о царе Мидасе, который имел ослиные уши, но от всех это скрывал. Цирюльник прошептал в камышах: «У царя Мидаса ослиные уши», а потом каждая камышовая флейта начала вместо музыки ретранслировать эти слова.

раев спрыгнуть, при должной сноровке, и — дворами, дворами, хоть на Трубную, хоть на Сухаревку...

Сыщик хмыкнул.

— Как давеча из наркомата? Интересный у нас разговор затевается. Вроде не у наркома с милицейским, а у воров на подпаленной малине.

— А что? Самый нормальный разговор, исходя из текущих обстоятельств, — совершенно спокойно ответил Шульгин, выгружая на стол содержимое врученного ему Лихаревым портфеля. Валентин не поскупился, причем ассортимент продуктов не слишком отличался от шадринского гостинца. Та же икра, красная и паюсная, сыр, колбаса, масло, еще паштеты нескольких сортов в жестяных баночках, заграничные сардины и отечественные крабы, зеленый горошек, баклажанная икра из Бессарабии, коньяки и водки, само собой. И Шестакову в пайках все это привозили, так что он совсем не удивился. Управление делами Совнаркома одно на всех. Может, членам Политбюро по другому списку выдают, а для прочих ответработников коммунизм одинаковый. Каждому по потребностям, тщательно учтенным и дозированным. — Значит, поспразднуем ваше новоселье. Благо спешить совершенно некуда и вам, и мне...

Выпили, закусили. Добавили под котлеты, пока не остыли. Икру, словно бы развлекаясь, ели ложками, правда, чайными, а не столовыми. И все время то один, то другой ловили взгляды своего визави, не слишком сочетающиеся с атмосферой дружеского застолья.

— Значит, нравится вам ваша новая квартира, — неожиданно вернулся Шульгин к теме, которая вроде бы и соединила их за столом. Откинулся на гнутую спинку венского стула, размял папиросу, закурил. Буданцев тоже.

— А как же не нравиться, особенно если по углам да коммуналкам намаялся? Сидим вот, все двери нараспашку, никто по коридору не шаркает, на примусе вонючую рыбу не жарит, в клозете чисто, очереди нет и не предвидится. Вам давно не приходилось стоять и

слушать, что там за фанерной дверью происходит? Какие физиологические процессы?

— Давно, — честно признался Шульгин, за двоих сразу. Сам он помнил коммунальное житье еще в дошкольном детстве, а Шестаков получил отдельную квартиру в конце двадцатых, когда перевелся из штаба Балтфлота в Москву. — Но вас не удивляет существенный штришок? Какому классному чину в царской полиции соответствует ваш нынешний ромбик? — неожиданно спросил он.

— Да как сказать... Пожалуй, стáтскому советнику. Что-то в этом роде, между полковником и генералом.

— И что, много вы знали статских советников, не имевших хотя бы пяти комнат, плюс помещений для прислуги? А надворных, даже титулярных? Пушкин, помнится, был как раз титулярным¹, а квартиру снимал аж в двенадцать комнат...

— Вы это к чему говорите, Григорий Петрович? — Буданцев, жуя мундштук папиросы, оперся локтями о стол.

— А вы как думаете, товарищ главный опер? Вербую вас в польскую разведку? Или скорее японскую. Вы же именно так подумали, когда меня ловить взяли? Очень наши контрразведывательные органы именно на эти две службы запали. Одно время еще румынская была в моде, но сейчас, кажется, вышла из текущего обращения. На ней больше не зарабатывают. Выпьем?

— Поддерживаю...

Вечер спустился на Москву и окрестности. Уличные фонари Рождественского бульвара можно было увидеть только через окно кабинета, приподнятого над площадью квартиры на полтора метра по странной прихоти заказчика. А вернее, никакой прихоти и не было. Квартира ведь *приспособленная*, выделенная

¹ Титулярный советник — чин IX класса, равен армейскому капитану, надворный — VII класса, равен подполковнику.

из гораздо большей, с парадными комнатами по переднему фасаду, а здесь был, по-флотски выражаясь, служебный отсек, выгородка для кухни и прислуги, окнами во двор. И за ними — глухая тьма. От которой, чтобы в душу не заглядывала, они отгородились плотными шторами. Очень даже уютно, пар в батареях шипит и посвистывает, только сверчка не хватает.

Буданцеву происходящее странным уже не казалось. Он скорее постепенно начал проникаться теми чувствами, что вначале были просто неясными намеками собственного подсознания. Теперь же ввалившийся к нему домой нарком, тяжелый, как медведь, не только физическим объемом, но и душевными силами, не слишком выбирая выражений (провоцировал или выговориться хочется?), стал называть вещи своими именами. Как раз те, касаться которых и наедине с собой Буданцев избегал.

Зачем додумывать до конца то, что в реальной жизни не поможет, но значительно осложнит повседневное существование? Хотя Лихарева спросил, не удержался, когда увидел его шикарный «Гудзон»-кабриолет, отчего это у него — такая машина, а Буданцеву на все отделение потрепанной «эмки» не положено? Ну и получил ответ, способный лишь усилить неприязнь к советской власти.

— Ну, Григорий Петрович! — сказал опер, когда выпили, теперь уже дорогой коньяк из маленьких рюмок и, не сговариваясь, долго держали его во рту, позволяя дубленому алкоголю всасываться через слизистую щек. — Вы не совсем правильно сказали. О разведках речи не идет. А вот о том, что советская власть в нынешнем виде вам не нравится, — безусловно.

— А вам? Если да, то просто давайте все имеющее съедем и выпьем и разойдемся по домам. Вы продолжайте ловить воров, если снова не посадят, я займусь укреплением обороноспособности нашей Родины. Также до поры. И все! Я вас не помню, вы меня не видели. Договорились?

— Так бы оно, наверное, лучше всего. Но вряд ли

получится. Знаете, почему я с вами сейчас вообще разговариваю? Единственно потому, что вы — гарантированно не стукач и не сексот. Ни о ком больше в целой Москве я такого сказать не могу. Хотя вот настолечко, — он показал пальцами, на сколько именно, — а сомневаешься в самом хорошем приятеле. Один из убежденности донесет, другой по глупости, третий — чтобы место мое занять, кому-то и оно завидным кажется. А вот вы — не вдаваясь в ваши истинные убеждения — на меня точно не настучите. Ну и я, соответственно, тоже — не наш с вами уровень. Верно?

— Куда вернее. Значит, в этом мы сходимся — *такая советская власть* нам не по душе. Может, потому что оба — *из бывших*?

— В определенной мере. Во-первых, думать нас научили несколько раньше, чем этому занятию были положены четкие пределы, «их же не перейдеши». Во-вторых, ни вы, ни я от означенной власти не получили ничего, чего бы мы не имели от старой, причем там — с куда меньшими затратами. Другое дело — такие, как мой начальник и большинство вашего окружения. Там действительно: был потомственный подсобный рабочий, стал начальник департамента. Тем такая власть — самое то!

Я ведь, Григорий Петрович, все это время, как только меня Шадрин принял и велел вас искать, а потом Лихарев меня как бы «перевербовал», думал, сопоставлял... Куда это я влез и чем рискую? И из разговоров ваших у Валентина на квартире кое-что услышал. Специально не подслушивал, а кое-что донеслось...

«Интересно, что же именно? — беспокоился Шульгин. — Если только о ближайших государственных планах, так не страшно, я его сам к этой мысли подвожу, а вот если про галактические дела... Да все равно не беда. Всегда можно особым образом это объяснить, вплоть до особо хитрого кода в масонском духе».

— Слышали и слышали. Какие теперь тайны? У вас и без того информации было достаточно. Ясно ведь любому, что, если в стране одна часть власти режет дру-

гую, обязательно найдутся люди, которые зарезанными быть не желают... Что Лихарев, Заковский и Шадрин сыграли против Ежова и, похоже, в данный момент выиграли, вам открытым текстом было сказано. Предложение занять свою нишу в этой игре вы тоже получили. Так?

— Так. Один у меня вопрос, ответьте, если хотите и можете. Ваш, скажем так, «проект» предполагает просто смену рулевых или штурмана и курса тоже?

Молодец, Иван Афанасьевич. Конкретно мыслит. А все ж таки не сказал — «капитана». Но с другой стороны, может, он еще тоньше выразился. Штурман ведь — тоже в своем роде «руководящая и направляющая» сила на корабле. Капитан зачастую может быть фигурой вполне номинальной.

— Рулевых — это безусловно. С одним уже разобрались, как видите, про остальных думать надо. Кто-то, наверное, сгодится и в нынешнем качестве, кого-то в кочевары можно перевести или просто на берег списать, но это все организационные моменты. Насчет курса — разве есть у вас сомнения, что он ведет явно не туда? Вслух только что сказали, а с какого момента увидели, догадались?

— Честно сказать, года с двадцать пятого, двадцать шестого. Когда НЭП начали сворачивать, а ГПУ — силу набирать, уже без Дзержинского. При том несколько ко иначе работали...

Шульгин не стал возражать, высказывая свое личное мнение по поводу этой фигуры. В чем-то Буданцев прав, Дзержинский, при всех его особенностях характера, был все-таки умным человеком и прагматиком, что и подтвердил на постах, не связанных с политическим сыском.

— Что ж, двенадцать лет — достаточный срок. Не горяча высказались, под влиянием личной обиды. Ну, я чуть раньше задумываться стал. Сразу после Кронштадтского восстания.

— Мятежа, — с легкой улыбкой поправил Буданцев.

— Конечно, конечно. «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае он называется иначе». И все же...

Сыщик, слегка нервничая, разлил по рюмкам остатки. Разумеется, понимал, что сейчас он снова переходит в иное качество. Думает наверняка примерно так, как Шестаков на Ленинградском шоссе, когда первый раз снялась шульгинская матрица и он собственным разумом осознал истинный смысл происходящего. Мол, до этого его хоть и арестовывали, но как бы по ошибке, а вот сейчас он превратился в настоящего врага, и не будет ему утешением перед расстрелом хотя бы чувство собственной невиновности.

Какое уж тут можно найти утешение, когда в затылок упирается ствол «нагана», Сашка не очень представлял. Скорее наоборот, умирать, зная, что зря, — куда противнее, чем по делу.

Буданцев, согласившись разговаривать с наркомом всерьез, автоматически превращается во *врага народа*, по нынешней терминологии. До данного момента все, что он делал, оставалось в рамках системы. Даже из внутренней тюрьмы он не убегал, его оттуда ответственный товарищ вывел. А вот сейчас...

Понимать-то он это понимал, но принимать не собирался.

— Я, Григорий Петрович, человек принципиально беспартийный. Не вступал и впредь не собираюсь. Идеи — это другое, идейно я и сам с училищных времен за справедливость, равенство, братство и тэдэ. Вот организационные вопросы меня не устраивают. Демократический централизм, партсобрания и тому подобное, включая «диктатуру пролетариата». Глупая формула, да и практически бессмысленная. Пролетариат — это что? С римских времен самая никчемная часть населения, не способная себе и на хлеб заработать, не говоря о чем-то прочем. И вот этот плебс должен безраздельно властвовать над всеми порядочными людьми?

— Как будто вы хоть каким-то образом от этого избавлены! Все равно тем же уложениям подчиняетесь.

Вот если б могли взять и сказать вслух — «это решения *вашей партии*, а я подчиняюсь только внутренним милицееским инструкциям и УПК», вот тогда ваша позиция имела бы смысл.

Буданцев опять рассмеялся, уже невесело.

— Фантазер вы, Григорий Петрович. Сами-то...

— Так я и не спорю. Бачили очи, що купували... Идея, по первоначальному, дооктябрьскому замыслу, казалась вполне достойной и здоровой, хотя кое-что и тогда душу царапало. Например, мне, как инженеру, всегда казалось странным, с чего бы, если разогнать квалифицированных управленцев, а на их место поставить слесарей и смазчиков, производительность труда возрастет многократно и «общественные богатства польются полным потоком». Как будто я этих «пролетариев» в деле не видел...

— Так это, по-вашему, ревизионизм называется, или как там — правый уклон...

— Не так давно инициативные товарищи с одного из моих заводов подарочек привезли. Изящно выполненный из нержавеющей стали топор. На одной щеке выгравировано «Руби правый уклон», на другой — «Руби левый уклон». На обухе — «Бей по примиренцам!».

— И куда ж нормальному человеку в таком случае податься?

— О том и речь, Иван Афанасьевич, о том и речь. С вами Лихарев наверняка ведь пристрелочные разговоры вел, пока вы с ним меня искали?

— Очень пристрелочные... Но по направлению — в ту же сторону. — И неожиданно для себя Буданцев решил не таиться от наркома вообще. То есть говорить абсолютно на равных. Выпивка ли тут подействовала, или просто момент пришел. Показалось ему, что иного выхода просто нет. Слов сказано и так достаточно, захотят посадить — не отвертишься. Как и в том случае, если б и вообще ничего опасного не было сказано. Тамошним следователям без разницы, что захотят, то и напишут, а станешь дергаться — средства убеждения он на своих плечах испытал.

— Ну, попросту говоря, Григорий Петрович, власть менять собираемся, так? И вы, значит, организацию создаете. Причем, похоже, каждый свою? Валентин и вы. Или он вас уже успел в свою веру обратить? Не слишком ли замахнулись? Ежов — ладно, с ним удачно получилось, но ведь и кроме... Дворцовым переворотом не ограничится. Помните, как было? Царя за два дня свалили, а Гражданская война потом пять лет длилась... И что в результате вышло?

— Не теми категориями мыслите, Иван Афанасьевич. То война между непримиримыми силами и идеями, а то — как уже было сказано, корректировка существующей системы. Одно дело — новую железную дорогу построить, совсем другое — на существующей стрелку перевести. В том и сила нашего строя, и его же слабость — стоит только объявить о смене Генеральной линии, как подавляющее большинство, за исключением нескольких ортодоксов, «аплодисментами, переходящими в овацию» ее и поддержат. Будто вы не рассмотрелись уже...

— Насмотрелся, куда уж больше. И где же вы меня во всех этих делах видите? Что я вообще могу? Впоследствии, ладно, как Валентин сказал, потребуются свои люди, чтобы вакансии заполнять и с прежними непримиримую борьбу организовывать. А сейчас, в данный текущий момент? В списке «сочувствующих» числится? Так я уже. На последней «чистке» так в протоколе и записали: «Сочувствующий, твердо стоящий на рабочей-крестьянской платформе».

— Списков, слава богу, мы составлять никаких не собираемся. Не тот случай. Вообще-то, прошу прощения, Иван Афанасьевич, хочу кое-что сказать напрямик. Особых оснований у нас друг другу доверять нет. Ну, кто мы с вами? Вы меня ловили от всей души и на пределе возможностей. Я с вами, в свою очередь, не слишком ласково обошелся. Только что не убил. Потом, конечно, кое-как сговорились, при посредстве одинаково чужого нам человека. Выходит, что связывают нас с вами только вот это взаимная ничья и пара выпитых ста-

канов. И все. Не маловато ли для предложенной степени доверия?

Буданцев помолчал, вертя в пальцах пустую рюмку. Опять потянулся к папиросе.

— Самое смешное, Григорий Петрович, что не маловато. В самый раз, я думаю. Да и вы так же... Иначе чего ж мы здесь сидим? Побегали, постреляли, сообразили, кто чего стоит. Уж как мне муторно было ждать, стрельнете вы или нет. Но даже не по словам, по тону вашему и как последнюю водку не сами с другом выпили, а мне налили, понял — не тот человек. Пусть и враг народа... Да и я к тому времени в той же категории числился.

— Увы, Иван Афанасьевич, время нам выпало удивительно поганое. Как бы не худшее за всю писанную Карамзиным и Ключевским историю. При этом деваться все равно некуда. Как сказал один знакомый поэт: «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

— Это точно, — согласился Буданцев.

— А вот на работу я вас к себе возьму. Почти по специальности. Есть мнение, что в ближайшие дни мне предложат новую должность, с повышением. Так можно будет кое-что придумать. Необременительное. Какой-нибудь зам по общим вопросам или начальник секретной части, что даже лучше. Отдельный кабинет с железной дверью и неопределенный круг задач, ведомых только мне и вам. За границу выезжать придется, и вообще...

— А Лихарев?

— А что Лихарев? Мы же с ним друзья с недавних пор. Вас выручил, мне помог...

— Видел я, как он помог, — усмехнулся Буданцев, вспомнив сцену в парке.

— Зря улыбаетесь. Если б он Ежова не опередил да Сталину не доложил обо мне в надлежащем духе, не знаю, где б мы сейчас были... Потому будем с ним и дальше дружить. Симбиоз у нас с ним будет.

— У меня и у вас?

— Как сами захотите. Можете на союз только с ним подписаться, а я вообще ни при чем. Тоже инте-

ресный вариант. Он ведь завтра же, а то и сегодня, наверняка с вами с глазу на глаз встретиться захочет, расспрашивать будет, как время провели. Ну и скажите, что держался я замкнуто,пил одну за одной и от любых откровенностей уклонялся. Вы ж для меня кто? Сыщик, не более. Голая функция...

— Думаете, имеет смысл?

Буданцев уже начал просчитывать в уме варианты, соображая, какой из них полезнее лично для него. Лихарев, конечно, сила, но уж больно непонятная. Шестаков куда конкретнее. В человеческом плане. И сила, так сказать, публичная. Работая с ним, будешь иметь легальный статус... Ну и отмазку в том смысле, что просто выполнял приказы и должностные инструкции. А что такое «агент на связи», он знал очень хорошо. У самого таких не один десяток.

— Еще же лучше, Иван Афанасьевич, — предложил Шульгин, тоже обдумав расклады, — если вы Валентину о нашем разговоре расскажете все как есть. За исключением последнего абзаца. Да, то-то и то-то говорил Шестаков, рассуждал о «демократизации режима», «возвращении к ленинским нормам», фантазировал, как сможет влиять на политику Сталина, если войдет в доверие. А вас позвал в помощники, потому что увидел человека умного, надежного и в номенклатурную схему не встроенного. И тут же совета попросите, как, мол, быть. Со всеми подлинными сомнениями, что у вас имеются. Ничего не скрывайте. Кажется мне, что проглотит наш друг наживку...

А хотите — без всякой наживки. Просто выслушайте предложения, и если они вас устроят — поступайте по собственному усмотрению. Я ведь, святой истинный крест, как в детстве говорили, отнюдь не тайный орден учредить задумал, единственно собираюсь в меру собственных возможностей «изменить то, что в силах изменить»...

— Так и поступим, Григорий Петрович. Никакой подпольщины, никакой конспирации. Действительно, посмотрим, что и куда повернется. Одно меня беспо-

★

коит: не подслушивают ли нас сейчас? Когда я наедине с Шадринным беседовал, Лихареву этот разговор сразу известен стал. А тут?

— Тут вряд ли, — успокоил Шульгин Буданцева. — На Лубянке одно дело, а здесь за те сутки, что он вам квартиру оформлял, ничего успеть было нельзя. Пропушка дело серьезное, проводку нужно тянуть или к телефонной линии подключаться. Я кое-что в таких делах понимаю.

Сам же подумал, что никакая проводка Валентину, разумеется, не нужна и вполне он их мог слушать, а также и смотреть на своем экране, но Антон обещал, что та слуховая капсула, с помощью которой они связывались, способна создавать достаточно надежный экран от существующей агрианской техники.

Шульгин не стал включать «глушилку» сразу, чтобы не удивить и не встревожить Лихарева. Чего доброго, кинулся бы сюда выяснять, как и что случилось. А вот в самом конце разговора, как раз перед теми словами, которыми предложил Буданцеву ничего от Валентина не скрывать, запустил устройство. Выглядеть будет, как короткая помеха, вроде той, что вызывает электрический разряд вблизи радиоприемника или телевизора, предельно естественно.

Прощаясь с Антоном, они много технических вариантов обсудили. Вот один и пригодился.

Сашка, конечно, предпочел бы, чтобы у них с форзейлем поддерживалась двухсторонняя постоянная связь, но это, похоже, от самого Антона не зависело. Сказал, что в случае особой опасности поможет, как всегда, а как всегда — значит, исходя из его собственных, а не шульгинских потребностей и возможностей.

Суть-то понятна, Антон в земных делах занимается чистой партизанщиной, помимо своих основных обязанностей, которые неизвестно в чем заключаются, да и вообще по своей он воле действует или нет, неизвестно тоже. Но и сама мысль о том, что помощь, в случае чего, прийти может, грела душу.

— Одним словом, — сказал он, вновь отключая за-

щиту, — все, что на сей момент от нас зависит, мы обсудили. Теперь остается ждать развития событий. В город выйти, морозным воздухом подышать не желаете?

— Что-то не хочется, — ответил Буданцев. — В тепле мне больше нравится. Доедим-допьем, что осталось, а потом я вас провожу, если захотите. Или Лихареву позвоните, он вас заберет, когда домой поедет...

— И так можно, — согласился Шульгин, в душе посоветовав, что техника здесь не та. Сейчас бы телевизор включили, футбол или хоккей посмотрели, вот и скоротали время до урочного часа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Внезапно Шульгину захотелось уйти от Буданцева. Просто захотелось, и все. Как не раз и прежде бывало. Сильное душевное побуждение или предчувствие, но вдруг остро стало понятно, что дальше оставаться здесь нельзя. Бессмысленно или даже опасно. Почему, как — уже не столь важно. Только что собирался и дальше сидеть, разговаривать на посторонние темы, выяснить, может быть, некоторые моменты нынешней жизни, не вполне понятные Шестакову, а уж ему — тем более, и вдруг зазудело, засвербело. Уйти — и все. Не столь даже важно, куда именно. К Лихареву пока нельзя, значит — куда глаза глядят.

Время не ждет, как у Джека Лондона.

Так он и сказал Буданцеву, не ссылаясь, конечно, на предчувствия. Просто обсудили, мол, что требовалось, и захотелось без всякой цели побродить по улицам.

Иван Афанасьевич понимающе кивнул. Если очень хочется — не стоит противиться настроению. Да и его, признаться, гость уже начинал тяготить. После того разговора, что состоялся, просто так сидеть и точить ласы казалось излишним. Лучше правда поваляться в постели, книжку почитать, наслаждаясь тишиной.

Шульгин уже оделся, привычно похлопал по правому карману и только сейчас сообразил, что не взял с собой оружия. Дико, странно, но факт — уходя от Ли-

харева, он не вспомнил ни об «олимпиах», ни о «ТТ», ни о «наганах», которых у него накопилось столько — хоть на аукцион выставляй. Отчего бы это? Что-что, а об оружии Сашка всегда помнил, и вдруг такой пробой. Наводка, что ли? Стало еще тревожнее. И веселее одновременно. И интереснее. «Нам ли жить в покое?»

Не для того мы к этой жизни приспособлены. Нас или заведомо хотят убить, только не получается, или, как тем собачкам из английских псарен, создают стигмулирующие условия.

Не делая никакого специального лица, как бы между прочим, как можно спросить о пятаке на автобус или трамвай, Александр осведомился у Буданцева, явно с нетерпением ждавшего, когда он уйдет: «У тебя никакого лишнего пистолетика нет? Табельный не прошу. Свой я дома оставил, непростительно. Заторопил Лихарев, я и забыл, что в другом кармане «вальтер» лежит. А мне без оружия, как без штанов... Город, ночь».

Буданцев удивился никак не меньше, чем всему предыдущему. Заговор — ладно. А вот откуда у наркомы, привыкшего жить, как у Христа за пазухой, такие привычки? За неделю не образуются.

Оружие они все носят, но исключительно «для блезиру». И тут же вспомнил невероятно точную стрельбу в коридорах наркомата. Его люди (присланные Лихаревым) мазали и мазали, бегая по лестнице, а с той стороны каждая пуля шла в цель. Жаль ребят, хоть и знакомые все были.

Нет, не прост нарком, совсем не прост, не перестает удивлять, хотя куда уж дальше? Вооруженных людей голыми руками убивать может, а сейчас несколько кварталов по центру города пройти боится. Что, если вообще не нарком и не совсем человек, а оборотень какой-то? Эта мысль, пришедшая в голову, удивила Буданцева так же, как и все предыдущие. А ведь казалось бы, хватит уже удивляться с того момента, как вороны полетели перед окнами кабинета на Петровке и зазвенел телефон.

Табельного оружия у Буданцева давно не было, его

отобрали при аресте. Тот «наган», что вручил Лихарев, отнял помощник наркома. Очень неприятный на вид старший лейтенант царского флота. Его бы тоже «прояснить» надо. Правда, потом вернул. И сейчас в нише обувной тумбочки лежит револьвер, куда положил его Буданцев, войдя в квартиру. Отдавать его Шестакову не стоит, Валентин вполне может потребовать свое оружие обратно.

А вот случайно найденный «веблей»... А случайно ли? Стоит отдельно подумать. Сыскарь постепенно и спокойно склонялся к мистике, сам этого до конца не сознавая. Могло бы ему неделю назад прийти подобное в голову? А ведь самое смешное, что могло. Не так ли он рассуждал еще до «наркомовского дела»? Когда занимался загадочной смертью актрисы. Будь то обычное ограбление с убийством по ходу дела — и говорить бы не о чем, оперов таким не удивишь. Мало ли в Москве на вокзалах и в переулках за рублевые колечки режут. Да как!

А там ведь на привычную уголовщину наложились сразу несколько даже по отдельности необычных фактов. Был у нее первый муж, знаменитейший поэт, якобы покончивший с собой, но при весьма странных обстоятельствах. Сколько лет прошло, а слухи не стихают. Второй появился — театральный режиссер, тоже фигура мировой, можно сказать, величины. Гибель его не менее загадочна, хотя и в ином роде. Огромные деньги, в которых убитая буквально купалась, тратила без счета, а иногда и смысла, на что «компетентные органы» словно бы закрывали глаза, при том, что простому человеку вроде вот него, Буданцева, лишнюю сотню страшно из кармана достать. Совершенно непонятная позиция ГУГБ, вроде бы и торопившего МУР, но на деле всячески тормозившего расследование. Исчезновение «с концами» наиболее важных «свидетелей» из того же ведомства...

Буданцев помнил, что несколько раз, особенно по ночам, возникало у него ощущение явной чертовщины, прямо-таки клубящейся вокруг. Он ведь обрадовался

★

поначалу, когда получил приказ сдать дело и заняться розыском Шестакова. А попал из огня в полымя.

Чистый Гоголь! Завертелась, заплясала вокруг нечисть и нежить. Стоило мертвую панночку-актрису в морге увидеть, и не было у него больше ни одного спокойного дня. Не в обычном смысле «спокойного», понятно, в каком... И в довершение — клад!

Буданцев потряс головой. Черт знает что лезет. Вот стоит напротив товарищ, с абсолютно понятной просьбой. Ночь, в Москве ночью страшно, оружия у него нет, а у меня есть. Причем — чужое. Отдам, конечно, а «пальчики» вытрем. Мокрой тряпочкой. Что касается номера, то вряд ли он когда-нибудь где-то в СССР регистрировался, и в любом случае — не на последнего владельца.

— Ого! — сказал Шестаков, приняв из рук Буданцева тяжеленный и удивительно незлегантно сделанный пистолет. А казалось бы, англичане! То ли дело «борт-харт-люгер 08» или даже «браунинг» любой модели.

Магазин на семь патронов (где моя любимая «беретта» или нормальный «стечкин»?), зато калибр очень хороший, попадешь — «уноси готовенького».

— Где ж вы такой взяли? Наверняка по случаю. Специально — вряд ли.

— Именно. Подвернулся. Но вы там поосторожнее, Григорий Петрович, — опять ощутив дуновение опасности, сказал сыщик.

— А то? — ответил Шульгин. — Вы меня неосторожным часто видели? — демонстративно проверил магазин, загнал патрон в патронник, сунул пистолет в карман.

— Не пришлось, — согласился сыщик. — И все же... Может, такси вызовете?

— Разберусь как-нибудь. А пистолет верну, не бойтесь, понимаю — антикварная вещь. Да еще скоро «астру» в подарочном исполнении презентую, у меня их несколько штук в кабинете. Как республиканская делегация приезжает — непременно «астры» преподносят. Они у них неплохо получаются...

Шульгин не спеша двинулся заснеженными бульварами в сторону Пушкинской площади. Хорошо здесь и сейчас. Ему, знатоку и любителю старой Москвы, необыкновенно приятно было видеть в целости и сохранности то, что осталось в памяти с самых ранних лет и исчезало прямо на глазах в ходе начавшейся в середине шестидесятых очередной масштабной реконструкции центра со сносом целых кварталов и даже районов вроде Зарядья.

Вышел к Трубной и вдруг вспомнил про Овчарова. Нехорошо получилось. Пусть не он обещал дипломату немедленно дать о себе знать, когда все кончится, а Шестаков, но он ведь теперь за него отвечает. И пригодиться товарищ может еще не раз, пусть и с другой теперь уже целью. А там кто его знает... Оправдания у него, разумеется, были. Прощаясь с Виктором, он понятия не имел, как все дальше повернется. А тут сразу — бой в наркомате, встреча с Лихаревым, с Заковским, потом Сталиным, возвращение собственной памяти. Немудрено и забыть «не свое».

Придется исправлять.

Из ближайшего автомата набрал рабочий номер в НКВДе. Овчаров ответил после второго гудка. Будто ждал — этого именно звонка или вообще любого. Можно понять, нервы у него, конечно, заиграли, когда проспался да на ясную голову сообразил, в какие дела влез. Хотя согласие дал в здравой памяти, это уже потом...

— Здравствуйте, это товарищ Овчаров? — спросил Шульгин ровным, канцелярским голосом.

— Да, я слушаю, говорите.

— Это вас из наркомата, по поручению товарища Шестакова беспокоят, заводделом Тропин. Вы нашему наркому обещали консультацию по известному вопросу...

Секундной заминки в голосе Виктора было достаточно, чтобы понять — он узнал говорящего и теперь соображает, что и как следует ответить.

— Да, был как-то разговор. Но он, помнится, сам обещал перезвонить...

— Извините, так получилось. Но если вы располагаете временем, через десять минут машина будет у подъезда. Спуститесь, пожалуйста. Туда же, где прошлый раз. Много времени мы у вас не отнимем, часа два, не больше...

Опять пауза. Но не слишком продолжительная. А голос все-таки подсел. Понятно, как не понять. Виктор сейчас лихорадочно соображает — не уловка ли это чекистов? Спустишься к дверям, выходящим на площадь Воровского, а там — они. И машины никакой не надо, просто через улицу перейти...

Прости, Витя, придется тебе понервничать. А куда деваться? Но Шульгин надеялся, что говорил правильно, Овчаров должен был понять — друг на свободе. И он же обещал: не упомянет об их встрече ни в каком варианте. Сами контрразведчики подобной связи придумать не смогут, на допросе не спросят, а самому лишнего фигуранта в дело добавлять — не такой Шестаков дурак. Ему и своего выше крыши хватит.

Срезая путь, Шульгин пошел проходными дворами, которых тогда в Москве хватало. Да почти каждый в центре города был таким, если знать, как идти. Подловили его в довольно безопасном, по тем временам, месте. В проходе между древними двухэтажными жилыми домами и лабазами с Большого Кисельного на Варсонофьевский переулок. Воровских малин здесь отроду не водилось, те все больше группировались между Сухаревской площадью и Мясницкой или уже в Марьиной Роще. Ресторанов и даже пивных, возле которых «портяночники» могли подстерегать клиентов, чтобы снять поношенное пальто или клифт, поблизости тоже не было. Обычайшее место, совершенно ничем не примечательное.

Английский пистолет в кармане он сжимал и ощущал пальцами больше по привычке, чем от необходимости. Досталось незнакомое оружие, и хочется как-то его освоить, то есть сделать своим по духу.

Чтобы не килограмм железа, а часть тебя самого продолжала руку.

Странное шевеление волос на затылке, а скорее — подобие щекотки внутри черепа оповестило, что ровно через секунду в него выстрелят. Не пятно лазерного прицела коснулось спины, а самая обычная незримая линия: глаз — прорезь — мушка — цель, выровнявшись, вызвала такую острую реакцию. Еще бы несколько квантов времени, Шульгин сверхчувственно смог бы определить тип готового выстрелить оружия, а то и внешность того, кто, затаив дыхание, выбирал последний миллиметр спуска. Только их у него не было. Пришлось просто упасть, разворачиваясь лицом в нужную сторону.

Нечто быстрое и убойное проныло в полуметре над лицом одновременно с очень громким, *объемным* грохотом. Выдернув из кармана «веблей», он одновременно успел увидеть вспышку, воспроизвел в уме траекторию и прямо в ее исходную точку вложил целых три тяжелых пули.

Безусловно, попал. Не мог не попасть, потому что его выстрелы подчинялись законам дзен-буддизма. «Стрела и цель сами знают, где им должно встретиться».

Сначала он слышал вскрик, похоже, предсмертный. Уж такие мы умеем отличать от иных, когда пуля попадает в плечо или в ногу. Потом с той стороны снова ударил обрез, звук ни с чем не спутаешь, да и сноп пламени характерный. Стреляли теперь в направлении его дульных вспышек. И еще раз, и еще. Быстро научился мужик ворочать затвор.

Пули завывали так, что ясно было — подпиленные. Не иначе на медведя собирались. Мимо, разумеется, раз услышал. А сам снова попал, двумя следующими выстрелами. Это всегда чувствуешь.

Полежал немножко, медленно начал отползать до ближайшего укрытия, по-прежнему на спине, держа перед собой пистолет, в котором оставалось всего два патрона. Никто на той стороне не шевелился.

Значит, опять выскочил «из объятий смерти», как любили выражаться в XIX веке.

Возвращаться и смотреть, кто тут взялся роль Ли Харви Освальда¹ разыгрывать, он не стал. Смысла никакого, а нарваться можно. Вон, уже начали переключку милицейские и дворничьи свистки. Еще раз попадаться в руки органов «по мокрому», как недавно в Кольчугине, ему совершенно не улыбалось. Многовато для номенклатурного товарища, тут и товарищ Сталин из себя выйдет. Не нарком, подумает, а прямо Зорро какой-то.

Одно непонятно. Если это по недосмотру не выведенные из предыдущей операции чекисты Ежова — так методика не та. Стрелять ночью на два десятка метров из обрезка трехлинейки — более чем глупо. Так не делали не только специалисты, вообще никто, соображающий в огнестрельном деле чуть больше питекантропа. Разве что зверовидные «кулаки» с плакатов периода коллективизации, убивавшие сельских активистов непременно из обрезов. Нормальный убийца воспользовался бы пистолетом, исходя из места и времени — удобнее всего в упор. Или вон в той, маячащей впереди подворотне броситься с трех сторон, навалиться, ткнуть финкой под ребра. А тут какой-то Даллас для даунов!

Самое простое и при этом убедительное объяснение — засада была не на него. Кто, на самом деле, мог догадаться, что именно в это время нарком вздумает выйти от Буданцева, вспомнит об Овчарове и договорится о встрече, да еще и направится на randevu непредсказуемым маршрутом?

О времени выхода мог кому-то сообщить сам сыщик по телефону, так логично было бы встретить и «завалить» Шестакова в том же дворе или поблизости. Стоп, это уже ближе. У ворот встретили, повели, в подходящем месте решили кончать. По-дилетантски, но с хорошими шансами на успех. Инструмент специально

¹ Л. Х. Освальд — человек, застреливший президента Д. Ф. Кеннеди из винтовки в г. Даллас (Техас), в 1963 г.

выбрали, к официальным инстанциям отношения не имеющий... Но все равно неудобный.

Лихарев бы так мог сработать, только как раз ему это сейчас совершенно невыгодно. Загадки, загадки, тайны мадридского двора.

«Мне кажется, что я магнит, и я притягиваю пули...» — писал один из поэтов фронтового поколения.

Увидел на углу очередной автомат и, повинуясь только что возникшей идее, позвонил Буданцеву. Коротко изложил суть происшедшего. Иван Афанасьевич только присвистнул, обошелся без никчемного: «А я что говорил?»

— Так вы б, может, вышли, так, прогуляться, мельком взглянуть, что и как? Вас, если что, постовые не задержат... — полувопросительно предложил Сашка.

Судя по тону, делать этого Буданцеву категорически не хотелось. Однако он ответил коротко:

— Сейчас выйду. Оно и вправду интересно. Потом перезвоните.

На Неглинной Шульгин остановил первое попавшееся такси, снова «ЗИС-101», тогда их в Москве было больше, чем вероятных пассажиров. Вот бы цирк получился, если бы опять за рулем сидел Слесарев. Но тот в ближайшее время на трассу не выйдет, его долго милиция с чекистами мурыжить будет. И поделом, нечего приличных людей сдавать.

Велел ехать на Кузнецкий. На удивленный взгляд водителя ответил, что это только начало и они еще покатаются по городу.

Как Сашка и ожидал, таксист, мужик постарше Слесарева, годам к пятидесяти, немедленно начал рассказывать о той самой истории. Случай и вправду неординарный. Солидный пассажир, выдававший себя за писателя, оказался крутым уркой, избил водителя, отнял все деньги, и казенные и свои, выбросил в глухом переулке, а машину угнал. Только утром нашли разбитую...

Хитер Серега! Сам, что ли, рожу себе раскрыва-

нил, для убедительности, а деньги зажал. И, похоже, на свободе, раз информация, довольно близкая к подлинной, по всем паркам разошлась.

— Да, бывает, совсем бандиты обнаглели, пора бы органам за них всерьез братья, а то уже и на улицу страшно выйти, — сочувственно сказал Шульгин. — Ну, я не писатель, меня можете не опасаться...

Таксист оценил шутку, подкрепленную дорогой папирисой пассажира.

— Вот здесь остановите, сейчас человека подберем и дальше поедем.

Тут и Овчаров появился, в прежнем своем пижонском пальто и в шляпе, невзирая на погоду. В руке портфель. «Тревожный чемоданчик», что ли, на случай ареста или внезапной командировки?

У Шестакова и самого был такой же: две смены теплого белья, несколько пар носков, мыло, полотенце и тому подобное, сухой паек на три дня, курева на неделю. Часто бывало, что поступала команда — через час вылетать самолетом в Норильск или Свердловск, срочно, сверхсрочно, домой забежать некогда. Ну и для тюрьмы тоже все предметы нужные, кроме бритвы, разрешенные. Коньяк тоже отберут, разумеется, и письменные принадлежности, а остальное — нет. Все же лучше себя будешь чувствовать в камере, чем те бедняги, которых брали на улице летом в тенниске и сандалетах, а потом на зимний этап в том же самом отправляли.

Да что опять в голову лезет всякая глупость? На самом деле все совсем хорошо, вырвались из тисков обстоятельств, сами можем свои судьбы решать. Про недавнее покушение он почти забыл. Мало ли в него стреляли? Нервничать — бессмысленно, размышлять по сути — не хватает данных.

Шульгин щелкнул дверцей. Вышел прямо в косой сугроб сухого жесткого снега у бордюра. Дворники стрести не успели, а машин, чтобы колесами разнести, здесь столько не бывает.

И тут же вспомнилась картинка, когда по обоим сторонам Дзержинки и вниз по Кузнецкому автомо-

били стояли впритык, едва-едва троллейбусам проехать. Так это — в восемьдесят четвертом, не видел Сашка той же улицы двадцать лет спустя. По сравнению с Дюма изменения еще более разительные. Да, впрочем, видел, только не этот Сашка.

— Витя, ты не меня ждешь?

Пришлось сделать некоторое внутреннее усилие, чтобы идентифицировать свои мысли и ощущения с шестаковскими. Но — получилось. И не очень трудно. Сашка вообще считал, что для нормального матричного совмещения какие-то мозговые структуры должны совпадать изначально. Иначе ничего не выйдет. Как движок от «КамАЗа» не поставишь на «Волгу», а прицел от гаубицы «М-38» — на ручной пулемет.

Тогда, значит, и Андрюха Новиков вполне совместим со Сталиным? «А что, если да?», как говорят в Одессе. Чем плохо, в конце концов? Дело же не в структуре личности, а в том, как ты ее используешь.

Старый клоун в цирке на Цветном, с которым молодому Сашке приходилось (и нравилось) общаться по ночам после представлений, не раз твердил, допив свой обязательный граненый стакан: «Саша, мы с нашими способностями могли бы зарабатывать карманными кражами в сто раз больше, чем нам платят здесь. Но мы же этого не делаем?»

Шульгин соглашался, что именно так. Не добавляя, что в отличие от старика гораздо больше мог бы зарабатывать и разбоем. Мгновенным и нераскрываемым.

— Жду! Ох, как я тебя жду! Морду прямо сейчас можно бить или подождем до более подходящего места?

— Если хочешь — давай прямо сейчас. Виноват. Однако садись в машину, там и разберемся...

Они сели на заднее сиденье, Шульгин велел таксисту поднять разделяющую салон и водительский отсек стеклянную перегородку из звуконепроницаемого стекла и ехать через центр, по Большой Ордынке до Добрынинской площади, а с нее — направо.

— Вот так, Витя, у меня получилось, — и рассказал ему практически все, от прощания на Павелецком до

текущего момента. С точки зрения Шестакова — ничего не искажая. Про Лихарева, Заковского, самого Сталина.

— Не-ет, ну ты даешь, — протянул Овчаров, и Шульгин немедленно протянул ему стальную, обтянутую замшей фляжку коньяку. Нашел в буфете у Валентина и положил в карман на всякий случай.

— Что нам, Витя, делать? Так сложилось. Я честно собирался взять у себя в сейфе чековые книжки, завезти тебе. Поймали б меня ежовские соколы — тогда, конечно, все. Мне конец, и деньги б ушли неведомо куда. Не вышло у них. Теперь я, похоже, на коне. О тебе я думал, не сомневайся. Если по-прежнему на загранработу настроен — поезжай, конечно. Думаю, теперь нравы у нас значительно смягчатся, вашего брата опять зауважают, перестанут дергать... Вздумаешь дальше в серьезные игры поиграть, могу тебе предложить как минимум должность начальника управления по международным связям в моем наркомате. В Мадрид, в Париж, да и в другие интересные места будешь ездить невозбранно. Ну и нашивочек добавим, что там у вас следующее по тарифной сетке — посланник, что ли?

— Посланник, — машинально ответил Овчаров, — но это уж больно высоко, за пределами твоей компетенции. Считай, не меньше чем комкор в армии. Да чего ты мне всякой ерундой голову забиваешь? Я еще от прежнего в себя не пришел. Только вообрази, что я за это время передумал, от каждого скрипа половицы вздрагивал...

— Чего тут воображать, сам такой был, с раскаянием принес все возможные извинения. Что еще от меня требуется? Скажи лучше, Татьяна твоя не вернулась?

— Нет, она на весь отпуск уехала. Бродит сейчас, наверное, по Эрмитажу, а вечерами — театры...

— Вот и ладненько. Тогда давай тоже куда-нибудь закатимся. Хочешь — в «Националь»?

— В «Националь» — не надо, в «Метрополь» тоже. Там меня в лицо знают, часто по делам бывает прихо-

дится. Найдем попроще, где обслуга не *стучит* в штатном режиме.

— Знаешь такие места — командуй, я в этих делах пас.

Овчаров привез Шульгина в небольшой особнячок без вывески неподалеку от ипподрома. С зашторенными окнами и пропускным режимом. Внутри же оказался вполне приличный, только не общедоступный ресторан. Каких всегда было достаточно в современной Шульгину Москве. Домжур, Дом архитекторов, актеров, писательский, само собой, и тому подобное. Зал попроще на первом этаже, побогаче и уютнее — на втором. Сюда пускали не всех даже и из «своих». Но Виктор прошел мимо вахтера свободно, лишь слегка кивнул. Обстановка здесь явственно отдавала стилем перворазрядного тестовского трактира. Мебель, занавеси на окнах, громадная буфетная стойка мореного дуба — все, похоже, так и осталось здесь с прежних времен. Так ведь, подумал Шульгин, чего особенно удивляться, лет-то с тех пор сколько прошло? Всего ничего, можно сказать, с ликвидации НЭПа — десять всего...

Овчаров подтвердил его предположение. На самом деле до конца двадцатых годов здесь помещалось частное заведение, обслуживавшее в основном завсегдатаев бегов, традиционно обмывавших выигрыши и завывавших горе веревочкой, если не пофартило.

Потом, естественно, частника *искоренили*, ресторанчик национализировали, но судьбы сотен и тысяч подобных же «храмов желудка» он избежал. Кто-то из наркоминдельского начальства, тоже, наверное, не чуждый ностальгии, да и более рациональных соображений, чуть ли не сам Чичерин или Карахан, добились передачи «объекта» на баланс своего учреждения с сохранением профиля. Формально — как общепитовской точки при ХОЗУ, вроде столовой повышенной категории для ответработников, фактически же там организовали полусекретный «Дом приемов» для проведения неизбежных в дипломатической работе конфиденциальных завтраков и ужинов, иных корпоративных мероприятий.

— Здесь, по крайней мере, посторонних не бывает, наших общих друзей — в особенности. Свои службы есть...

Шульгин про себя подумал, что так уж зарекаться не стоило бы, *те ребята*, если им нужно, куда хочешь влезут. С другой стороны, исходя из обычного соперничества и взаимной ревности сопоставимых по значимости ведомств, вполне допустимо, что на *среднем уровне* НКВД и НКВД в дела друг друга не лезут, все вопросы прорабатываются на самом верху, с согласия или по указаниям лично Хозяина. Иначе и работать невозможно, дипломатия все же дело тонкое, государственное. Лубянцы, дай им волю, такого наворотят... Хотел же Ежов даже дела шестаковского наркомата на себя замкнуть.

— Тебе виднее, — сказал он, присаживаясь за указанный Виктором столик в углу, за раскидистой пальмой в здоровенной деревянной кадке. Людей в зале было немного, сидели по двое, по трое, выпивали, закусывали, кому-то Овчаров коротко кивнул, кого-то словно и не заметил. Не было ни рукопожатий, ни возгласов, ни объятий, столь свойственных собраниям людей свободных профессий.

Прямо напрашивалась на стене табличка из конторы «Геркулес»: «Сделал свое дело — и уходи».

— Как-то не слишком весело у вас тут, — не преминул отметить Шульгин, беря в руки папку меню.

— Это точно. Для разгула другие места есть, а здесь ближе к английскому клубу, зато готовят и обслуживают очень недурственно. Цены тоже — ниже, чем в заводской столовой. Карточные¹...

Виктор сделал заказ, руководствуясь собственны-

¹ В советское, особенно довоенное время продукты, распределяемые по карточкам (в пределах нижнего физиологического уровня), стоили в десятки раз меньше, чем в открытой продаже. В спецраспределителях для ответственных работников «карточные» цены сохранялись на все товары вплоть до восьмидесятых годов.

ми соображениями. Есть Сашке совершенно не хотелось, разве так, слегка, за компанию. Впрочем, он уже успел заметить, что гастрономические возможности наркома куда солиднее, чем у него, тот мог бы достойно участвовать в любом восточном застолье, где плов потребляют казанами и баранов — целиком. Причем эти качества у него прорезались именно после «встречи» с Шульгиным, до этого многолетние стрессы отбивали аппетит.

Для частных бесед зал был хорош еще и тем, что обладал уникальной акустикой: ковры, толстые драпировки, многочисленные растения гасили и рассеивали звуки так, что с соседних столиков не доносилось ни одного членораздельного звука, только позвякивание ножей и вилок о фарфор.

— Значит, нет прослушки, говоришь? — выцедив рюмку, повторил Шульгин.

— Где есть — я знаю, здесь — нет. Мы ведь тоже пользуемся, пусть и в других целях. Иногда приходится нетрезвые откровения партнеров по десять раз прокручивать, нюансики всякие интонационные отслеживать, проговорки, а то и намеки, с лету не каждому понятные.

— У всех специфика, — заключил Шульгин, с удовольствием разжевывая крупные фасолы лобио. — Так я, собственно, что? Никаких интересных посторонних секретов и тайн разглашать не собираюсь. Захотелось напряжение сбросить в компании совершенно постороннего от моих служебных дел человека. Другое дело, что есть у нас, бюрократов, суеверие — не стоит даже с собственной женой говорить о *карьерных вероятностях*.

— Это так, — кивнул Овчаров.

— Однако хочется мне этот принцип нарушить. Вот тянет за язык, и все. Есть мнение, что могут мне днями предложить весьма солидное повышение. Причем в форме, вряд ли допускающей самоотвод. В предвидении чего я, даже и невольно, прорабатываю варианты. Сам понимаешь — на новое место без своей

команды приходить не очень удобно. Почему я тебе и намекнул. согласишься со мной?

Виктор обдумывал слова Григория достаточно долго. Папироса успела догореть. И взгляд — все время куда-то мимо.

Удивительно даже — на куда более рискованное дело пошел почти без колебаний, а сейчас... Разве что цену себе набивает или на самом деле просчитывает: стоит ли идти в подчинение к товарищу? Не один случай известен, когда попытка совместить дружбу со службой заканчивалась печально и для того, и для другого.

Овчаров нашел нейтральный выход.

— Чего сейчас об этом говорить? Состоится назначение — тогда и обсудим, по факту. А то пошлют тебя, скажем, начальником Дальстроя¹, и где там моя роль?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С утра Шульгин на машине Лихарева съездил к «себе» на квартиру, на Земляной Вал, чтобы приготовиться к судьбоносной (или роковой, что почти одно и то же) встрече.

Все здесь было точно так, как в ту ночь, когда Шестаков с Власьевым сидели и обсуждали собственное будущее, представлявшееся им весьма и весьма туманным. Более того — почти безнадежным. Продолжать борьбу заставляла только слабая надежда, что удастся добыть из сейфа наличность и бланки банковских поручений, договориться с Овчаровым, вместе с семьей пробиться на Запад. Однако бодрости они с бывшим старшим лейтенантом не теряли, даже напротив. Вспоминали Мировую войну и Кронштадт. А там

¹Трест «Дальстрой» — одно из крупнейших подразделений ГУЛАГа, занимавшееся освоением и промышленной эксплуатацией ресурсов Дальнего Востока силами заключенных. В подчинении треста, независимого от партийных и советских органов, находилась сеть лагерей с общей численностью ЗК до 2 млн. человек.

шансов на счастливый исход было на порядок меньше. Особенно когда Шестаков, бросив на кон все, что мог, выдернул подрасстрельного товарища, на самом деле не имея понятия, что страшнее — возможный взрыв боезапаса форта «Павел» или фронтовая ЧК товарища Штыкгольда. Обошлось. И побег с владимирского этапа «на рывок» удался, чему нет аналога в воровских анналах.

Сашка подумал, что про Ленку Пантелеева забывать тоже не следует: уж больно хорошая маска, легенда для общения с настоящим преступным миром и для запутывания (ну, для сбивания с толку) милицеских и гутбэшных органов. Буданцев с его агентурой очень поможет сыграть на этом поле, если придется.

Опять же, вечный пример — граф Монте-Кристо и его реинкарнации, аббат Бузони и прочие. Мы же на полтора-два десятилетия умнее, и возможности у нас пообширнее, только с деньгами плоховато. Раз он остается в сталинской номенклатуре, чеки придется вернуть. Наличные — другое дело, они нигде не фиксировались, так большую их часть он отдал Власьеву.

Но об этом подумаем позже. Если сохранится такая возможность.

Сейчас он переоделся в свой запасной костюм, приличный наркомун. Предыдущий, с орденами и значком депутата, остался на кордоне у Власьева, а тот, в котором его Лихарев представил Сталину, выглядел достаточно затрапезно, благо вождь в азарте интриги не обратил внимания.

Зоя содержала его гардероб в порядке. Выглаженная жемчужно-серая гимнастерка, темно-синие галифе, накрахмаленное белье, шелковые носки пачками. Сапоги тоже нашлись новые, всего пару раз надеванные. Вот без наград и ведомственных знаков отличия он чувствовал себя не совсем уверенно. Конечно, ничего не стоило послать на кордон лихаревского порученца, а то и самому съездить, но — не хотелось. Слишком сложно изображать мужа перед женщиной, которая прожила с Шестаковым столько лет. Долго —

не вытянуть. По крайней мере — сейчас. На другое силы нужны.

Обойдемся, и без орденов товарищ Сталин примет, если я ему нужен. Нет — тем более.

В назначенное время Шестаков стоял в приемной, по старой памяти обменивался с Поскребышевым внешне ничего не значащими, но несущими второй и третий смыслы фразами. Изоощренный в аппаратных делах человек по интонации, по направлению взгляда, по десяткам других неувимых штрихов способен понять ситуацию и предсказать свое и чужое будущее. Сейчас ничего угрожающего нарком не ощущал. Даже напротив, секретарь Сталина демонстрировал подчеркнутое уважение, ни единым жестом не обозначая, будто знает о нескольких «странных» эпизодах, не так давно имевших место. Значит, с позавчерашнего дня в поведении Хозяина ничего не изменилось, по крайней мере — внешне. А что он там на самом деле воображает и лелеет — не угадаешь. Когда нужно, тот и самого Поскребышева отправил в тюрьму без предварительных ритуальных телодвижений. На то и вождь.

— Войдите, Григорий Петрович, — сказал наконец Поскребышев и тут же начал писать обыкновенной, школьной ручкой в журнале посещений, аккуратно макая перо в чернильницу.

Неожиданно яркое после вчерашней непогоды январское солнце било косыми лучами поперек сталинского кабинета. Будто не разгар зимы на улице, а началась уже пришивинская «весна света». Кабинет был знаком Шульгину по кинофильмам, фотографиям сороковых-пятидесятых годов, по рассказам Новикова, по шестаковским воспоминаниям и своему последнему посещению. В нем было совсем не страшно. Скорее — уютно, по-домашнему как-то, потому что были здесь нарком с вождем наедине, не давила атмосфера совещаний и заседаний, когда присутствующие излу-

чали ощутимую даже для самых толстокожих ауру страха, то замаскированного, то откровенного до неприличия. Да и то! Как пел Высоцкий: «А завтра кто в могиле, кто в почете!» Причем кто где — до последнего момента не знал никто.

— Курите, товарищ Шестаков, если хотите, — радушно предложил Сталин, подвигая через стол коробку папирос. Не каждому позволялось. Вроде как получить понюшку из табакерки императора Павла. Честь, однако.

Шульгин, пока что отстранивший память и моторику Шестакова в сторонку, но крайне вежливо, мол, обожди немножко, Григорий Петрович, сейчас я лучше знаю, как быть, взял «Герцеговину», размял в пальцах, похлопал по карманам, вспоминая, где спички.

Сталин взглядом указал на серебряную спичечницу, в которую была вставлена коробочка отнюдь не отечественного «Гиганта», а натуральных шведских. Сашка прикурил, и, пожалуй, в глазах его что-то такое промелькнуло, наверняка невозможное для Шестакова. Ирония или просто воспоминание про рассказ Эренбурга о судьбе плохо кончившего жизнь спичечного короля.

— А что делать, Григорий Петрович? Нет у меня времени и желания чиркать и ломать десяток, пока одиннадцатая загорится. Разве что передать и это производство в ваш наркомат? У вас, помнится, процент брака поменьше?

Шульгин слегка пожал плечами.

— Поменьше, товарищ Сталин... Хотя бывает, куда ж денешься?

Вождь вдруг помрачнел лицом, однако голос его оставался крайне благодушным.

— Товарищ Шестаков, вы — умный человек? — и прозвучало это одновременно и вопросительно и утвердительно.

— Да, товарищ Сталин. Надеюсь — да, — сделал он на всякий случай оговорку.

— А что такое, по-вашему, — умный? — и посмотрел на собеседника очень пристально.

— Я думаю — это способность адекватно реагировать на обстановку и принимать верные в данных обстоятельствах решения. Образование и должность к понятию «ум» безотносительны...

Сталин склонил голову к плечу.

— Хорошо сказано. В определенных обстоятельствах так и есть. Однако заметно, что независимо от окружающей обстановки образование у вас дает себя знать.

Шульгин промолчал. А что? Бояться ему совершенно нечего. Не мог он избавиться от ощущения, что нынешний Сталин и Андрей Новиков — одно и то же. Слишком много друг ему рассказывал о пребывании в этом теле, наводящем ужас на окружающих, в том числе якобы и на самого Черчилля в будущие годы. Да и при самом остром развитии ситуации ни Виссарионович, ни Поскребышев, сидящий за дверью, ничего ему сделать не смогут. Охрана в коридоре — тоже. Просто не успеют. Другое интересно. Сталину сейчас пятьдесят восемь, ему — тридцать пять, Шестакову — сорок два, психологической же разницы в возрасте не чувствуется.

— Теперь дальше, — продолжил Сталин с прежней интонацией. — Вы — смелый человек?

— Скорее всего. В Мировую войну кресты даром не давали. Тем более — на море. Страшновато моментами было, не скрою, а так — ничего, служил, воевал...

— То в Мировую. Там много героев было. А вы и Николая Ивановича не испугались.

Шестаков изобразил на лице легкое презрение.

— Николай Иванович? По-моему, германская торпеда или мина в холодной Балтике страшнее этого прикурка! С крейсера «Паллада» из тысячи человек ни один не спасся, да и еще были случаи. А тут...

Пропустив мимо внимания последние слова, Сталин сосредоточился на первых.

— Прикурка? Очень правильно сказано... Именно.

Тем не менее мы ему доверяли. Очень доверяли. Так может, и мы — тоже?

Здесь пришлось сохранить покерное лицо. Ни малейшего движения мышц. Словно вообще не услышал.

Вождь прищурился, глаза окружили добрые морщинки.

— А меня вы — боитесь?

Спрашивают так — надо так и отвечать.

— Нет, товарищ Сталин! — (Как с борта в воду.) — Уважаю, восхищаюсь как человеком и руководителем. Вижу в вас воплощенную волю партии. А бояться? Знаете, один писатель не так давно выразился: «Не бойтесь врагов, они всего лишь могут вас убить. Не бойтесь друзей, они всего лишь могут вас предать. Бойтесь равнодушных, ибо только с их согласия существуют на Земле предательства и убийства».

— Хорошо сказано, товарищ Шестаков, хотя я не совсем уверен, что это имеет отношение к конкретно-му случаю. Но согласимся. Вас, по крайней мере, равнодушным никто не осмелится назвать...

Разговор начинал приобретать странный оборот.

При этом Шульгин видел, что за минувшие двое суток Сталин стал каким-то другим. Как только сделал первый шаг в сторону от накатанной колеи. Сдал Ежова на год раньше срока, прислушался к Лихареву, простил Шестакова... Разумеется, судьба нескольких мелких чекистов значила для него даже меньше, чем ничего, однако, однако...

Да и как иначе, исходя из теории и личного опыта?

МНВ — оно и есть МНВ. Минимально необходимое воздействие. Гениально придумал Азимов, если, конечно, ему не подсказал идею «случайно» встретившийся агтрианин.

Полгода под контролем столь сильной личности, как Андрей Новиков, не могли не деформировать сталинский характер. Именно в сторону большей терпимости, большей рассудительности (в политическом смысле, но не только).

Велика ли беда, что того варианта пока еще не бы-

ло? А вдруг был — хотя бы в виде отброшенной будущим тени? Или не просто тени, а чего-то совсем нам недоступного, исходя из теории взаимопересекающихся и взаимодействующих *жгутов реальностей*. Иногда — путем пробоев искры через изоляцию, иногда — неким подобием электромагнитной индукции. Скажем, оказались поблизости точки *того* сорок первого и *этого* тридцать восьмого — и пожалуйста. Чистый мозг здешнего Сталина получил импульс от удвоенной мощи своей личности, совмещенной с матрицей Новикова, плюс добавился еще какой-то *кумулятивный эффект*. Знать о подобном мы ничего не знаем, но предположить-то можно? Совсем свободно допустить, что и отсюда туда распространяется некое поле, корректирующее сейчас поведение Сталина-Андрея в сорок первом.

В любом случае вести себя следует именно в только что взятой тональности. В противном случае — к чему все?

Шульгин отнюдь не считал, что нынешняя ситуация — окончательная, что он навек останется в теле наркома. Допустить это, поверить в такое — труба, тоска, первый шаг к деградации и растворению. Как-нибудь вывернемся, первый раз, что ли?

При том, что абсолютно никому, кроме него, эта *якобы миссия* не нужна. Или все-таки имеется некий смысл, недоступный ему самому? Антон ведь не просто так составлял переданный через него меморандум.

Должен быть скорее всего.

Если какие-то смыслы вообще существуют в природе. Сократа бы спросить...

— Раз уж вы такой равнодушный... Это я вам в похвалу говорю, не подумайте чего другого, — покрутил Сталин над столом дымящейся трубкой, — надо это ваше свойство или черту характера, как правильнее сказать, использовать в полной мере. Вы знаете, товарищ Шестаков, я бы очень хотел сделать так, чтобы вы стали моим ближайшим другом...

— Все, что от меня зависит, товарищ Сталин!

— Не надо вот так. Я чувствую, что вы сейчас отвечаете «как положено». Я же хотел, чтобы вы ответили совсем от души. Хотите, нет?

Как можно было сказать — «нет»? Даже исключая все привходящие обстоятельства, просто по-человечески? Тем более Сашке показалось, что Иосиф Виссарионович в этот именно момент говорит искренне. Ничего странного, не человек он, что ли? Есть же в истории примеры...

— Для меня такое предложение... Не знаю, смогу ли соответствовать...

— Значит, считаем, вы согласны. Но такая позиция — моего друга, она требует... — Сталин внезапно замолчал, встал, не глядя на собеседника, пошел по кругу вдоль стен кабинета, на ходу раскуривая трубку. Сашку пронзила мысль — это же совершенно Андреева манера. А потом в кино такое показывали. Опять перемыкание?

Сталин остановился у дальнего окна, явно успокоившись, потому что дым из его не слишком шикарной трубки (а интересно бы взять в руки, посмотреть, не «Петерсен» ли?) пошел густыми клубами. И пыхтел там довольно долго, Шульгин же при этом просчитывал варианты. Не как Серпилин в романе Симонова, по-своему, однако пауза оказалась очень кстати, и, наверное, для обоих.

Нет, точно, *тень будущего* явно достала вождя, и он сейчас совсем не такой, как должен быть, исходя из расхожих представлений. Позавчерашний ментальный посыл достиг своей цели, наверное.

Сталин вернулся к столу. Продолжил, словно и не было долгой паузы:

— У меня были друзья. Даже — очень хорошие, но одни умерли, другие предали. Хотите — назову...

Шульгин сделал едва заметный отстраняющий жест, мол, зачем мне это.

Сталин словно и не заметил.

— Бухарин был, Киров был, Серго Орджоникидзе

был... Еще раньше Егоров тоже был. Царский полковник, а я ему звание маршала дал. Неправильно себя повел. Вообразил, что бывший поручик ему скорее поможет. А в чем?

Тут Шульгин не мог со Сталиным не согласиться. Если даже предположить, что заговор Тухачевского имел место, тот же Егоров ни на что большее сверх имеющегося рассчитывать не мог. В самом лучшем случае. Разве что, без всяких личных соображений, исходя только из *высших*, ввязался в заговор, желая избавить страну от диктатора? Как Штауфенберг¹. А что взамен? Как будто здесь можно вообразить подобие европейской демократии или хотя бы хрущевского варианта. Ага! С палачом и предателем Тухачевским во главе. Нет, правда, на гораздо большую степень личной безопасности все-таки можно было рассчитывать. Своих соратников ни Хрущев, ни Брежнев больше не расстреливали, не сажали. Отставка с персональной дачей в худшем случае.

— Кто остался? Молотов, Ворошилов, Буденный... Каганович? Нет, нужный человек, но не друг. Остальные... Вы Мандельштама читали, Григорий Петрович?

Шульгин только на секунду задумался. Черт его знает, как ответить. Вообще, кроме маленькой книжки, в институте подsunутой подружкой, ничего не читал, поскольку не восхитился. Но о чем идет речь догадался.

Ответил осторожно: «Слышал кое-что. Мне как-то Гумилев с Киплингом ближе. Если вы о том стихе...»

— О том, о том. «А вокруг него сброд тонкошеих вождей!» Оно самое. Лучше не скажешь. А вас к «тонкошеим» не отнесешь, товарищ Шестаков.

Сашка решил сдохнуть. Показалось, что к месту будет.

¹ Подполковник германской армии, подложивший под стол Гитлеру бомбу в ставке «Вольфшанце» в 1944 г. Расстрелян.

На короткой, незаметной шее
Голове удобнее сидеть.
И душить значительно труднее,
И арканом не за что задеть... —

продекламировал он.

Сталин наклонил голову, оценивая слова, усмехнулся в усы.

— Очень хорошо сказано. А кем?

— Да так, какой-то поэт-любитель из блатных. Слышал в командировке на Урале, запало в голову.

— А другие слова? Интересно бы целиком послушать...

— Не знаю, товарищ Сталин, постараюсь отыскать, кажется, записал в один из блокнотов. Постараюсь...

— Хорошо, оставим пока. Поищите. И арканом не за что задеть... Ну, наших каждого есть за что.

Ясно было, что в последние слова он вложил оба смысла.

— Я с вашей докладной запиской очень внимательно ознакомился. Солидный труд, солидный. Вы себя, не иначе, начальником Генерального штаба вообразили?

— Ни в коем случае, товарищ Сталин. Генштаб — это не мое. Я все же начинал службу в Красном флоте флагманским специалистом, занимался вопросами стратегического использования вверенной боевой техники. Потом, как вы знаете, тоже... Мы же не просто конструируем, строим и в войска передаем, мы обязаны хотя бы для себя представлять высший смысл нашей деятельности. Странно, знаете ли, обидно, да и не по-партийному — прокукарекал, а там хоть не рассветай. Сконструирован и спущен на воду, допустим, один из лучших в мире по характеристикам легкий крейсер, а какой-нибудь «выдвигенец» с широкими нашивками и тремя классами образования вздумает его в качестве плавбатареи непосредственной поддержки пехоты использовать...

Это я к примеру, конечно. Или быстроходный танк-рейдер — для сопровождения взвода интербрига-

ды при штурме средневекового монастыря с двухметровыми стенами. Что в Испании наблюдается сплошь и рядом. В таком случае непременно приходят в голову мысли о соответствии военной доктрины государства его техническим возможностям и, так сказать, человеческому фактору...

Почему я и взял на себя смелость заявить, что при углубляющемся расхождении между названными факторами мы рискуем. Очень рискуем...

— Я вас понял, товарищ Шестаков. Мне только одно интересно — взяли бы вы на себя ответственность не только Кассандру изображать, а сделать что-нибудь реальное в этом направлении?

— То, что от меня зависело на порученном участке работы, я, надеюсь, исполнял. И впредь не собираюсь уклоняться...

— Вы правильно рассуждаете. Я вас слушаю и все время удивляюсь — отчего другие люди рассуждают не так. Нет, было время — Фрунзе свое мнение до последнего отстаивал, и результаты у него были хорошие. Тухачевский тоже отстаивал, за что мы его и выдвигали, несмотря на существенные ошибки. А сейчас... Совсем не то сейчас. Или это такой очень грамотный саботаж, по принципу итальянской забастовки¹? Троцкисты, а?

— Не знаю, товарищ Сталин, никогда идеями Троцкого не интересовался, а скорее не троцкисты, скорее — просто дураки. Один американский писатель говорил: «Не стоит искать злого умысла там, где все можно объяснить просто глупостью...»

И постарался отправить вождю еще один посыл по формуле нейролингвистического программирования, чтобы он наложился на последнюю фразу, усиливая

¹ Итальянская забастовка — способ протеста, когда ее участники начинают работать строго по правилам, ни на шаг не отступая от регламентов и инструкций. Производство, естественно, немедленно останавливается.

ее и впечатывая в глубинную структуру ретикулярной формации.

Дошло, потому что Сталин на мгновение отключился, взгляд его сделался пустым. Знакомый симптом.

— Интересная мысль, — произнес он после паузы с некоторым усилием. — Вы все время находите очень убедительные доводы. Это мне нравится. Мы наверняка сработаемся. Чтобы окончательно убедиться, давайте попробуем устроить небольшой розыгрыш. Через полчаса у меня соберется «малое» Политбюро, и вы на нем выступите. Сейчас мы с вами подработаем сценарий, и от того, насколько вы хороший артист, будет многое зависеть в дальнейшем. Согласны?

— Я ведь уже сказал, товарищ Сталин, если нужно для дела...

— Тогда слушайте.

Замысел Сталина, самостоятельный или сформированный под влиянием позавчерашней беседы и прочих названных факторов, выглядел совершенно в его стиле, но отличался некоторыми существенными деталями. Обычно в его играх не хватало *интеллектуальной тонкости*. Пугать людей он умел, подавлять волевым напором, знанием фактов, в том числе и компрометирующих, демагогией, само собой, устоять против которой удавалось считаным единицам крайне уверенных в себе да вдобавок бесшабашных людей. Тех, что и придумали поговорки: «Помирать, так с музыкой», «Или грудь в крестах, или голова в кустах»... Остальные уходили бесславно или действительно умирали, известное дело.

Сталинская режиссура и Сашкины актерские таланты, он ведь, бывало, и в театре поигрывал, и в цирке выступал, очень хорошо состыковались. Члены Политбюро привыкли ко всяким неожиданностям, но и их выбила из седла непонятная наглость рядового наркома, чудом избежавшего сухановских застенков. Говорил он вроде бы от себя, но вместо того чтобы просить прощения и каяться, агрессивно наступал. Не ща-

★

да даже и сталинского самолюбия. Ворошилова он своим выпадом напугал до полусмерти, прочие, с недоумением и страхом наблюдая за реакцией Хозяина, тоже «прижали уши».

Без всяких возражений со стороны коллег Климент Ефремович немедленно лишился поста наркома обороны и был назначен командующим ОКДВА¹, вместо Блюхера. А на его место рекомендован соратник Сталина и Буденного по Первой конной армии Иосиф Родионович Апанасенко.

Из членов Политбюро Ворошилова тоже вывели без лишних процедур. В устной форме. И ушел «первый красный маршал», не совсем понимая, проиграл он или неожиданно выиграл. Хабаровск очень далеко от Москвы, и жизнь там может оказаться гораздо спокойнее. Ну а порядок после Блюхера навести — не самое трудное дело. Глядишь, одумается вождь, обратно позовет. А нет — так и не надо.

В то время повороты судьбы воспринимались людьми несколько иначе, чем в нынешние вялые годы, когда и взлет — не взлет, и падение — не совсем падение.

Из всех присутствовавших на заседании только Николай Александрович Вознесенский, тридцатипятилетний председатель Госплана, не член Политбюро, приглашенный по предложению Шульгина (точнее, Шестакова), явно одобрительно отнесся к поведению Григория Петровича, не скрывая улыбки. Шульгин имел на него особые виды: способный человек, будущий зампред Совнаркома и Совета министров, будущий кандидат на пост самого Сталина, через год после объявления его «преемником» расстрелянный по «ленинградскому делу» сорок девятого года. Они и рань-

¹ ОКДВА — Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия, группировка советских войск на Дальнем Востоке, занимавшая территорию нынешних Дальневосточного и Забайкальского военных округов. В июне 1938 г. преобразована в Краснознаменный Дальневосточный фронт.

ше плодотворно сотрудничали по некоторым вопросам, а теперь Вознесенский почувствовал, что перспективы и для него открываются приличные.

— Кажется, неплохо получилось, товарищ Шестаков, — довольно сказал Сталин, когда прочие участники совещания были отпущены «отдыхать». Сегодня ему без особых усилий удалось до полусмерти напугать ближайших соратников. Без новых арестов. «Большой террор» ему и самому несколько поднадоел. Прошлый раз инерцию удалось остановить только через год, а сейчас благодаря удачно сложившейся ситуации — можно и сразу.

— Давайте поедem ко мне на дачу, поужинаем, — предложил Сталин. — И Заковского позовем. Посмотрим, как он будет себя вести, тогда и решение примем.

Получалось так, что Иосиф Виссарионович с ходу начал воплощать в жизнь новый статус наркома. Да и что удивительного — Вождю скоро шестьдесят, и если появился рядом человек молодой, энергичный, ни с какими враждебными группировками и уклонами не связанный, отчего бы не переложить на него часть своих обязанностей, хлопотных и непринципиальных, оставив за собой только общее руководство? Многие правители так поступали. Главное ведь — сохранить за собой право последнего слова и техническую возможность в любой момент восстановить статус-кво.

Такая возможность у него была. Помимо всякого НКВД, который действительно набрал совершенно ненужную силу да вдобавок просто дискредитировал гуманную и народную советскую власть и лично товарища Сталина. С «ежовщиной» покончено! Кстати, очень хороший термин, хлесткий и емкий. Немедленно следует ввести его в широкое обращение. Будет политически правильно. Одновременно все увидят и поймут, что товарищ Сталин на чеку. Вовремя увидел «перегибы» (как во время коллективизации) и железной рукой восстановил справедливость.

По этому поводу можно и поужинать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Леонид Михайлович Заковский, комиссар госбезопасности первого ранга (что по знакам различия соответствовало командарму, а по реальной власти значительно его превосходило), первый замнаркома внутренних дел, опытный разведчик и контрразведчик, в Гражданскую войну поработавший даже начальником махновской контрразведки, чувствовал себя не очень хорошо. Даже, можно сказать, так плохо, как никогда раньше. Хотя, казалось бы, и не такие моменты приходилось переживать. Правда, в Гражданскую он был значительно моложе и воспринимал свою тогдашнюю деятельность как увлекательное приключение. А позже, вплоть до позапрошлого года, все у него складывалось вообще великолепно. Только вот низвержение Ягоды и назначение Ежова поселило в душе сначала смутную, а потом все усиливавшуюся тревогу. Неправильно дела пошли, а точнее — просто по-идиотски.

Сама по себе идея «большого террора» у него возражений не вызвала. Раз политика государства и партии коренным образом меняется, так совершенно естественно, что должна произойти «в верхах» смена караула. Потерявшие нюх и чувство реальности «бойцы ленинской гвардии» явным образом оказались «не на высоте новых задач» и вполне заслуживали *отстранения*. Но никак не *устранения*. Вполне можно было без всяких показательных процессов и бессудных расстрелов рассовать их по малозначительным постам, вроде как поначалу поступили с Бухариным, Каменевым и прочими. Вполне бы у ГУГБ хватило возможностей не допустить с их стороны противоправных или просто нежелательных поступков. Вплоть до интернирования в специальных «общежитиях», где они могли бы продолжать полезную работу.

И уж совсем недопустимо было распространение террора на *низшие уровни*, где он мгновенно вышел из-под контроля Центра.

Наблюдая за происходящим, Леонид Михайлович,

разумеется, помалкивал, хотя в сфере своей ответственности пытался удерживать процессы *в рамках*, если, конечно, не получал прямых и недвусмысленных указаний по тому или иному поводу.

Само собой, нередко приходили в голову неприятные мысли, что волна может накрыть и его, но здесь он защищался от них самым обычным образом — убеждал себя, что, если бы Хозяину было нужно, его загребли бы одним из первых, вместе с Ягодой и многими другими. Но нет, не загребли, даже возвысили против прежнего. Каков бы там ни был Сталин, наверняка должен понимать, что без профессионалов в руководстве тайной полиции не обойтись. Кто-то ведь должен и *настоящую* работу обеспечивать.

Гитлер вон, что о нем ни говори, настоящие кадры сохранил, и кайзеровские, и веймарские. Порезал верхушку своих штурмовиков — и остановился. Совсем его не волновало, что многие нынешние гестаповцы до тридцать третьего года с тем же успехом ловили и сажали нацистов, как сейчас коммунистов и социал-демократов. Понимает, что на государственной службе делают то, что приказано, а не то, что хочется. «Для каждого дела всегда найдется свой человек, и каждому человеку — свое дело». Это, кажется, слова Гейдриха, начальника РСХА, свое дело как раз знающего.

Последнее время Заковский нутром почуял, что ситуация выходит из-под контроля даже на его уровне. Все больше власти при Ежове забирал Фриновский, тупица, садист и бездарь, хотя и по-своему хитрый, а это ничего хорошего не сулило, лично для него. И тут вдруг история с Шестаковым.

Заковский непонятным образом, чисто интуитивно понял, что здесь имеется шанс. Потому и поддержал старшего майора Шадрина вопреки всякому здравому смыслу. Решил сыграть «ва-банк» просто потому, что покорно сидеть и ждать, пока и за ним придут, стало невыносимо.

Признавался он самому себе: поступок отчаянного наркома его воодушевил. Голову на кон — и гори оно

все огнем! Сам он в молодости поступал, бывало, аналогичным образом. Как-то, в конце девятнадцатого года, красные из Особого дивизиона ВЧК выследили местоположение очередной полевой ставки Махно и совершили на нее внезапный налет. По собственной инициативе или по специальному приказу — кто теперь знает? В архивах он никаких упоминаний о планировании подобной операции не нашел. Тогда Нестор Иванович с его армией был очень нужен советской власти. Только что он нанес сокрушительный удар по денikinским тылам, заставив Добровольческую армию прекратить успешное наступление на Москву, а впереди еще был Крым, где четыреста махновских тачанок буквально вырубili остатки белой кавалерии, поставив в войне последнюю точку, после чего и началось планомерное уничтожение «махновщины».

Так вот, когда налетели чекисты, сам Заковский (он же Левка Задов) в упор косил их из пулемета, пока перегретый «максим» не заклинило, а потом с остатками сотни Красильникова, спасая «батюку», стреляя с седла из двух «маузеров» сразу, пробился, ушел в ночную степь.

«Мальчики кровавые в глазах» после этого у него никогда не возникали: у чоновцев своя работа была, у него — своя. Первый орден Боевого Красного Знамени за те как раз дела он считал вполне заслуженным.

С наркомом тоже получилось наилучшим образом. Собранные Заковским материалы весьма пригодились, в качестве «последней соломинки», чтобы раздавить злого карлика.

Тут-то и начались настоящие терзания.

По совету Лихарева он не вернулся домой, переночевал у него на квартире. Правильный был совет, инерция отлаженной машины была такова, что вполне свободно можно было ожидать ареста, а то и чего похуже, уже за финишной ленточкой. Приказы, как известно, легко отдаются, да трудно отменяются. Сам же отстраненный Ежов, от бессильной злобы или по тон-

кому расчету, до того как об его отставке стало известно, вполне мог приказать Фриновскому ликвидировать соперника «при попытке к бегству» или законпатить в Сухановскую тюрьму, наподобие «Железной маски», без фамилии, под номером, с соответствующей пометкой в деле.

Совсем не факт, что потом разобрались бы и выпустили. Сам же Хозяин мог решить: если сел, так пусть и сидит, раз таким лопухом оказался.

(Заковский не мог знать о том, что случилось тринадцатью годами позже, но рассуждал верно. В пятьдесят первом году Сталин уволил и посадил тогдашнего министра ГБ Абакумова, а после его смерти министра не только не выпустили с реабилитацией, как других, а вообще расстреляли, хотя совершенно не за что было, по меркам того времени.)

Утром Заковский ушел от Лихарева, тоже повинувшись чутью, укрылся на никому не известной конспиративной квартире, снабженной специально защищенной линией связи. Кто о ней знал — тех уже нету. Чудесная квартира, спрятанная так, что сто лет ищи — не найдешь. Мало ли чем закончится встреча наркома со Сталиным и Ежовым. Еще и сам Лихарев «под раздачу» попадет. Тогда Леонид Михайлович рассчитывал, по примеру Шестакова, пересидеть некоторое время, да хоть год, если потребуется, а там, может, тоже уходить за границу. В отличие от дилетанта-наркома возможностей у него куда больше, и технических, и финансовых.

По этой самой линии узнал от Валентина (оперативный псевдоним «Студент»), что дела складываются «в нашу пользу», Шестаков доложил все, как нужно, Ежов выбит из игры, и судьба его будет скорее всего печальной, а сам Заковский рассматривается на его место.

Тут Леонида Михайловича и прихватило. Так случается. В опаснейших, почти безнадежных обстоятельствах человек держится — загляденье, а спасся — все гайки и отдалось.

Не только угроза жизни миновала, так и карьера взлетела к высшей точке. Генеральный комиссар госбезопасности — выше не бывает. Один сиреневый мундир с огромными звездами на васильковых петлицах чего стоит! На плюгавом Ежове он сидел, как клифт на огородном пугале, а на могучей фигуре Заковского будет смотреться внушительно и импозантно. Да что мундир, это ерунда, конечно. Службу можно будет перестроить и наладить так, что у Гимmlера с Гейдрихом слюнки потекут. Главное — заграничную разведку восстановить, полувыбитую и деморализованную. Сейчас наступают времена настоящих профессионалов, а не выдвиженцев с неоконченным начальным образованием.

Только — где гарантии, что случится именно так? Вдруг опять раскручивается дьявольская интрига? Разыграли Сталин с Ежовым хорошо срепетированную сцену для дураков. Уйдет на недельку или месяц Николай Иванович в тень, понаблюдает оттуда, как, обрадовавшись, повылезает из щелей и норок недоразоблаченные враги, — и хлоп!

Каково тебе тогда будет, Леонид Михайлович, губы раскатавши, в камере сидеть и локти кусать, в пустой след проклиная собственную непроходимую глупость?

Да нет, не должно так случиться. Лихарев врать не будет, Заковский знал его достаточно. И вел еще с двадцать восьмого года, скорее на всякий случай, чем по настоящей необходимости. Легально-то между ними всякие связи были обрублены в тридцать третьем, когда Сталин «Студента» всерьез к себе приблизил. Однако вот встретились — словно вчера расстались. Сразу нашли общий язык, а главное — интерес.

Если только самого Валентина тоже не намечено в тираж вывести, а он об этом пока не догадывается... Но это уже из разряда совсем запредельных допущений...

Так и психовал Заковский, колеблясь между депрессией и эйфорией. Кружил по комнатам широко-

ми шагами, на ходу ему лучше думалось. Уставал от перебора вариантов, принимался читать «Королеву Марго», чтобы отвлечься, тут же наталкивался на очередную сцену тогдашних дворцовых интриг, так похожих на нынешние, раздраженно отбрасывал книгу.

Решил было лечь спать, и тут как раз тихо загудел телефон. Специальным звуком. Кандидат в Генеральные комиссары, демонстрируя спокойствие и выдержку, снял трубку лишь после третьего вызова.

— Слушаю...

— Леонид Михайлович, — звенел мембраной голос Лихарева, — боюсь, что нас можно поздравить. Клиент сегодня полдня провел у Хозяина, и с глазу на глаз, и на «малом» Политбюро. Ворошилова сняли, Молотову краем досталось. Грядут, грядут перемены, но дело даже не в этом. Велено вас разыскать и пригласить на Ближнюю, на ужин. Вас и Шестакова. Я тоже рядом побуду. Так что с вас причитается простав, как первому сообщившему... Все понятно? Машину куда высылать?

Заковский помолчал, выравнивая дыхание. Он знал, что означает приглашение на личный ужин.

— Давай на то же место, что последний раз.

— Заметано. Через полчаса будет. Управитесь?

— Не тревожусь...

Главная хитрость тайной квартиры Заковского заключалась в том, что размещалась она, что называется, посередине минного поля. Или — в снарядной воронке. Еще точнее — в пресловутом Доме на набережной, где обитали главные объекты нынешнего террора, к подъездам которого уже целый год еженощно подъезжали «эмки» и «воронки» с Лубянки. Жильцы менялись, словно постояльцы привокзальной гостиницы, а некоторые апартаменты так и стояли, как выморочные средневековые замки, пугая соседей казенными печатями на дверях. Может, в этом и был определенный замысел — напоминать большим людям о бренности их существования.

★

Еще в ходе строительства «дома-коммуны» (благо вело его ХОЗУ НКВД) между многочисленными общественными помещениями — рекреационными залами, столовыми, детскими игровыми комнатами, кинолекториями и прачечными — образовалось несколько неприметных блоков, на общих чертежах не обозначенных. Никто, включая главного архитектора, этого не заметил. Да и как иначе? Неужели лауреат Сталинской премии будет с рулеткой проверять совпадение внешних и внутренних объемов или на фасаде в тысячу окон кто-нибудь заметит несколько «лишних»?

Как и положено со времен Древнего Египта, знающие слишком много исполнители, в зависимости от личных качеств, получили достойное вознаграждение и забыли о мелких эпизодах творческой жизни или отправились заниматься инженерной деятельностью в такие места, откуда и сама Москва казалась миражом в пустыне, не то что отдельный дом.

Сделано притом было очень недурственно. Прямо сказать — хорошо. Из своей квартиры Заковский мог выйти особыми коридорами в три разных подъезда, в «Гастроном» на первом этаже, а подземным техническим коридором — в несколько укромных мест кинотеатра «Ударник» и Театра эстрады.

Его же собственный особняк располагался на Малой Якиманке, совсем недалеко, выделенный еще по распоряжению Менжинского. Тот любил своих близких сотрудников и устраивал их быт в меру возможностей. «Если какому-то Горькому-Пешкову можно отдать особняк Рябушинского, то почему моим ребятам нельзя чего-то подобного?» Менжинский, шляхетный поляк, Горького как писателя ни в грош не ставил. Ему куда больше по душе был Марсель Пруст. Или Сенкевич.

Одевшись как положено для встречи с вождем, Заковский вышел к известному месту на Кадашевской набережной. Опять, по погоде, на нем был белый ко-

мандирский полушубок и шапка со звездочкой, маскирующие комиссарское великолепие и кобуру с маленьким, для высшего комсостава, пистолетом Корovina на ремне гимнастерки. Сталин, остерегаясь заговорщиков, одновременно любил, чтобы все приближенные носили оружие. Не просто разрешал, а даже требовал. Возможно, наследие абрековского прошлого, когда считалось — кто без оружия, тот вообще не мужчина.

Лихарев прислал за ним не свой «Гудзон», а нормальный «ЗИС» из кремлевского гаража. Никакой охраны при нем не было, и самого Валентина тоже, один только шофер в передней каретке. Это еще более успокоило комиссара. Он устроился на просторном заднем сиденье, вынул руку из кармана, где сжимал ручку свержштатного «браунинга», махнул водителю. Поехали, механик, давай!

О чем мог размышлять во время недолгого пути зам начальника всесильного, но одновременно и абсолютно бессильного (если за основу брать полную, вплоть до безропотного отхода к указанной стенке, зависимость от вышестоящего окрика) ведомства? Наверное, о том же самом: как держаться в каждом из равновариантных случаев, стреляться ли самому или до последнего щелчка стрелять в окружающих и что говорить в случае благоприятного поворота и исхода событий?

Но встретили его любезно, сотрудники, знакомые в лицо, указали, где стать машине, где самому раздеться, никто не поинтересовался документами, не обратил внимания на оружие. Уже обнадежило.

Из прихожей первого этажа Заковскому предложили подняться на лифте на второй, он же последний на даче. Очередная причуда хозяина. Тут и пешком недалеко.

Впрочем, своеобразная хитрость, поскольку обычную лестницу еще попробуй найди. Убийцам наверняка придется потерять темп, а уж там охрана себя проявит...

В столовой, по сталинскому обыкновению отделанной панелями светлого дерева и обставленной тяжелой, угловатой мебелью, больше подходящей для присутственных мест, его уже ждали. Сам Иосиф Виссарионович и нарком Шестаков, выглядящий куда бодрее и веселее, чем при их прошлой встрече. Что и понятно, тогда он был гонимым и почти загнанным, а сейчас вознесся на вершины славы и признания, так это расценил знающий толк в придворных раскладах Заковский. Если бы здесь присутствовал кто-то еще, то по текущему соотношению позиций в кремлевской иерархии можно было бы рассуждать, что почему, а раз они здесь только вдвоем, а он, выходит, третий, значит, игра складывается в нашу пользу. И очень, очень... Страшно даже вообразить, какие открываются перспективы для любого, удостоенного...

— Садитесь, товарищ Заковский, — не вставая с места, радушно указал Сталин на стул напротив себя, рядом с Шестаковым. — Знакомы, надеюсь?

— Встречались, Иосиф Виссарионович, — осторожно ответил Заковский, пожимая руку вождя, а потом и наркома. Действительно, встречались, но и не более. Должности и сферы ответственности у них были настолько разные...

Повар в форме НКВД, прикрытой белым халатом, внес и поставил посередине стола фарфоровую, в цветочках, исходящую паром супницу. В прорези крышки торчала ручка половника, по-солдатски — «разводяги». Неизвестно по какой причине Сталин любил сам разливать гостям суп, борщ или харчо. Может быть, со времен тюрьмы и ссылки, когда это занятие считалось весьма почетным, давая определенную власть над людьми. Хочу — сверху зачерпну, водички, хочу — самую гущу, с картошкой и мясом. Не так уж это и мало, если кто понимает.

На этот раз к столу подали харчо, прекрасно приготовленное, чеснок очищенный на тарелочке, графин с водкой, инеем подернутый... Сталин ел с явным удовольствием, иногда отпуская замечания, от-

носящиеся исключительно к качеству продукта, время от времени указывал толстым, но отнюдь не жирным, как вообразил Мандельштам, пальцем на хрустальные стограммовые стопки. Тоже известно, любил Хозяин напоить гостей до потери самоконтроля, а потом уже и решать вопросы. Свои, разумеется. Но сейчас такую цель он вряд ли преследовал. Спотить двух крепких мужиков, сам он третий, литром хорошей водки под горячую и жирную закуску? Нереально.

Доели, почти допили. Судя по обстановке, ни вторых блюд, ни закусок не ожидалось. Это тоже входило в сталинскую манеру принимать гостей. Может, еще чаю потом подадут.

— Так что, товарищи? — врасстяжку спросил Сталин, вытерев усы крахмальной салфеткой, потянулся к коробке «Герцеговины». Сам взял папиросу, легким движением головы велел сотрапезникам не стесняться.

Чего же не закурить, когда вождь угощает?

— Кто из вас историю лучше знает? — спросил и посмотрел как-то очень внимательно. Каждому показалось, что именно на него. С явным ожиданием конкретного ответа.

— Я, товарищ Сталин, — первым ответил Шульгин-Шестаков, — в реальном училище по Иловайскому изучал. С тех пор только так, случайно почитывал, беллетристику все больше. Покровский мне не нравился (беспроегрышно, главный советский историк уже два года как вычеркнут из списков), а другое — некогда...

— А я, уж простите, — слегка кашлянув, добавил Заковский, — вообще не очень. Лет десять только документы читаю, «Правду» и журнал «Большевик», само собой. Что там пишут — все знаю, от передовицы до списка опечаток. Упустишь что, невольно от Генеральной линии уклонишься — отвечать придется. Ну и сотрудников вовремя сориентировать, поправить, если что...

— Это, с вашей стороны, следовало бы назвать «ползучим эмпиризмом»¹. История — наука наук, не считая, конечно, марксистско-ленинской философии. Впрочем, об этом вы непременно узнаете, когда выйдет из печати «Краткий курс», но сейчас это несущественно. Вопрос же, мною заданный, касается следующего. — Лицо Сталина стало серьезным и весьма значительным. Именно таким, как изображалось на специально ретушированных портретах. — Историю вы, конечно, знаете, хотя по не совсем понятным причинам не хотите в этом признаться. — Он помолчал, глубоко затянулся папиросным дымом, что с трубкой у него не всегда получалось. — Осторожные, да? Не понимаете, что имеет в виду товарищ Сталин, и заведомо стараетесь прикрыть свою жопу... — Не совсем приличное, тем более в устах вождя всего прогрессивного человечества, слово выскочило легко и, что самое интересное, — вполне уместно. — А это неправильно. Если уж я захотел поговорить с вами, как это называется, тет-а-тет, так и вести себя нужно с учетом этого факта. Что скажете, товарищ Шестаков?

Шульгин подумал, что заход у вождя совершенно грамотный с точки зрения психологии и отвечать нужно так же, да еще и усилив предложенную тему.

— Я сказал, товарищ Сталин, что учебник Иловайского изучил и «отлично» получил, как и по всем остальным дисциплинам, иначе меня в Технологический не приняли бы, только...

— Что — «только»? Не бойтесь, говорите. Я для чего вас сюда позвал?

— Только эти учебники сейчас «не в моде», и многие люди полетели как раз за хорошую память и неуместное цитирование того, что не укладывается...

Сталин засмеялся, причем явно от души, и смеялся хорошо, с удовольствием. В процессе он налил рюмку себе и визави.

¹ Э м п и р и з м — философское учение, признающее чувственный опыт единственным источником знаний.

— Какой вы осторожный человек, Григорий Петрович. Как торпеды бросать или в чекистов стрелять — быстрый, как с Иосифом Виссарионовичем говорить — осторожный. Осторожность полезна, не спорю. Но не сейчас. Сейчас открытость души нужна, потому что мне решение требуется принять. Вы меня поняли, да?

— Абсолютно, товарищ Сталин, — тут уже Сашка полностью взял на себя управление. Направил на собеседника всю свою сверхчувственную силу. Бывало, еще на первом курсе, на зачетах по анатомии, которую он знал не всегда хорошо, особенно — кровеносную систему, ему удавалось внушить ассистенту, что называет правильно абсолютно каждую веточку вен предплечья. А потом выходил в коридор с головной болью, да и экзаменатор тоже.

Сейчас без головной боли обошлось. Возраст другой, и ставки тоже.

— Вы, наверное, хотите сказать, что мы с вами сейчас готовимся обсудить очередное изменение Генеральной линии. Может быть — нечто вроде «государственного переворота», но — тайного. Как Иван Васильевич Грозный любил поступать. В Александровскую слободу удалиться, что-нибудь подобное новой опричнине ввести, условно говоря.

Произнося это, Шульгин попадал в самую точку. Сталин нешуточно увлекался эпохой Ивана, загадками его личности и методикой правления. Собирался фильм заказать, для просвещения масс, несколько романов и научных монографий. Только он сам еще до конца в этом своем интересе не разобрался, был, так сказать, на подходе к теме, но несколько книг дореволюционных историков из Ленинской библиотеки уже выписал. Ну, мы ему и подыграем, на его поле.

— Притом сделать это так, чтобы непосвященные ничего не поняли, — продолжил он. — И это очень правильно. Тот путь, по которому очертя голову неся, сметая все на своем пути, Ежов, явным образом заходит в тупик. Я указал в своей записке на уже проявив-

шиеся «результаты», но это ведь только начало, товарищ Сталин. Процесс очень быстро может перейти в неуправляемую стадию. Я ведь не ошибаюсь, приглашение Леонида Михайловича и вопрос о знании нами истории находятся в прямой связи?

Сталину потребовалось некоторое, пусть и не особенно долгое время, около минуты, чтобы уложить в мозгах рядышком свои *настоящие* мысли и те, что агрессивно вгонял в него Шульгин, подождать, когда они *срастутся*, после чего оценить получившийся результат.

Он посмотрел на Шестакова с подсознательным, оставшимся от предыдущего настроения удивлением. Что-то ему здесь казалось *не так*. А вот понять, что именно, — не получалось. Никогда ему прежде не приходилось сталкиваться с НЛП, да и с людьми, которые превосходили его не эрудицией, не политическим талантом или красноречием, а именно силой характера. Сейчас, сознательно и бессознательно, он *искал выхода*. Чтобы и душевное здоровье сохранить, и уверенность в себе, и *добровольно* признать Шестакова равным себе. Причем не врагом, а союзником. Каким в свое время согласился считать Рузвельта, в отличие от Черчилля.

Это внутреннее борение легко читалось Шульгиным в глубине его глаз. Заковский же просто ничего не понимал в происходящем, но недавний страх к нему вернулся в полном объеме. О нем-то слово сказано, и вот-вот последует ответ. Только какой? Очень опасные речи взялся произносить Григорий. Однако раз говорит, значит, знает, что можно. Или — просто закусил удила...

Все ж таки очень сильная личность товарищ Сталин, как ни суди, думал Сашка. Ломать об колено трудно. Но — не Держатель. Даже не кандидат. Почему и поддался. Пожалуй, впредь с ним проблем не возникнет. Нужно только постоянно поддерживать у пациента должный баланс комплексов — величия и некоторой неполноценности, то есть потребности постоянно

иметь рядом верного *визиря*, который и восхищаться будет мудростью вождя, и в любой момент деликатно примет на себя бремя трудного и неоднозначного решения.

Если со Сталиным так, то Заковский — вообще не фигура.

А Хозяин обратился как раз к Заковскому, это позволяло ему вновь взять инициативу в свои руки, ощутить себя в привычной роли. Словно бы и не знал наизусть биографию второго человека в своем главном ведомстве. Начал расспрашивать о совсем уже давних временах, о том, встречался ли он с Троцким во время поездок того по фронтам, как его принимал Дзержинский после возвращения от Махно, действительно ли Менжинский совсем не занимался делами разведки и контрразведки, а только лежал у себя на диване с сердечными приступами, а в промежутках пьянствовал.

— Я в то время к вашим делам отношения не имел, вот и интересно, где правда, где легенды...

Заковский был предельно осторожен в ответах. И уклоняться от истины нельзя, и всю правду говорить опасно, потому что неизвестно, каково личное отношение Сталина к тому или иному историческому, но допускающему многозначную трактовку факту. На этом столько людей прокололось, вплоть до высшей меры. Человек, бывало, ни сном ни духом не ведал, цитируя какой-нибудь документ ЦК или Политбюро, что тот хоть и был принят, но большинством в один голос, причем «за» голосовал Троцкий или Зиновьев, а Сталин — против. Ну и пожалте на Особое совещание под литерами «КРТТД»¹.

Вот и лавировал Леонид Михайлович, стараясь держаться в безопасном фарватере, демонстрируя компетентность в вопросах, за которые отвечал лично, одновременно уклоняясь от политических оценок и выявления собственной позиции там, где чувствовал

¹ Контрреволюционная троцкистско-террористическая деятельность.

скрытые подводные камни. Один только раз не сдержался, когда речь зашла о позиции Ежова в отношении кадров заграничной разведки. Слишком уж наболело, да и лишний раз лягнуть опального начальника показалось невредным.

— Он ведь человек совершенно необразованный, о географии и то имеет самые смутные представления, не говоря о прочем, а тут люди, языки знающие, помногу лет за границей живущие, под самыми разными легендами работающие. На Западе, естественно, не коммунистической пропагандой занимаются, чаще — совсем наоборот, чем свои позиции укрепляют, решают поставленные задачи. А он их всех скопом врагами народа пишет... В половине важнейших держав резидентов не осталось, а с теми, кого на замену посылают, агентура работать не хочет. Агенты — они ведь существа нежные, капризные, к ним с лаской нужно и с деньгами, само собой. За голую идею один из десятка согласен работать, так такие идейные в большинстве у своих контрразведок давно на примете...

Шульгин во время этого страстного монолога, для него неожиданного, обеспечивал «несущую частоту», чтобы слова Заковского достигли нужных участков сталинского мозга и вошли в резонанс с его собственными мыслями и ощущениями.

Иосиф Виссарионович, следует отметить, был удобным объектом для внушения, что может показаться странным. Казалось бы, все наоборот — почти нечеловеческая воля, убежденность в собственной непогрешимости, имморализм¹, что ему чужое мнение? Однако на самом деле все сложнее. Все зависит от способа подачи информации или эмоции. Если он выбран верно и внушение направлено в обход «фильтров» и «сторожевых пунктов», оно достигает цели и внедряется гораздо быстрее и надежнее, чем у индивидуума «средних способностей».

¹ Философская категория, отрицающая сам факт существования морали. См. Ницше, «По ту сторону добра и зла».

— Это вы правильно подметили, товарищ Заковский, — помолчав, сказал Сталин. — Я имею представление об агентурной работе. Если мы доверим вам пост наркома, вы сможете восстановить положение и даже значительно активизировать деятельность разведки?

— Будет трудно, товарищ Сталин. Потребуется особые усилия, возможно — чрезвычайные решения...

— Например? — Вождь посмотрел на Заковского с интересом.

— Немедленно освободить всех сотрудников, кто еще жив, из лагерей и следственных тюрем, найти способ восстановить их веру в справедливость, в то, что имела место действительно роковая ошибка... Убедить вернуться к прежнему месту работы. И самое трудное — замотивировать их внезапное исчезновение и возвращение. Для всех, для друзей и для врагов... Оргштатные мероприятия тоже потребуются...

Сталину, по сути, судьбы конкретных разведчиков были глубоко безразличны. Но как прошлый раз он легко согласился с Ежовым устроить чистку среди пораженных гангреной троцкизма заграничников, так сейчас готов был признать, что троцкизм как таковой к практической деятельности ГУГБ не имеет никакого отношения. Распространяется исключительно на сферу теории и практику работы иностранных секций Коминтерна. Разведка же сейчас, в предвидении приближающихся великих потрясений и ломки всего послеверсальского миропорядка, важна как никогда. Не сворачивать ее нужно, не *чистить*, а всемерно развивать и укреплять. Причем не только и даже не столько как инструмент сбора военной и политической информации — как мощное орудие усиления влияния на происходящие на Западе процессы. Не через Коминтерн и местных «левых», а путем внедрения «агентов влияния» в круги власть имущих. Это — достойная задача для НКВД и НКВД. Может быть, следует на каком-то организационном уровне объединить ряд их структур...

Схема Шульгина начинала действовать. Сталин все-таки воспринял *посыл* и тут же начал встраивать его в систему своей философии.

— Хорошо, товарищ Заковский. Пожалуй, мы дадим вам возможность испробовать свои силы на новом, более ответственном участке. Завтра мы издадим соответствующее постановление. Некоторое время не станем вмешиваться в вашу работу. Покажете, на что вы способны самостоятельно...

— А может быть, — осторожно предложил Сашка, — об отставке Ежова пока не сообщать, отправить его как бы в отпуск? Месяца на два-три. В Ессентуки, например, печень подлечить. Город маленький, плотное наблюдение организовать труда не составит. Постановление принять, но под грифом «Секретно». Одновременно, или же параллельно, Леонид Михайлович начнет настоящую *линию* проводить, ту, о которой вы давно думали. Я правильно рассудил?

— Для чего такие тонкости? Поясните.

— Исключительно в целях дезинформации противника, внутреннего и внешнего. В газетах продолжать писать то же, что и раньше, чтобы на Западе продолжали считать, что у нас «обостряется классовая борьба» и нам не до них. Армия тоже продолжает ослабляться чистками на всех уровнях, и боеспособность ее падает. Причем, я тут поразмышлял на досуге, острее якобы репрессий направить на самых, с точки зрения Запада, перспективных и способных командиров. Их же, якобы «изымая», сосредоточить в каком-то укромном, хорошо оборудованном месте, где они смогут заниматься творческой работой, предоставив повседневную службу в войсках людям исполнительным, но... средних способностей. А когда выяснится, что это совсем не так, глядишь, кое для кого и поздно будет...

— Вы и вправду умный человек. Вдобавок и хитрый. Стратегическая дезинформация, так это у вас называется, товарищ Заковский?

— Так, товарищ Сталин, — ответил окончательно повеселевший Леонид Михайлович.

— Я тоже эту мысль поддерживаю. У меня даже появились дополнительные соображения, но о них мы поговорим позже. Я также думаю, для того, чтобы товарищ Заковский мог сосредоточиться на стратегических вопросах, нужно дать ему толкового заместителя, который будет руководить повседневными делами. Кого бы вы хотели видеть на месте своего первого заместителя?

— Не готов ответить, товарищ Сталин. Посмотреть, подумать надо. С нынешними замами Ежова и начальниками управлений мне трудно будет справиться. Разве из среднего звена поищу. С недельку бы мне надо...

— Вы не готовы — я готов. Дадим вам на укрепление товарища Берию. Очень деловой, способный человек. На всех постах зарекомендовал себя наилучшим образом. Главное — великолепный организатор. Для перестройки аппарата будет незаменим. Хорошо образован. Вы ему поручите руководство всеми службами наркомата, у вас ведь их очень много. Кроме ГУГБ — это оставите лично за собой.

Интересный поворот. Или — начавшийся прямо сейчас очередной временной сдвиг. Точнее, не сейчас, а с того момента, как прозвучал дверной звонок в квартире Шестакова. МНВ тогда случилось такое, что можно по последствиям сравнить с выстрелом Гаврилы Принципа в Сараево.

Сталин, как известно, решил сменить Ежова на Берию почти годом позже, но, значит, имел в виду его фигуру уже сейчас? Или просто вспомнил в аналогичной ситуации?

Новиков, оказавшись в шкуре вождя, немедленно избавился от Лаврентия Павловича и, как сейчас думал Шульгин, несколько поторопился. Слишком поверил друг партийной пропаганде пятьдесят третьего и последующих годов, глубоко усвоил точку зрения «шестидесятников», к которым они все принадлежали хронологически и духовно. А вот Сашка, обладая теперь гораздо более широким взглядом на вещи, и ин-

формированностью, само собой, подходил к проблеме не так однозначно. Естественно, ангелом в белых одеждах Берию не назовешь, а кто тогда мог претендовать на подобный титул? Не только в СССР, вообще в мире? Разве что Махатма Ганди, да и то можно поспорить. Если от твоего принципиального «недеяния и не-насилия» в итоге умирает больше людей, чем могло бы погибнуть в открытой войне за освобождение, так не стоит ли задуматься? Что лучше — убить врага или на-зло ему повеситься у него под окнами?

Прагматиком был Лаврентий Павлович, а не сумасшедшим садистом, вот что главное, и нам сейчас, хочешь не хочешь, именно на таких, как он, опираться придется. Шульгин, в отличие от Андрея, гораздо меньше значения придавал идеям «абстрактного гуманизма». В противном случае спокойно бы удалился от дел, любых и всяких, как старцы — в скит, роль которого великолепно могла бы исполнить Валгалла.

Так и там не удалось сохранить белизну и пушистость. Из танка стреляли, базу агтров, лично незнакомых, громили, целую цивилизацию, можно сказать, ликвидировали, не слишком вникая в рассуждения об исторической правде и справедливости. Правильно говорил некий военный мыслитель: «Твои враги выбраны не тобой, а для тебя». Шульгина, если отвлечься от текущего момента, иногда удивляло, как оно так получилось — в одной компании росли, лет с пятнадцати неразлучны были, а морально-политические взгляды получились разными. Шульгину почти посторонний Берестин, с которым познакомились недавно и при странных обстоятельствах, временами оказывался гораздо ближе, чем Новиков, а тем более — Левашов.

Значит, согласимся на Берию, просто постараемся в пределах своих возможностей держать его в допустимых рамках, руководствуясь бессмертным принципом Козьмы Пруткова: «Каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте». И Сашка знал уже, как именно его следует употребить.

Заковского же, похоже, данная кандидатура не слишком вдохновила. Знать он его знал, не мог не знать. И как бывшего *сотрудника*, и как секретаря ЗакЦК¹. Перемещение столь значительного партаппаратчика всего лишь в замнаркомы воспринимал по-своему. Правильно воспринимал. Но разве поспоришь, если и сам еще не утвержден? Только и осталось сказать:

— Будем работать, товарищ Сталин. Организатор нужен. Одна только проблема ГУЛАГа — непочатый край. Если там дело правильно поставить...

— Вот и хорошо, товарищ Заковский. Значит, будем считать, что все вынесенные в повестку дня вопросы мы благополучно разрешили. С этого момента ни слова о делах. Давайте, я вам лучше расскажу, как мы с Камо Тифлисское казначейство брали. Увлекательная история. Как вспомню — до сих пор мороз по коже. А ведь все получилось наилучшим образом...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

После «тайной вечери» в сверхузском кругу (даже Лихарев был к столу не допущен, что могло быть как признаком некоторого охлаждения вождя к своему верному порученцу, так и желанием Сталина поговорить с новыми соратниками действительно с глазу на глаз) Шульгин был склонен считать, что первая стадия операции проведена и завершена успешно.

Нет, само собой, полной уверенности у него не было, однако элементарный опыт и знание истории подсказывали, что до сих пор Сталин чересчур резко своих решений не менял. Даже обреченным на заклятие персонам давалось какое-то время, обычно в виде перемещения на другую должность, «вверх», «вниз» или

¹ Закавказский Центральный Комитет ВКП(б), руководивший компартиями Грузии, Армении и Азербайджана.

«вбок». И за этот срок скорее всего судьбы и решались. Человек незаметным и непонятым для него образом ставился в некую «тест-ситуацию», режиссура которой принадлежала исключительно Хозяину, и то, как проверяемый себя показывал в «предложенных обстоятельствах», определяло окончательно, будет ли большой палец принцепса¹ поднят вверх или опрокинут вниз.

Сашка ощутил себя в роли персонажа рассказа Шекли, которому для спасения требовалось только одно — «не политурировать». Только что это означает, он выяснить не успел. Ну, сейчас несколько другое положение, там речь шла о защите от существ сверхъестественных, а здесь следует опасаться всего лишь пожилого человека, пусть и всевластного, но будущую историю и свою собственную судьбу знающего недостаточно.

Лихарев, судя по всему, в своей основной ипостаси тоже заинтересован в благополучии Григория Петровича, значит, какнибудь да остережет в случае настоящей опасности, если, разумеется, не получит иной команды.

Когда возвращались обратно, в третьем часу ночи, Заковский несколько раз предлагал заехать к нему домой или в другое надежное место, посидеть по-хорошему, обменяться мнениями, вообще снять напряжение, которого уж очень много накопилось, но Шулгин отказался. Не только потому, что опасался сталинского недовольства несанкционированным продолжением вечера (а тот, кстати, на самом деле не любил, чтобы соратники близко общались помимо него), просто ему хотелось побыть одному. Мало ли чем завтра придется заниматься.

¹ Принцепс — древнеримский император, который, являясь единодержавным правителем, формально сохранял республиканские учреждения, а сам считался только первым среди сенаторов (I век до н.э.).

На Столешников к Валентину он идти тоже не захотел, попросил забросить его домой, на Земляной Вал. По-человечески и в рассуждении политической маскировки самое правильное решение.

Постелил себе на тахте в гостиной. Не был он подвержен интеллигентским предрассудкам, а все же в кабинете, где не так давно лежала под ковром куча трупов, ночевать по-прежнему не хотелось.

Ветер завывал за полуоткрытой форточкой, шевелил портьеры. От близкого Курского вокзала доносились постукивание вагонных колес и свистки маневровых паровозов. Он включил приемник, подождал, пока нагреются лампы и замигает зеленый глазок, нашел европейскую станцию, чисто передающую джаз, лег, подоткнув с боков тонкое верблюжье одеяло.

Теперь можно чайку с лимоном отхлебнуть и покурить не торопясь. Здесь наверняка никто его не потревожит. Не потому, что снаряд два раза в одну воронку не попадает (еще как!), а просто помещение достаточно надежное, на открытый штурм никто не решится, НКВД в том числе, даже если там по-прежнему кое-кому нарком Шестаков как кость в горле.

Что же касается «третьей силы»...

С Буданцевым, сходявшим по его просьбе посмотреть на место покушения, они поговорили поздней ночью, по «столешниковской» телефонной линии, не имеющей ничего общего с нормальной городской, отчего можно было не стесняться в выражениях и подробностях.

Даже через провода и мембраны ощущалось, что сыщик если не напуган, то возбужден не по-хорошему.

— Никак не связываю одно с другим, Григорий Петрович, но любая прикосновенность к вашим делам сопровождается такими непонятками... Лучше б мне вправду было остаться в прежнем качестве.

— Увы, не в нашей воле, Иван Афанасьевич, бывшее сделать не бывшим, — успокоил его Шульгин цитатой из древнего классика. — Давайте поконкретнее...

...Проникнуть к месту происшествия старому сыщику труда не составило. Муровское удостоверение позволило пройти мимо выставленных с обеих сторон проходного двора постовых беспрепятственно. Там уже работали коллеги, и Буданцев маскировался в тени, пока не убедился, что ребят из его бригады здесь нет. Приехали опера из третьей, знакомые, конечно, но понятия не имевшие о перипетиях последних дней. Тогда подошел.

— О, Иван, а ты чего здесь? — удивился, увидев его, старший уполномоченный Дискин.

— Не поверишь, просто мимо шел, смотрю — машина наша, и народец в подворотне толпится... Опять мокрое?

— А то нас на другие вызывают. Присоединишься?

— Упаси бог. От своих не знаю куда деваться. Я лучше побегу. Кого тут? — Он кивнул в сторону двух оперов и эксперта, при свете фонарей осматривающих протоптанные дорожки и нетронутый снег между ними.

Дискин поманил его рукой, включил свой фонарик.

Рядом с проломом в заборе, отделяющем этот двор от соседнего, валялись (иначе не скажешь) два трупа в нелепых позах. Да этим-то не удивишь, настоящие свежие покойники на месте происшествия выглядят совсем не так, как в гробу или в кино. Дело в другом — были они явно «не отсюда». Не из социалистической Москвы начала третьей пятилетки, а будто из буйных двадцатых, тамбовских или махновских. Неопрятно бородатые, одеты в бекеши или казакины, юфтевые домодельные сапоги. У одного пулей разбит лоб и черная кровь лаково залила щеку, второй лежит ничком, вокруг выходного отверстия ниже лопаток

торчат клочья ваты. Длинно вытянутая рука касается приклада винтовочного обреза.

— Ну, здорово... — протянул Буданцев. — Из лагерей беглые, что ли? Так как же они через всю Москву сюда добрались? И кто их? Из чего? Почему?

— Ты, Ваня, в прокуратуры собрался? Ах, нет? Тогда кончай ваньку валять. А то смотри, брякну сегодня Плескачеву, что ты этим делом сильно интересуешься, он его тебе и перекинет...

Это было шуткой, конечно, но Буданцев почувствовал, что уже наговорил лишнего. В памяти товарища этот разговор застрянет, а потом где-то и всплывет. И пошла писать губерния...

— Брякни, брякни. У меня тоже есть чего тебе подкинуть. Баш на баш. Хочешь — «брюсовское» отдам. В обмен на это?

Оба рассмеялись одновременно, хлопнули ладонью о ладонь. Закурили. Вроде стер Буданцев у коллеги повод специально запомнить проявленный интерес, а то и вообще факт встречи. Сейчас у него такая запарка пойдет, да на фоне прочих вчерашних и завтрашних дел и пересечений...

— А бахнул их уж не знаю кто, но мастак, мастак. Тут же все как на ладони, — продолжил Дискин, слегка рисуясь своей проницательностью. — Они вот тут сидели, ждали. Он по тропинке шел. Они начали, он ответил. На снегу все нарисовано. Как в тире положил и дальше пошел...

Их прервал эксперт, тоже знакомый, опытный сотрудник, проработавший в должности лет десять, если не больше:

— Товарищ старший уполномоченный, прошу прощения, но творится что-то совсем странное. — Голос его ощутимо подрагивал.

— Что еще странного может случиться, если трупы — вот они и других пока не предвидится?

— О трупах и речь, Иосиф Наумович. Они гниют...

— Удивил. Небось не святые мощи.

— Они БЫСТРО гниют, на глазах разлагаются, кости уже показались...

— Да ты что? Свеженькие, часа не прошло, и на морозе?

— Сами посмотрите.

Подожли, посмотрели. От увиденного Буданцева замутило. Была у него такая слабость — не выносил лежалых покойников. Отчего в эксгумациях старался участия не принимать, а тут как раз тот самый случай. Будто в лесу из-под кучи валежника их достали, по весне, а убили и спрятали прошлой осенью. Не для слабонервных картина.

— Вообще такие случаи известны, — продолжал эксперт, — например, при отравлении некоторыми ядами распад начинается немедленно после смерти, так откуда ж здесь яды? Чистый огнестрел...

— Ладно, ребята, вы разбирайтесь, а я побежал, некогда. На днях загляну, расскажете, что накопили...

На душе было, попросту говоря, погано.

Стоило лишь в уме, прощаясь с наркомом, подумать о чертовщине, как она проявила себя незамедлительно и вызываяще наглядно.

Повинуясь почти забытому с детства чувству, сыщик свернул по Сретенке налево, дошел до маленькой, по-прежнему действующей, несмотря на все богоборческое двадцатилетие, церквушки. Поздним вечером там не было ни одного человека, только в полумраке горели лампы перед несколькими иконами, лики которых были почти неразличимы.

Вид у Буданцева был самый затрапезный, никак не намекающий на его положение и должность. Зажав цигейковую шапку под мышкой, он несколько раз перекрестился, привычно осматривая пространство вокруг, почти не поворачивая головы.

«Свечку бы поставить, — подумал он, — так где ее взять?»

Откуда-то сбоку, из маленькой двери вдруг появ-

вился священник, удивительно похожий на самого Буданцева, только в облачении и с бородкой.

— Озабочены чем, сын мой? Поделитесь, вдруг и полегчает. Где ж еще теперь духовной опоры искать? Последние времена наступают. — Голос священника был тих, но в сжатом сводами объеме храма звучал отчетливо.

— Не знаю, чем делиться, отец. Сомнение духа меня к вам привело. Не собирался и не мыслил, ноги сами дорогу нашли. Свечу хочу поставить...

— Во здравие, за упокой?

— Знать бы! Все ж таки во здравие, наверное. И во избавление от лукавого... Самую большую, что у вас есть.

Буданцев вытащил из кармана столько денег, сколько попало. Наверное, для священника сумма показалась немыслимой. По тем-то временам.

— Настолько грешен, сын мой? — спросил он. — Так мы не католики, индульгенций не продаем. Молитвой и покаянием только спастись можно.

— Не в том дело, батюшка, не в том дело. Грехи мои мелкие, как у каждого, кто здесь и сейчас живет. Нечистая сила вокруг меня закружилась. С детских лет слышал, но всегда за сказки принимал, а сейчас — страшно стало. По-настоящему...

От исповеди и прочих ритуалов сыщик, естественно, уклонился и фактов никаких отцу Сергию не изложил, но свечи, куда было указано, поставил. И книжечку с молитвами на подходящий случай получил, и с собой прихватил две толстых восковых свечи, специально благословленных.

Из церкви Иван Афанасьевич вышел удивительным для него самого образом умиротворенным. Что там дальше будет — не нам знать, но выше той инстанции, к которой он только что обратился, все равно нет.

Само собой, в разговоре с Шестаковым Буданцев передал только голую конкретику, а о посещении церкви и о том, что до утра не спал, глядя на трепещущие огоньки свечей, умолчал. Но Шульгину хватило и той

эмоциональной волны, что дошла до него по телефонному проводу.

Откуда пришли те «махновцы» или «дезертиры», что в него так неграмотно стреляли, особого значения не имело. По-прежнему методика оставалась той же самой — умное или не слишком использование чисто человеческих сил и способностей. Галактические силы могли наступить на него сапогом, как на букашку, спалить лазерным лучом, в любом нужном направлении изменить психику, действительно загнать в мезозой или с комфортом отвезти в некогда обещанную столицу «Ста миров». Но если они предпочитают стрелять в спину из обреза, не имеющего даже мушки, — отлич-но! Тут мы играем на одном поле.

Загадкой оставались фигуранты покушения. Что за нелепая театральщина? Хотя это могло быть и тонким расчетом, только не входящим в круг его понимания. А то и на самом деле — выдернули мужиков из двадцать второго, скажем, года, из повстанческого отряда или банды дезертиров, посулили им что-то, «поставили на номер», как на охоте... Нет ли тут какой-то связи с деятельностью его двойника в тех самых годах? Перемыкание кабеля...

А вот факт стремительного распада убитых его не слишком заинтересовал. Эксперт прав. Наверное, есть у кого-то специальная методика устранения наемных убийц и сокрытия следов. Удайся им Шестакова пристрелить, сбежали бы они на свою «малину» или в подвал какой-нибудь, а к утру остались бы «рожки да ножки» в буквальном смысле. И концы в воду.

Но, как он уже раньше подумал, сюда и сегодня точно никто больше не придет.

О «боковом времени» и тамошних некробионтах он не вспомнил. Не перешло отчего-то к нему это шульгинское знание.

Оттого, что сейчас он находился в квартире, принадлежавшей наркому, пользовался его вещами, курил его папиросы, сама собой активизировалась и чужая

память. Да и какие-то тормоза отпустились, державшие другую личность в заданной позиции. Вспомнилась вдруг семья, оставленная на глухом кордоне. Ничего плохого им там не грозит, Власьев — надежный защитник, и дом крепкий, продовольствия достаточно, дров, само собой. Куда спокойнее Зое с детьми там побыть еще хоть неделю-другую или месяц, пока здесь все прояснится. А все ж таки сосала душу тоска-тревога. Лишнее в его положении чувство, а вот поди ж ты...

Хоть прямо завтра садись и езжай за ними. Шестаков, наверное, так бы и сделал, а Шульгину лишняя обуза совсем ни к чему. Не видел он себя в роли отца чужого семейства, да еще при нынешнем раскладе. И пришлось почти силой задавить пробившуюся наружу постороннюю эмоцию. Одновременно Сашке подумалось: не напрасно ли он это делает? Лишний раз обижает человека, и без того лишенного личной свободы и права на самостоятельность. Не аукнется ли это в самый неподходящий момент непредсказуемым сегоднЯ срывом, который бог знает чем может закончиться.

Настроение испортилось.

Попробовал заснуть — не получилось. Даже с помощью испытанных не раз приемов. Оставалось смотреть в высокий потолок с блеклыми отражениями света уличных фонарей и сортировать косяком идущие мысли, важные и не очень. Раз он уже начал создавать собственную *сеть* единомышленников и помощников «втемную», должно в ней найтись место и для Власьева, человека с незаурядными способностями, только вот настроен чересчур радикально — на борьбу с советской властью во всех ее ипостасях и проявлениях. С идеей *мягкой* трансформации режима он вряд ли согласится, значит, нужно ему подыскивать соответствующее настрОю занятие. Что ли за границу его действительно направишь, по линии Заковского, для работы с белой эмиграцией? Идеально было бы и Зою с ним, да вот только сложно будет ее отъезд замотивировать. Впрочем, это не срочно, успеет еще обдумать варианты.

Все же он понемногу начал задремывать, мысли по-

★

теряли ясность и конкретность, зато приобрели эмоционально окрашенную всеохватность. Не такую, конечно, как при проникновении в Гиперсеть, но позволяющую словно бы посторонним взглядом рассмотреть солидный кусок собственной жизни, да еще и под разными ракурсами.

Что ни говори, в уникальности ей не откажешь. Если бы раньше, хоть за неделю, хоть за сутки до того, как все началось всерьез, кто-то попробовал предсказать ему будущую судьбу, ни за что бы не поверил. При том, что и первое «взрослое» десятилетие его жизни обычным для человека его поколения не назовешь. На войну, правда, не попал и подобно Джеку Лондону по островам южных морей не странствовал, но и другого-прочего иным знакомым и коллегам хватило бы до конца дней.

И позже, после начала «агтрианской эпопеи», при всей необычности случившегося со всеми ними, ТАК не случилось ни с кем.

«Вариант Валгалла», примечательный сам по себе, в расчет не берем, там у них судьба была общая на всех. Отдельная началась позже.

Новиков с Берестиным побывали в личностях Сталина и Маркова, однако им было не в пример легче. При капитальной подстраховке со стороны Антона, под постоянным наблюдением и почти гарантированной возможностью немедленного возвращения. Воронцов сходил в сорок первый целых два раза, но в своем собственном теле и на «коротком поводке», с риском для жизни, но не чрезмерным. А так, как Шульгин, не пробовавший еще никто.

Первый раз он влип капитально в Лондоне, в гостях у Сильвии. Что повлекло за собой сталинскую Москву, потом провал в «глубокий минус» до Рождества Христова. И особых шансов возвратиться тогда у него не просматривалось, поскольку о том, что Сильвия с ним сделала, не знал даже Антон. Так что выбрался он исключительно благодаря собственным способностям, причем довольно быстро и с победой. После чего про-

должил существование как ни в чем не бывало, покрыв себя славой на полях Гражданской войны и в последующих игрищах и интригах.

Одновременно продолжил эфемерное существование, глубоко запечатанный в мозгу и теле Шестакова, о чем даже Сильвия понятия не имела. Этакое удвоение сущностей, при том, что «основная личность» находилась «на месте» и жила своей собственной жизнью. Выяснилось это совершенно невероятным способом, напоминающим кульминацию «Фантастической саги» Гаррисона: из восьмьдесят четвертого через двадцать первый, при помощи письма, отправленного за семнадцать лет до того, как начало происходить то, что длится и сейчас, вдобавок — из другой реальности.

Теперь так вообще творится нечто не укладывающееся в рамки «нормальных», ставших привычными парадоксов. Прожив бессознательно, но весьма активно больше недели в теле Шестакова, он вновь на краткий миг якобы воссоединился с базовой личностью и одновременно остался здесь. Попросту выражаясь, оказался «един в трех лицах», подобно сами знаете кому, но без его специфических способностей.

Главное, даже себе самому он не мог внятно объяснить — зачем? Зачем, находясь в сравнительно здравом уме, предложил Антону явно безумное решение: остаться в должности наркома? Эта идея даже многоопытного и хитромудрого «тайного посла» удивила. Нет, потом он схватился за нее с энтузиазмом, но поначалу воспринял с недоумением, что может свидетельствовать о его искренности и непричастности.

Сильвия тоже ничего коварного не замышляла, раз сама известила «Шестакова» о его истинной роли и сущности, дала рекомендации и формулу возвращения домой.

Остаются два почти равновероятных объяснения.

Первое — личный авантюризм, наложившийся на кратковременное расстройство психики. Самопроизвольно возникшая копия его матрицы оказалась дефектной, хоть несколько нейронов перемкнуло не по

схеме, плюс скачки нервного напряжения, вот вам и реактивный психоз.

Понятное дело, говорить всерьез о внезапно осознанном долге перед человечеством, желании разрушить коварные планы аггров, а может, и форзейлей, изменить, к общему благу, катящуюся в пропасть новой мировой бойни историю человечества, гуманизировать сталинскую политику — смешно. Ничего ты не изменишь, как ни старайся. Новиков с Берестиным уже попытались. Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе.

Второе — внезапно охватившее его чувство страха перед возвращением, мысль о том, что, воссоединившись, он перестанет существовать в качестве нынешней самостоятельной личности, могла оказать свое влияние. Куда проще оставить все, как есть, нежели очертя голову кинуться «вперед» (или «назад»), рискуя развоплощением.

Только ведь подобная осторожность совсем не в его «настоящем» характере. Похоже на наведенную эмоцию. Опять же — кем? Здешней Сильвией, Дайяной, Антоном, пусть даже Лихаревым? Вряд ли. Если кто и способен на такое, так единственно Держатели.

Сходится. Переброс на Валгаллу и обратно в физическом облике, кратковременное совмещение с самим собой и «расстыковка» под силу только им, насколько известно. Причем знание о самом факте наличия Игроков получено им совсем недавно, и снова от себя же самого. Раз ему оставлена такая информация, значит, входит в условия? Что за гамбит?

И тут же он подумал — не так все очевидно. Вдруг здесь и проявилось то самое качество «кандидата»? «Они» хотели сыграть втемную, а он подсмотрел прикуп.

И, значит, что? Господин Шульгин получил возможность, о которой партнеры пока не подозревают. Значит, на том уровне, который доступен их восприятию, он должен блефовать. Причем так, чтобы поверить самому и внушить всем окружающим убеждение в том,

что остался здесь из чистого авантюризма? Отчего бы и нет? История знает не один подобный случай.

Тяготился Сашка негласным, но для него ощутимым лидерством Новикова? Да, безусловно. И как же здорово будет потом деликатно ткнуть друга носом — ты вот в роли самого Сталина не так уж преуспел, а я *сделал* его со стороны, на голой технике.

Не видел особых перспектив в жизни в Замке, еще не зная, какие приключения ждут его и всех остальных после Исхода? Да, конечно.

Почувствовал вкус к самостоятельности, поиграв в роли Шестакова с Лихаревым и самим Сталиным? То же так. Отчего бы не попробовать себя в амплу кукловода мировой закулисы?

А, может быть, его вдобавок увлекла возможность продолжить интересную связь с Зоей, женой наркома? Это, пожалуй, вряд ли, хотя полностью такой вариант тоже нельзя исключить.

Короче, доводов и поводов набиралось достаточно. Никак не меньше, чем у благополучных людей XIX века, вдруг бросавших налаженный быт и отправлявшихся искать истоки Нила, Антарктиду или изучать образ жизни туземцев Соломоновых островов.

Человек ты, одним словом, или тварь дрожащая?

С таким примерно настроением Александр Иванович Шульгин, он же Григорий Петрович Шестаков, проснулся поздним утром, не совсем понимая, что успел обдумать еще наяву, а что уже и приснилось, все-таки часов шесть он провел в постели, совершенно не заметив границы, разделившей то и другое.

Принял душ, сделал зарядку, почти невыносимую для тела наркома, хотя оно за последнее время здорово посвежело и избавилось от номенклатурного жирка. Но сейчас Сашка решил довести полученный во временное пользование организм до физического уровня своих тридцати двух, когда считал себя на пике тренированности и эффективности.

Сто раз отжаться от пола получилось, столько же присесть с дубовым креслом за спиной, а потом он по-

нял, что можно и надорваться. И так он терзал реципиента целую неделю невозможными нагрузками, физическими и нравственными. Как еще до инфаркта не довел.

Надо бы и побережь, а то ведь выйдет, словно с «Запорожцем», на который поставили движок от «Феррари».

И что же теперь делать? Законные сутки для отдыха у него есть. Отдых, конечно, понятие относительное. Люди нашей профессии никогда не отдыхают, сменил слегка род занятий — и уже хорошо.

Потому — продолжить прогулки по Москве не вредно. Пешком. В целях рекогносцировки и привязки прежних знаний к местности. Шестаков-то о ней самое отдаленное представление имеет, о той, что располагает-ся за пределами нескольких подходящих для проезда служебного «ЗИСа» улиц. Сам он (в роли другого Шульгина) успел изучить Москву двадцатых, назубок знал город с середины шестидесятых, а теперь предстояло все это соотнести с тем, что имелось в наличии. В эпоху осуществления грандиозного плана «сталинской реконструкции». Слава богу, что три дня назад пришлось носиться на «трофейной» машине по хорошо знакомому, сохранившемуся в неприкосновенности и в семидеся-тые годы району. Вот и натянул нос местным энкаведешникам, как прошлый раз переиграл агтров, гнавших-ся за ним на «Мерседесе». Так это просто повезло. Если бы его отжали, к примеру, в Зарядье или за Таганку, там бы он вряд ли так сориентировался.

В целях соблюдения пиетета он позвонил Лихареву. Доложил, что с ним все в порядке, осведомился, не было ли каких значимых замечаний вождя после их отъезда. Валентин ответил подчеркнуто радостным голосом. Мол, все прошло прямо великолепно, и товарищ Сталин ушел отдыхать крайне довольным, несколько раз повторил, что только с такими людьми и нужно ра-ботать. Так что, Григорий Петрович, куем железо...

— Куйте, Валентин, куйте. А также и пилите...

— Это вы о чем?

— Это о романе «Золотой теленок». Я вам прямо сейчас не нужен?

Хорошо вовремя поставить человека на место.

— Похоже, что нет. Завтра с утра, наверное, следует быть наготове. А вы где сейчас?

— Будто вы не знаете. У себя на квартире. А Заковский где?

— Наверное, тоже дома. Еще не звонил.

— Вот и вы не звоните. Дай человеку опомниться и в себя прийти. Ему небось больше нашего пережить пришлось. Я сейчас по городу погуляю, потом позвоню или сразу зайду. Есть возражения?

— Да о чем вы...

— Значит, так и сделаем.

— Может, вам машину подать?

— Пока не надо.

Интересный разговор получился. Сначала Сашка думал, что переигрывает, допускает излишнюю развязность, присущую скорее Шульгину, даже может этим себя выдать, а потом, по ходу, сообразил, что *здесь* так и надо. На самом деле, с порога расстрельной камеры советский номенклатурный работник *подскочил* черт знает насколько выше исходного положения. С вождем ужинал, государственные проблемы обсуждал, намек получил на высокое продвижение. Как раз *агент* Шульгин должен был держаться скромно, *маскируясь*, а Шестакову только так себя и вести. *Хам* ведь он, раз добровольно пошел на службу к большевикам, в лучшем случае — *эстет-хам*, если учесть происхождение, образование и царскую службу.

Двери ногами открывать, порученцам или *проигравшим* место их законное с нужной степенью пренебрежения показывать. Никто ты теперь для меня, инженер Лихарев, и звать тебя никак. Если я только что Ежова свалил, Ворошилова, Молотова приткнул. А про вашу резидентскую сущность и *истинное* положение я не знаю и знать не могу.

В итоге правильно поговорили. Себя *обосновал* и

товарища на положенное место поставил. Так ему и надо.

Оделся, неторопливо спустился по парадной лестнице, с интересом ожидая, не встретится ли кто-нибудь из соседей. Хотелось на реакцию посмотреть. Но увы, не встретился никто.

На улице по-прежнему мела поземка по непривычно свободным от потока автомобилей и пешеходов улицам. Разгар дня казался сумерками из-за набежавших с северо-востока многослойных туч, извергавших сухой и мелкий снег.

Через проходные дворы, бесчисленными глухими переулками, в том числе и пресловутым Кривоколенным, где располагался его наркомат и где он испытал себя в роли грабителя сейфов, по Мясницкой, через Лубянку и по Охотному ряду Шульгин спустился до Манежной.

Воспоминания насчет боев двадцать первого и двадцать четвертого года именно на этих площадях и улицах у него имелись. Как он принимал активнейшее участие в безумной (или аморальной) операции по установлению в РСФСР марионеточного троцкистского режима, а еще потом — подавлению попытки англо-большевистского контрпереворота.

Но происходило это не с ним. Как в хорошо снятом и оттого запомнившемся кино, вроде «Чапаева». Тем более что и не происходило здесь ничего такого, раз шел он все-таки по настоящей сталинской Москве тридцать восьмого года, явно расположенной на Главной исторической последовательности (или ее органолептически неразличимой копии), совершенно достоверной, где еще не успели проявиться начавшиеся несколько дней назад очередные изменения реальности.

Шульгин шел, по старой своей привычке, по левой стороне тротуара, засунув руки в карманы наркомовской шинели без знаков различия, не думая о том, чтобы уступать кому-то дорогу, да этого и не требовалось. И в старое время, и сейчас встречные вовремя

уклонялись с его пути. Слишком массивный и *правильно* одетый дядечка.

Куда шел? Он пока не решил.

После ночных размышлений, умиротворяющих видений, воспоминаний о прошлом и будущем он решил пока не делать вообще ничего. Не поступать никак. Смотреть, куда кривая вывезет. На всякий случай сохраняя alertность в теле и пистолет в кармане, теперь уже свой, с запасными обоймами. Буданцевский «веблей», в котором осталось два патрона, бросил в ящик стола.

Поколебавшись, не зайти ли на Красную площадь, обойти Кремль по кругу, предпочел свернуть направо, к устью улицы Горького. Глазами и памятью Шестакова он видел, как разительно изменилось это место за несколько последних лет, и радовался новому, современному облику центра, и слегка грустил, что исчезает старая, уютная Тверская-Ямская. Сам же Шульгин воспринимал окружающее как бы в «обратной перспективе», с двух точек зрения сразу, и для него все выглядело еще более «не так».

Зайти, что ли, в «Националь», посидеть за тем же столиком, где совсем недавно дискутировали с Новиковым? Тем более неожиданно возникло острое чувство голода. Проснулся он поздно, завтракать не стал, да и посмотреть, как оно здесь сейчас, интересно. Власьев говорил Шестакову, что после революции в Стране Советов приличных ресторанов не осталось. Так ли это на самом деле?

Шульгину судить было трудно. Москвы эпохи Гиляровского он не застал, что же касается кулинарии позднесоветской... В его памяти остались только двухчасовые очереди перед «Софией» или «Будапештом», в «Метрополь» с «Националем» и не совались, там принимали *грутую* публику.

Ходили ведь отнюдь не для того, чтобы поужинать, съесть «Московский» салат за рубль сорок и бефстроганов за два двадцать, — девушек стремились восхитить своим эстетством, самоуважение почувствовать,

потрепаться до второго часа ночи, непрерывно дымя «Шипкой» или «Трезором». Потанцевать, естественно, под ненавязчивую, живую музыку приличного оркестра: саксофон, ударник, труба, гитара, рояль, иногда — скрипки.

Водку, разумеется, на стол требовали. Графинчик двухсотграммовый, болгарского вина «Бисер» бутылку, для дам, скверно сваренный кофе, как тогда выражались — «бочковой», двадцать копеек чашечка, и все. Качество никого не интересовало, все равно вкуснее и шикарнее, чем комплексный обед в институтской столовой или почти вечные холостяцкие пельмени.

Вроде и приятно вспомнить молодость, а как подумаешь, что пришлось бы прожить в тех декорациях еще тридцать или сорок лет, без надежд и перспектив, до неизбежного, бессмысленного конца. Тоска, тоска...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Он сдал шинель швейцару вполне старорежимного вида (а как же, интуристовская гостиница и ресторан), одернул перед зеркалом гимнастерку. Нормально. В пиджаках с галстуками пусть интеллигенты и дипломаты ходят. Да еще бы не каждого и пустили, если незнакомый или без солидной ксивы вроде билета члена Союза писателей.

Полувоенное облачение из номенклатурного коверкота плюс подходящие замашки — самое то. Директор завода минимум или секретарь обкома. Орденов, жаль, не хватает!

Метрдотель нарисовался у входа в зал, будто его звонком вызвали, а может, и так.

— Добрый день, товарищ командир! Пообедать желаете? Один будете, вдвоем, с компанией?

— Один. Столик вон тот, в эркере, за занавесочкой...

— Исполним. Пожалуйста.

Да, здесь они и сидели с Новиковым, сигары потягивали. За окном краснокирпичные музеи, Ленина и Исторический, кремлевские стены и башни. Все чуть задер-

нуто снежной кисеей. Две редкие, с длинными интервалами, нитки машин. По преимуществу черных.

Официант (или как его по-советски следует называть — подавальщик, что ли?), похожий на артиста Эраста Гарина, возник мгновенно, с полупоклоном и выражением почтительного внимания. (А в прошлый раз была эффектная длинноногая блондинка с глазами панночки из «Вия».)

Шульгин ткнул пальцем в меню почти наугад. «Это, это, это. Графинчик коньяку, «Боржом». Пока все».

Книжечки у официанта не было. И клиентов немного, и вообще не тот уровень заведения, чтобы обслужа демонстрировала отсутствие профессиональной памяти. Если ему за сорок, а на вид — не меньше, вполне мог начать трудовую деятельность еще при старом режиме, продвинувшись от кухонного мальчика до старшего официанта, обер-кельнера, по-немецки выражаясь.

Прибор, закуска и все ей соответствующее было доставлено с почти неестественной быстротой. Что ж, зал практически пустой, не то что в *наше* время. Не тот у местного народа уровень благосостояния, чтоб по ресторанам шляться, да и моды такой (у *трудящихся*) еще нет.

Шульгин вздохнул, выпил рюмку, закусил валованчиком с черной икрой, как положено. Коньяк был весьма неплох, «КВК» все-таки. После чего закурил.

Расставляя тарелки с последующей закуской, официант спросил вдруг театральным шепотком:

— В компании не нуждаетесь? Барышня высшего разбора может скрасить одиночество...

Поймал ответный взгляд гостя, нечто понятное для себя уловил.

— Нет, все совершенно пристойно. Я подумал, скучаете, просто поговорить, развлечься желаете...

— Нужно будет — скажу. Пока своим делом занимайся. А вон там — кто? — Шульгин подбородком указал на человека, яркий типаж того самого *затруханного* (гнилого, по выражению этих лет) интеллигента, который одиноко сидел за столиком почти в центре

зала. Стояла перед ним единственная чашка кофе и совсем крошечный, от силы стопятидесятиграммовый графинчик с чем-то светлым, прозрачным у самого доннышка.

Привык, значит, бедняга, в ресторанах время проводить и сейчас, впад в ничтожество, на последние копейки фасон держит.

Знакомая ситуация. Тем более и лицо этого человека показалось Шульгину знакомым. Ну да, писатель, в двадцатых — начале тридцатых до чрезвычайности популярный. В мемуарных книгах более удачливых коллег часто попадались его фотографии. И в расцвете славы, и после. Умер, кажется, году в семидесятом, в нищете и забвении.

Официант назвал фамилию, совпавшую с той, что угадал Шульгин. И усмешка услужающего показала, что себя лично он оценивает гораздо выше. Мол, если пускает начальство сюда этого полуопустившегося человека — их дело, но уважения он не заслуживает. На свои берет сотку, а потом ждет, не угостит ли кто.

Так и было в действительности, значит, налицо еще одно подтверждение, что сейчас Шульгина окружает «настоящая» реальность.

Этот человек не ходил в знаменитый писательский ресторан, где ему искомую рюмку поднесли бы гарантированно, и не одну, следовательно, сохранял определенный уровень самоуважения или просто не желал видеть вокруг глумливые лица тех, кого почитал бездарностями, но достигших признания у власти вкупе с сумасшедшими гонорами.

Что поделать — печальна участь человека, сначала увлеченно и убежденно начавшего сотрудничать с дьяволом, да вдруг сообразившего, что дорога ведет напрямик в ад. Рыпнулся пару раз, пытаясь отказаться от подписи и вновь стать «самим собой», но дьявол, естественно, оказался изобретательнее. В его случае — не злобным, а глумливым.

«Не хочешь — не надо. Репрессий не будет. Живи как знаешь!» Однако в том и дело, что «как знаешь»

оказалось едва ли не хуже самой жестокой кары за вольномыслие. Писать, как прежде, он не захотел, по-другому же — словно бы разучился, сразу. Вместо литой, торжествующей прозы получалась безвкусная жвачка, не интересная ни ему самому, ни издателям, ни даже всеильной цензуре.

Шульгин не был литературоведом, но, с детства общаясь с Новиковым, стремился, как говорится, «соответствовать». Сначала через силу, а потом и с удовольствием читал все, что считалось приличным и модным в определенного сорта кругах. Толстые журналы, к примеру, с новыми романами Катаева, названные самим автором «мовизмами»¹, «Сам-» и «Тамиздат», да и многое другое. В результате эрудицию приобрел изрядную. Достаточную, чтобы узнать человека и вспомнить его печальную историю.

Вот и решил изобразить провинциального поклонника-мецената. Заодно пообщается, несколько отстранится от мыслей, перекручивать которые в голове именно сейчас совсем не хотелось.

— Пригласите его сюда... — сказал он официанту. Тот с готовностью кивнул. «Хозяин — барин».

Подошел к писателю, прошептал ему что-то доверительно, кивком головы указал в сторону наркома.

Тот посмотрел внимательно из-под полуопущенных век, скривил губы, буркнул нечто.

Явно Шестаков ему не понравился. Да и то: солидный, плотный дядя номенклатурного облика, «крепкий хозяйственник» или «командир производства». О чем с таким говорить? Абстинентный синдром, слегка приглашенный несколькими глотками водки, еще не возоблада над гордостью. Для чего его приглашает этот незнакомец? О чем станет говорить и что ему отвечать?

Ход мысли литератора-неудачника был Сашке совершенно ясен. Профессионально и исторически.

¹ М о в и з м — термин, придуманный В.П. Катаевым для своей «новой прозы», начиная со «Святого колодца». От франц. слова «мове» — «плохо».

Ну, не хочет, и не надо. Без него есть чем заняться. Сашка еще выпил, медленно, не торопясь, не глядя больше в сторону литератора. Продолжил созерцание медленного полета снежинок и плавного движения редких автомобилей с Горького на Моховую, с Манежа на Охотный и со всех трех направлений — на Красную площадь Историческим проездом. Тогда (сейчас) она была открыта для движения по выделенной полосе вдоль ГУМа, который тоже являлся не магазином, а средоточием массы государственных контор и учреждений.

Смешнее всего то, что легковые машины, которых здесь было меньше, чем на одном-единственном перекрестке сорок лет спустя, двигаясь со скоростью тридцать километров в час, сигналили почти непрерывно, проходим, друг другу, просто так, наверное, чтобы отметить свое существование. В каком, бишь, году запретили сигналы? В шестьдесят первом, кажется.

Но все попытки по-настоящему отстраниться от текущих забот ни к чему не приводили. Действительно, хоть соглашайся на предложение официанта насчет девушки. Так она ж наверняка на НКВД работает, и рассеяться все равно не получится. Наоборот, придется на ходу биографию и сценарий общения придумывать... Разве что без лишних разговоров — сразу в койку. Говорят, товарищ Сталин к таким шалостям сотрудников толерантно относится. Говорят... Как захочет, так и отнесется, если донесут. Ни к чему осложнять партию в самом начале.

Так что придется и дальше терзаться «проклятыми вопросами». Что, в общем, полезно. Продумать все возможные варианты, пока есть время, чтобы впредь иметь мозги свободными для оперативных решений.

Предположительно, возвращаться назад он не собирается. На текущий момент. ТАМ их и так уже двое. Зачем третий? Им — наверняка незачем. А ему лично? Остаться здесь навсегда в чужом теле, устроиться очень неплохо, доделать то, чего не успел Новиков? Вообще-то можно. Так люди уезжали в поисках счастья и приключений в никуда, за океан, «за тридевять земель», стано-

вились правителями держав и территорий, никогда больше не вспоминая о покинутой родине. Можно, почему нет?

Лихарева себе на службу поставить не так уж и сложно, есть способы. Надоеет Россией править, в Аргентину уехать можно, в Африку на поиски копеек царя Соломона. Жаль, конечно, если друзей больше повидать не удастся. А почему нет? Формула перехода при нем, на Валгаллу всегда вернуться позволяющая. Там и встретимся. Кто в каком качестве — отдельный вопрос, не сегодняшнего дня.

Так что грустить причины нет. Никак не больше, чем когда он, простившись с друзьями, уезжал на Дальний Восток, то ли на три года, то ли навсегда.

А вот каким образом самоопределиться здесь — нужно думать и думать. Заняться переделкой реальности исключительно под себя или двинуться к некоей великой, «общечеловеческой» цели? А что это такое? Какую цель можно назвать таким образом? Чтобы счастье всем, и пусть никто обиженным не уйдет? Не бывает. Даже в самом простом варианте — понятие о счастье и справедливости у заключенных в тюрьму по уголовному делу и претерпевших от них граждан отличается коренным образом. Одни мечтают выйти на свободу, другие — чтобы супостаты оставались там как можно дольше. И вся внутренняя и внешняя политика характеризуется тем же. Потому следует думать исключительно о том, что кажется правильным и справедливым именно тебе.

Если Сталин не передумает и не будет сильно мешать, вполне можно предположить, что они с Шестаковым сумеют за два примерно года переориентировать внешнюю и военно-техническую политику в стране в духе их с Антоном стратегических фантазий. Тогда Вторая мировая, которая и так, и так неизбежна, пойдет совершенно по другому плану, в противоположной геополитической конфигурации.

Только вот еще один неразрешимый, несмотря на массу якобы убедительных доказательств, вопрос —

находится он сейчас в псевдореальности, как выходило по полученным через Гиперсеть схемам, или, с какого-то момента, этот тридцать восьмой — настоящий? Как следствие событий на аггрианской базе, где они взорвали «информационную бомбу». Отчего не предположить, будто, ликвидировав *тот* вариант, они «расконсервировали» новый, пребывавший ранее в латентном состоянии? И, может быть, точно так же вновь «запустился» вариант новиковского сорок первого года, и там сейчас снова действуют Андрей, Алексей, Воронцов. Скажем, Игроки решили устроить честное соревнование — какая в итоге окажется убедительнее и жизнеспособнее, той и позволено будет стать новой «Главной исторической».

Еще одна гипотеза (или дополнение к первой) — пусковым механизмом послужило как раз письмо Сильвии к самой себе. Раз оно сумело пересечь барьер между реальностями без всяких технических ухищрений, то либо барьера вообще не было (или *вдруг* не стало, что говорит в пользу первой гипотезы), либо письмо сработало своеобразным тараном.

Пожалуй, в этом что-то есть. Иначе как же могло случиться, что отправлено оно было из уже изменившейся, но не успевшей «затвердеть» реальности в лондонский банк, продолживший существование в прежней, неискаженной. Настолько-то Сашка основы хронофизики представлял.

Осознание того, что живет он не в химере и не внутри Ловушки Сознания, каким-то образом прибавило оптимизма. Хотя, казалось бы, какая в принципе разница?

Тут писатель поднялся из-за своего столика, подошел, гордо держа перед собой рюмку с жалкими каплями алкоголя на дне. В левой руке дымилась папироса с изжеванным мундштуком. Дернул головой сверху вниз, изображая намек на поклон.

— Вы меня хотели видеть? А зачем? И кто вы такой?

— Присаживайтесь, Юрий Митрофанович. Меня Григорий Петрович зовут. Инженер. Когда-то я присутствовал на одном из ваших выступлений. Книжки, сам собой, читал. С большим удовольствием. И вдруг увидел вас здесь. Естественное желание — познакомиться поближе со знаменитым человеком. Коллегой...

— Каким коллегой? Я на юридическом учился.

— Как же? «Инженеры человеческих душ»... Не я придумал.

— Да уж знаю...

Говорил писатель отрывисто, несколько брюзгливым тоном, словно человек, по пустякам оторванный от важного дела, причем личностью малоинтересной, а то и неприятной, только «прежнее» воспитание мешает послать невежу прямым текстом туда, куда он заслуживает.

Лишь взгляд выдал, искоса брошенный на графин Шестакова, на тарелки, полные закусок.

— Ну ладно, раз уж так случилось... За знакомство. — Первый протянул рюмку, чтобы чокнуться, сглотнул. Дернулся плохо выбритый кадык над слегка засаленным узлом галстука в горошек.

— А вы что, действительно простой инженер? — осведомился, глядя подозрительно.

— Не понял. Инженер — это образование и образ мысли. А уж простой или сложный — не мне судить.

— Я не то хотел сказать, — слегка растерялся писатель, которого Сашка приткнул на его поле, — я в смысле, рядовой исполнитель или начальник...

— Эх, Юрий Митрофанович, занятие чисто словесным трудом никак не способствует... Какая разница, лично ли я придумал паровоз и его построил или при этом направлял деятельность еще десятка людей, способных на то же самое, но обделенных некоторыми организационными способностями?

— Да-да, я вас понял, — ответил писатель, слегка ошеломленный не совсем привычным ему способом ведения дискуссии. — Так, может, лучше выпьем по этому поводу?

Особого повода Шульгин не заметил, но вел тему именно к такому предложению. Искусство — заставить человека первым сказать то, что от него требуется. А Сашке требовалось именно это — раскрутить известного и безусловно талантливого человека на интересный, необязательный разговор, в ходе которого он и сам отдохнет, и сумеет узнать нечто такое, чего от других здешних знакомых не узнаешь. Он даже начал подумывать, что, оказав писателю незаметную, но мощную поддержку, через него можно внедриться в круги готовой к переменам интеллигенции. Ничего сложного, кстати. Затруднение могут представить только первые шаги.

Естественно, Шульгин распорядился накрыть стол уже по-настоящему. Подкормить оголодавшего, напоить, но в меру, а дальше уже по обстановке, благо знаниями нужными он располагал. Чьи имена упоминать с пиететом, кого обозвать грубым словом, а где, наоборот, воткнуть «размышлизм», изобретенный сорок лет вперед.

Очень все получилось удачно. Юрий Митрофанович против размаха угощения не возразил, ел с аппетитом, но аккуратно, выпивал охотно, но не производя впечатления дорвавшегося алкоголика.

Посидели, поговорили, как положено русским людям, доселе незнакомым, но встретившимся, к примеру, в купе поезда дальнего следования, поделившись дорожными припасами и тут же ставшим почти родными, пока не придет пора выходить на своей станции. Обсудили литературные вопросы, в которых (здешних) Шульгин разбирался мало. Что ему проблемы шесть лет назад распущенного РАППа или группы ЛОКАФ¹? Но это было к месту. Не мог провинциаль-

¹ РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей. ЛОКАФ — Литературное объединение Красной армии и флота. Независимые творческие объединения писателей, в начале тридцатых распущенные. Часть членов репрессирована, часть вошла в состав Союза советских писателей.

ный инженер в таких корпоративных заморочках понимать. Зато дружно согласились, что «Хождение по мукам» — вещь, а «Тихий Дон» — тоже вещь, но не такая, что Бабель последние годы пишет абсолютную херню, Платонов чрезвычайно изыскан, но не интересен, а Булгаков...

Шульгин не мог сказать, что он читал «Мастера» в напечатанном виде и в полной редакции, а писатель тоже мялся, может, и знакомый с каким-то вариантом текста, но остерегаясь.

Самое время пришло, глядя на часы с плавно качающимся маятником, перейти к *настоящему* разговору. Только не успел Сашка. Со своими перенатыми от Шестакова генеральскими замашками. Инициативу поймал, перехватил собеседник, отставивши рюмочку с очередной дозой дармового коньяка.

— Не хватит ли зря болтать, Александр Иванович? — И так это жестко и понятно прозвучало, что... Что не возникло даже мимолетного желания спросить: «О чем это вы, любезнейший? Меня ведь Григорий Петрович зовут». Всем все стало ясно.

Шульгин придавил папиросу в хрустальной пепельнице. Жалкий, обиженный жизнью и властями писатель как-то сразу, сохраняя физические черты внешности, стал другим. Таким же худым, изможденным, если угодно, но это уже стала худоба и изможденность не городского неудачника-пропойцы, а рейнджера, прошедшего пешком и с автоматом через пустыню Намиб. Понятна разница?

— Слушаю, — ответил Сашка, ровно так, как и полагалось. У обоих руки лежат на столе, значит, в физическом смысле они пока в равном положении. Ну а в ментальном...

— Нет, не опасайтесь, Александр Иванович, ничего такого не будет...

— Да я бы и не советовал...

— Разумеется. Просто я хотел вам сказать кое-что, что другим способом невозможно...

— ?

— Вы попали в очень плохую ситуацию. ВАС играют, а не вы играете. Помните школу преферанса Боба Власова?

Господи, какую же старину он вспомнил, сволочь! И как хорошо знает все, что ему знать бы и не нужно. Я ведь тоже могу кое-что...

— А если проще?

— Если проще — вам нужно внимательно выслушать меня, не возражать и понять наконец, в чем заключается ваша функция.

Резко мог бы сейчас ответить Сашка этому посланцу или воплощению кого-то, но охватило его удивительное в его положении спокойствие. Настолько много всего было, что и заводиться нечего. Давай, парень, неси, что приказано, а я буду или дураком прикидываться, или интеллектуалом, по ходу действия.

— Говорите. Только — как к вам теперь следует обращаться?

— Да так и обращайтесь, как начали. Я к этому имени привык. И к роли, и к положению. Вполне, прошу заметить, удобному. Время сейчас сами знаете какое, а в сложные времена нищему юродивому куда как спокойнее, чем серьезному человеку. Скажем, вам или тому же Бабелю, которого мы по случаю вспомнили. Очень человеку понравилось в *кругах* вертеться, да в каких! А сейчас вот, в определенном роде благодаря вам, пришьют ему сотрудиничество с Ежовым — и... Кто-то когда-то тонко заметил, что любопытство сгубило кошку...

— Эксцессов не допустим, — присущим Шестакову, но не ему самому тоном ответил Сашка. — На этом хотя бы уровне. Писателей расстреливать ни к чему. На вашем же примере очевидно. Проще перевоспитать или задвинуть до поры. Вам еще как минимум одну знаменитую книгу написать предстоит. Которая станет чрезвычайно популярной. Возможно, не так, как вам бы сейчас хотелось, но тем не менее. Название сказать? И год издания?

— Не нужно. Предпочитаю не знать своего будущего, тем более оно, как выражаются физики, весьма

вариативно. А вы чего злитесь? На меня, что ли? Глупо. Я в данный момент не более чем элемент мироздания. Как этот графинчик, как снег за окном, как нарком Шестаков, который с одинаковым успехом может стать новым Ришелье или лагерной пылью, что отнюдь не исключено. Неужели не привыкли до сих пор?

— К чему я привык, к чему нет — разговор отдельный. И злиться мне на самом деле бессмысленно, разве что на самого себя временами. Как ни крути, а я последнее время все больше склоняюсь к солипсизму. Также и вас свободно могу расценивать, как очередную эманацию тех мыслей, которым предаюсь последнее время...

— Здравая позиция для сохранения душевного равновесия. Вам в нем не откажешь, я это без всякой лестии говорю.

— А в качестве кого, позвольте осведомиться? Или — по чьему повелению? Гадать не хочу, честно признаюсь. Да и незачем, наверное. Кое-какие мои мысли вы ведь читаете?

— Увы, Александр Иванович. Разве общение с инопланетными друзьями вас ничему не научило? Мысли человека в динамике, тем более такого, как вы, читать невозможно. Кое-какие сведения извлекать из долговременной памяти и прочей относящейся к вам стабильной информации — другое дело. Эмоциональный фон считываю, само собой, могу вообразить примерное направление хода ваших размышлений — так ведь и вы это умеете немногим хуже, правильно?

— С вами — пока не очень получается, — честно признался Сашка. — Так это и неудивительно, вы же не личность, вы — макет...

— Вот тут — ошибаетесь, — весело рассмеялся «писатель». — Самая настоящая личность. Слегка по-другому устроенная, но — непринципиально. Особенно — последние двадцать лет. Мог бы порассказать, только не сегодня. У меня присутствует отчетливое ощущение, что мы друг другу можем очень и очень пригодиться.

Шульгина не то чтобы поражало, но в достаточной

мере удивляло, насколько резко изменился его собеседник всего лишь за час. Такое в принципе бывает, именно с тайными, как одна знакомая профессорша выразилась, «доброкачественными» алкоголиками. Пребывал человек в некоторой фазе депрессии, вызванной своим не соответствующим притязаниям положением, невозможностью по тем или иным причинам принять очередные сто — сто пятьдесят, чтобы выйти «на режим», сейчас употребил и расцвел. Глаза заблестели, лицо порозовело, кровь по жилочкам заиграла. Сколько ему лет, исходя из биографии «прототипа»? Сорок восемь, кажется? Вполне достойный возраст.

— Только вы не слишком расслабляйтесь, — не преминул Сашка вставить шпильку. — Не стоит *приоткрываться*. Официант вон и то с нехорошим интересом посматривает. Слишком вы из привычного ему образа выходите...

— Что, заметно стало? Это мы сейчас поправим. Но может же человек от приятного разговора и роскошного застолья на какой-то момент вспомнить себя прежнего? Я ж ведь не слишком давно был о-го-го!

— Может, может, — успокоил его Шульгин. — Но давайте ближе к телу, как писал один из ваших недавних приятелей. Что вы хотите мне сказать и, заодно, каким образом оказались здесь раньше меня? И неужели специально *залегенидировались* в нынешней роли, чтобы наша встреча так изящно произошла?

— Это отдельный разговор. И встречать вас именно здесь и именно сегодня я не собирался. Мог бы и завтра, в иных обстоятельствах. Просто вы некоторое время назад начали очень сильно *фонить*, и мне показалось, что никак вы не минуете это заведение. В общем, не слишком глубокое стратегическое предвидение, если имеется исходный комплект разведанных об объекте...

Шульгин не мог не согласиться. Он бы и сам сумел вычислить предстоящее поведение персонажа, пред-

ставляющего серьезный интерес, зная ряд его психологических характеристик и образ мыслей.

— И что же вам нужно? Вы что-то сболтнули насчет функции? Давайте, просветите... Никакое знание не бывает излишним.

— Золотые слова. Скажите официанту, пусть обновит тарелки, ну и... это самое. Я должен уйти отсюда «в образе», то есть пьяным в стельку. Тогда посторонних мыслей не возникнет ни у кого. Серафим (досталось же человеку имечко) как царской полиции на клиентов стучал, так и нынешним стучит. В дело, не в дело, а материал выдает регулярно, с чего имеет вознаграждение побольше основного, включая чаевые. Пару раз в год, просто по закону больших чисел, непременно в точку попадает. То «деловые» сболтнут по пьянке о громкой истории, из-за которой весь МУР на ушах стоит, то на пятьдесят восьмую почтенный клиент наговорит, лишнюю рюмку приняв. Но с нами у него не пройдет, правильно?

— Кто бы спорил. Спасибо, что проинформировали, глядишь, дезу какую-нибудь через него заправим, если потребуется...

— Тоже мысль. Раньше мне не нужно было, а сейчас — кто знает...

— Вы и знаете, — меняя тон, ответил Сашка. — Лично мне, а особенно моему напарнику надоело заниматься тем, о чем так образно написал упомянутый нами певец Молдаванки. Наверное, вы тоже соскучились по общению и подзабыли о своей функции...

Писатель снова засмеялся.

— Александр Иванович, или я переоценил вашу проницательность, или вы попали в дурную бесконечность праздных представлений. Дело же заключается в том, что я, подобно вам, давно уже *вольный стрелок*, причем куда более вольный... Аггры, форзейли, даже те, кого вы называете Держателями, они, конечно, существуют. Занимаются своими мелкими делами...

— Отчего же мелкими? — не смог не перебить его Шульгин.

— Да просто потому, что все на свете тлен, кроме твоего собственного спокойствия. Первой среди нас это поняла Ирина. И со свойственной женщине мудростью прикрыла себя — вами. Разве не так?

Сашка, что удивительно, в тот же миг признал полную правоту странного собеседника. Ведь действительно — как только Ирина решила избавиться от своей должности, она (профессионально, следует признать) переложила все свои проблемы на них. Андрей за нее думал, Берестин отлично вписался в качестве *запасного варианта*, Шульгин — спасал физически, Левашов организовал ликвидацию «киллеров» и побег на Валгаллу, Воронцов принес схему дубликатора. А она больше ничем не была озабочена. Жила, как за каменной стеной.

Не считая некоторых деталей, все было именно так. Но ничего по этому поводу он говорить не стал. Это — наше дело, странного «доброжелателя» не касающееся.

Ответил нейтрально:

— Брак по расчету бывает счастливым, если расчет правильный. Но давай, про себя изложи.

Перейти на «ты» он счел своевременным. По обстановке.

— Я в свое время поступил почти так, как Ирина, но несколько грамотнее. И с тех пор — сам по себе. Захотел — стал властителем дум советского народа, надоело — перешел в нынешнее качество. Чем плохо — здесь почти ежедневно валяю дурака, подтверждая свою жалкость и никчемность. Возвращаясь домой, на седьмой этаж арбатского дома (квартиру отдельную и очень хорошую я успел заработать), пью лучшие коньяки из Торгсина или коммерческого, читаю отличные книги на всех языках, девушку могу пригласить (приняв иной облик), пожелав развеяться, покупаю билет в международный вагон¹ Москва — Владивосток или в Сочи путевку. В Одессе имею возможность дачу снять на восьмой станции Большого Фонтана... За границу

¹ Тип спального вагона дореволюционной постройки, комфортностью значительно превосходящий нынешние СВ.

пока не уехал, потому что и здесь интересно. Но уеду непременно, потому что понял, с вашей, кстати, помощью, что очередная Великая война неизбежна...

— Нет, все ясно, — усмехнулся Александр, чувствуя, что собеседник не столь уж силен и сложен. Он даже начал догадываться, с кем имеет дело. — И все же именно сейчас я тебе нужен или ты мне? Чего ты хочешь?

— Помочь, ничего более. Ты, Шульгин, мне симпатичен. Больше, чем любой из твоих друзей. Нет, — он сделал руками протестующий и отстраняющий жест, — о друзьях ничего, это святое, однако есть же разница между людьми, ты согласен? И подругами тоже. Я знаю, что ты мечтал бы стать любовником, а то и мужем Ирины, но не получится. Любовником воронцовской Наталии ты себя даже не воображаешь, при том, что это очень милая и красивая женщина. О других говорить не будем. Так?

Шульгин, даже против воли, кивнул. Здесь Юрий попал в точку.

— Сейчас то же самое. Мне хочется с тобой разговаривать и иметь дело.

— Какое? — спросил Шульгин. Надо же брать инициативу в свои руки, иначе что получается?

— А простое. Сейчас тебя подставили. Все понемногу. Антон — чтобы ты поработал на его «геополитику». Сильвия — чтобы восстановить утраченные личные позиции. Лихарев — в надежде получить верного клеветника при Сталине. Он же тебя, то есть Шестакова, теперь так видит. А друзья — друзья тебя *этого* — списали. В том смысле, что не существуешь ты больше для них в виде отдельной личности. *Предпоследний* «Сашка» вернулся домой, и нет тебя больше ни для кого, включая и себя самого. Ты понял? Тот, что был с *тобой* и *тобой* на Валгалле, тоже теперь не ты. Ты правильно догадался вчера — остается делать, что должен, но не совсем еще понял, что должен и кому. Повторяю, сейчас — *играют* тебя. Наверное, те самые «Держатели», из-под контроля которых я сумел выскочить в восемнадцатом году.

— Цель? — спокойно спросил Шульгин, разливая по рюмкам для обоих бессмысленный коньяк. И внешне протянул руку, таким темпом и направлением, что можно было понять по-разному. Но главное — психологический посыл. — Дай браслет. На минутку...

Юрий Митрофанович помедлил совсем немного, потом отстегнул черное устройство с левой руки, изпод потертого манжета дешевой рубашки.

— Держи...

Это можно было считать знаком предельного доверия, кто же добровольно отдаст в чужие руки драгоценнейшую вещь на свете. Или писатель крепко, недомым способом подстраховался так, что не видел для себя никакой опасности.

Шульгин защелкнул замок, откинулся на спинку стула. Устал он, на самом деле требовалось укрепить силы и привести себя в исходное состояние. Но и партнер молодец. С таким, пожалуй, стоит иметь дело. У него, кажется, появился в чужом мире надежный напарник...

Первый, не считая Лихарева, который понимает об этом мире и его законах больше любого земного мудреца. «Из тех, кто мне лично известен», — тут же уточнил Сашка, потому что не было никаких оснований считать, что они такие уж уникальные супермены. Вполне возможно, что существуют десятки, если не сотни людей с меньшими духовными способностями, просто использующие их несколько иначе или просто не получившие означенного объема информации. Какой-нибудь йог, шаман, монах из глухого православного скита или доминиканского монастыря свободно общается с Гиперсетью, только понимает это общение иным образом.

— Скажи, Александр, ты жаждешь власти? Неограниченной власти, хотя бы такой, какая сейчас у Сталина?

— Ни в коем случае. Это я отвечаю на оба смысла твоего вопроса. И власти в том смысле, что ты имеешь в виду, не хочу, и у Сталина власть достаточно эфемер-

ная, куда меньшая, чем воображается обывателю сейчас или историкам «послекультовой эпохи». Она, конечно, есть, но уж с очень малым количеством степеней свободы. Так что не власть меня интересует, а свобода...

— Изящно сформулировал. Та же самая неограниченная власть, только без накладываемых ею обязанностей и ограничений. А зачем?

— А зачем ты сбежал от своей должности? Увидел, что история ломается слишком круто и никак не хочет соответствовать «базовой теории»? Вспомнил апостола Павла, учившего, что зло неизбежно, но горе тому, через кого оно приходит в наш мир?

Он не был силен в богословии и понятия не имел, Павлу ли принадлежит данная сентенция или кому другому, просто следовал давней привычке уверенно ссылаться на авторитеты и, в случае необходимости, самому придумывать цитаты из классиков.

— Не совсем так, но близко. Сначала меня все-таки убили, не до конца, но почти. И, «воскреснув», я вдруг осознал, что лучшего момента соскочить с тележки у меня не будет. Мне вдруг разонравилось то, чем я занимался так долго и успешно...

— Не так уж успешно, если допустил февральский переворот и прочее. Я бы на твоём месте ещё в январе-феврале семнадцатого рванул бы в царскую Ставку, убедил бы Николая вручить диктаторские полномочия на фронте Брусилову или, может быть, Юденичу, в тылу — Корнилову. И порядок. Тоже в обоих смыслах «порядок». Полгодика всего нужно было продержаться, и вот тебе победа в Мировой войне, успокоение народных масс, кое-какие реформы с дальнейшим процветанием...

— Много ты, Александр, по сравнению со мной тогдашним знаешь. Я ведь, не забывай, внутри единственной реальности живу, и год для меня сейчас только тридцать восьмой, будущего я тогда не знал и сейчас не знаю. Вот и выбрал путь, представившийся единственно верным. Будда не дурак был, теорию надеяния придумавший. Ни в каких жестокостях и зверствах я

не замешан, жил спокойно и по меркам времени честно. Чувства добрые лирой пробуждал, тоже в рамках возможного, благо талант литературный в себе обнаружил...

— Тоже странно, — меланхолически заметил Шульгин. — Твои братья и сестры, как мне известно, многими способностями наделены, за исключением вот именно способностей к самостоятельному творчеству.

— Любые обобщения страдают ограниченностью. Талант, а вернее, способности открылись у меня, понятно, не лермонтовские и не пушкинские, скромненькие, прямо скажем, но совершенно отвечающие духу времени и запросам публики. Возможно, как раз в виде компенсации за отказ от всего остального прожил я последние двадцать лет в полном согласии с собственной душой. Приходилось, конечно, дурака валять, с властью и с остатками порядочной интеллигенции заигрывать, попеременно «верность платформе» и кукиш в кармане показывать, но в целом — нормально...

— Вот и заигрался. Разве нет? Ко мне-то зачем сейчас прибежал? Ехал бы в Аргентину, да и все.

— Почему именно в Аргентину? — неожиданно заинтересовался глубоко непринципиальным в свете общего направления беседы вопросом Юрий.

— А потому, почему и Троцкий с Бухариным туда же бежать собирались, если бы ты свое дело правильно исполнил. Далеко от всех центров мировой революции, никакая Великая война туда не дотянется, климат хороший, и, по крайней мере, в Буэнос-Айресе совершенно европейский антураж. К слову, сейчас там уровень жизни и ВВП повыше, чем в Германии. Сложности начнутся после Перона... В пятьдесят четвертом году и позже.

— Да... Может быть, ты и прав. Только я просчитал, что, раз ты здесь появился, побег в Аргентину можно отложить. Последние три года стало мне как-то нудно. Снова на приключения потянуло. И вдруг — ты. Подарок судьбы, нет?

— Или — знак, причем даже и мне неясно, с плюсом или минусом.

Шульгин не стал спрашивать нового приятеля, каким же образом коррелируется его якобы полная отстраненность от Игры со знаниями, то и дело демонстрируемыми. Соврет наверняка или даст объяснение, столь же достоверное и ложное одновременно, что заставишься разбираться. Само собой все прояснится, если и дальше предстоит общаться.

Он тут же и ответил, не дожидаясь вопроса:

— Наверное, время передышки закончилось. Я думал, что освободился с концами, а мне просто поводок отпустили на предельную длину. А сейчас подергали, указав, что почем на самом деле. Я так понял — твое поведение кого-то заинтересовало или раздражило. По-правилось или наоборот. Здешние резидентуры выведены за скобки или просто не могут с тобой справиться...

Помолчал немного, пожеывая губу.

— Позавчерашней ночью опять вывернулся. С двадцати шагов стреляли в спину, а ты уцелел. Ловкач...

— Кто стрелял-то? И зачем?

— Сие мне неведомо. Неудачный ход мастера или природная флуктуация. Боюсь, не скоро об этом узнаем. Так вот... Те, кому это зачем-то нужно, «разбудили» меня. Пробуждение, признаюсь, было неожиданным, но приятным. Все же мы созданы для другого, нежели мешанское прозябание, пусть и комфортное. Вроде как офицеру дают предписание, командировочные и сухой паек на дорогу, я получил пакет нужной информации, активизацию профессиональных навыков и выход на тебя.

Шульгин усмехнулся, вернул Юрию браслет, который больше был не нужен, жизненный ресурс шестаковского тела восстановился до очередного оптимума, щелкнул пальцами, подзывая официанта.

— Еще графинчик коньяку, и получше, чем прежний. Думаешь — выпили клиенты, так всякое дерьмо подавать можно? Смотри у меня! Скажу, кому следует,

вылетишь, и в Мытищи в вокзальную забегаловку не возьмут!

Более пораженный тем, что клиент выглядел абсолютно трезвым после выпитого полулитра, нежели угрозой, Серафим унесся и вернулся не с графинчиком, а с запечатанной бутылкой армянского «ОС»¹, чтобы доказать.

— Смотрите, товарищ! Ничего лучшего не имеется. Напрасно обижаете, что даже и неприятно слышать. Но ведь и цена тоже...

— Про цену ты рабоче-крестьянской инспекции рассказывать будешь. А мы отдыхаем. Откупорь, налей, и свободен, пока не позову...

— Что же, Юра, так и поручено было сказать, что *меня играют*? Все остальное тоже? Зачем? Не знаю я этого, меня играть еще проще было бы. В чем замысел на новой раздаче?

— Про замыслы ты не у меня спрашивай. Знаешь, у нас в «очко» играют с закрытыми картами, в Америке — с открытыми. И покер разный бывает.

— Ну да, слышал — «техасский». А все же? Тебя ко мне для чего подвели? Напарником, младшим партнером, чиновником для особых поручений или «смотрящим»? Излагай, пока бутылка не кончилась, потом я велю официантам такси вызвать и тебя на руках отнести. Сам еще задержусь. Для окончательной убедительности...

— Знал бы прикуп, жил бы в Сочи. Об истинной сущности происходящего знаю не больше тебя, а то и меньше. Велено предупредить, предостеречь, сориентировать, если угодно. И быть у тебя на связи, помогать в меру сил и возможностей. Улавливаешь, что получается?

— Чего же не уловить? Значит, в свою предыдущую бытность в роли агтрианского резидента ты точ-

¹ «ОС» — особо старый.

но так же бездумно выполнял инструкции, от кого бы они ни исходили? А ежели впадал в противоречие с основной задачей, как из положения выходил? Двойной агент, получается?

— Примитивно судишь. Я думал, ты глубже в теме находишься. Все мы одним делом занимаемся, что такие вот экземпляры, — он кивком указал на суетящегося в неприятной близости официанта, — что Сталин, что я и ты. Разница только в уровне информированности о своем подлинном положении на ступеньках лестницы. Рядовой соображает в масштабе отделения, капитан — роты, я, допустим, дивизии или корпуса, ты — фронта. Зато и «Тень войны» для нас с тобой куда шире. Доступно излагаю?

— Куда уж... Но давай наконец к конкретике перейдем.

Время шло к вечеру, в зале прибывало публики. Как заметил Шульгин, по преимуществу из числа редких тогда в Москве интуристов, сотрудников дипломатических и торговых представительств (для них наступало время обеда по западным нормам), нашей творческой интеллигенции. Посидеть, перекусить, выпить, перед тем как отправляться в театры, на концерты, иные мероприятия. Для них сейчас золотое время — их время, потому что советское чиновничество до часу, до двух будет приковано к своим кабинетам и телефонам. Сталинский график. Теперь Серафиму не до них, начинается серьезная работа.

— Не будет никакой конкретики. Ты со своими здешними друзьями и будущими помощниками встречался, много ты им по делу сказал? Вот и я. Будь в готовности, знай, что происходящее вокруг в большинстве случаев является совсем не тем, чем кажется. Поступай, как считаешь нужным, исходя из вышесказанного. Или никак не поступай, это равноценно. Я тебе смогу оказывать поддержку в рамках моих земных возможностей или — в тех, на какие расщедрится «Верховное командование».

Обилие военной терминологии в речи собеседника

Шульгин соотнес с тем, что какое-то время Юрий служил в гвардии, имел капитанский чин, что весьма немало, и, как всякий отставник, любил своим прошлым щеголять к месту и не к месту.

— Ты на Валгаллу успешно сходил? — осведомился тот, словно бы между делом.

— Мне кажется — да. Тоже ты организовал?

— Способствовал, — не стал распространяться Юрий.

— Без СПВ, без прочей техники?

— Техника — не более чем декоративное оформление, призванное сохранить у аборигенов душевный комфорт. Раньше модно было оперировать магическими заклинаниями, теперь народ предпочитает, чтобы крутились шестеренки, светились лампы, остро и волнующе пахло озоном... Но мы ведь вышли из этого возраста?

— Резонно, — не мог не согласиться Сашка, хотя интонация собеседника слегка царапнула. Подумаешь, строит из себя высшее существо очередная шестерка.

— Ты теперь, если нужно, можешь ходить в свой Форт, как в соседнюю забегаловку...

— Вопреки воле тех, кто *меня играет*? Контроверза¹ твоих... руководителей или новое, с взаимного согласия, правило?

— Думаю, второе. Попытка подравнять шансы.

— Здорово, — восхитился Сашка. — Никак только не могу понять, какой во всем происходящем смысл. Сначала форзейлям потребовалось выбить из реальности аггров. Потом сами форзейли решили свернуть собственную программу, устами Антона сообщили нам, что мы можем жить и действовать по собственному усмотрению. Как мы догадались, Игроки решили вместо двух соперничающих группировок оставить одну — нашу. И, якобы не вмешиваясь, понаблюдать, куда кривая вывезет. Но, видимо, не утерпели, начали дергать за

¹ Контроверза — разногласие, спорный вопрос.

ниточки, заставляя то одного из нас, то другого совершать некие действия, ведущие уже совершенно непонятно к какой цели. Все смешалось в доме Облонских.

Антон, время от времени появляясь, как чертик из коробки, то пытается продолжать свою прежнюю линию, то подталкивает кого-то из нас, меня в данном случае, работать по агтрианской программе... Ведь расчет на то, что я тремя годами раньше сумею сделать именно то, что пытался совершить Андрей в личине Сталина? Держателям снова потребовался великий и могучий Советский Союз в качестве единственного гегемона земной истории? Так?

— Не так. Во-первых, ты сейчас оперировал фактами из очень далекого будущего, причем не безусловно, а лично твоего. Все, о чем ты только что сказал, для меня бессмысленно и бесполезно. Концепция Игры настолько сложна и непредставима для простого смертного, даже обладающего твоими способностями, что может сама менять свои правила, и тогда Игроки должны вовремя это заметить, догадаться, что и как изменилось... Кто успеет первым — получит преимущество.

— Хитро придумано. А главное — зачем?

— Наверное, затем же, зачем люди устраивают чемпионаты мира, хоть по шахматам, хоть по бриджу или го. Выявить сильнейшего, доставить удовольствие болельщикам, заработать деньги, а главное — постараться добыть новое знание. О себе, о законах той же игры. Или — создать его... Привнести в мир некие новые сущности.

— Ну да, ну да. Понимаю. И, значит, один из Игроков начал разыгрывать меня втемную, посредством Антона, Лихарева, одной из Сильвий или всех сразу, а второй, через тебя, решил меня предупредить, чтобы добавить здоровой увлекательности. Или же — усилить элемент непредсказуемости. Что-то подобное уже случилось, не так ли?

— Да это постоянно случается. Не думай, что сделал эпохальное открытие.

— А партнер знает, что я теперь знаю и так далее?

— Вот это неизвестно. Можно предположить, что нет. Иначе в чем смысл?

— Вот и я говорю. Для меня — никакого. А уйти я могу? Прямо сейчас. «Домой» или на Валгаллу. И с концами...

— Можешь. Твоя свобода воли абсолютна. Но при этом ты ведь все равно будешь думать: «А что, если это не более чем очередной ход?» И будешь прав, потому что из Игры выйти нельзя, даже через смерть. Ты попробовал таким способом сбежать из Ниневии, и что?

— Как же. Станислав Ежи Лец: «Допустим, пробьешь ты головой стенку — и что будешь делать в соседней камере?»

— Слава богу, понял. Потому прими наш взаимно-полезный разговор к сведению и поступай, как хочешь, я, как договорились, пойду. Отдыхать. Найти меня можно по телефону, да и так заходи, запросто...

Он назвал номер и адрес.

— Теперь в твоём распоряжении все ресурсы Валгаллы и вашего Форта. За одним исключением — канал перехода жестко фиксирован. Отсюда туда и обратно. Географически, в пределах Земли, — без ограничений, по времени — только на этой линии, возвращение не раньше момента отправления...

— Тюрьма, значит...

— Но довольно просторная и комфортабельная...

— А как же насчет «домой»? Ты же сказал...

— Не отказываюсь. Иди. Сольешься с оригиналом. Но без возврата. Шестаков останется «о натюрель». И реальность тоже.

— Сволочи вы все. Черт с вами, подзадержусь, при условии, что право бросить карты в любой момент остается за мной...

— Это мы уже оговорили. Как только захочешь. Но чтобы застраховать тебя от эмоционального срыва, формула сработает только со второго раза и с интервалом, достаточным для здорового размышления. Приемлемо?

— Пожалуй. Поиграем, пока ресурса хватит...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Очередные перестановки на вершинах советской власти никого особенно не удивили. Ни в стране, ни за ее рубежами. Слишком долго продолжалась в государстве рабочих и крестьян кадровая чехарда на всех уровнях, чтобы всерьез задаваться вопросом о причинах того или иного взлета и падения.

«Так нужно», «Партии виднее», «Не оправдал доверия» — вот и весь сказ. Вчера читали восхваления в газетах в адрес одного «верного ленинца», завтра несли на демонстрациях портреты уже другого, не менее верного, но на повседневной жизни рядовых трудящихся эти перемены отражались в исчезающе малой степени.

Другое дело — «Ближний круг», члены Политбюро, секретари ЦК, наркомы и их заместители. Здесь византийские игрища составляли суть и смысл существования, часто — саму возможность выживания, в нынешнем номенклатурном качестве или физическую. Оттого зачастую работа сама по себе имела третьестепенное значение. Куда важнее было умение правильно просчитать нынешний расклад сил и авторитетов «в верхах», оценить прочность господствующей или вероятность только намечающейся «линии», сиюминутное настроение хозяина. Судьбы важнейших государственных проектов или внешнеполитических доктрин зависели всего лишь от того, кто из приближенных успел доложить свое предложение первым, да еще и попасть «в масть» идеям, смутно бродящим в загадочно устроенном мозгу Хозяина.

Со всеми этими обычаями кремлевского двора Шестаков был достаточно знаком и, будучи человеком здравомыслящим и осторожным, никогда по своей воле к карьерным рывкам не стремился. В прежнем качестве постарался бы *отвертеться*, пусть и пойдя поперек высочайшей воли. Иногда такие попытки проходили, бывало, что и с неожиданной пользой для кандидата в «выдвиженцы».

Впрочем, «прежний» не получил бы сам по себе та-

кого предложения, без случая с чекистами, поддержки Лихарева, подготовленного Антоном меморандума и психологической атаки Шульгина. Сашке же, после событий последних дней, кроме всего прочего, хотелось помериться силами с достойным противником.

Умел он достойно себя проявить на уровне Врангеля, Колчака, Слащева, так что ему Молотов да Каганович с Микояном? Товарищи, бесспорно, поднаторевшие в кремлевских интригах, так ведь малообразованные, вдобавок ничего не знающие о реальных закономерностях своей собственной жизни и истории.

На экстренно собранный январский Пленум ЦК ВКП(б) большинство его членов съезжались и слетались с теми же точно чувствами, с какими всего две недели назад влачил свою участь сам Шестаков. Времена для всех прочих казались прежними, до ужаса непредсказуемыми. Уезжая из дома или служебного кабинета, никто, включая всесильных членов Политбюро, даже ближайших из близких, вернейших из верных, не мог быть уверен, что вернется в том же качестве, вернется вообще. Если за четыре года расстреляно и посажено две трети делегатов последнего Съезда и половина членов Политбюро, о чем можно говорить?

Могло и обойтись, конечно. Повестка была объявлена расплывчатая, «О некоторых вопросах внутрипартийной работы и задачах текущего момента». Поговорят о хозяйственных и внешнеполитических итогах года, планах на будущее, получат подобающую «накачку», а кто и награды, проголосуют по проектам резолюций «в общем» и «в целом», да и разъедутся до следующего раза.

В конце концов, если по-прежнему набивается людей полный зал и в буфете не протолкнуться, значит — живем пока. Знакомых лиц с прошлого сборища почти не убавилось...

Первое заседание пошло вполне рутинно. Было в докладе генсека об итогах и задачах, о героической борьбе испанского народа, о дальнейшем росте автори-

тета Страны Советов на международной арене, о крепнувшем день ото дня единстве нерушимого блока коммунистов и беспартийных...

К главному Сталин перешел неожиданно, как он любил и умел делать. Отпив глоток воды, ровным, почти скупающим голосом сообщил, что наряду с очевидными успехами имелись и серьезные недостатки. В том числе, в минувшем году далеко не на высоте своей задачи оказался НКВД. Чрезмерно увлекся поисками врагов народа и заговорщиков, причем совсем не там, где следовало. «Наметки заговора среди высших военных безусловно были, дело Тухачевского и его камарильи это неопровержимо подтвердило, но в дальнейшем наши славные органы пошли явно не туда. Нет ничего проще продолжать охоту на заговорщиков, не работая по-настоящему, а роясь в личных делах и выискивая, кто с кем когда вместе служил, на охоту ездил, на одних курсах учился или рекомендацию в партию давал и получал. Так всех здесь присутствующих можно посадить, и меня в том числе, потому что я тоже со всеми осужденными за ручку здоровался, а многих хвалил и на повышение выдвигал. За такие вот непартийные, неквалифицированные, глупые, объективно вредные методы работы мы сочли нужным отправить товарища Ежова в длительный отпуск. Пусть отдохнет, подлечится, а уже по итогам лечения рассмотрим, как его в дальнейшем использовать. Может быть, там, где ему не придется решать судьбы людей, а иметь дело с менее одушевленными предметами. На должность врио¹ есть мнение назначить товарища Заковского, ранее работавшего первым заместителем товарища Ежова, но по роду занятий к ошибкам последнего отношения не имеющего. Все знают товарища Заковского? Встаньте, пожалуйста...»

Заковский встал с кресла в средних рядах зала.

— Пройдите сюда, к трибуне. Скажите, как вы от-

¹ Временно исполняющий обязанности.

носитесь к нашему предложению, как думаете реорганизовать работу?

Заковский, звучным голосом, массивной фигурой и значительным лицом выгодно отличающийся от непристойно плюгавого Ежова, в четкой двухминутной речи доложил, что понимает всю тяжесть и сложность лежащих на его плечи задач, но приложит все силы для укрепления безопасности рабоче-крестьянской державы, охраны порядка, а также прав и законных интересов граждан. В ближайшее время эти давно назревшие вопросы будут, безусловно, подняты на должную высоту.

— Хорошо, товарищ Заковский. Мы очень на вас надеемся. Только зря вы не сказали, что еще одна важнейшая задача — принять незамедлительные меры к устранению ранее совершенных ошибок и несправедливостей и недопущению их впредь...

— Так точно, товарищ Сталин! Это настолько очевидно, что я просто не стал отнимать время у товарищей...

— Хорошо, что вы это понимаете. Присаживайтесь, — указал ему на заведомо пустовавший стул в президиуме.

Все это время среди присутствующих происходило почти незаметное шевеление, перешептывание, шуршание страниц блокнотов, что в стенограммах обозначается пометкой «оживление в зале». По судьбоносности случившееся вполне можно сравнить с введением НЭПа или публикацией статьи Сталина «Головокружение от успехов».

Если все случившееся и сказанное — всерьез, то последствия, в том числе и для членов ЦК, нетрудно осознать. Каждый понял главное, то, что завтра же разнесется по стране, от Минска до Владивостока, минув и опережая официальные каналы: «Сажать больше не будут, а кто сидит — выпустят!»

Как всегда неожиданный, но долгожданный ход вояды! Хотя, может быть, тут же начнут сажать других, как это было в тридцать шестом, после устранения Ягоды.

Переждав реакцию товарищей, Сталин столь же сдержанно объявил о «переходе на другую работу» наркома обороны Ворошилова, отчего «оживление» усилилось неимоверно. Вплоть до стихийных выкриков «Правильно», «Давно пора» или редких «За что?».

— «За что?» — неправильная постановка вопроса, — тут же отреагировал вождь. — Каждый человек рано или поздно достигает в должности своего потолка. И уже не может работать так же продуктивно, как прежде. Ему нужно дать возможность испытать себя на новой работе. В этом суть большевистской кадровой политики. Товарищ Ворошилов руководил Красной Армией тринадцать лет. При нем она стала одной из лучших армий мира. Вскоре мы предложим ему не менее важный пост, где он сможет раскрыть и другие свои способности.

Зал затих, а те, кто допустил несдержанность, начали смущенно, а чаще испуганно оглядываться.

И, наконец, в завершение своего доклада Сталин, как о совсем малозначительном деле, сообщил о назначении члена ЦК наркома Шестакова Григория Петровича первым заместителем председателя Совнаркома и предложил избрать его секретарем ЦК. Участники Пленума кандидата знали, личных врагов у него по роду деятельности не было, потому вопрос проскочил как дежурный, малозначительный на фоне предыдущих, сенсационных.

А все ведь было совсем наоборот, только мало кто успел это понять. В чем и заключалось аппаратное мастерство Сталина. В двадцать втором году даже такие волки, зубры и изошренные политики, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, не сообразили, что при желании и умении можно совершить, заняв никому не интересный, чисто технический пост партийного генсека.

...Шестаков-Шульгин вышел на работу на следующее утро после завершения Пленума, удивительно короткого по тогдашним партийным меркам. Иные длились по неделе, по две. Со смешанным чувством удов-

летворения и тоски осмотрелся в новом кабинете, расположенном на том же этаже, что и сталинский, только в другом его крыле.

Кабинет был неплох, вдвое просторнее предыдущего и обставлен как положено. Шестакову наверняка должен был понравиться, а вот Сашке — совсем нет. Прежде всего — территориально. Сердцевина «осино-го гнезда». Масса рубежей охраны, сотни посторонних, наверняка враждебных глаз вокруг. Бесконтрольно не войдешь и не выйдешь.

Правда, по должности полагался и еще один, секретарский, в здании ЦК на Старой площади. Там можно будет чувствовать себя посвободнее, да и, курсируя между ними, получаешь дополнительные степени свободы. Но это видно будет, присмотримся. А вообще, с тактической точки зрения, расположение старого шестаковского наркомата в Кривоколенном и личных апартаментов в нем выглядело куда предпочтительнее. Как оттуда легко было по веревке уйти в проходные дворы! Отсюда не уйдешь. Впрочем, как посмотреть.

Тут и Лихарев объявился. Он здесь размещался совсем неподалеку, сразу между первой приемной Сталина, комнатами Особого сектора, где властвовал Покребышев, и узлом связи.

Осмотрел все, пребывая в образе хозяйственника и канцеляриста сразу, проверил, работают ли телефоны, на месте ли положенные зампреду предметы номенклатурного ассортимента. И только после этого, уже на правах равного, присел на край стола для совещаний. Закурил, протянув коробку и Шульгину.

— Что ж, Григорий Петрович, пока вроде все получилось. Поздравляю. Только не смотрите на меня так вот. Не стоит. Я понимаю — кто теперь вы и кто я. Субординацию соблюдать будем, но только там, — показал рукой в сторону тамбура с двумя высокими дверями, снаружи обитыми кожей и толстым слоем звукоизолирующего войлока. — А здесь прослушки нет, это уж я отвечаю. Кроме как на меня, вам в этом здании полагаться не на кого. Позже я вам общий расклад обри-

ую. Штат тоже вместе подбирать будем, начиная с секретарши. Если в старом наркомате люди, которым вы доверяете, остались, забирайте сюда. Полностью ваша компетенция. Сегодня-завтра с помощью Заковского всю охрану сменим: ежовцы тут ни к чему. Вот этот телефончик и кнопка звонка в мой кабинет ведут, всегда к вашим услугам. С Поскребышевым, пока поближе не познакомитесь, откровенничать не советую. Да и потом тоже... А пока вот что еще скажу: в первое время вам очень трудно придется. Абсолютно все члены ПБ, кроме, может, Микояна и Андреева, вас сейчас своим врагом считают. Зампреды Совнаркома, само собой, тоже. В ЦК очень настороженно отнесутся.

Там ведь тоже аппарат наполовину ежовский¹, остальные запуганы до невозможности. Так что недели две по преимуществу молчите, слушайте, присматривайтесь. Иосиф Виссарионович вам все, что сочтет нужным, растолкует. С ним тоже больше кивайте и полное согласие изображайте. Не зря мы такую интригу провнули, чтобы с первых же шагов все испортить...

Шульгин прислушался к «внутреннему голосу». Как Шестаков на подобные речиотреагирует?

Да нет, вроде нормально. Все по правилам аппаратной игры. Пришел в новую команду — не высовывайся. Он сам мигом бы Валентина осадил, но его задача сейчас другая. А для бывшего наркома Лихарев пока что спаситель в определенном роде, пусть и с собственными целями, но помогший из безвыходного положения взлететь на такой верх, что и не снилось. Так же может и опустить, коли потребуется.

— Постараюсь, Валентин Валентинович, — ответил он нужным тоном, однако подпустил в него чуть-чуть жесткости. Опять же в стиле личности.

— А вас скоро позовут. Члены Политбюро уже собираются. Там сейчас очередной тайм начнется...

¹Ежов, кроме главы НКВД, был также и секретарем ЦК партии.

★ Действительно, не прошло и двух часов, как Сталин по прямой связи пригласил его к себе. Там в раз и навсегда заведенном порядке уже расселись за длинным столом люди, Сашке знакомые только по фильмам и книгам, Шестакову лично, но с другой совершенно позиции.

Шульгин прекрасно понимал, что выступление вождя на Пленуме (который формально являлся между съездами высшей партийной инстанцией) было чистойшей, хотя и тщательно спланированной импровизацией. Но так и делаются государственные перевороты, чтобы противник до последнего момента ничего не подозревал и не понимал, а когда поймет — уже поздно.

Соратники выглядели настороженно-сосредоточенными. Вопреки обычаю, Сталин не пригласил никого из них на ужин после завершения Пленума, что можно было расценить как выражение общего неудовольствия, хотя вроде бы все прошло нормально, согласно уставу и регламенту, без сбоев и неожиданностей. Сейчас каждый перебирал в уме возможные причины и собственные прегрешения. На самом деле, кроме Молотова с его неудачной интригой в отношении Шестакова — Ежова, никаких заслуживающих внимания недоработок, тем более — явных провалов, никто за собой не числил. Вот только если коснуться «Большой чистки»... Ни с кем не посоветовавшись, Хозяин затеял «Новый курс», беря пример с Рузвельта. И, если сочтет нужным, все случившееся в истекшем году, все жертвы и кадровые решения вполне способен перевалить на соратников. Все в той или иной мере причастны, все проявляли активность и энтузиазм в подготовке директив об усилении борьбы «с троцкистскими и иными двурушниками» и разнарядок на репрессии.

Ежов, как непосредственный исполнитель, уже оплатился, и совсем не факт, что его минует судьба предшественника.

Ворошилов тоже — слишком старательно «чистил» армию и флот. По должности ему бы отстаивать «до последнего патрона» каждого попавшего на крючок че-

кистов командира и комиссара, как это делали Орджоникидзе, а потом Каганович в отношении нужных им людей, а он бежал «вперед паровоза». И в Испании его люди показывают себя далеко не лучшим образом.

Кто следующий?

Соратники понимали, каждый со своей позиции, что время упущено безнадежно. Им бы, сообразив, к чему дело клонится, сплотиться, выступить «единой платформой», как выступали против Троцкого. Не важно даже, на базе какой идеи — просто единой, против всего ПБ Сталин бы не устоял. Не смог бы сделать ничего каждому из них. От НКВД в случае чего защитил бы Ворошилов и армия, а других способов воздействия на партийную верхушку Хозяин не имел. Могли бы и ему предложить «другую работу».

Так ведь нет, каждый думал только о себе и своих личных с ним отношениях. Совершенно как в двадцатые, когда Сталин передумал «левых», «правых», «центристов» и «уклонистов» поодиночке.

А теперь поздно, разумеется. Снова каждому нужно выживать поодиночке.

Можно было, конечно, попытаться дать бой, «последний и решительный». Только как? Заранее ведь сговориться не успели. Кто рискнет выступить первым, не зная позиции и степени решительности остальных?

Каждый лихорадочно перебирал в голове расклады, бросая осторожные взгляды на соседей по столу.

В том, что новый зампред и секретарь приглашен на Политбюро, ничего необычного не было. Любой назначенец, входящий в номенклатуру, оказывался здесь, чтобы в неформальной обстановке ответить на вопросы и выслушать наставления. Шестаков полтора года назад уже проходил церемониал утверждения наркомом, вышел в тот раз из кабинета в мокрой от пота рубашке под гимнастеркой. Но сейчас ритуал словно бы развернулся на сто восемьдесят градусов, наставления пришлось выслушивать отнюдь не ему.

Шестаков сидел чуть поодаль, через два стула от по-

следнего в ряду члена ПБ, вид имел подобающий обстановке, но не нервничал, как большинство сюда попадающих. Скорее выглядел человеком, вынужденным отбывать некий ритуальный номер, вроде как атеист, оказавшийся на церковной службе. Крутил в пальцах «Делегатский» красный карандаш над раскрытым блокнотом, посматривал по сторонам, разве что не считал летящих над кремлевским двором ворон.

Ритуально представив вождям нового соратника, Сталин сразу взял быка за рога:

— События последнего времени показали, что нашей системе не хватает некоторой гибкости управления. Многим товарищам приходится совмещать плохо сочетающиеся функции. Некоторые слишком увлекаются политикой в ущерб своим прямым обязанностям. Я понимаю, что политика гораздо интереснее, чем добыча угля, повышение урожайности или повседневная боевая подготовка войск. Однако там и следует проводить политику — политику партии. Все остальное, я так думаю, это политиканство. В Испанию, к примеру, мы посылаем людей, чтобы они помогли народу и правительству разгромить контрреволюцию, а они воображают себя такими «теневыми послами» и начинают вмешиваться в дела, которые их совершенно не касаются, затевают интриги, уже нанесшие огромный ущерб нашему делу...

Он сделал паузу, чтобы слушатели задумались, примерили эти слова к себе.

— Вот мы решили посмотреть, не удастся ли нам кое-что в этом направлении поправить. Поэтому мне кажется, что каждому из товарищей следует сосредоточиться на тех направлениях, которые он курирует в настоящее время. Заниматься же всем сразу — непродуктивно. А товарищ Шестаков, у которого есть некоторый опыт и нужные способности, за что мы и сочли возможным его выдвинуть, попробует у нас изобразить из себя такого диспетчера. Не отвечая ни за какую отрасль, он, будем надеяться, сможет беспристрастно изучать реальное положение дел, сводить воедино про-

тиворечивые данные и мнения и свои беспристрастные доклады и предложения выносить на заседания ПБ. Где мы, тоже беспристрастно, будем принимать обоснованные решения.

Есть вопросы?

Без вопросов не обошлось. Товарищи, разумеется, сразу усмотрели в такой реорганизации опаснейшую угрозу. Ведь любому очевидно, что, если система работает так, как заявлено, рухнет вся налаженная схема межотраслевых и межличностных связей, устоявшийся механизм согласований, сговоров, сдержек и противовесов. Одновременно опыт подсказывал, что идеальных конструкций власти все равно не бывает и налицо всего лишь хитрый ход, призванный замаскировать окончательное установление полностью самодержавной власти. Фильтр, которым становится ведомство Шестакова, будет пропускать сквозь себя только ту информацию, которая угодна Сталину (а то и самому «диспетчеру»), и якобы коллективные решения ПБ станут окончательно единоличными. Никто не сможет (по идее) знать, что именно и как будет сформулировано в «проекте решения», а что-то изменить и переиграть в ходе обсуждения, на глазах у Сталина, имеющего в руках должным образом составленную бумагу, физически невозможно.

Но вслух ничего такого, конечно, произнесено не было. Вопросы касались частных, организационных тонкостей, сомнений в том, что товарищ Шестаков, оборонщик по преимуществу, сможет достаточно квалифицированно разбираться в десятках других вопросов и проблем. Ну и так далее, опытные бюрократы умеют выискивать в любом деле массу крючков и зацепок, особенно если хотят «замотать» его.

Микоян, к которому последнее время не имелось претензий, один из старейших по стажу членов ПБ, да еще и имеющий опыт руководства тайными операциями на вражеской территории, позволил себе достаточно прямой вопрос:

— Следует ли понимать, что и контроль за нашими

контактами с республиканским правительством Испании также будет возложен на товарища Шестакова? Не на НКВД и наркомат обороны?

— Над этим мы еще подумаем. Но мы имеем в виду, что как раз в этом направлении работа товарища Шестакова оказалась наиболее успешной. В сравнении с другими ведомствами. В вооружении (в пределах наших возможностей, конечно) республиканская армия недостатка не испытывает, а вот правильно его использовать до сих пор не научилась. Что из этого следует?

Вопрос повис в воздухе, да и не требовал ответа.

— Таким образом, будем считать, что принципиальных возражений против такой вот реорганизации нашей внутренней работы нет? Законодательно мы пока ничего оформлять не будем? Товарищ Шестаков побудет у нас «зампредом без портфеля» какое-то время, покажет, правильным ли было наше решение или нет. Секретарем ЦК он тоже будет «без портфеля». Как это называлось раньше — генерал-адъютант для особых поручений. Так и запишите в протокол заседания, товарищ Лихарев.

Валентин, сидевший за отдельным столиком слева и сзади от Сталина, молча кивнул, стремительно покрывая закорючками страницы стенографического блокнота.

— Спасибо, товарищ Шестаков, вы свободны. Будьте на месте, готовьте предложения по штатному расписанию своего аппарата. Не стесняйтесь, пишите все, что считаете нужным, а мы потом посмотрим и скорректируем. Переходим к следующему вопросу...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На основании подготовленного Антоном меморандума о состоянии дел в Испанской республике Шульгин с помощью нескольких серьезных, чудом уцелевших аналитиков ГУГБ, ГРУ РККА и НКВД, а главное — материалов, извлеченных из компьютера Валгаллы, написал основательный, максимально объективный доклад.

От дипломатов он затребовал направить в свое рас-

поражение Овчарова. Виктор уже имел отношение к испанским делам, да вдобавок обладал хорошим, в духе здешних требований, слогом. При этом Сашка мог ему полностью доверять — не станет болтать на стороне о некоторых моментах, с точки зрения обычного сотрудника достаточно странных.

К работе ведь был привлечен и Лихарев. Его Шар (о котором Шестаков, разумеется, понятия не имел) открывал доступ к совершенно секретным франкистским, немецким, итальянским, а также и англо-франко-американским документам. В том числе уничтоженным в разное время по разным причинам, почему и не вошедшим в научный оборот.

К примеру — личным дневникам графа Чиано, министра иностранных дел Италии и зятя Муссолини, стоившим ему головы. То ли похищенным, то ли уничтоженным в сорок пятом, до сих пор неизвестно, кем именно, СД или службой Даллеса.

Сталин и приглашенные им товарищи, нарком иностранных дел, и.о. наркомов обороны и ВМФ, главком ВВС, начальники АБТ и ГАУ, два секретаря ЦК, еще несколько начальников помельче, выслушали доклад не то чтобы внимательно. Они были поражены. Это может показаться диким, но практически никто из присутствующих не представлял себе реальной картины в целом, только фрагментарно, в пределах сферы непосредственных обязанностей, а оттого, что многие занимали свои посты всего по несколько месяцев, то и там достаточно туманно.

Можно сказать, большую часть информации черпали из газетных сводок и репортажей Кольцова и Эренбурга. Те, естественным образом фильтруясь на нескольких уровнях и по разным критериям, в итоге напоминали скорее грамотную дезинформацию, чем материал для принятия судьбоносных решений.

Кроме всего прочего, товарищи попросту давным-давно отвыкли воспринимать факты и окружающий мир как объективную реальность, данную нам в ощущениях. Может, в первые годы советской власти о про-

счетах, ошибках, подлинных опасностях и их причинах еще принято было говорить помимо идеологических шор и штампов, а примерно со времени смерти Фрунзе и Дзержинского, низвержения Троцкого правда стала опасным продуктом. Даже на самом верху. И вот сейчас Шестаков с шокирующей прямоотой вдребезги крушил очередной миф. Мало того что оценка обстановки кардинально расходилась с «общепринятой», утверждавшей, что, несмотря на отдельные трудности, испанский народ под руководством коммунистической партии уверенно движется к окончательной победе, каковая непременно наступит именно в этом, тридцать восьмом году, так слушатели еще и подводились к мысли, что в собственной стране дела обстоят похожим образом.

При этом докладчик, полностью игнорируя ритуальные словесные обороты и конструкции, сосредоточился не на «объективных причинах», «происках империализма» и «предательстве деятелей Социнтерна», а открытым текстом рубил о порочности текущей советской политики, вопиющей некомпетентности ответственных товарищей из числа военных и политических советников, зловещей роли агентов НКВД и Коминтерна, которые наносили общему делу вред куда больший, чем десяток франкистских и итальянских дивизий.

— Не нужно ссылаться на особенности испанской демократии, на противоречия между коммунистами, социалистами, анархистами, ПОУМ, старыми генералами. Это — данность. Другой страны и других республиканцев у нас нет. Я ставлю вопрос прямо — нужна нам победа республиканцев над франкистами, фашистами и прочей мировой олигархией или нет? В течение прошлого года мы поставили на Пиренеи 496 самолетов, «СБ», «И-15», «И-153» и «И-16», 322 танка «Т-26», «БТ-5» и «БТ-7», 60 броневедомостей «БА-6» и «БА-10», 714 артсистем, 13 тысяч пулеметов и 337 тысяч винтовок, несколько миллионов патронов и снарядов, направили туда около двух тысяч военных советников. С такими силами войну можно было выиграть вообще без

участия испанцев. Представьте, товарищ Сталин, если бы вы на царицынском фронте получили триста танков и семьсот пушек...

Сказано было вовремя и с тонким расчетом. Сталин улыбнулся и разгладил мундштуком трубки усы. Конечно, тогда у него было четыре бронепоезда и около сотни трехдюймовок. А ведь погнали белых...

Сам же Шульгин вспомнил другое. Под Каховкой обошлись вообще десятком самоходок и ударно-штурмовым батальоном рейнджеров, не считая корниловской дивизии. Красные бежали, как в июне сорок первого на Западном фронте.

— В Испании результат хуже нулевого. При трехкратном перевесе в живой силе, двукратном в современной технике потерял Север с последним опорным пунктом и портом Хихон, через который мы могли почти беспрепятственно завозить оружие и переправлять добровольцев. Брунетская, Сарагосская, Теруэльская операции завершились совершенно неожиданным, даже теоретически малопредставимым крахом. Республиканцы просто бросили с таким трудом захваченные позиции. Сейчас в армии и правительстве царит паника и раздоры. Товарищ Андре Марти, которому Коминтерном даны неограниченные полномочия, вместо того чтобы сплотить все здоровые силы на борьбу, вообразил себя реинкарнацией Николая Ивановича Ежова. В тылу расстреливают и арестовывают больше людей, чем их гибнет на фронте. Каждый арест и бессудный расстрел ухудшают положение на передовой. Анархисты и поумовцы боятся и ненавидят коммунистов, отказываются идти в бой, потому что обоснованно опасаются удара в спину. Как это было у нас в двадцатом...

Сашка замолчал, о расстреле ударных сотен Махно сейчас распространяться не стоило.

Он и так сказал слишком много, а перед ним еще лежало больше двадцати страниц доклада и свернутые в рулон карты с нанесенной обстановкой, фактической и прогнозируемой. Сегодня он собрался, поставив по-

★

следний рубль ребром, сорвать банк. Уходить под сень прибрежных пальм, нащупывая в кармане дамский «браунинг», как принято в Монте-Карло у проигравшихся в прах, в его планы не входило.

Вернувшись к военным и политическим аспектам «национально-революционной войны», как она называлась в советской прессе, Шестаков очень резко высказался в адрес наших «военных советников».

— Те, кто действительно советует, советует очень плохо, что следует из имеющихся результатов. А те, кто воюет непосредственно, например, летчики Копец, Проскуров, Рычагов, Серов и многие другие, танкисты Арман, Кривошеин, Павлов, не буду называть всех, так эти ребята, простите меня, товарищ Сталин, ордена зарабатывают, накручивают личный счет. Героизмуют, воюют, сбивают, воодушевляют личным примером испанских товарищей, а толку? Мы ведь, товарищ Сталин, награждаем их без всякой меры, чуть ли не за каждый сбитый самолет, уничтоженный танк, да еще и испанцы хорошие деньги платят. А франкисты, немцы, итальянцы просто организованно и грамотно воюют. У нас Серов, к примеру, лично сбил пятнадцать самолетов. Честь ему и хвала. А летчики легиона «Кондор» сбили в это время сто, не слишком героизмуя...

Он еще долго растолковывал эти простейшие, с точки зрения человека, знающего дальнейшее, истины. Обрисовал, в виде возможного развития событий, реальный ход и исход войны: нарастание трений между участниками коалиционного правительства, вплоть до вооруженных столкновений. Дальнейшая потеря управления войсками, поддержки населения и неизбежная капитуляция еще до того, как будут исчерпаны возможности сопротивления.

Все это выглядело вполне убедительно, и армейские командиры сникли, прикидывая, какие выводы могут в ближайшее время, да и прямо сейчас, последовать для каждого из них. Террор ведь, фактически, отнюдь не закончился, каждый перебирал в уме имена сослуживцев,

пошедших к стенке по гораздо менее весомым обвинениям.

Однако Сталин, не только слушая, но и подвергаясь целенаправленному воздействию Шульгина и Лихарева, постепенно склонялся к другим выводам и мыслям.

— Так что вы, в конце концов, хотите сказать, товарищ Шестаков? О наших ошибках я уже все понял. Сумели объяснить. Заканчивать нужно, так? Вот вы сказали, что с декабря прошлого года ни один наш транспорт не смог прорваться из Черного моря в Барселону и Аликанте. А мы держим при республиканском флоте Кузнецова, Бурмистрова, Головка, Дрозда, Алафузова. Зачем держим? Они что — враги? Или совсем некомпетентные люди? Не могут организовать сопровождение пароходов. Отозвать? Вообще всех отозвать? Пусть фашисты торжествуют, а мы сосредоточимся на внутренних делах?

— Не так, товарищ Сталин!

Шестаков перешел в наступление. Единственно возможный способ навязать противнику, а он сейчас рассматривал вожда как противника, не вообще, а словно за карточным или бильярдным столом, свою волю.

— Надо забыть обо всех якобы политических ограничениях, о Лиге Наций, о «невмешательстве». Воевать, так по-военному, как не раз повторял Владимир Ильич. Гитлер, Муссолини ни о каких «демократических процедурах» не задумываются, делают, что считают нужным.

— Вы нас что, со всем миром поссорить хотите? — прищурился Сталин.

— А наплевать нам на весь мир, товарищ Сталин, — дерзко бросил Шульгин. — Помнится, император Николай Первый, когда в Париже поставили пьеску, которую он счел оскорбительной, пообещал послать туда миллион зрителей в серых шинелях, которые ее освищут. И ничего, немедленно сняли с постановки, при всей ихней демократии. Короче — пусть ненавидят, лишь бы боялись. Потому нам испанскую войну никак нельзя проиграть!

Очень долго молчал Сталин, попыхивая трубкой,

переводя взгляд с наркома иностранных дел Литвинова на Шестакова, скользил глазами по комдивам и комкорам. Маршалов здесь не было. Егоров в предвидении ареста сослан в ЗАКВО (Сталин долго готовился расчитаться с ним за Польскую кампанию), Блюхер пока на Дальнем Востоке (но тоже кандидат на «вышку», неправильно себя ведет), Тухачевский уже расстрелян. Ворошилов отставлен, Буденного не позвали, кавалерия в Испании не задействована, да и вообще неизвестно, чего от него ждать, история с четырьмя пулеметами всем памятна. А больше и нет в армии маршалов.

— Слова в принципе правильные, товарищ Шестаков. Смелые слова, особенно если за ними стоит что-то еще, кроме ваших амбиций. Я привык к чему: критикуешь — предлагай. Вы что практически предлагаете?

Очередной психологический посыл бросил Сашка, изо всех сил сосредоточившись. Сейчас решается его личная судьба, да и новый виток истории начнется. Или нет. Тогда — на Валгаллу. Катер «Ермак» завести, отправиться посмотреть, что там за Черным озером. Или — к квангам, у них наверняка жизнь изменилась после исчезновения внешних агрессоров.

— Я бы попросил, товарищ Сталин, поручить мне руководство испанской кампанией. В полном объеме, как Ермолову или князю Барятинскому на Кавказе. Военные, политические, экономические вопросы должны быть сосредоточены в одних руках. Лично вам, при огромной занятости прочими вопросами, технически невозможно руководить каждым шагом исполнителей. Ведомства между собой договариваться так и не научились. Да и задача так не ставилась. А вот если создать единый штаб, с диктаторскими полномочиями и правом доклада лично вам в случае необходимости... Или я за полгода решу эту проблему, или вы спросите с меня по полной программе. Хуже не будет, товарищ Сталин, это я вам обещаю. Хуже быть просто не может. Испанские товарищи свою войну уже проиграли. Если бы вы с Владимиром Ильичем в девятнадцатом испугались

так, как Кабальеро, Прието, прочие тамошние вожди, страшно представить, что бы случилось...

Опять Сталину маслом по сердцу.

Был такой кинофильм, «Боевой девятнадцатый», всеми давно забытый, в котором Сталин руководил подавлением мятежа фортов «Красная Горка» и «Серая лошадь». Лично и с крайней решительностью, а Ленин там по преимуществу цитировал собственные труды и постоянно обращался к нему за очередным умным советом. Правда, нынешний Сталин фильм этот еще не видел, он выйдет незадолго до его смерти, но и без того за минувшие восемнадцать лет успел убедить себя и окружающих, что именно он выиграл Гражданскую. А кто обладал слишком хорошей памятью и длинным языком, лишился того и другого. Не может быть в одной стране нескольких прав, правда всегда одна. Что же до истины, это отдельный вопрос.

— Чувствуете в себе проснувшийся талант полководца? — с легкой иронией, доброй при этом, спросил Сталин.

— Дело не в таланте, хотя из истории известно, что он нередко проявлялся у людей, прежде весьма далеких от военного дела. Маршалы Наполеона, например, или, что ближе — славная плеяда героев Гражданской... — Опять легкий, почти неуловимый наклон головы в сторону вождя, чтобы не вообразил, упаси бог, что намек касается какого-нибудь Троцкого или иных «не оправдавших». — В данном случае достаточно чисто организационных мер, характер войны не требует гениальных стратегических прозрений. У республиканцев достаточное численное превосходство и полная свобода действий по внутренним операционным линиям.

— Хорошо, товарищ Шестаков, давайте попробуем, тем более, как вы правильно выразились, терять нам нечего, приобрести же можно многое. Кстати, вы могли бы без ложной скромности отметить, что имеете командный опыт. У вас сколько нашивок было по последней флотской должности?

— Три, товарищ Сталин. По-нынешнему — правильно флагман первого ранга.

— Или, по-старому, вице-адмирал?

— Приблизительно...

Шульгин отметил, что вождь последнее время все чаще вспоминает царские времена. Ну да, время разбрасывать камни и время собирать их. Скоро вернет генеральские и адмиральские звания, а там и погонь.

— Тем более вам карты в руки. Товарищ Лихарев, подготовьте решение. Совершенно секретное, под роспись членам ПБ и тем, кого это касается непосредственно. А вы, товарищ Шестаков, — четкий и конкретный план первоочередных мероприятий.

— Вы держались просто великолепно, Григорий Петрович, — похвалил Шестакова Валентин, когда они уединились в кабинете, чтобы подработать пункты документа. — Но так, положи руку на сердце, уверены, что справитесь? Мешать вам будут сильно, и здесь, у нас, и в Испании. Понимаете ведь, что случится, если вы выиграете.

— Чего ж не понимать? Я весь в белом, а остальные в дерьме...

Этого анекдота Лихарев не слышал, он из другого времени. Смеялся долго и искренне. Он вообще был очень смешливым парнем, как заметил Шульгин. В принципе хорошая черта.

— Потому, Валентин, нам и нужно опереться на тех, кто к прошлым провалам отношения не имеет. Которые от нашей победы выиграют. А уж нейтрализовать противника — это, будем считать, ваша задача. Вы здесь все концы, связи, ходы и выходы знаете.

Сашку страшно сковывало то, что он вынужден изображать Шестакова «в чистом виде». Если бы раскрыться, сообщить, что он знает все об истинной роли и функции Лихарева, и задействовать его именно в качестве резидента! Заставить его привлечь к операции «Нострадамус» здешнюю Сильвию и весь ее штат, должным образом повлиять на Чемберлена, Даладье и

прочих. Хорошо бы с Антоном посоветоваться, да как его найдешь, если сам не возникнет?

Похоже, он сам себя в тупик загнал. Извиняет лишь то, что именно такого развития событий он предвидеть не мог. Игра, как и сказано было, начала стремительно раскручиваться по собственным правилам.

Впрочем, кажется, наклеивается вариант. Спасибо Сильвии за подсказку. Сегодня же вечером и провернем...

— Я, Валентин, решил просить у Хозяина разрешения смотаться на недельку-другую за Пиренеи. На месте разобратся.

— Да вы что, Григорий Петрович?! Ни за что не отпустит.

— Надо сделать, чтобы отпустил. Постараюсь его убедить, что такая командировка совершенно необходима.

— Ну-ка, растолкуйте поподробнее, что именно вы задумали. На мне потренируйтесь. Я себя поставлю на место Сталина в его нынешнем настроении и состоянии. Меня убедите, может, и с ним получится.

— Согласен. Сейчас вот начнем план мероприятий писать, так я по ходу. Да вот, попутно, не знаете, когда вождь намеревается нового наркома обороны утвердить? Нам бы сейчас Иосиф Родионович весьма пригодился.

— Надеюсь, что уже завтра. Только ему в ближайшее время не до вас будет, пока у Ворошилова дела примет, пока в курс войдет... В армии сейчас такой бардак творится.

— Ничего, я у него много времени не отниму. Заодно интересно, в какой такой форме можно от личной встречи с первым зампредом Совнаркома уклониться? Он, конечно, человек резкий, но не до такой же степени.

Шульгину пришлось потратить целую ночь на воплощение своего замысла. Сначала он проверил, не обманул ли его «писатель». Не обманул. Из квартиры Шестакова, которую он начал заново обживать, переход на

Валгаллу удалось почти так же легко, как в свое время из Замка Антона получалось проникать в избранную точку Земли или с Земли — в Замок и даже Гиперсеть. Заодно всплыла в памяти методика, с помощью которой он разыскал Новикова и девушек в Австралии совсем другой реальности. Действительно, без всякой аппаратуры, исключительно усилием сосредоточенной воли Сашка шагнул прямо на веранду терема. Словно из комнаты в комнату перешел.

Это его обрадовало, еще точнее — наполнило чувством если не всемогущества, то прочности своего положения. А что тело чужое — невелика беда. Сколько уже раз он менял собственную внешность с помощью грима и иных приемов, ему всегда это нравилось. Совершенно особенное чувство испытываешь, когда не на сцене перевоплощаешься, а ходишь по улицам города в чужом облике. Казалось бы, все равно тебя никто не знает, и нет прохожим до твоего вида никакого дела, но... Тем более приятно было, когда не узнавали и хорошо знакомые люди, друзья, а в особенности — враги.

Покормив собак (только ради этого стоило вернуться), растопив камин, он подумал, что надо бы устроить нечто вроде шахматных часов, здесь и «дома», чтобы точно фиксировать свое локальное время в каждой точке. Если удастся добиться четкой координации, тогда можно будет, как и Лихареву, уходить из служебного кабинета на любой срок на Валгаллу, с нее в желаемое место Земли и тем же путем обратно. Плюс-минус десять минут. Тогда он станет на самом деле почти всемогущим. Если при этом Лихарева получится «в строй поставить», за ним и Сильвию, тогда мы от души повеселимся, ребята и девчата!

Для чего он и явился сюда поздним вечером, чтобы на всякий случай располагать резервом времени. Если даже оно вдруг пойдет «час в час» — к утру успеет.

...В Москве заканчивался январь, морозный и метельный, Россия пребывала в очередной фазе «малого ледникового периода», который продлится до конца пя-

тидесятих годов, а на Валгалле не поймешь, какой сезон. Вроде как ранняя весна. То пронзительная ясность дня с бледно-голубым небом и порывами ледяного ветра с севера, то накатывают с юга многослойные, невиданной на Земле конфигурации тучи, проливающиеся летними по интенсивности, но холодными ливнями, переходящими в обложной моросящий дождь. А что еще нужно, чтобы испытывать ощущение настоящего уюта?

Сашка притащил со двора несколько охапок должного размера поленьев, не буковых, к сожалению, но из местного аналога кедра, вполне подходящих для долгого, неторопливого горения в камине и с приличной теплотворностью.

Переоделся в «олимпийский» шерстяной тренировочный костюм, разложил на столе курительные принадлежности и включил компьютер. Тщательно подбирая слова, дабы не допустить «прокола», смыслового и психологического, начал составлять письмо от самого себя Шестакову. Как если бы вздумал, уходя, снабдить своего «реципиента» подлинным знанием обо всем, с ними случившимся, дать советы и рекомендации на предстоящую жизнь и одновременно гарантировать безопасность, если Лихарев или кто-нибудь еще вздумает избавиться от нежелательного свидетеля.

Писать собственным, восьмидесятих годов, стилем было нетрудно, только все время нужно соображать, какие фразы и факты подходят к теме, а какие могут оказаться и лишними. Для общего замысла.

Зачин, конечно, сделаем стандартный.

«Григорий Петрович, я должен перед тобой извиниться за то, что по не зависящим от меня обстоятельствам так грубо вмешался в твою жизнь. Однако в свое оправдание скажу — вряд ли, сидя в тюрьме, ты чувствовал бы себя лучше, чем сейчас. Я всего неделю немного поруководил тобой, при этом пробудив твои лучшие качества. Ну, ты помнишь. И сейчас, надеюсь, твое положение укрепилось. У тебя появились новые друзья: Лихарев, Буданцев, может быть, Иосиф Виссарионович. Но это, как говорится, преамбула. Суть в

★
следующем. Считая себя ответственным за нашу, хочешь не хочешь, общую судьбу, как я это понимаю, должен сообщить тебе...

И дальше на четырех страницах изложил, применительно к образу мыслей Шестакова, кем на самом деле является Валентин, какова его роль на Земле вообще и в окружении Сталина в частности, что такое квартира на Столешниковом, какими техническими возможностями обладает и как Григорий может ими воспользоваться даже помимо Лихарева. Что именно случилось в ту ночь, когда нарком разоружил и взял в плен резидента, о чем они говорили на самом деле, и как потом Шульгин «ушел», прихватив с собой большую часть их общей памяти, и чем она была заменена.

В завершение добавил несколько практических советов, в том числе подсказал, где взять необходимые денежные средства, не прибегая больше к столь сомнительным акциям, как хищение казенных, а также формулу (или заклинание), якобы способную активизировать собственное подсознание.

Писал не как литератор, а как бывший начальник врангелевской службы безопасности, не оставляя *подследственному* (каковым в данном контексте выступал именно Лихарев) ни малейших шансов *вывернуться*, то есть каким-то образом дезавуировать в глазах Шестакова этот текст.

Отпечатал он его не на пишущей машинке, а на лазерном принтере, что с несомненностью подчеркивало *подлинность* документа, поскольку ни такой бумаги, ни таких множительных устройств в СССР и вообще в мире пока не существовало.

«Хорошо получилось», — похвалил он сам себя, еще раз пробежав глазами страницы.

Теперь можно и возвращаться.

Чтобы немного отвлечься от напряженного умственного труда, Шульгин обошел терем снизу доверху. Провел инвентаризацию запасов. Теперь, после того как убедился, что доступ сюда открыт, это имело значение. Пусть идея постройки Форта принадлежала

Новикову, а проектировал его Берестин, укомплектованием и снабжением занимался по преимуществу он, исходя из того, что и на всю жизнь здесь, возможно, придется остаться. Помнил, где, что и в каких количествах у них хранилось. Большинство припасов уцелело, в течение первой зимовки они регулярно пополняли их расходную часть, по той же самой причине.

Ремонт бы настоящий сделать, думал Сашка, опять бригаду дяди Коли пригласить, так разве до тех мужиков теперь доберешься? Они в большинстве и в школу еще не пошли, куда им топорами махать? Роботов бы воронцовских позвать, те разом все исполнят, но и они сейчас недоступны. Самому придется. А почему бы и нет? Вместо физзарядки по утрам, если удастся время сбалансировать, так чего же не потрудиться? Дубликатор Левашова запустить, тогда любые стройматериалы прямо на площадке можно будет создавать, а уж по месту приладить — не проблема.

Попутно еще одна творческая идея его озарила, как почти всегда — из-за угла. В спальне, в полуоткрытом шкафу Ларисы ему попался на глаза, между книгами и иностранными глянцевыми каталогами торговых фирм (большой дефицит в те времена), корешок обычного фотоальбома. Из чистого любопытства он его достал, листнул. Недурно, совсем недурно. Только зачем она здесь хранила? Впрочем, где же еще? Неприкосновенность жилища у них соблюдалась свято, девушка могла быть уверена, что никто не полюбопытствует.

Кто уж и зачем ее снимал, сейчас не узнаешь, но пара десятков очень приличного качества фотографий 13x18, черно-белых, на бромпортрете¹, изображали ее, совсем молодую, в разных изысканных позах, совершенно обнаженную. Ничего неприличного, просто повторение таких же снимков из «Плейбоя» или «Хастлера», но в московских интерьерах.

Память о бурно проведенной юности. Девчонка и

¹ Сорт употреблявшейся в 60-е — 80-е годы фотобумаги, с хорошим контрастом и слегка коричневатым оттенком изображения.

вправду была хороша. Сейчас не хуже, конечно, просто двадцать и тридцать — есть некоторая разница, когда тебе самому уже тридцать пять, а то и сорок два, если считать по шестаковским годам.

Ему остро захотелось, чтобы здесь и сейчас рядом оказалась она или... Да кто угодно, Сильвия, Зоя... Вот!

Он же как раз о Зое вспоминал то и дело. Иногда как муж, беспокоящийся о жене и детях, а иногда собственной памятью. Как хороша она оказалась той случайной селигерской ночью в постели, когда думала, что пришла к Григорию, а он вообще не понимал, что за роскошная женщина самозабвенно и разнузданно отдастся ему на набитом одуряюще пахнущими травами деревенском тюфяке. И терзался мыслью: что же с ней теперь делать? Какой, к черту, из него семьянин, отец двоих подрастающих сыновей и муж красавицы актрисы? Ему войны выигрывать, судьбы мира решать, а не...

А что, если... Переправить ее сюда. И Власьева тоже. Все объяснить, замотивировать в меру их понимания. Перспективы обрисовать. Мол, ненадолго все, на несколько месяцев, на полгода, а потом — хоть на Дальний Запад, хоть прямо в белую Россию.

Это действительно идея. Выход почти из всех тупиков. Власьеву непременно понравится. Целая неосвоенная планета, собственный Форт, роскошная библиотека, богатейший арсенал, БТРы и вездеходы, которые он легко освоит.

Зоя... Для нее то же самое, плюс абсолютная безопасность, которой в Москве он ей на самом деле гарантировать не может. Вдруг да решит Иосиф Виссарионович подстраховаться, взять ее в заложницы? Конечно, о светском обществе пока придется подзабыть, так не надолго же. Поживет на природе, словно миллионерша на собственном ранчо, книжки толковые почитает, фильмов хороших насмотрится, настоящих, цветных, не «Волгу-Волгу» какую-то, не «Ленин в Октябре».

Пацанам тоже будет нормально. Настоящие «Приключения бура в Южной Африке». Не наркомовскими детишками в спецшколе № 19 станут расти, парнями

фронтира. Винтовки свои, собаки, катер, дядька-воспитатель, какого поискать. Тем более он сюда будет частенько наведываться. Может, и вправду в гости к друзьям-квангам сгоняют. Восстановят братство цивилизаций.

Перспективы обрисовались замечательные. Только что пусто было в голове и в душе, а тут вдруг сразу!

О том, легко или сложно будет убедить Зою и Власьева принять его предложение, он предпочитал не задумываться. Найдутся, по обстановке, нужные слова. Сейчас ему с Лихаревым нужно разобраться, но в теперешнем эмоциональном настрое это тоже казалось пустяком.

Альбом Ларисы он с некоторым сожалением поставил на место. Что было, то было, а теперь следует забыть, как и многое другое-прочее.

Наверное, стены Форта, которые они выложили своими руками, терем, любовно отделанный и оформленный в соответствии со вкусами каждого и всех вместе, пропитанные теми словами, чувствами и мыслями, которые источали члены «Братства», настолько повлияли на Шульгина, что он ощутил себя совершенно другим человеком. Не тем, что в облике Шестакова появился здесь сегодня, а скорее тем, каким он был в самом начале эпопеи. Молодым, энергичным, романтически настроенным и свободным от груза будущих событий, трудных решений, разочарований и несостоявшихся надежд.

Может быть, на самом деле все еще впереди, и где-то его ждет рассветный Петровский бульвар, свободный от людей и машин, по которому он шел, насвистывая, возвращаясь от очередной подруги, никоим образом не представляя, какие потрясения начнутся уже сегодня вечером, за преферансом.

Если так, то хорошо, а то ведь он уже начал уставать от жизненного опыта, больше подходящего семидесятилетнему человеку, замученному потерями, войнами и революциями.

Заодно и память наконец пришла в полное соответ-

★ ствие, никаких сбоев, события четырех реальностей уложились в нужном порядке, никак не мешая друг другу. И та мысленная сила, которую он впервые ощутил в Нерубаевских катакомбах, стала еще более отчетливой и управляемой.

С таким настроением он и явился без приглашения на Столешников в семь часов утра. Открыл не доступную никому из здешних жителей дверь, точно так, как они с Андреем проникли сюда отчаянной (когда все было поставлено на карту) ночью двадцатого года, после боя на Николаевском вокзале и прорыва через перекрытый красноармейскими патрулями город.

Вошел, разделся, убедился, что Валентин безмятежно спит. Да, ощущение абсолютной защищенности штука приятная, только предательская, если ошибешься. Лихарев ошибся.

В толстых шерстяных носках, которые Сашка любил надевать в сапоги вместо портянок, прошел на кухню. В Форте он не выпивал, другими делами занимался, а здесь отчего же не расслабиться, обстановка не только позволяет, а прямо требует, чтобы создать нужное впечатление у клиента.

Наркомовская привычка ужинать далеко за полночь, завтракать в обед, а обедать в девять вечера сейчас прилась как раз к месту. Тем более свежие газеты в сталинские времена доставлялись тоже в семь, чтобы товарищи успели перед работой ознакомиться с текущими установками. Вот Сашка и достал из ящика «Правду» и «Известия», сидел, просматривал с карандашом в руке передовицы и сообщения о вчерашних кадровых перестановках.

В отдаленном парой десятков метров туалете заглумила спущенная вода, а через короткое время на пороге возник ошарашенный Валентин в сиреневых шелковых подштанниках. Понятное дело — проснулся по нужде, имея в виду еще часик после того поспать, самый сладкий, особенно при нынешней погоде, и увидел свет

в конце коридора, подумал сперва, что с вечера забыл выключить — и нате вам!

— Привет, Валентиныч, — радушно сказал Шульгин, приподнимая рюмку к глазам. — Умойся, присоединяйся, разговор есть. Или обратно в койку? Я не спешу, можно и попозже...

— Какой там попозже, — пробурчал Лихарев, окончательно приходя в себя. — Я сейчас... — Похоже, он как должное воспринял начальственное «ты», которое утвердил в обращении к нему Шестаков-Шульгин. По крайней мере, недовольства не показал.

Валентин долго плескался в ванной, освежаясь ледяной водой, вернулся более-менее одетый.

Вообще, довольно жестоко заставлять человека встать раньше, чем он себе наметил. Лучше б вообще не ложиться. Тут еще дополнительно шокирующая ситуация: как если бы на вашей личной яхте, идущей через Индийский океан, вдруг незнамо откуда оказался лишний пассажир, не в спасжилете, а во фраке и бабочке. Сидит, сволочь, нагло улыбаясь, в гостевом салоне и пьет хозяйский коньяк.

На что и расчет. Неприятеля нужно брать тепленьким и врасплох.

— Я вам всегда рад, Григорий Петрович, — произнес Валентин тщательно заготовленную фразу, — но все-таки не совсем понятно...

— Да ты не напрягайся, — мягко сказал бывший нарком. — Удивительного в жизни гораздо больше, чем можешь представить даже ты. Хорошо, в ходе германской войны старший лейтенант Власьев, с которым ты слегка знаком, обучил меня этой простой мудрости. На наглядных примерах. Сильно интересуешься, как я вошел в твое уютное гнездышко. Отвечаю — через дверь. Легко...

— Но это же... — слегка даже задохнулся от удивления Лихарев.

— Невозможно, ты хотел сказать? Увы. Людям свойственны заблуждения. И не совсем людям — то-

же. Мне порой кажется, совсем не люди подвержены тому же пороку.

Хитро подмигнул собеседнику, разминая в пальцах папиросу.

— О чем вы, Григорий Петрович?

— Знаешь, чтобы язык о зубы не бить лишний раз, я тебе почитать кое-что дам. А там и объяснимся... — и протянул Лихареву собственный труд, вложенный в советский конверт из сероватой крафт-бумаги. Специально пришлось по пути забежать на Центральный телеграф, благо недалеко.

— Это я у себя в почтовом ящике нашел, около полуночи, — счел нужным подчеркнуть Шульгин.

Ох, как он любил такие игры! Партнер сразу выбирается в безусловно проигрышную позицию, и смотреть, как он там барахтается, — милое дело.

Валентин, при всех его способностях, прочел письмо дважды. Сначала стремительно, как учили, охватывая за секунду содержание страницы целиком, потом медленно, едва ли не по слогам. Такое у Сашки сложилось впечатление.

Он успел выцедить рюмку, докурить папиросу, и теперь просто сидел, беззвучно постукивая пальцами по колену. «Главное, — внушал он себе, — не перестараться. Я тоже должен быть удивлен и поражен, не меньше его. Нет, гораздо больше. Просто за шесть часов, согласно типу личности, успел кое-что переварить, обдумать, избрать форму поведения. А на самом деле жадно жду, что он мне ответит. Шестакову ведь тоже куда легче и спокойнее остаться в круте собственных представлений, нежели очутиться в новом, непредставимом для материалиста мире. И то, что я говорю сейчас, — просто попытка сохранить хорошую мину... Я просто жажду, Валентин, чтобы ты меня разубедил...»

И написал эти мысли на своем лице.

Напрасно.

Лихарев бросил листки на стол. Было совершенно понятно, думает: «Какая же сволочь этот Александр

Иванович. Обманул, да как цинично обманул два раза подряд».

Молчали, глядя друг на друга.

«Все-таки слабак Валентин. Упускает последний шанс. Шестаков — наивный человек по сравнению с тобой. Еще можно вкрутить ему какую-то убедительную трактовку, оставаясь в рамках интеллектуальных представлений тридцатых годов. Я бы постарался, а он сдался. Плохой резидент...». Шульгину вспомнился советский фильм «Вариант «Омега» с Олегом Далем в главной роли. Там герой в куда более проигрышной ситуации выиграл великолепно. Чисто. Как раз на пресловутых логических связях высших порядков. Лихарева подобному явно не учили.

— Значит, я делаю вывод, что все здесь написанное правда, — сказал Шестаков, едва ли не с болью в голосе. — Следовательно, друг мой, мы возвращаемся к вечеру в Сокольниках. Оттуда и начнем отсчитывать. Согласен?

Валентин нервно передернул плечами.

— Попробуем...

— Зачем пробовать? Ты попробовал задержать по приказу Сталина наркома Шестакова, бесчинствующего в тихой, приведенной к кладбищенскому спокойствию Москве. Ты моим словам не удивляйся, я и сам по себе, без всякого Шульгина, обучился в кают-компаниях вольномыслию. Мы там царя с царицей и Распутина всячески поливали, отнюдь жандармов и стукачей не опасаясь. Я был уверен, что самолично тебя разоружил и заставил со мной уважительно разговаривать. Оказалось — не совсем сам, что факта как такового не умаляет. Мне или нам ты однозначно проиграл. Из чего я делаю вывод, что и впредь никаких преимуществ тебе твое истинное положение не дает и не даст. Так?

— Ошибиться не боитесь, Григорий Петрович?

— Слушай, давай без этого. Я не боюсь ничего. В полном смысле. Особенно смерти. Как Марк Аврелий писал: «Мы с ней никогда не встретимся». А чем еще ты в состоянии меня напугать? Я вообще не для таких раз-

говоров сюда пришел, — счел нужным Сашка смягчить накал разговора. — Хочу из второго источника получить разъяснение, что из написанного правда, что — полет фантазии, как строить наши дальнейшие отношения. «Войну миров» Уэллса я в детстве читал. Понятно, сейчас мы живем в более сложные времена, сказочка англичанина — примитив, а все же? Возьми карандашик, подчеркни в записке Шульгина одной чертой то, что правда, двумя — ложь. И обсудим. Согласен?

Когда за окнами неохотно рассвело, они пришли к предварительному соглашению. Партнер, вынужденный оправдываться, объясняться, да еще и уступающий противнику в классе, капитулировал. При том, что у Сашки еще оставалась пара тузов в рукаве.

— Хорошо, Григорий Петрович, пусть будет по-вашему. Я согласен помогать вам, хотя подразумевалось, конечно, обратное. Только скажите, а в чем именно?

— Во всем. Как можно понять из письма, никаких личных целей мы — странно звучит, правда? — не преследуем. Их просто нет. А у вас — есть. Хочешь — скажу попросту. Я, без всяких Шульгиных, аггров, форзейлей и иных потусторонних деятелей, желаю: первое — выжить, второе — сохранить за собой контроль над происходящим. Третье, если удастся — возратить Россию к тому состоянию, в котором она находилась к началу нового, тысяча девятьсот семнадцатого года... Очень, кстати, мы его с большими надеждами встречали в гельсингфорсском кабаке на Эспланаде.

— Чего же там было хорошего, февраль на пороге и всероссийская смута? — искренне удивился Лихарев.

— Ерунду говоришь. На пороге была победа в величайшей из войн, Россия стала бы первой державой на двух континентах, учитывая присоединение Восточной Турции и аннексию Константинополя и проливов. В мире — третьей, но с хорошими перспективами. Если нашему народу хватило пассионарности после семнадцатого года пять лет воевать друг с другом, тот же энтузиазм, направленный вовне... Ты понял?

— Да, более-менее...

Лихарев в душе признал здравость слов и замыслов Шестакова. Его ведь тоже готовили к царской службе, а работа со Сталиным — это уже паллиатив.

— Сейчас можно это все восстановить. Запаса сил у страны достаточно, энтузиазма тоже, военное производство кое-как в порядок привели. Отчего же не попробовать восстановить историческую справедливость?

— Себя-то, Григорий Петрович, в какой роли видите? Диктатора, Верховного Правителя, вроде адмирала Колчака?

«Эх, знал бы ты лично того Верховного», — мельком подумал Шульгин.

— Ни в коем разе. Начисто лишен подобных амбиций, — ответил Шестаков.

— Так уж?

— Абсолютно. — Сашка уже начинал веселиться в обычной своей манере. — Максимум, на что я согласен, это роль «серого кардинала» при достаточно просвещенном правителе. Хоть и при нынешнем. У тебя вот пока не получилось...

Тем самым он дал Валентину понять, что записку Шульгина принял к сведению в полном объеме и больше не нуждается в каких-либо пояснениях. Разве так, по мелочи, касательно отдельных деталей.

Лихарев молча принял это условие.

— Так у меня и цели такой не было...

— Зря. Значит, считаем, я ее теперь ставлю. Заранее предупреждаю — захочешь сам стать вождем, препятствовать не буду, всемерно помогу. А до того — все доступные тебе силы и средства будешь использовать на поддержку моих планов. Как ты понимаешь, при попытке подстроить пакость любого рода она прежде всего обернется против тебя. Договорились?

Сказано было очень деликатно, так Шестаков, в контраст со своим другом и учителем Серго Орджоникидзе, склонным к грубости и рукоприкладству, предпочитал разговаривать с директорами заводов и на-

чальниками главков. Этому он тоже научился у Власьева, старшего лейтенанта, умевшего любого матроса, унтера и мичмана поставить в тупик именно невероятной вежливостью и мягким юмором. Заодно и складкой губ, выразившей, что это последний рубеж его терпения и терпимости, а дальше начнется такое, что любой корабельный «дракон»¹ рядом с ним покажется ангелом.

Лихарев, кажется, уловил эту грань.

— Вы позволите? — спросил он, потянувшись к бутылке собственного коньяка, и налил серебряные чарки под край.

— Хозяин — барин, — ответил Шульгин и продолжил поговорку, которую до конца мало кто знает: — Хочет — живет, хочет — удавится, — так что все в твоих руках.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вопреки ожиданиям, убедить Сталина в необходимости личной поездки в Испанию труда не составило. Похоже, у него на это дело были собственные планы, удачно совпавшие с шульгинскими. А отчего бы и нет? Он сам в Гражданскую любил выезжать на фронты, иногда — чтобы на месте составить представление и реализовать собственные планы, иногда — чтобы противодействовать линии Троцкого, который, как Иосиф Виссарионович вовремя понял, начал забирать излишнюю силу и авторитет в войсках.

В данном случае убивается сразу масса зайцев: испытать в серьезном и окончательном деле человека, с которым он решил поделиться властью и одновременно внушавшего ему подсознательное, неизвестно откуда идущее недоверие. Окончательно докажет свою нужность и преданность или... Или посмотрим.

¹ На царском флоте жаргонное обозначение самых свирепых и жестоких унтеров и боцманов.

Заодно навести порядок среди военных, которым Сталин тоже не совсем доверял, хотя бы потому, что в самый интересный момент они оказались вне сферы досягаемости. Кое-кого удалось вызвать на родину и расстрелять по делу Тухачевского и компании, а иные пока остаются там — воевать, причем, как выяснилось, делают это плохо. Плохо воюют, плохо советуют, зарабатывая при этом славу и ордена, а главное — оставляют себе неподконтрольную партии возможность героически умереть или сбежать. Непорядок.

Испанским товарищам тоже пора дать укорот. Распоясались, понимаешь, вообразили себя творцами мировой истории. В СССР, получается, революция давно закончилась, рутина овладела, чиновничье государство образовалось, а там у них романтика и светлые горизонты! До чего дошло — молодые поэты из ИФЛИ¹ свободно с трибун возглашают: «Прочту стихи, прощусь с любимой, уйду в Испанию мою...»

Нет, красавчик, не в Испанию ты уйдешь, а куда прикажут. В Магадан, в Монголию, на Луну — по комсомольской путевке или по приговору, не суть важно, главное — «пойдешь», а не «уйдешь». От нас никто добровольно не уходит, разве что в могилу. Как вот Аллилуева, вспомнил он вдруг жену, пригорюнился и оттого еще более озлобился.

Хорошо, пришлю я вам товарища Шестакова с неограниченными полномочиями. Он всем устроит веселую жизнь — и советским советникам, и «братьям по классу». Чекистской бригаде показал «кузькину мать» и вам покажет. Подумать только — комиссары Коминтерна позволяют себе руководить нашими военпредами, решают, где и как использовать интербригады и советскую технику! Да что такое этот Коминтерн? Ленин по глупости создал эту никчемную организацию,

¹ Знаменитый до войны Институт философии, литературы, истории, рассадник вольномыслия, из которого вышли многие знаменитые поэты и писатели, в т.ч. цитируемый здесь Павел Коган (автор «Бригантины» и др.).

а мы до сих пор терпим! Ну, ничего, подождите, не долго осталось... Корреспондент «Правды» якшается с троцкистами, в своих репортажах расставляет акценты и делает непрошенные выводы. Партии советует, как себя вести! Долорес, объявив себя «Пассионарией», лично решает, кто мне друг, кто враг! А я, к слову, гораздо большую симпатию испытывал к Буэновентуре Дурутти. Анархист, зато прекрасный мужик, отважный и красивый. Махно тоже был анархист, а как воевал! Убили! Зачем убили? Чтобы не мешал коммунистам с социалистами интриги крутить? С этим тоже разберемся.

А уж немцы, итальянцы и прочие англичане! — тут Сталин вообще с трудом сдерживал эмоции.

— Вы совершенно правы, товарищ Шестаков. Если мы там, в Испании, сумеем поставить наших врагов на место, на восточноевропейском театре им долго не захочется проявлять свою агрессивность. Так что любые затраты и потери окупятся сторицей. Может быть, мы вас тоже маршалом после этого сделаем. Хотите стать маршалом? — пылливо прищурил глаза вождь.

— Честно говоря — совершенно об этом не думал. Да и какой из меня маршал? Я вам признаюсь, товарищ Сталин, море до сих пор снится. Я ведь в восемнадцать лет добровольно на флот пошел. А плавать настоящему всего два года довелось...

— Понял вас, товарищ Шестаков. Так, может, — наркомом ВМФ?

— Также не совсем то. — Сашке показалось, что сейчас наступил очередной решающий момент. Сталин, с одной стороны, его прощупывает на предмет уяснения амбиций, а с другой, возможно, от души старается понять, чего на самом деле хочет человек, которому он вверяет громадные полномочия.

— Я бы, если возможно, Тихоокеанским флотом попробовал поруководить.

— Таким маленьким? И так далеко? Откуда такая скромность?

— Цусиму забыть не могу. Я тогда уже в довольно

разумном возрасте был, когда она случилась, отчего через десять лет морскую службу избрал, а не любую другую.

Здесь Сашка по известному принципу использовал слова Сталина, произнесенные по случаю начала войны с Японией в сорок пятом.

И не ошибся.

— Да, да, товарищ Шестаков. Мы, люди старшего поколения, тоже помним, и, наверное, получше, чем вы... И в душе мечтаем о реванше. — Это было произнесено неподдельно, без фальши. А почему бы и нет?

Шульгин не стал спрашивать, естественно, как эти слова сочетаются с неприкрытой радостью Ленина по поводу поражения России в Японской войне. Впрочем, тот был сумасшедший интернационалист, а этот — державник. Ладно, слово сказано.

— Мы не забудем ваше пожелание, товарищ Шестаков. Вы же знаете нашу точку зрения: нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики. Но сначала постарайтесь взять другие крепости. Какие там у них — Толедо, Гранада, Севилья, Сарагоса...

Сталин даже на третий год войны не очень хорошо представлял истинный стратегический расклад на ТВД. Руководствовался псевдоочевидностью, которую ему навязывали информаторы и собственное, достаточно обывательское мнение, основанное на воспоминаниях о Первой мировой и Гражданской войнах.

Как раз те «ключевые» якобы пункты, сами бросающиеся в глаза при взгляде на карту, названные Сталиным, ни в коем случае нельзя делать целью глубоких операций, тем более — учинять новые вердены и ржевы. Единственное, что позволит достичь победы, — тактика немецкого блицкрига, помноженная на опыт «шестидневной войны» шестьдесят седьмого года.

Но сейчас об этом говорить абсолютно неуместно.

— Я бы прибавил Эль-Ферроль, Кадис и Альхесирас, — осторожно сказал Шульгин. — Тогда мы лишим мятежников основных путей подвоза и военно-морских баз...

— Вам виднее. Я вижу, вы хорошо подготовлены. Теперь к конкретному. Что вам потребуется сверх того, что мы уже отправили в Испанию?

— Как я уже говорил, диктаторские полномочия в отношении наших военных советников и добровольцев, сотрудников НКВД и ГРУ со всей их агентурой, нашего посла, естественно, подчинение мне всех структур Коминтерна, включая лично товарища Андре Марти, право руководства интербригадами. Это — организационно. Кроме этого, следует незамедлительно сформировать конвой на Барселону под прикрытием крейсеров «Червона Украина» и «Красный Кавказ», трех-четырёх эсминцев. Этим конвоем перебросить полностью укомплектованную танковую бригаду «БТ-7» с лучшими экипажами и командирами, положенными средствами усиления. Использование танков поштучно и повзводно уже показало свою крайне низкую эффективность. Республиканцы и мятежники пока еще используют танки в качестве сил непосредственной поддержки пехоты, а мы применим их массированно, на всю глубину вражеских позиций с выходом на оперативный простор...

— А говорите — не стратег, — усмехнулся Сталин. Видно было, что хотя бы теоретически планы Шестакова ему нравятся. — Но вот насчет посылки крейсеров... Испытываю большие сомнения. Вы представляете себе мощь итальянского флота?

— Отлично представляю. Только Муссолини ни за что не рискнет вступить с нашими кораблями в открытый бой, по чисто политическим, а также экономическим причинам. Мы с итальянцами давно переговоры ведем насчет закупки готовых кораблей и проектной документации. Очень они заинтересованы, с деньгами у них сейчас плохо, а с безработицей как раз «хорошо». Давайте сделаем им совершенно сумасшедшее предложение, вроде заказа на четыре новейших линкора в сумме их годового бюджета. Задаток отвалим щедрейший. Полгода поторгуемся, потом сойдемся на двух легких крейсерах или лидерах. Они нам и вправду нужны. Вообще этот рейд можно дипломатически замоти

вировать как обеспечение эвакуации из Испании советских граждан, транспортировка в черноморские госпитали и санатории пострадавших мирных жителей и детей-сирот... Раскрутить предварительно пропагандистскую кампанию европейского уровня о новых жестокостях мятежников и немцев с итальянцами, о нападении их кораблей на коммерческие суда. Примеры есть. Для того и крейсерское прикрытие. На Западе проглотят, они там падки на всякие гуманитарные идеи, особенно если им это ничего не стоит. В конце концов, Литвинов со своей командой зря, что ли, народный хлеб едят? Пусть устроят громкую разборку в Лиге Наций, с шумом, скандалами, стуком кулаками по трибунам. Тоже внимание отвлечет и покажет нашу решительность.

— Вы — страшный человек, Григорий Петрович. — Впервые Сталин назвал его по имени-отчеству. — Я слушаю вас и удивляюсь: у вас мгновенно находится ответ на любой вопрос, причем такой, знаете, неожиданный, иезуитский. Прямо как у кардинала Ришелье. С вами действительно интересно будет работать, а то все мои соратники... — Он замолчал, подбирая слово. — Они такие... пресные. Исполнительные, да, но совершенно лишены полета фантазии. Вот Каганович, к примеру, поручи я ему заняться Испанией, ничего бы *неожиданного* не придумал.

Лицо вождя изобразило разочарованность и печаль.

— Что поделать, товарищ Сталин. Не каждому дано. Потому, наверное, тифлисский «экс» ВЫ разработали и провели, а не Каганович и не Молотов.

— А, — пренебрежительно махнул рукой вождь. — Чутунная задница. Какие эксы?! Совсем не тот характер. Зато на своем месте он очень на месте. Порученное исполняет без задора, но тщательно, с гарантированным результатом. На него я могу положиться, а на вас? Допустим, войну вы выиграете, а потом? Вдруг захотите стать королем Испании?

— Тогда вы получите очень приличного вице-коро-

ля очередной республики в составе Советской державы, — счел возможным пошутить Шульгин.

Сталин поднял указательный палец.

— Тоже — интересная мысль. Зачем вам Тихоокеанский флот? Средиземноморский и Атлантический плюс все остальное — гораздо интереснее. Мне кажется, мы с вами очень плодотворно поговорили. Завтра я попрошу товарища Апанасенко заняться вопросом о танковой бригаде. Одновременно поручу Главморштабу проработать возможность и срок направления эскадры. Линкор «Парижская коммуна», надеюсь, вам не потребуется?

— Пока нет, товарищ Сталин.

— Нет так нет. А вы чем собираетесь заняться?

— Если считать, что главное в принципе решено, начну комплектовать рабочую группу, которую возьму с собой. Человек пятнадцать-двадцать. Потом, естественно, представлю на согласование и утверждение. Я думаю, тех военсоветников, что сейчас уже там, с места трогать не нужно: обстановку они знают, связи наладили. Просто опустим ступенькой ниже, а над ними сформируем *настоящий* штаб, который не «советовать» будет, а операции планировать и в масштабе всей республиканской армии ими руководить. Есть у меня люди на примете.

— Занимайтесь. Полномочия у вас достаточные. Недели за две управитесь?

— За две недели нам нужно уже до Испании добраться. Боюсь, что времени совсем нет. По некоторым данным в феврале-марте франкисты могут начать решительное наступление...

— Даже так?

— Увы, товарищ Сталин. Мы сильно запаздываем.

— Значит, не позднее пятого февраля вы должны быть в Барселоне, допустим, десятого туда придет конвой. Посмотрим — умеют наши товарищи играть в цейтноте или действительно зря мы их кормим. Тут у нас возник очередной вопрос. Товарищ Виктор¹

¹ Виктор М.В. — начальник морских сил РККА в 1937—1938 гг. Репрессирован.

своей должности соответствует или пора его отстранить? Я имел в виду поставить на его место товарища Ежова, тот отказался. Тогда мне предложили назначить Смирнова. Что скажете?

Опять вопросик на засыпку, но лучше продолжать начатую линию, чем вилать. Глядишь, наткнешься лбом на непредусмотренное дерево.

— Безусловно, Викторова нужно оставить. Человек с молодых ногтей только этим и занимается. На сторону советской власти добровольно перешел, в приличном чине царского флота. Мог бы и к белым, однако с нами остался. Хорошо проявил себя в Гражданскую, морскими силами на всех морях покомандовал, считаю, что успешно. Конкретно в роли наркома чем-нибудь себя запятнал?

Сталин долго и внимательно смотрел на Шестакова, отведет глаза или нет. Тот не отвел.

Да какого черта? Раз начали, так будем идти до конца. Только и сталинскому гонору потрафить можно, аккуратненько так.

— А если я ему не верю? — угрожающе сказал Сталин.

— Ваша воля. Только наморси¹, хоть троцкист он будь, хоть монархист, по своей должности навредить не в силах. Политически. Комиссаров у нас от трюмного отсека до штаба флота — немерено. И добровольных помощников тоже. Он что — решающее сражение вроде Ютландского или Трафальгарского имеет возможность проиграть в пользу неприятеля? Линкор «Марат» продать финнам или шведам? Хозяйственник он на сегодняшний день, и, пока с этой работой справляется, лично мне абсолютно безразличны его политические пристрастия, если бы таковые и были. Вот не справится с отправкой эскадры за две недели — гоните поганой метлой и его, и Юмашева². А пока...

¹ Начальник морских сил — должность, в тридцатые годы аналогичная наркому ВМФ.

² Юмашев И.С. — в 1937—1938 гг. командующий ЧФ. В 50-е годы — министр ВМФ СССР.

— Я понял вашу позицию, товарищ Шестаков, — сказал Сталин, вновь вернувшись к обращению по фамилии. — Давайте отвлечемся от политики. Посмотрим, что получится, оставаясь на позициях чистого прагматизма. Только не воображайте, что неучастие в политике уберегает от ее последствий.

Шульгин вышел из Боровицких ворот со сложным чувством. Вроде бы и добился всего, чего хотел, а осадочек остался. Не туда пошел разговор в конце. Где-то он зацепил Сталина за болевую точку. Обо всем договорились, а подкорка вождя желала получить ритуальную жертву, как компенсацию за все остальные уступки чужой воле. Сдал бы он Викторова, который в реальности был арестован и расстрелян совершенно ни за что (в здешней системе координат), вождь бы обрадовался, а тут вдруг... Слишком часто за последние дни ему приходилось поступать вопреки самым глубинным слоям своей личности. Снять раньше времени Ежова, притормозить террор, который был распланирован по пунктам на год вперед, вместо раболопного, заведомо на все согласного Ворошилова получить волевого, грубого, почти неуправляемого Апанасенко. Да и к резкому обострению на европейской шахматной доске он внутренне не готов. Привык действовать исподтишка, больше используя противоречия и трения между партнерами, нежели лобовые атаки и встречный бой.

Нельзя было ради собственных амбиций ставить под вопрос «Большой проект». Что, если вождю все-таки «сорвет башню» и он вернется к прежней политике по всем азимутам? Не для пользы дела, а чтоб «пндраву». С другой стороны — ни сам Шульгин, ни Шестаков по характеру не должны были подыгрывать прихотям «сюзерена», оставаясь самими собой. Офицерская честь и так далее. И чистый прагматизм тоже имеет место: посадят Викторова, месяца два-три структуры флота будут недееспособны в центре и на местах

А нас сейчас может спасти только быстрота, натиск, почти безрассудная отвага.

Что ж, посмотрим, какой вывод сделает Иосиф Виссарионович. Прагматический или эмоциональный.

Шульгин нащупал в кармане шинели рубчатые щечки пистолета, теперь уже своей, привычной «беретты», прихваченной в Форте. Проверил пальцем, в каком положении находится флажок предохранителя. Мало ли, вдруг вновь появятся любители «окончательных» решений? Другое дело, что в этом случае пистолет вряд ли поможет, после неудачной попытки в тесный контакт никто с ним входить не станет. Разве что из снайперской «СВТ» достать попробуют или грузовик из подворотни выскочит... Тут уж вся надежда на интуицию.

Несмотря на определенный риск пешего хождения, для наркома, теперь уже зампреда, дело почти неслыханное, персональной машиной он до сих пор не пользовался. С ними риск еще больший. Шофера сам себе не выберешь, неизвестно кого назначат, и неизвестно, куда он тебя в случае чего доставит. Не одного «большого человека» завозили вместо домашнего адреса прямо во двор «госужаса»¹.

Что еще казалось интересным — к нему до сих пор не прикрепили телохранителей, которые по должности непременно положены. Надо будет Валентина спросить: халатность это или как?

Но это все мысли второстепенные, можно сказать, праздные, вот относительно семейства Шестакова он вдруг испытал острую тревогу. Как бы и не с чего... Все та же интуиция, которой он давно доверял больше, чем холодному рассудку, сверхчувственное восприятие, само собой.

На углу Моховой взмахом руки остановил такси, черную «эмку» первого выпуска.

¹ До революции в здании НКВД на Лубянке помещалось страховое общество. Отчего родилась поговорка: «Был «Госстрах», стал «Госужас».

— К Курскому вокзалу, и побыстрее. Опаздываю, плачу вдвое!

Шофер покосился на странного пассажира без вещей. Но человек солидный, наверное, чемоданы в камере хранения. Или — встречает кого. Придавил, насколько мотор позволил. Примчались вмиг, минут за двадцать.

— Спасибо, товарищ, выручил. — Шульгин расплатился, как обещано, подождал, пока машина затеряется среди других ждущих пассажиров с очередного поезда, потом, осмотревшись, направился к своему дому. Теперь, пожалуй, стоит поспешить всерьез.

В этот раз на Валгаллу он перескочил вообще без всяких усилий, канал перехода слушался его, как домашний лифт. Хорошо это или плохо, нет ли здесь очередной ловушки? Подумать надо при случае.

Но, ступив на единственную теперь для него «родную» землю, вздохнул облегченно. Пока все идет хорошо. Присел на ступеньки, потрепал по мощному загривку пса, который успел подбежать к нему первым и теперь оглядываясь на прочих родственников с тем самым видом: «Господин признал МЕНЯ главным любимцем, а вы, шелупонь, найдите свое место!»

Свора, помахивая хвостами, слегка отступила и легла вокруг крыльца надежным барьером от любой опасности. Погибнут, если придется, до последнего, но не сдадут. Какие же удивительные звери! Чем мы, люди, заслужили столь бескорыстную любовь?

Здесь уже можно не торопиться. Сашка переоделся в тот же костюм, в котором воевал на «Леопарде», — обтягивающие брюки и куртка серо-стального цвета, теплые и прочные, с поверхностью, которая не зацепится за выступающие детали, а соскользнет с любого крючка и даже колючей проволоки. Зашнуровал высокие ботинки, на голову — кевларовый шлем, внешне похожий на стандартный танковый, только с карбоновой пуленепробиваемой прокладкой.

Он не знал, с кем придется воевать. Но знал, что

придется. Для чего же ему дадено *специальное* знание? И организм, независимо от хозяина, уже настраивался на предстоящее.

С чем-нибудь потусторонним ему, скорее всего, не справиться. Разве исключительно силой духа. А вот с материальными объектами...

Вывел из бокса БРДМ-2. Эта машина все же больше похожа на нормальный для предвоенных лет броневик, чем другие. Что не слишком технически грамотные абorigены смогут описать в случае чего? Железный угловатый ящик зеленого цвета, четыре колеса, башня с пулеметом. Фоторобот вряд ли кто надумает составлять.

Он упорно не хотел вводить в мир слишком уж новые сущности, плодить легенды и домыслы. Хватит, с простым «ПКМ» едва не прокололись. В двадцать четвертом году обычный (ну, не совсем обычный, Сидней Рейли все-таки) английский разведчик докумекал, что машинки на дубликаторе штампуются. Сравнил несколько попавших ему в руки образцов и убедился, что детали имеют абсолютно одинаковые заусенцы, следы от штампов и резцов. Сути-то он, конечно, не понял, но вопрос поставил верно. Как дон Рэба подловил Румату на синтезированном золоте.

В башенный «КПВТ» Сашка заправил тяжелую ленту. Рядом с водительским сиденьем поставил в зажимы «СВД-2» с глушителем и «АКМС». Если придется бегать и прыгать, удобнее, чем «томпсон». На поясной ремень повесил «стечкин» в кожаной открытой кобуре, во внутренний карман куртки сунул верную «беретту». Для усиления огневой мощи положенное место заняла гранатная сумка с восьмью «Ф-1» и «РГ-42».

В сорок первом Воронцов, куда хуже оснащенный, со взводом немецких панцергренадеров спокойно разобрался. А вдвоем на этой технике они и роту бы разогнали. Только не позвал его тогда Антон в напарники к товарищу. Да и не был еще в тот момент Дмитрий их товарищем, и Антона никакого не было.

А сейчас кто его на бой посылает?

Сосредоточился Шульгин. Сам он перемещаться между мирами научился, а с шестью тоннами броневое железа выйдет?

Вышло!

БРДМ приземлился на все четыре колеса аккуратно, почти без толчка. Заранее заведенный мотор рокотал почти бесшумно, и Сашка сразу же услышал крики и выстрелы. Совсем неподалеку.

До кордона Власьева было метров триста. Шульгин специально выбрал точку десантирования с тыла, на краю распадка, прямо на тропе, где его совсем недавно, будто вчера, вел Власьев показывать свое тайное убежище. Утверждал, что там в случае чего не найдет целый армейский батальон. Очень может быть, исходя из рельефа местности и общей неподготовленности строевой пехоты к рейнджерским операциям. Только сейчас противник подошел тем же путем, что и сам Шестаков прошлый раз, с озера.

По характеру и темпу огня Сашка примерно представил себе диспозицию и двинул машину вперед на первой скорости. Серьезная, полярного типа пурга, как и предсказывал Власьев, на днях поутихла, но снега успела нанести немерено, как во времена Сусанина или наполеоновского нашествия. Только для БРДМ это пустяк, мягкие сугробы он легко раздвигал скошенным носом и приминал широкими колесами.

Через открытый лобовой люк Шульгин слышал, как неторопливо, расчетливо бьет трехлинейка, а ей в ответ сыплется беспорядочная дробь выстрелов, по преимуществу пистолетных, и моментами вступают в дело один или два автомата.

Кондовый, мачтовый лес мешал свободному маневру, но Сашка как-то исхитрился, протиснул броневик между стволами, давя подлесок, именно туда, куда требовалось.

И увидел Власьева. Старший лейтенант, в своем обычном домодельном свитере, без шапки, стрелял с колена из-за поваленного дерева по пробирающимся через сугробы фигурам в синих шинелях и коротких

полушубках. Числом около десятка, они наступали растянутым фронтом, постепенно загибая фланги. Палили непрерывно, отчаянно, но наугад, в белый свет, не видя противника, на звук, стараясь прижать его к земле или хотя бы помешать целиться. Однако все равно после каждого хлопка винтовки непременно кто-то валился в снег и замирал. Да и странно было бы, если б иначе. Власьев, из спортивного интереса, на уток с «драгункой» охотился, что ему в человека попасть?

Только шансов у лейтенанта все равно не так уж много. Если, конечно, наступающие вдруг не дрогнут, не побегут. А так им достаточно еще больше рассредоточиться, укрыться за деревьями и лишить его свободы маневра. Долго раздетый человек на пятнадцатиградусном морозе в сугробах не высидит. Даже в своей секретной избушке егерь не спрячется. По следам найдут.

«Черт, как же я сумел успеть?! — мельком подумал Шульгин. — Последний парад наступает для старого моряка, как он давно сам себе наметил. В бою, не в тюремной камере петроградской чека, не с камнем на шее в полынье Маркизовой лужи. И все же на семнадцать лет позже, чем судьба хотела распорядиться. Жаль, что нет у меня магнитофона с динамиками. Сейчас бы врубить «Варяга» на полный звук — и в атаку!»

О Зое с детьми мысль в голову не пришла. Правильно — им скорее всего ничего фатального не угрожало, операция была явно направлена на их захват живьем, никак не на убийство. Разве только случайно.

Сашка отработанным движением, оттолкнувшись ногами, скользнул через спинку водительского сиденья в боевое отделение, ухватился за ручки «КПВТ» и повел стволом слева направо, на полметра выше снегового покрова, вдоль фронта наступающих.

Он даже не собирался специально целиться. Сам по себе оглушительный грохот тяжелого пулемета, бьющего почти в упор, клубок оранжевого дульного пламени, удары пуль по деревьям, верещание рикошетов, вид товарищей, которым совсем не повезло (калибр 14,5 шансов на выживание не оставляет), — дос-

таточное основание, чтобы атакующие потеряли весь кураж, уткнулись носами в снег.

— Власьев, ко мне! — во всю свою мощную глотку закричал Шульгин, подавая БРДМ так, чтобы прикрыть лейтенанта от внезапного, как чаще всего бывает — шального выстрела. Дал еще одну очередь в направлении дома и забора, но повыше, чтобы своих не задеть.

— Куда? — запаленно прохрипел Власьев, уперевшись ладонью в броню, держа наотлет винтовку. Глаза у него были ошарашенные и вообще не совсем нормальные: снова попал в сюжет приключенческого романа. Только что собрался достойно умереть, без всяких романтических глупостей, а тут тебе вылетает из-за холмов, из леса (как когда) подмога на белых конях, размахивая мечами или шашками.

— Нагнись, люк там...

Старший лейтенант неловко протиснулся в боевое отделение, ушиб что-то, зашипел, выматерился. Отвык командир от общения с броней.

— Это кто там упражняется? — спросил Шульгин, перебираясь обратно на водительское место — стрелять больше вряд ли придется. Если что — колесами или через лобовой люк из автомата, пару гранат можно кинуть, для шума и шороха.

— НКВД. Час назад появились. На трех машинах, с озера. Вы им дорожку проторили...

— И что?

Сашка пока не трогал броневики с места. Успеется, главное — в обстановку вникнуть.

— Что-что?! Начали кулаками и прикладами в ворота колотить. Начальник райотдела с ними был, кричит — выходи, Александрыч, поговорить надо. Зоя Федоровна и ребята не одеты были, обедать собирались. Я сразу понял: взяли вас все-таки, тот самый «порученец» и сдал. Вы не выдержали, признались, теперь они за нами приехали. Зоя за пистолет, умру, мол, но не сдамся... Я ей — брось, о детях подумай, куда теперь геройствовать? Сдавайтесь, а я в лес побегу, может,

еще и выручу вас. Здесь не Москва, здесь Берендеево царство. Винтовку схватил, подсумки, и через забор...

— Остальное потом. Всего их сколько?

— Три «эмки» и «черный ворон» «ЗИС-5»...

— Значит, человек пятнадцать было. Ну, поехали...

Шульгин воткнул первую скорость, тут же вторую, дал газ до пола. Чтобы страшнее выглядела «танковая атака».

С грохотом, вздымая, словно торпедный катер, снеговой бурун, пронесся через боевой порядок чекистов, мимо забора, к воротам кордона, перед которыми стоял тюремный фургон с распахнутой задней дверью. В нем, кроме водителя, никого не было. Сидит, курит, подняв воротник и надвинув на глаза шапку. Мотор гоняет, чтобы не застыл, на выстрелы в лесу ему как бы и наплевать. Не его работа. Ниже, вдоль спуска на лед, выстроились все три легковушки. Пустые.

Он с яростным азартом развернулся, будто не на тяжелом броневике, а на раллийном «Лендровере», с хрустом ударил заднюю «эмку» в багажник, смял, отбросил в сторону, так же беспощадно изуродовал остальные. В завершение врубился носом в борт «воронка». Тот опрокинулся под откос, неприлично задрал к мутному небу колеса. Шофер, услышав рев чужого мотора, каким-то чудом успел вывалиться из кабины и на четвереньках понесся за кусты. Будто его воспитала не советская власть, а стая волка Акелы.

— Николай Александрович, нажмите вон ту гашетку. Только стволом поверху, поверху, зачем дом портить...

Власьев с удовольствием провел над крышей трассирующей очередь. Посыпался снег с еловых крон и срубленные ветки. Вовремя прекратил стрельбу, сбегая ствол от перегрева. Специалист все-таки.

Шульгин, не высовываясь из-за крышки десантного люка, чтобы не подставиться, мало ли какие дураки в доме засели, закричал настоящим командирским голосом:

— Внимание! Здесь спецотряд госбезопасности. Всем выйти без оружия, с поднятыми руками, иначе

открываем огонь на поражение. Срок — минута. Отсчет пошел!

Секунд через сорок на крыльце появился человек в черной милицейской шинели, худой и длинный, за ним еще один, в кожаной куртке с меховым воротником. Перед собой он выставил Зою. Левой рукой держал ее за плечо, правой упирал в голову ствол «ТТ».

— Товарищи, — закричал худой, — я начальник Осташковского райотдела милиции. Лесник, если он с вами, может подтвердить. У меня приказ — произвести проверку документов.

— А я — капитан Главного управления госбезопасности Трайчук. Выполняю приказ руководства. Старший отряда с документами — ко мне. Остальные — на месте. Иначе стреляю. Вы меня поняли? — продолжил тот, что с пистолетом.

«Вот идиот, — подумал Шульгин. — Американских боевиков насмотрелся? Так у нас не боевик...»

— Николай Алексанч, кричите ему что угодно, любую херню, мне десять секунд надо...

— Эй, капитан, не валяй дурака, отпусти женщину, у нас тоже приказ, потом жалеть будешь... — привыкшим повелевать на штормовой палубе голосом заорал Власьев и за неимением времени на изобретение других доводов продолжил виртуозным флотским матом.

Сашке этого было достаточно. Вскинуть «СВД», одновременно снимая с предохранителя, поймать в прицел переносицу капитана и нажать спуск — делать нечего. У «ТТ» пружина тугая, с выбитыми мозгами не выстрелишь, невзирая на приказ.

Конечно. С тридцати метров Шульгин в него и плевком бы попал. Пистолет полетел вправо, чекист назад, ударился спиной о стену и сполз по ней. Милицейский шагнул вбок, высоко подняв руки. А Зоя бросилась отнюдь не вперед, как было бы правильно, а обратно в дом, к детям.

Тут уж и Шестаков, на мгновение возобладав над «драйвером», метнулся следом, с винтовкой наперевес.

К счастью, четверо стороживших мальчишек и зани-

мавшихся обыском сотрудников никакой склонности к агрессии не проявили. Жизнь, понятное дело, дороже, тем более слова о «спецотряде» они тоже слышали.

Спокойно побросали на стол «наганы» и усьелись рядком, где указал им Власьев, затолкавший в комнату начальника райотдела. Теперь ему пришлось принять на себя командование. На некоторое время Шестаков стал небоеспособен, успокаивая и оттесняя в соседние помещения жену и детей. Как-то Шульгин, непривычный к роли семейного человека, упустил из виду такую возможность, что кинутся к нему с ревом двое пацанов да вдобавок потерявшая прежнее самообладание женщина. Отцовский инстинкт оказался сильнее давления чужой матрицы.

Будь он здесь один, да противник окажись порешительнее, — плохо могло бы закончиться.

Николай Александрович, подобрав на веранде пистолет Трайчука, наводил должный, «флотский» порядок.

Начал с многолетнего знакомого, милиционера.

— Расскажи, Яков Максимович, чего вы эту кордебаталию затеяли? Или мы с тобой не дружили десять лет? Да ты не бойся, видишь, здесь товарищи такого уровня приехали, что твой капитан — тьфу! Смотри, что с ним случилось. А почему — не поверил предупреждению. Поверил бы — сидел бы сейчас рядом с тобой, я бы вам даже и налил. Хочешь — налью. Ты мой продукт знаешь...

Власьев тоже великолепно умел актерствовать, пусть и не знал пока, во что вся эта история выльется.

Указал пистолетом одному из московских чекистов:

— Подойди к тому шкафчику без резких движений, возьми посуду. На всех.

Четверть¹ с прозрачным напитком и граненые двухсотграммовые стаканы настроили пленников на оптимистический лад.

¹ Бутыл в одну четверть ведра, т.е. три литра.

Все выпили, закусили солеными огурцами, снова смиренно сложили руки на коленях, как было указано.

— Что же я тебе скажу, Алексаныч? Приехали ко мне товарищи утром, спросили, знаю ли я тебя, велели сопровождать. Враги народа, значить, на кордоне скрываются, надо их взять, обязательно живыми. Доедем, вызовешь егеря, там и поговорим. Поехали, куда мне деться? Не думал, правду сказать, что ты стрелять начнешь. Власть все-таки...

— На всякую власть другая найдется, — туманно ответил Власев.

Тут из задней комнаты вышел Шульгин, успокоивший Зою и велевший ей собираться для очередного переезда.

Расстегнутая кобура «стечкина», висящая на ремне слева, у самой пряжки, выглядела посолиднее, чем, скажем, нагановская.

— К вам, товарищ начальник милиции, у нас претензий нет. Взгляните на мое удостоверение, после этого продолжайте начатое дело, — и поднес ему к глазам свою сафьяновую книжку. Не раскрывая, впрочем. Таких районный товарищ и не видел никогда, одной обложки ему хватит. — А из вас, орлы ежовские, кто сейчас самый старший?

Один приподнялся:

— Сержант госбезопасности Исаев...

— Вот давай, Исаев, пошли кого на улицу, покричать вашим, по лесу разбежавшимся, чтоб возвращались. Оружие на всякий случай пусть за оградой оставят, потом подберете. Подставили вас, не знаю, сам ли Трайчук или кто повыше, но влезли не в свое дело. Ох, не в свое... Да ладно, тем, кто живые остались, считай, повезло. Сам знаешь, как у нас бывает. Потом вынесешь им для сугрева... А теперь рассказывай, с самого начала.

Ничего особенного сержант рассказать не смог. Утром капитан¹ поднял по тревоге свое подразделение,

¹ Капитан госбезопасности — спецзвание, примерно равное армейскому полковнику тех лет, три «шпалы» на петлицах.

приказал погрузиться в машины и следовать в Осташков. Там, уже после приезда в райотдел милиции, уточнил задачу: форсировать по льду озеро, окружить кордон и задержать всех там находящихся. Прежде всего — женщину с детьми. Остальные, сколько бы их ни оказалось, оперативного интереса не представляют. В случае сопротивления — разрешается огонь на поражение. Так они и поступили. Остальное — известно...

— Вы — из какого отдела? — спросил Шульгин.

— Третьего спецотдела.

— Это которым старший майор Шадрин руководил?

— Так точно, только он сейчас арестован. За него исполняющий — как раз Трайчук был.

— Интересный у вас отдел, — усмехнулся Шульгин. — Лейтенанта Сляднева с группой на задержании убили, Чмуров застрелился, Шадрина посадили, теперь вот новый начальник пулю схватил по собственной глупости. Может, не тем делом вы, ребята, занимаетесь? Шли бы лучше воров на Тишинском рынке ловить...

Все имена и факты, имеющие непосредственное отношение к его эпопее, Шульгин приводил, вспоминая подробный разговор с Буданцевым.

— А кто Трайчуку приказ отдал, не знаете? — на всякий случай спросил он.

— Откуда нам знать...

Действительно.

— Николай Александрович, я вас еще раз попрошу — отведите эту команду в подходящий сарайчик, тех, что на улице, — тоже. И заприте до выяснения. Вместе с начальником милиции.

— Так я-то при чем? — неожиданно жалким голосом заговорил тот. Абсолютно таким, как с ним, наверное, разговаривали задержанные за драку или мелкую кражу местные мужики. — Я к московским делам — никакого отношения. У меня работа стоит, а эти сказали — садись, поехали... Алексаньч, ты ж меня сколько знаешь, я разве когда чего?

Власьев с сомнением посмотрел на Шульгина.

— Может, и правда, Григорий Петрович? Он здесь кто? А в Осташкове у него и служба, и семья, и хозяйство...

Сашке это было совершенно безразлично. Как Воланду московские дела.

— Сами решайте. Только как он тридцать километров пешком пройдет в шинелишке своей? Замерзнет, а мы отвечаем?

— Да дойду я, дойду. Тут всего ничего до ближней деревни, а там мужички довезут, свободно.

— Тогда иди. Верните ему «наган», все же казенное имущество. Хотите, даже с патронами. Дурака вальть не будешь, Яков Максимович?

От надежды на скорую свободу милиционер даже перекрестился, забыв о партийности.

— Да разве я... Да ни в жисть... — Нормальный тверской крестьянин, случайно властью облеченный.

— Хватит, надоед, — махнул рукой Шульгин, — а домой доберешься — сиди тихо. Ничего не видел, ничего не знаешь, а если случаем из Москвы *настойчиво* спросят, ответишь, что комиссар госбезопасности под подписку молчать велел. Вплоть до высшей меры — к нему и обращайтесь.

Милиционер так стремился поскорее исчезнуть, что даже не попытался выяснить, какой именно комиссар, какая у него фамилия и должность. Не задумался, кто еще из Москвы может спросить, если Москва, считай, вот она — в лице без раздумья стреляющего «комиссара». Да ну их! Хорошо бы еще по дороге телефонный провод оборвать, чтоб не надоедали больше...

Закончили неотложные дела. Власьев запер девятирх уцелевших чекистов в том же сарае, где под кучей сена была спрятана слядневская «эмка», вернулся в комнату.

Зоя торопливо заканчивала сборы.

— А теперь куда, Гриша? Ты, смотрю, всерьез развоевался. Не тебя теперь ловят, ты ловишь? И броневики где-то нашел. Из самой Москвы за нами приехал, или?..

— Или, Зоя, или... Сейчас доберемся до места, там и поговорим. Разговор долгий будет. Парни-то как, не скучали?

— Нет, все хорошо. Первые дни мы все волновались, конечно, а когда Николай Александрович вернулся, сказал, что твои дела нормально решились и скоро ты за нами приедешь, обрадовались, успокоились. И вдруг снова... Я думала, теперь окончательно конец, и тебе, и нам. Особенно когда этот... меня поволок и пистолет к голове приставил. А ты его так...

— Не умеешь — не берись, есть такая поговорка. Ну ладно, ладно, все, — торопливо сказал он, увидев, что глаза женщины наполнились слезами, и руки дрожат, и губы прыгают.

Власьев, понимая ее состояние, но так пока и не сориентировавшись в обстановке, сделал единственно бесспорное в его положении — разлил по стаканам свой первач.

— За нас, за всех. Еще раз вывернулись, спасибо Григорию Петровичу. Какой-то он удивительный ангел-хранитель. Я первый раз так подумал, когда он меня из тюремной камеры вывел, а потом на «Кобчике» до Питера довез. Ну, чтоб не последнюю.

Шульгин отпил едва треть.

— Не последнюю. Еще полчаса, и будем по-настоящему отдыхать...

Смысла его слов Зоя не поняла, но, ощутив ударивший в голову крепкий хмель, неожиданно для самой себя успокоилась.

— А вы, ребятки, пойдите на улицу, броневики посмотрите, пока мы будем собираться. Только чтоб к оружию — ни-ни... — сказал он «сыновьям».

— Николай Александрович, — обратился он к Власьеву. — В ближайший год вам сюда точно не вернуться. Потому соберите все, что вам нужно и дорого, и несите в транспортер. Оружие не берите. Я вам такое представляю, что вы зайдется радостным смехом. Одежду — тоже. Исключительно лично ценные и па-

мятные предметы... А также то, что может вызвать у посторонних ненужные вопросы.

Больше он ничего не стал пояснять. Боялся запутаться в своих и шестаковских манерах и привычках.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Перенос на Валгаллу четырех человек, не имевших ранее никакого отношения к Сети и ее хитростям, потребовал от Шульгина гораздо большего физического и нервного напряжения, чем для неодушевленного железа. Но все равно получилось, хотя, вылезая из транспортера, он чувствовал себя, как в студенческие годы, закончив разгрузку вчетвером шестидесятитонного вагона. Ломило спину, ноги подгибались, а в голове бессмысленно крутилась одна и та же застрявшая в момент перехода фраза.

Однако «посадил» он БРДМ нормально, внутри огорда, неожиданно удивился, словно впервые увидел, насколько это место похоже на то, откуда только что выскочили. Масштабы другие, это точно, а по замыслу — одно и то же.

Помог выбраться через верхние люки Зое и детям, Власьев выбрался сам.

— Ну и где же мы теперь? — осведомился егерь, озирая терем и окрестности. Перелет через полсотни парсек он перенес спокойно, как и семейство. Для них все это было мигом — расселись по жестким сиденьям, слышали лязг закрывающихся броневых заслонок, короткое головокружение, даже без тошноты, и все. Пожалте на выход. Что всех поразило, кроме младшего Генки, — Шестаков даже мотор не заводил.

— На моей личной даче. Здесь нас точно никто не достанет. А все сомнения и удивления я разъясню за дружеским столом. Пойдемте.

Ребята мгновенно заинтересовались собаками, проявившими, несмотря на гигантские размеры и угрожающий вид, чрезвычайное дружелюбие и неприкрытую радость. Сообразили, что теперь им будет с кем играть.

Власьев покосился на свору с опасливым уважением. При его жизни такой породы еще не существовало.

Зоя, пребывая в легком подпитии да вдобавок поняв, что все опасности действительно позади, испытывала настоящую эйфорию.

Шульгин повел их в дом.

— Вот, Николай Александрович, наша гостиная. Вот коллекция оружия, камин, бар, а здесь будет ваша комната. Гальюн, умывальник, душевая — вон они. Приводите себя в порядок, ужинать будем через час. Я сейчас быстренько от доспехов избавлюсь да остальной народ размещу...

В мастерской, примыкавшей к холлу, сбросил пропахший бензином и пороховой копотью комбинезон, вновь натянул наркомовские галифе, ноги сунул в войлочные шлепанцы. Ничего, сойдет, хоть и стал он похож на отставника-дачника в исполнении Папанова. Сокол-Кружкин фамилия по фильму, кажется.

Повел Зою с детьми на второй этаж, показал ребятам их комнаты, велел переодеться и умыться, после чего спускаться вниз. Потянул «жену» за руку дальше, вверх по узкой лестнице.

Там был его личный жилой блок и две гостевые комнаты, полностью оборудованные, но в которых никто ни разу не останавливался. Обстановка в том далеком августе слишком резко поменялась.

— Тебе здесь будет удобно...

Хорошо смазанный замок щелкнул за спиной почти бесшумно.

Зоя пребывала в ошарашенном состоянии. Примерно как человек, за какую-то минуту перенесенный из прифронтовой деревни в отель на набережной Ниццы.

Но она все равно была поразительно красива. Не только для Шульгина, давно не прикасавшегося к женщине (ночь на кордоне не в счет, тогда она показалась полусном-полубредом, да и была две с лишним недели назад), а вообще. Не зря же открытки с ее изображением продавались во всех газетных киосках не только

Москвы, но и СССР. Зоя Пашкова, прима Театра имени Вахтангова!

Пусть сейчас и не в бальном платье, без макияжа (или как это называлось в те годы), простоволосая. Так даже интереснее.

Он резко развернул ее к себе, сдвинул с плеч и бросил на пол беличью шубку. Начал целовать, скользя по телу руками, сверху вниз и обратно.

— Да что ты, подожди, так сразу... — шептала она как бы для порядка, но послушно пятилась, переступала ногами, будто в страстном танго, пока не наткнулась на край кровати и опрокинулась на нее. Зоя, соскучившаяся даже больше его, деревенское сидение беднее впечатлениями, чем фронтовая жизнь, не возражала, напротив, стала торопливо помогать. Шестаков давно, Шульгин по единственному случаю знали, насколько она умеет распалаться. Сразу.

Так и вышло. Она, прерывисто дыша, вытянулась поверх покрывала. При свете угасающего дня, пробивающегося через полузадернутые шторы, Зоя выглядела невероятно привлекательно. Особенно для Сашки, который прекрасно помнил, что это — чужая женщина. И, значит, вдвойне желанная. И хоть было ему сейчас не двадцать два, а почти тридцать восемь (или — тридцать пять) — все равно.

Артистки школы Вахтангова — Мейерхольда славились пресловутой «биомеханикой», которой посвящали по несколько часов в день. Отчего спектакли театра на Арбате привлекали зрителей не только психологическими изысками, но и возможностью полюбоваться пластикой женских тел в те времена, когда и в Америке еще не было стриптиза.

Сейчас Зоя использовала свои способности в полной мере. А в прежней жизни, мелькнула мысль, она ничего такого себе не позволяла.

Шульгин (то есть Шестаков) грешным делом опасался, не станет ли его супруга от зимней тоски и одиночества любовницей Власьева, который, с его старо-

режимными ухватками, вполне мог вскружить голову неудовлетворенной дамочке.

Но нет! Судя по ее активности, она давно не имела никакого партнера.

Сашка никак не мог избавиться от давней привычки (или свойства) даже в самые волнующие моменты каким-то краем мозга думать автономно. Как сейчас.

А Зоя была чудо как хороша. Во всем. Фигурой походила на Софи Лорен. Изошренностью — на леди Спенсер. И тем, что не банально обнаженной была, а этакой, полурастерзанной... Еще добавить — ей было почти сорок лет, а этот Сашка, исключая одну ночь с Сильвией, никогда не имел дела с женщинами старше тридцати. Думал, хороши они своим нежным и изящным телом, а тут оказалось — совсем другой разбор.

Она его порядочно измучила. Думал, что это он ее приведет в изнеможение, а вышло наоборот. Так ведь и она думала, что ласкается с родным мужем, который вновь стал сильным мужчиной, а оказалось...

В итоге получилось для всех интересно.

Зоя отодвинулась к стенке, махнула рукой, отвернись, мол. Он отвернулся, встал, отошел к окну, закурил, по привычке открыв форточку.

Здорово получилось. Когда он сам еще работал в театре, одна актриса, настолько немолодая, что молодых парней уже не стеснялась (та, которая учила игре в преферанс не для удовольствия, а для заработка), ему говорила, что без секса за час до выхода она играть не может. Хоть с кем, хоть с рабочим сцены, если ничего лучшего не подвернется. Надо при случае спросить Зою, как с этим делом обстоит у «современных» артисток.

Потом он повел ее по гардеробным, чтобы приоделась и посмотрела, какими техническими средствами пользовались ее «правнучки». Им здесь теперь вряд ли что-нибудь понадобится, даже если вернутся, — вкусы изменились, да и пропорции у многих.

Готовясь жить на Валгалле неограниченное время, не зная, будет ли работать дубликатор и впредь столь

же четко, как сразу по прибытии, девушки создали приличные запасы «обмундирования». Тут еще и комплексы эпохи тотального дефицита сказывались, когда приличные джинсы на толкучке стоили до трехсот рублей (годовая стипендия, или трехмесячная зарплата молодой специалистки). Каково после этого листать тысячестраничные каталоги, зная, что достаточно ткнуть пальцем, и *это* — будет твоим. Совершенно не задумываясь, что носить это просто негде. Разве что к ужину наряжаться по торжественным датам. Вот и осталось девяносто процентов запасенного добра даже и не упакованным.

Зоя же оказалась в куда более травмирующей ситуации.

По-прежнему не понимая, что происходит, и время от времени пытаясь у мужа это выяснить, она увлеченно перебирала пакеты с бельем, коробки с обувью, восхищенно рассматривала и ощупывала платья и костюмы. В своей Москве она и понятия не имела, что существуют в природе такие изделия и предметы, обходилась продукцией собственной портнихи. Иногда удавалось приобрести что-нибудь особенное в комиссионке или Торгсине, но по сравнению с этим...

Тут ведь и техническая культура совсем другая, а главное — менталитет конструкторов и пользователей.

Шульгин сидел на подоконнике, курил, благодушно наблюдая это «пиршество духа», на все вопросы отвечая лаконично:

— Сядем ужинать, расскажу все сразу и подробно. А пока приоденься к столу, попроще, сообразно обстановке, вон, вполне приличный английский костюмчик, и туфли в тон имеются...

Когда Зоя, с плохо скрываемым отвращением сбросив все, что на ней было, начала прикидывать, что из восхитительных вещичек подходит ей больше всего, по ходу дела разбираясь, как устроены незнакомые ей предметы, Сашка не удержался и соблазнил ее снова. Прямо на розово-лимонных искусственных шкурах, за-

менявших палас. Теперь оба не спешили, растягивая удовольствие, но финал получился не менее бурным и феерическим.

— Ох, Гриша, сказка продолжается. Но пока нам, пожалуй, хватит. Ночь ведь еще впереди?

«Ой-ей-ей», — подумал Шульгин, но ответил бодро:

— Это точно. Да не возись ты с этим поясом, вон, надень колготки, и все. «Анжелику» эту, здесь застежка впереди, и никаких пуговиц...

— Ты-то откуда про эти тонкости знаешь? — Зоя как-то странно, наверное, заимствованным в одной из ролей образом на него поглядывала, улыбалась смутно и кокетливо, вообще вела себя подобно юной девушке, только что познавшей радости плотской любви. Смущалась будто бы, одеваясь на глазах у мужчины, одновременно принимая привлекательные и моментами двусмысленные позы.

«Она что-то чувствует, — сообразил Сашка. — Не ведут себя так жены по второму десятку лет супружества. Другое дело, женщина ее возраста, только что начавшая изменять мужу, вполне могла бы подсознательно начать в девочку играть. Ситуативно». Тон у нее стал таким игривым. Плечиком двинула, надевая бюстгальтер.

— И кто вообще все это придумал и сделал, в какой стране?

— Что, языки забыла? На этикетках и пакетах все написано...

— Не морочь мне голову, — перешла она на обычные интонации. — Ни во Франции, ни в Италии ничего подобно не существует. Наши в прошлом году ездили на гастроли, кое-что привезли, и журналов модных кучу. Это совсем не оттуда...

— А ты посмотри, там где-то должно быть написано: «Коллекция такого-то года», и адрес фирмы.

Шульгин, большой любитель женщин, в тонкостях туалетов, а особенно нижнего белья, разбирался неплохо. Знал, в отличие от большинства сверстников, чем в советской стране можно по-настоящему очаровать де-

вушку. И не стеснялся вручать им такие «сувениры», в то время как соперники ограничивались цветами и конфетами, отчего и проигрывали соревнование за сердце и тело.

— И что? — поводила пальцем по строчкам. — Здесь написано — тысяча девятьсот восемьдесят третий. Осенняя коллекция. Париж, рю де ла Пе... Что это означает?

— То самое. Наши цифры, только наоборот. Похоже?

Зоя швырнула на ковер юбку, которую только что собиралась надеть, села на пуфик, уперлась локтями в колени.

— Шестаков, ты мне столько за две недели загадок назагадывал! Чекистов убивал, к Власьеву отвез, скрылся неизвестно куда, появился на танке, сюда притащил, имел меня, как ни разу в жизни не умел, барахло чужих баб предлагаешь, а теперь еще и восемьдесят третий год! Я с ума сошла? Нет, не похоже. Такого не придумаешь и в бреду. — Она ногой, обтянутой темно-золотой лайкрой, отбросила коробку с шикарными туфельками на десятисантиметровой шпильке. — Рассказывай, или я никуда не пойду!

— А куда денешься? — Пора и власть употребить, хотя бы тем, наркомовским тоном, к которому она привыкла. — От нас тут все равно ничего не зависит. Собирайся, десять минут на все. На той полке какая-то косметика, посмотри, может, что понравится. Я сейчас вернусь, и пойдем. Власьев тоже в недоумениях пребывает, да и мальчишки скоро искать нас начнут...

Он резко вышел из комнаты. У себя сбросил остатки наркомовской униформы, подумал, не облачиться ли в джинсы и свитер, но решил, что чересчур будет, ограничился легким костюмом цвета хаки, белой рубашкой без галстука, мягкими коричневыми туфлями типа мокасин. Все это позаимствовал из шкафа Новикова. Его собственные одежды телу наркома были малы размера на три.

Получилось весьма авангардно. Не суровый «командир производства», а что-то вроде инструктора

ЦК КПСС на летнем отдыхе. Брежневской эпохи, конечно.

В боковой карман сунул золотой портсигар, набитый «Кэмелом», зажигалку «Зиппо». Поправил перед зеркалом прическу. А что, в любую московскую компанию вполне идти можно. Сойдет товарищ Шестаков за продвинутого интеллектуала. Еще и фурор произведет среди посетительниц Домжура или Клуба архитекторов.

Зашел за Зоей. Та, несмотря на расстроенность чувств, одеваться уже закончила. Как он и рассчитывал, вскрикнула:

— Гриша! Это — ты?

— А ты — эта? — ответил адекватно. Стал рядом с ней перед зеркалом, изобразил на лице скабрезную улыбку, что всегда ему так удавалась. Приобнял за талию.

— Гриша, но я действительно ничего, совершенно ничего не понимаю! Это же абсолютное и полное сумасшествие!

— Он не страдал манией величия, он ею наслаждался, — припомнил Шульгин очередную медицинскую присказку. — Вот и наслаждайся. Теперь нам надо так же доходчиво объяснить Николаю Александровичу, что мечты сбываются не только в сказках...

Власьев, увлеченно перебравший действительно незаурядную коллекцию ружей и винтовок, собранную друзьями и выставленную в застекленных шкафах и открытых пирамидах по периметру холла, увидел входящих Зою с Григорием и натуральным образом обалдел. «Сего числа», как говорили на царском Балтийском флоте.

Но все ж таки этот «отшельник», которому было полных тридцать лет к моменту Февральской революции и октябрьского переворота, имевший штаб-офицерский чин, состоявший в Гвардейском флотском экипаже, посещавший если не императорские, то великокняжеские балы, адаптировался к неожиданностям легче, чем представители «правлящего ныне класса».

Две недели, прошедшие между первым и послед-

ним появлением бывшего юнкера флота на его кордоне, тоже дали обильную пищу для размышлений привыкшему к одиночеству, крайне неглупому человеку.

Он встал навстречу великолепно выглядящей паре, изобразил нечто вроде полупоклона-реверанса, пародируя манеры восемнадцатого, и то и семнадцатого века.

— Кажется, мы к чему-то настоящему подошли. Вы совершенно великолепны, Зоя Федоровна, да и вам, Григорий Петрович, этот костюм куда больше идет, чем прежний...

Он видел, что глаза женщины сияют именно тем образом, что бывает после... Понятно, о чем речь. Увы, давно уже ему ничего подобного не доставалось, кроме деревенских девок, соглашавшихся поваляться с «дядей Колей» и унести домой кабаньих окорочков. А прелестницы Гельсингфорса и Питера сохранились только в долговременной памяти.

Ах, как было здорово! Офицеры линкора выходили в город, на Эспланаду и проспект Александра Второго, как один, в одинаковых белых кителях и белых брюках, белых замшевых туфлях, темно-красных шелковых носках и с такими же темно-красными платочками, уголком торчавшими из карманов кителей. Только золотые погоны отличались количеством звездочек и просветов. Такова была традиция кают-компаний — при совместных выходах точно следовать форме одежды старшего офицера во всех ее мельчайших подробностях. Начинали гулянку в «Берсе», расположенном в уютном и прохладном погребке, а потом и дальше, дальше... Часикам к пяти утра возвращались на борт, а в восемь — подъем флага, как всегда, и служба.

— Я тут без вас немного распорядился, — словно бы смущенно сказал Власьев. — Горячие блюда готовить не взялся, а так закусить есть чем... — Он указал на небольшой журнальный столик правее камина. — Надеюсь, Григорий Петрович, вы наконец проясните... Упаси бог, отнюдь не настаиваю, мне и так неплохо,

четвертую жизнь с вашей помощью живу, однако же интересно...

Шульгин понял, что, накрывая стол, кормя и занимая ребятишек, Власьев основательно приложился, было к чему, в баре и кухонных шкафах не одна сотня бутылок хранилась, изысканнейших сортов и марок. И душевное состояние требовало. Легко ли случившееся воспринять и наедине с собой пережить?

— Так. Генка, Вовка, идите в соседнюю комнату, там книжек интересных много, а мы тут будем курить и о взрослых делах разговаривать.

Ребята привыкли, что с отцом не спорят. Быстренько перебежали, куда указано. Взрослые остались втроем.

Зоя, продолжая демонстрировать непривычные Шестакову, но вполне понятные Шульгину качества, вместе с мужчинами выпила, закусил балыком и тут же потянулась к папиросу. Еще две стопки, и ей совсем станет безразлично, где и почему она оказалась. В тишине и покое — вот и ладно.

Не то — Власьев.

Ему Сашка, учитывая предыдущие приключения, в том числе и посещение квартиры на Столешниковом, минуя фактор матрицы, изложил адаптированный вариант событий. О посетивших Землю пришельцах, о том, как кое-кто из них в собственных интересах решил привлечь наркома Шестакова на свою сторону и снабдил его определенными сверхъестественными способностями... Лихарев, с которым бывший старший лейтенант имел удовольствие лично познакомиться, тоже работал на инопланетян.

— Не смею спорить. Весьма странной фигурой он мне показался. И квартирка его, и разговоры, что он вел. В каком, простите, году это случилось? — спросил Власьев, наливая себе еще.

— Да только что, с восьмого января начиная, вы что, так и не поняли?

— Понял. А в двадцать первом, когда Кронштадт и меня спасали, они вами не руководили?

— Определенно нет, — ответил Сашка, потому что действительно был в этом убежден.

Власьев ему поверил.

— Тогда — они правильно выбрали, — сказал старший лейтенант, единым глотком пропуская чарку. — Кого ж еще выбрать? Продолжайте.

Шульгин продолжил, подробно объяснив, что теперь у Зои с Власьевым нет иного выхода, кроме как провести определенное время здесь, в Форте, который обеспечит им полную безопасность, возможные удобства и радости жизни, по нормам на полста лет от них удаленного будущего.

— Мне, к сожалению, по тем же условиям необходимо какое-то время провести в Москве и не только, затем в ближайшие дни выехать по делам в Испанию. Месяца на два-три. Не мог же я вас там оставить. Сами сегодня видели...

Зоя, которую начало стремительно *развозить*, что вполне понятно, несколько раз Шульгина перебивала, отчего-то стараясь выяснить, какие именно женщины жили здесь до нее и в каких отношениях состояли с ее мужем.

Власьев деликатно молчал при этих *выступлениях*, отходил покурить к камину.

— Ты что, не поняла? — позволил Шульгин проявить свою натуру Шестакову. — Не жил я здесь никогда! Попал, когда мы уже с Николаем Александровичем в Москве расстались. Сам ничего не понимаю, память мне такую навязали. Сейчас с тобой говорю, вижу тебя, а по тех словно в книжке читал.

— А про колготки и бюстгалтеры откуда знаешь? Снимал и надевал?

— Ох и дура ты, Зоя! Сколько одно и то же повторять можно? Жили здесь до нас другие люди. Какими-то другими делами занимались, потом уехали, каждый по своему заданию. Временно мне свое имение передали, для пользования и под присмотр. И дополнительный пакет памяти вручили, со всеми необходимыми сведениями. Чтобы я здесь как дома себя чувствовал, как буд-

то сам вместе с ними и в их время жил. Знание устройства дамских туалетов, как и во все другие времена, входит в «джентльменский набор». Доступно объяснил? Теперь я тебя спать отведу, день у тебя трудный выдался. А парней сам уложу, не нужно им мамашу в таком виде наблюдать. Пошли, пошли...

Он под руку довел жену до своего блока. Лучше было бы уложить ее в отдельном помещении, но кто его знает...

Время было по параметрам Валгаллы раннее. Темнеть только через час начнет. Но переживаний всем хватило.

— Ребята, — сказал он Вовке и Генке, — вот вам комната на двоих. Есть, пить не хотите?

— Нет, — хором ответили пацаны. Да и то, от пуза напились неизвестных им «Фанты» и «Пепси».

— Тогда — по койкам. Хотите, могу к вам одного собака пустить. Охранять вас будет.

— Давай! — заорали в полном восторге ребята. — Двоих давай. Чтoб каждому свой. Насовсем!

Вот уж кому совершенно без разницы, какие там вокрут вселенские вопросы решаются. Интересный дом, отец с матерью снова вместе, да еще и собаки невиданных размеров и невероятно ласковые.

Сашка дважды свистнул. Пес, которого звали, какжется, Флагман, пробежал по коридору, стуча когтями. За ним, будто как-то они там между собой договорились, вошел второй, Джокер. Сели у порога, вопросительно глядя на хозяина.

— Здесь ложись, охраняй, — указал он пальцем Флагману. На место и на ребят. Похоже, пес улыбнулся и кивнул. Джокер, прикинув расклад, выбрал позицию в углу, так, чтобы наблюдать за дверью и обоими окнами.

— Вот и хорошо. Отдыхайте, братва. А я еще с дядей Колей поговорю...

Власьев, пошевеливавший кованой кочергой поленья в камине, обернулся, похожий сейчас на адмирала Колчака, тогда еще лейтенанта, сфотографированного

в кают-компании шхуны «Заря», с толстой книгой в руках, с бородой и в свитере под горло. Во время полярного похода.

Выглядел он совершенно трезвым.

— Так понимаю, Григорий Петрович, самое время нам сейчас по-настоящему поговорить. Пришло время?

— Наверное, пришло. Когда же еще?

— Значит, снова напьемся по-черному. Вас время не лимитирует?

— Абсолютно. Единственное, что совсем не лимитирует. Как бы странно вам это ни показалось.

— Вот и хорошо. Тогда садитесь, наливайте и рассказывайте. Всю правду, если считаете меня ее достойным, конечно. Если нет — какую-то часть. Но ни слова лжи, хорошо? Я, надеюсь, заслужил эту малость?

— Безусловно, Николай Александрович.

Неожиданно для себя Шульгин вдруг решил: давай-ка я на самом деле всю правду изложу. Просто так, чтобы остался на свете человек, знающий, какая несуразица вокруг происходит и куда обращаться, если не суждено будет Сашке сюда вернуться.

— Спасибо, — сказал, попыхивая трубкой, Власьев. Этого добра тут тоже хватало, не меньше полусотни «Петерсенов», «Данхиллов» и прочих изделий известных мастеров имелось в Форте. В отношении трубок вкусы совпадали у всех членов «Братства», и каждый выбирал образцы по душе из каталогов, а Левашов с удовольствием их копировал, как и банки с лучшими на свете табаками.

— Совершенно вы меня, Григорий Петрович, разутешили. Что спасли первый раз от большевиков, я уже неоднократно благодарил. Да, бывало, и свечку в Ниловой пустыни ставил, пока она еще функционировала. Жизнь подаренная — все равно жизнь, пусть momentarily и казалась не заслуживающей, чтобы ее дальше владеть...

— Да что вы говорите, командир...

— Не перебивайте, — властным жестом предло-

жил ему замолчать старший лейтенант. — Не знаю, как там у вас, но меня в ноябре шестнадцатого, когда вы с парусиновым чемоданчиком на «Петропавловск» явились и представились, словно бы стукнуло. Знак судьбы, мне показалось. Думаете, каждый начальник с посторонним юнкером так возился, как я с вами?

— Не каждый, Николай Александрович, чего я и удивлялся. Но думал, что это мой командир с эсминца, Василий Андреевич Бахметьев, так меня вам аттестовал... Он с меня обещание взял, что, когда в мичмананэ произведусь, вернусь на «Победитель»...

— Да-а, — загрустил Власьев. — Тоже хороший был человек, а куда сгинул, понятия не имею. С его характером ни за что при советской власти не выжить. Может, с белыми ушел, в какой-нибудь Бизерте дни коротает. Но мы ведь не об этом. К вашим словам о пришельцах с далеких звезд я отнесся с полным доверием и пониманием. Никак это с моими представлениями не расходится. Да и вот это все, — он обвел рукой по объему зала, — вполне подтверждает. И наш якобы «перелет» на броневике. Одним словом, я вам верю. Теперь скажите — что из этого следует?

— Вам правда здесь нравится? Чем-то похоже на ваш кордон?

— Похоже, — согласился Власьев. — Только намного лучше.

— Так я вам отдаю его в полное владение. Как настоящий феодал. Будете здесь бароном. Со всем вытекающим. Дружину предоставить не могу, извините. Хотя... — Он задумался. — Можно и о дружине порассуждать. Тут километрах в пятистах интересные ребята живут. Вполне человекообразные, с психологией шестнадцатого века и техникой начала девятнадцатого. Я (вернее, тот, кто мною руководил) их от врагов оборонил и заработал чин «амбинантисиндрану», примерно вроде генерал-лейтенанта, а при их общественном устройстве это навсегда. Ну, представимся его соратниками, произнесем все положенные ритуальные фразы, *отломаются* нам положенные почести и мера власти...

— Это — потом, — сделал отстраняющий жест Власьев. — Вы лично — опять уйдете?

— Ненадолго. Причем постараюсь, чтобы скучно вам не было. Снабжения и снаряжения здесь навалом, на год точно хватит. Дичи в лесах и рыбы в реках немечено. Катер вам завтра покажу, на котором до конца горизонта идти можно. Отличный катер, в наше время таких не было. Живите, Николай Александрович, никто, наверное, в этой жизни большего не получал, тем более — почти бесплатно. Не зря те ребята планету Валгаллой называли... А если очень нужно будет — я вам формулу оставлю, как меня вызвать.

— Договорились, Григорий Петрович, — старлейт, на которого одна за другой принимаемые рюмки оказали свое воздействие, невзирая на флотскую привычку, явно хотел спать. Лечь в постель и забыть до утра о странных и страшных событиях.

— Я вас провожу. Караульная служба здесь не требуется, а если суперкоты или динозавры какие придут познакомиться, собачки знать дадут. Да и я до утра здесь побуду, дела кое-какие есть. Пойдемте, Николай Александрович...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вернулся в наркомовскую квартиру Сашка через пятнадцать минут после ухода, выиграв таким образом около двух суток свободного времени, лежал на диване в кабинете, соображая: стоит ли задавать какие-то вопросы Лихареву или нет? Что он приложил руку к событиям на Селигере, сомнений не было: никто другой не смог бы вычислить местонахождение Власьева и шестаковской семьи. В особенности — службы Ежова. Им сейчас совершенно не до того. А раз поехали в богом забытое место — обязательно по наводке. Получается, что Валентин, после всего предыдущего, решил усилить свою позицию. Заложников взять, а в нужный момент, *кося под дурака*, объяснить возмнившего о себе товарищу, что есть и на него управа.

Не подействовало, значит, предупреждение Шестакова о том, что при любой нелояльности управа найдется прежде всего на самого Лихарева.

Ну, ветер тебе в парус, посмотрим, как дальше будет. Я-то здесь и из Москвы не выезжал, а завтра тебе сообщат, что операция провалилась и неизвестный «спецотряд ГУГБ» твоих порученцев привел к единому знаменателю. Вот и думай, товарищ резидент, в свои ли игры ты ввязался.

Хорошо, оставим это пока в резерве. Знание — само по себе сила.

Отдохнувший на Валгалле, проспавший почти двенадцать часов после горячего прощания в постели с чужой красавицей-женой, Шульгин позвонил Лихареву. Скорее — поразвлечься, чем по серьезной необходимости.

— Вы уже пришли домой, Григорий Петрович? — спросил Валентин, поскольку знал, в какой час и минуту тот вышел из Кремля.

— Да вот пришел. Чего-то скучно мне, за окном вечереет, а на закате меня обычно тоска одолевает. Может, встретимся? Идеи есть.

— Так жду вас на Столешниковом, или к вам подъехать?

— Подъезжай. Пешком я уже нагулялся...

Как ни в чем не бывало Шульгин начал обсуждать с Валентином вопросы подготовки к полету в Испанию. Наблюдая при этом за его побочными реакциями. Как раз сейчас, по расчетам резидента, Трайчук с его командой уже вез в Москву жену наркома и детей. Хороший козырь в предстоящей игре. Неубиваемый. А что ты будешь думать, братец, когда узнаешь, что твой посланец остался на кордоне с пулей во лбу, а заложники исчезли вместе с егерем, который так тебе не понравился во время ужина на Столешниковом? Потом вернутся выжившие чекисты, расскажут, что и как произошло, в деталях опишут и БРДМ, и «комиссара». Лихарев мгновенно все поймет, но делать-то что станет?

Пока же, сидя в квартире Шестакова, Шульгин из-

лагал свой вариант действий в Испании. Его команда, в составе нескольких военных специалистов, дипломатов, а также личной охраны из лучших боевиков НКВД (по согласованию с Заковским), должна была вылететь в ближайшие дни из Москвы на Барселону самолетом типа «Родина», он же «Ант-37», или «ДБ-2Б» в военном варианте, на котором через полгода собирались в свой рекордный полет Гризодубова, Осипенко и Раскова. Ничего, обойдутся, тем более закончится он у них не самым лучшим образом. Они там пролетели около шести тысяч километров, а тут всего четыре. Зато пройдем над всей Европой на высоте, недоступной для наблюдения. Локаторов, слава богу, еще не придумали, через сутки будем где надо. Скорость в 250 км/час казалась Сашке безусловно смешной, но где здесь взять другую? Подождать бы годика два, и можно было бы лететь на «Ту-2» со скоростью под шестьсот километров, но ждать некогда.

Лихарев охотно согласился сделать все, что требуется. Он вообще на все соглашался, что говорило о его нечистой совести. Только что на часы не поглядывал в ожидании момента, когда сможет ставить так высоко поднявшемуся сановнику собственные условия.

Шульгин, в душе посмеиваясь, представлял, сколь глубоким будет разочарование партнера. Жаль только, что насладиться этим увлекательным зрелищем он не сможет. Валентин не признается, а Шестаков не спросит.

— Позвони сейчас Заковскому. Пусть ищет для меня настоящих бойцов в своих спецчастях. Наверняка ведь есть рота-другая, где люди и стрелять умеют (как следует стрелять), и совершенно не озабочены партийной принадлежностью объектов.

— Зачем же сейчас, и завтра можно, — возразил Валентин.

— Нет, сейчас. — Сашка, в свою очередь, изобразил упертого на своем, вдобавок не совсем трезвого руководителя.

— Ну, ладно...

Лихарев потянул со стола телефонный аппарат на длинном шнуре, набрал известный ему номер. Услышал ответ.

— Нате, сами говорите...

Шульгин услышал на той стороне голос Заковского и сказал, что хотел.

Новый глава НКВД ориентировался в текущей ситуации гораздо лучше Лихарева. Не имеющий аттрианских привычек, соображал на местном уровне, что почем в разговоре с первым зампредом Совнаркома, которому обязан очень многим.

— Конечно же, сделаем, товарищ Шестаков. Сами завтра с утра подъезжайте на нашу базу, я вам представлю лучшее, что у меня осталось, выберете, если понравятся...

— Договорились, Леонид Михайлович. Завтра в десять...

Конечно, людям Заковского было далеко до басматовских рейнджеров по всем параметрам, но все же это были парни, прошедшие полный курс диверсионной подготовки, имевшие от двух десятков до сотни парашютных прыжков, умевшие стрелять из всех видов оружия, водить автомобили и мотоциклы и даже немного знавшие языки. По преимуществу немецкий и польский (наиболее вероятный противник в то время), но и это лучше, чем ничего. При случае смогут изобразить хоть интербригадовцев, хоть союзников Франко.

Уцелели они как единое подразделение (некоторый аналог нашего «Вымпела» или «Альфы») воистину чудом. Еще месяца два-три «нормального» развития процесса, и в лучшем случае их раскассировали бы по отдаленным армейским гарнизонам, а то и ликвидировали физически. Сталин как раз замыслил подобную акцию. Он не любил чересчур боеспособных подразделений, способных при случае сыграть в преторианскую гвардию.

К тридцать седьмому году существовала тщательно отработанная, на случай оборонительной войны на за-

падных границах, система организации «профессионального» партизанского движения. Больше десяти лет готовились кадры из участников Гражданской войны и молодежи, составлялись оперативные и стратегические планы, закладывались в непроходимых лесных дебрях и ключевых населенных пунктах склады оружия, боеприпасов, продовольствия, иного снаряжения. Регулярно проводились сборы и учения командиров и рядовых.

В случае реальной войны (по типу той, что случилась в сорок первом) в тылу врага оказалось бы минимум несколько десятков тысяч настоящих партизан, великолепно подготовленных и вооруженных, имеющих средства связи, знающих местность, своих командиров и задачи, которые предстоит решать в случае того или иного развития обстановки на ТВД. Эти номерные, подконтрольные Центральному штабу отряды в первые, самые тяжелые месяцы разгрома и почти всеобщего развала фронта смогли бы стать, кроме всего прочего, центрами кристаллизации и переформирования для бесцельно бродивших по лесам окруженцев, утративших организацию, но сохранивших способность и желание воевать.

Однако стукнула в голову вождя очередная параноидальная мысль, и эта стройная, с большим умом созданная и поддерживаемая в рабочем состоянии система была обречена на беспощадное, можно сказать — ритуальное уничтожение. Официальным прикрытием «идеи» была возобладавшая в верхах доктрина «малой кровью на чужой территории», подкрепленная тезисом Ворошилова о том, что «Красная Армия будет самой нападающей из всех армий» и что «советский народ умеет и ЛЮБИТ воевать!».

На самом же деле Сталин и его окружение просто испугались. Что значит — иметь в стране рассредоточенную, но вполне подготовленную «вторую армию», отлаженную для ведения именно «партизанской войны» и практически недоступную повседневному призору политруков и особистов? Это будет пострашнее антоновщины, махновщины и Кронштадта, вместе

взятых, если народу вдруг всерьез осточертеют правители и советская власть в целом.

И началось!

Руководство Центрального штаба устранили сразу и тут же приступили к планомерной зачистке среднего и низшего звена. Уничтожались базы, изымались средства связи и оперативные планы, людей тысячами объявляли иностранными шпионами и «перекрасившимися белогвардейцами».

Но система пока еще выживала, пусть и в ослабленном до полной потери активности виде. Заковский, прекрасно все понимая, с первого момента вступления в должность решил сначала сколь возможно эту акцию притормозить, а в дальнейшем и отыграть назад.

До наполеоновских планов Генштаба ему дела не было, а за погранвойска он отвечал и был уверен, что такого рода тыловое прикрытие и резерв им жизненно необходимы. Махновское прошлое тоже давало о себе знать, кто, как не он, лучше всех представлял себе боевые возможности армии, которую за сутки можно мобилизовать, при необходимости так же быстро растворить среди мирного населения, а потом вновь собрать для внезапного удара совсем в другом месте.

— Значит, в Испанию собрались, Григорий Петрович?

— Да вот посылают, на укрепление...

— Давно, между прочим, пора. Я тоже решил резидента сменить, не мой человек. Новому я дам к вам пароль, встретитесь, наладите взаимодействие. Нехорошие там сейчас дела творятся, неправильные. Заново всю работу придется ставить. Полномочиями вас снабдили достаточными?

— На первый взгляд практически абсолютными. А как в реальности пойдет... — Шульгин развел руками.

— Это всегда так, но вы далеко будете, помешать вам труднее. Так что будем надеяться. Ребят я вам хороших отдаю, и как телохранители сгодятся, и самостоятельные задачи могут решать. Командиром им назначу старшего лейтенанта Гришина. Надежный со-

★ трудник, руководить умеет и в реальном деле многого стоит. Пригласить?

— Пригласите. Посмотрю на него, и решим окончательно.

Роман Гришин оказался парнем двадцати девяти лет, невысоким, не производящим впечатления атлета, но наметанным взглядом Сашка определил, что силенка у него имеется и телом своим он владеет как нужно. Внешность типично среднерусская, однако с легкой примесью чего-то восточного. Татарского, может быть, или северокавказского.

Культура речи хорошая, да и образование по тем временам солидное — девятилетка, трехгодичное пограничное училище, три года службы замначальника заставы в Средней Азии, год в маневренной группе погранотряда и уже четыре года в спецотряде ГУГБ. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

— За что конкретно?

— Медаль за разгром банды Шермак-хана, орден по совокупности.

— Хорошо. Есть перспективы пополнить набор. Ставлю задачу — подобрать на ваше усмотрение десять бойцов, на которых вполне можете положиться в любой боевой ситуации вашего профиля. Согласны?

Гришин покосился на Заковского. В присутствии нового наркома и незнакомого товарища рангом не ниже, судя по тому, как держится, старший лейтенант чувствовал себя неудобно.

— Отвечайте, что думаете, — кивнул тот.

— Соглашаться или нет — я так не привык. Приказ есть приказ. А узнать, хоть приблизительно, какого рода задание предполагается, хотелось бы. Проще людей подбирать будет.

— Резонно. Детали узнаете в последний момент, а чтобы ориентироваться... Разведывательно-диверсионная работа в прифронтовой и зафронтовой полосе, охрана особо важных объектов, возможны операции по скрытой ликвидации противника. Действовать будем на значительном удалении от базы. Достаточно?

— Так точно. Разрешите выполнять?

— Выполняйте. Завтра примерно в это время я приеду посмотреть на людей. Затем получите дальнейшие указания.

Гришин снова посмотрел на Заковского. Тот кивнул и сделал отпускаящий жест.

Они вернулись на Лубянку.

— Примите мой совет, Леонид Михайлович, — сказал Шульгин, закуривая, — объявите в органы «сталинский» призыв. Наберите молодежь с третьих-четвертых курсов институтов и техникумов. Укомплектуйте ими все отделы, требующие специалистов. Повыдерживайте стоящих командиров из строевых частей армии и флота, подготовьте из них кадровых армейских особистов, знающих, за кем следить, что считать ошибками, что некомпетентностью, а что и *действительно* вредительством. Особое внимание сосредоточьте на дураках и провокаторах любого уровня. Тогда, если начнется большая война, а она обязательно начнется, не позднее тридцать девятого, вы, по крайней мере, будете иметь перед собой объективную картину, а не конъюнктурную туфту.

— Не лишено смысла, — согласился Заковский. — А вы по вашей новой должности меня поддержите?

— Это еще кто кого, — улыбнулся Шульгин. — Я сейчас уеду, вернусь ли живым — не знаю. Давайте завтра устроим посиделки с новым наркомом обороны. Постараемся так, чтобы вы с Иосифом Родионовичем стали друзьями или хотя бы единомышленниками...

— Помню, — с мечтательной улыбкой сказал Заковский, — как мы его дивизию ущучили под Пологами в девятнадцатом. Говорят, ускакал на коне охлюпкой¹, и сам босиком, только красные шаровары успел натянуть...

— И об этом вспомните, молодость всегда прекрасна, а старые обиды легко забываются. Да и обид ско-

¹ Охлюпкой — без седла и сбруи.

рее всего не было. Они ж вам тоже потом прилично накидали? Хотя бы и под Екатеринославом...

— Вы прямо Мефистофель какой-то, Григорий Петрович. Я уже с нетерпением жду свидания с коллегой. Безусловно, в вашем присутствии. Вы удивительно умеете людей сводить и с ними сходиться. Как тот раз с Лихаревым в машине... Его я давно знал, вас — совсем ничего, и обстановка была самая путающая, и вдруг так легко все разрулилось... Без крови и с наилучшими для всех последствиями.

— Характер у меня такой. Легкий. С другим что на царском флоте, что в коридорах власти сложно выжить. Но я вот что скажу — в условиях диктатуры...

Заковский очевидным образом напрягся.

— Пролетариата, я имею в виду, а вы что подумали? Так в условиях означенной диктатуры единственно правильной методикой для ее участников является установление и развитие *горизонтальных* связей. Уловили ход моей мысли?

— Да, пожалуй, — после тяжелой паузы ответил Завковский.

— Вот на этом и закончим, чтобы не ставить друг друга в сложное положение. У вас гостей обедом кормить принято?

— Да это в секунду.

Завковский нажал коленом кнопку под столом, и тут же появился адъютант.

— Столик, это, накрой в комнате отдыха...

— Есть...

Обычно у крупных начальников в то время имелось под рукой от трех до пяти секретных кнопок: под столом, на столе, внутри письменного прибора и так далее, в меру фантазии. У Шестакова так же было.

Пока они докуривали, в комнату отдыха через секретную дверь проникли подавальщицы, обе не менее чем в сержантских званиях, и сервировали «достархан» в лучшем виде.

Завковский не стал занимать кабинет Ежова, может, из суеверия. Приказал оборудовать для себя со-

всем другой, на пятом этаже, присоединив к нему два смежных помещения. Получилось даже лучше. Светлее, просторнее и приятный вид из окон.

— Насколько я могу на вас рассчитывать, если по-настоящему? — спросил главный чекист, без всякого удовольствия разжевывая бутерброд с черной икрой.

— Соразмерно, — ответил Шульгин. — Если в нашем положении и в нашем кругу возможна какая-то степень доверия, то я вам ее предлагаю...

Он протянул через стол руку. Заковский ее пожал с явственной надеждой в глазах.

— Давай — на «ты»...

— Конечно, Лева. Я — царский гардемарин, ты — махновский контрразведчик. Согласен, что есть повод договориться?

— Есть, Гриша.

Тут и выпили, глядя друг на друга внимательно. Разумеется, каждый умел уловить в собеседнике даже намек на ложь и криводушие. Кажется, не уловили. Вдохнули облегченно.

Шульгин, словно вспомнив к случаю, спросил небрежно:

— А кто такой капитан Трайчук, знаешь его?

— Подожди... Да, помню. Из отдела Шадрина. Люди говорят — редкая сволочь. На общем фоне...

— Как у Бабеля? Папаша Мендель Крик слыл среди биндюжников грубияном...

— В этом роде. А почему спросил? Пересекались?

— Лично нет, но кое-что слышал. Если его больше нет с нами, горевать не будешь?

— Шлепнули? А кто?

— Пока не готов ответить. Возможно, те, кому он дорогу перешел. Ты лучше выясни, под кем он ходил и чьи приказы до сих пор выполнял. Что ежовец неисправимый — факт, не требующий... А непосредственно кому шестерил? Кстати, Шадрина выпустили? Он наш человек, как мне известно?

— Много тебе известно, — усмехнулся Заковский. — Первым делом выпустили. Хорошо, забить до

смерти не успели, но потрудились над ним крепко. Я его прямо оттуда в нашу больницу отправил, а потом, наверное, в Мацесту путевку дадим.

— Вот-вот. Верные кадры надо беречь, затаившихся врагов выкорчевывать со всей пролетарской принципиальностью. А к Шадрину охрану советую приставить. Мало ли что...

На том и сошлись.

Когда назавтра Шульгин явился на базу спецотряда (это все было в центре Москвы, чуть подальше Донского монастыря), старший лейтенант встретил его в полной готовности.

Сашка, кстати, спросил у Заковского, под какой легендой он представлен Гришину.

— Пока мы не согласовали, я сказал — товарищ из Главного штаба. Не уточняя, из какого именно. По званию — комдив. Пойдет?

— Для начала — вполне.

Вошли в огромный зал, где раньше могли давать обеды на двести персон московского купечества, а сейчас занимались физкультурники и спортсмены, судя по запаху и общему беспорядку.

— Так, показывайте мне вашу гвардию, — дружелюбно обратился он к старшему лейтенанту.

Гришин показал. Как и требовалось, десять человек, все не старше двадцати пяти лет, в форме с петлицами от сержанта до лейтенанта, на гимнастерках, как тогда было принято, значки «ГТО». У одного — медаль «За боевые заслуги».

Не те, конечно, мужики, что он отбирал в Стамбуле в отряд Басманова, с печалью подумал Сашка. Те да, были настоящие волки. Да ведь и время другое. Будем работать с тем, что есть.

Сам Шульгин был сегодня одет в полевую армейскую, с черными петлицами без знаков различия форму и мягкие шевровые сапоги.

— Рад познакомиться, товарищи командиры. На данный момент я для вас никто и звать меня никак...

Уловил легкое изумление на лицах.

— Это и есть ваша тренировочная база? Я не понял. Насчет тира как и тому подобного?

— Так точно, товарищ... Тир есть, но в подвале, а спортом мы здесь занимаемся. Разве плохо?

— Пока достаточно. Мои слова вы должны понять следующим образом. Я с каждым из вас немного позанимаюсь, в качестве рядового спарринг-партнера, слышали такой термин? Работать в полную силу, не задумываясь о моих чинах и званиях. Кто мне не подойдет — тот продолжит службу в прежнем режиме. С остальными познакомимся поближе. Ведите, товарищ Гришин.

Спортзал был оборудован совсем неплохо, зря Сашка придирался. Все как положено — шведская стенка, маты, кони и козлы, канаты и кольца, прыжковая яма, помост для занятия штангой и гириями.

— Ну-с, как у нас с рукопашным боем? — расслабленным голосом осведомился Шульгин, расстегивая ремень и снимая гимнастерку. — Кто первый готов показать наглому чужому дядьке, что нельзя недооценивать командиров НКВД? Вводная — я без причины хочу одного из вас ударить по лицу, после чего отмутузить как следует и обезоружить. Вы идете мне навстречу по темному переулку, ничего не подозревая. Желающие — на ковер.

Тут последовала пауза. Никто не хотел вызываться, одно дело — незнакомый начальник, другое — тональность предложения настораживала.

— Так, — печально сказал Шульгин, выждав секунд десять. — Никакой инициативы, а она ведь тоже идет в зачет...

Тогда решился Гришин, уж ему-то деваться было совсем некуда. Шагнул на маты, пошел, заметно напрыгавшись, навстречу противнику.

— А вот это лишнее, — с улыбкой комментировал Сашка, — вы же так по улицам не ходите, а тем более вдруг, с девушкой... Н-на! — с размаху бросил он ладонь вперед, целясь Гришину в щеку.

Тот уклонился и поставил блок, все ж таки был предупрежден.

Шульгин присел, уклоняясь влево, изобразил позицию «боевого гопака», почти коснулся спиной пола, правой ногой подсек чекиста под колено, стремительно выпрямляясь, толкнул его в грудь и окончательно поверг, прижимая к матам коленом. Показал, как расстегнул бы сейчас кобуру на поясе лейтенанта, если бы она там была, и в завершение приставил указательный палец к виску.

— Бах! Или как?

Встал, отпуская партнера и отряхивая ладони.

— Это все, что вы можете? Или еще раз попробуем?

Он с самого начала знал, что противостоять ему не в силах ни один из присутствующих, а может быть, и вообще ни один человек в стране, разве что найдется где-нибудь редкостный самородок его же типа, да вдобавок прошедший солидную подготовку в каком-то подобии шаолиньского монастыря. Но на службе в НКВД и в любой другой спецслужбе таких людей точно не было.

Шульгин просто хотел оценить реальные возможности каждого из будущих соратников при столкновениях с противником известных качеств, сориентироваться, как в дальнейшем с максимальной пользой использовать предложенных ему людей. Заодно и подучить кое-чему, опять же исходя из физических возможностей, скорости реакции и тому подобного.

Он гонял и швырял ребят минут сорок, и по одному, и группами. Наконец решил, что хватит. Хорошо, без серьезных травм обошлось, но тут он проявил всю возможную осторожность. Ушибы, ссадины и легкие растяжения не в счет.

— Так, все сели и отдыхаем, — приказал он, застегивая ремень. Наскоро произвел «разбор полетов».

— Одним словом так, большинство — на твердую троечку. Самбо вы более-менее знаете. Для нормальных обстоятельств сойдет. Отчислять никого не будем, я просто потом каждому объясню, на что обратить внимание при тренировках.

Сам он для себя выделил троих бойцов, включая и Гришину, показавших способности выше средних.

— Теперь пойдёте постреляем. Конечно, тир — это тепличный вариант, надо бы в поле, да параллельно с прочими упражнениями, но у нас пока просто прикидка... Знали бы вы, парни, — почти мечтательно произнес он, вертя в пальцах незакуренную папиросу, — что такое настоящая муштровка. Тридцать километров бега по нормативам мастера спорта, по грязи, по болотам, под дождичком, с ног сбивающим, и сразу — огневой рубеж! Если б там кто у меня на сто метров в круглую мишень не попал — сразу взводным в Кушку.

— Сурово, товарищ командир, — прозвучал голос из заднего ряда. Кто сказал — Шульгин выяснять не стал. Имеют право мыслить.

— Зато — справедливо. Или я рассчитываю на своего бойца, или нет.

Еще через час, отпустив группу отдыхать, Гришину он предложил задержаться.

— Заключение мое такое — подготовка так себе, но других, по-любому, взять негде, и времени на поиски нет. На задание отправимся дней через пять-шесть, если ничего не изменится. Мои рекомендации... — Он на память, ни разу не ошибившись в фамилиях, хотя услышал их только один раз при общем представлении, дал характеристику каждому из десяти, определил предварительно, как и кого собирается использовать в боевой обстановке и какого рода тренировки форсировать до момента убытия.

— Прошу прощения, товарищ...

— Сейчас и для вас — «товарищ Александр». Какое имя будет потом, узнаем по мере развития событий. Что вы хотели спросить?

— Где учат тем приемам, что вы нам показали? Я со многими мастерами встречался, но у вас совсем другой уровень.

— Таким приемам не учат. Да и нет никаких «приемов», у меня, по крайней мере. Наблюдаю за поведением противника, стараюсь предугадать его действия, даю

возможность начать первым (за исключением особых случаев), после чего опережаю в темпе. А как, чем и куда бить — обстоятельства подскажут. А начнешь приемы вспоминать, тут тебе и конец. То же и стрельбы касается, главное — знать, куда попасть хочешь, а не как мушку с прорезью совмещать.

Видно было, что у Романа имеется еще много вопросов, но по краткости знакомства и разницы в положении он решил до поры оставить их при себе.

— А сейчас давай начнем соображать, какое снаряжение с собой взять следует, чтобы на месте от воли случая не зависеть, потому что лететь нам с тобой аж за Пиренеи...

Следующие три дня Шульгин спокойно занимался подготовкой к командировке. Дел было столько, причем в совершенно разных отраслях и сферах, что ему приходилось, как старшему офицеру линкора в романе «Капитальный ремонт», присутствовать во многих местах одновременно. Почти в буквальном смысле.

Встречаясь с Лихаревым, он внимательно наблюдал за его поведением и словами. Очень хотелось прижать резидента прямым вопросом, зачем он все-таки послал чекистов за его семьей, но благоразумие останавливало. Пусть еще понервничает. Наверняка он убедился в полном алиби Шестакова: тот из Москвы не отлучался, и почти каждый его час можно было задокументировать по показаниям многочисленных свидетелей. Доподлинно же заблаговременно установить слежку за наркомом по агтрианской методике он не сообразил.

Тогда у Валентина непременно должна созреть гипотеза, что налицо очередное вмешательство настоящего Шульгина. Сначала он снабдил Шестакова информацией по Лихареву, а потом решил...

Вот что придумал Александр Иванович — и это главная загадка для Лихарева, — предоставить наркомку свободу рук, вывезя его жену и детей за пределы досягаемости кого бы то ни было, или, наоборот, взять

его на свой крючок, выбив столь козырную карту из рук «соперника»?

Валентин теперь оказался в совершенно дурацкой ситуации. Затеять разговор с Шестаковым он не может, чтобы не лишиться себя статуса друга и союзника. Возвратившиеся с Селигера опера не смогли рассказать ничего, кроме того что неизвестный человек приехал на кордон в разгар операции на броневике вместе с какой-то «спецгруппой», назвался комиссаром госбезопасности. Разогнал чекистов, переломал машины, убил Трайчука, который неизвестно зачем подставился, прикрываясь наркомовской женой. Еще нескольких сотрудников застрелил егерь из винтовки. Уцелевшим ничего плохого не сделал, просто запер в сарае. Когда и как грозный «комиссар госбезопасности» уехал, не видел никто.

Стиль проведения операции чрезвычайно походил на манеру Шульгина и никак не укладывался в возможности нынешнего Шестакова.

Поэтому, уже накануне отъезда в Испанию, Лихарев как бы между прочим, между практическими советами и напутственными словами, по-товарищески осведомился, каким образом Григорий Петрович решил вопрос с семьей. Раньше-то уже был разговор, что живут они у Власьева на Селигере и возвращаться в Москву до полного прояснения обстановки не собираются.

— Сейчас вы уезжаете на неопределенный срок и с негарантированным результатом. Может, от меня какая помощь требуется?

— Не затрудняйся. — Прозвучали слова Шестакова холодно, никак не созвучно доброму порыву Лихарева. — Все, что нужно, сделано и делается, тут я спокоен. А тебе зачем лишняя головная боль?

Так и остался Валентин в неведении, в курсе ли Шестаков случившегося или по-прежнему уверен, что лесной кордон и пожилой егерь — достаточная гарантия безопасности его семьи.

★ Сталин принял Шестакова последний раз вечером накануне вылета, выслушал доклад, не вдаваясь в подробности. Мелочная опека — не его стиль. Цели ясны, задачи определены, дальше дело за исполнителями.

— Надеюсь, товарищ Шестаков, вы не рассорите нас с нашими нэ до конца определившимися друзьями, предполагаемыми врагами и нейтралами, которые совсэм нэ знают, чего им хотеть? Особенно не добившись желаемого результата, — словно бы в шутку сказал вождь, пожимая на прощание руку.

— Сделаю все возможное, товарищ Сталин. Тем более риск невелик. Республиканцы, не проигравшие войну, в любом случае будут нам более полезны, чем капитулировавшие. Гитлер тоже на мировой арене прямой опасности пока не представляет, а получив предметный урок, станет гораздо тише и стоворчивее, нежели он же, вкусивший радость победы. О Муссолини я уже говорил. Что до англо-французов и Лиги Наций...

Им нужно при каждом удобном случае тыкать в морду их же политику двойных стандартов, с высоких трибун каждодневно настаивать или на одновременном и стопроцентном выводе оттуда всех и всяческих иностранных войск под международным контролем, или издевательски предложить введение самых жестких санкций против нарушителей «невмешательства». Нам их санкции глубоко по барабану, а вот итальянцам и немцам — отнюдь! Вообразите, товарищ Сталин, что ОНИ НАМ могут противопоставить? Вообще все! Английского флота мы не боимся. Все пехотные дивизии Польши раскатаем западнее их границ. Немцам до нас не добраться чисто географически. То есть — пошли они все...

Сталин и сам любил вставлять в разговор грубые и даже матерные выражения, потому резкие выражения своего сатрапа¹ принял с пониманием. Значит, уверен в себе человек, коленки у него не дрожат.

¹ С а т р а п — неограниченный в правах наместник провинции или завоеванного государства (*гревне-перс.*).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Самый дальний на тот момент в мире бомбардировщик двенадцать часов трясся в воздухе, брэнча какими-то незакрепленными железками, продуваемый через тысячи щелей ледяным ветром, без всякой герметизации, тащась ненамного быстрее хорошего автомобиля на высоте вершин Эльбруса. Пассажиры, предусмотрительно одетые в трехслойное нижнее белье, как у водолазов, меховые кожаные костюмы, а поверх еще и полушубки, сорокаградусный холод переносили нормально, хуже было с вибрацией, утомительным гулом моторов, воздушными ямами и нехваткой кислорода. Многим такой комплекс непривычных для цивилизованного человека факторов показался тяжеловатым. А куда денешься? За борт не прыгнешь, а чтобы освободить бунтующий желудок — пакет из толстой бумаги выдан, и все на этом.

Шульгину и еще нескольким людям на борту, в том числе экипажу, было полегче. Сашка время от времени заходил в пилотскую кабину, где за штурвалом сидел знаменитый летчик Громов, которому, как двадцатью пятью годами позже Титову, волею вождей не позволено было стать «летчиком номер один».

Чкалов первым пролетел на «РД-25» 10 тысяч километров из Москвы в Портленд (США) за 63 часа, а Громова, который чем-то Сталину не очень нравился, отстранили от полета, чтобы не стал первым. Однако, назло всем, ровно месяцем позже он на таком же точно самолете покрыл на полторы тысячи километров больше за 62 часа, имея в баках такой остаток горючего, что только мексиканская граница помешала установить суперрекорд.

До того, как он первый раз попал в прошлое, в двадцатый год, Шульгин не подозревал о том, насколько это неприятное чувство — смотреть на симпатичного тебе человека и разговаривать с ним на равных, зная всю его предстоящую жизнь до самого конца. Причем не важно — предполагается ли это будущее счастли-

вым или наоборот. В первом случае даже хуже. Допустим, в оригинале истории Михаил Михайлович был жив еще и к моменту исхода наших героев на Валгаллу. Генерал-полковник, легендарный Герой, на восьмидесят пятом году жизни сохранял бодрость и кураж. А что с ним случится теперь? Не угадаешь, в какую сторону твое вмешательство может изменить судьбу великого летчика. Славы, может, и прибавит, а жизни?

Занимаясь глобальными проектами, выносишь за скобки судьбы миллионов, успокаивая себя тем, что это вроде как не всерьез, нечто вроде компьютерной игры на историческом материале. Но глядя в глаза конкретному человеку, вдруг понимаешь, что для него-то все по-настоящему, что у него другой жизни нет и не будет, что бы там ни творилось на других исторических линиях.

Снова на философию потянуло, а лучше бы о собственной судьбе и жизни подумал, сам тоже далеко не бессмертен, и гомеостата с собой нет.

В любой момент крылья могут отвалиться, движки заглохнуть, обледенение начаться. Сашка куда более надежных реактивных самолетов не любил, именно потому, что осознавал, садясь в кресло, полную утрату власти над собственной судьбой и обстоятельствами. Только в самолете посещало его это отвратительное чувство бессилия.

Каково же этим летчикам, сидящим рядом с ним в освещенной только лампочками приборов кабине, чуть не ежедневно подниматься в небо, доверяясь примитивной технике, неизвестно кем сделанным моторам? Вон, великий Чкалов убится в предыдущей жизни — как раз движок и остановился в нескольких метрах от земли. Шульгин обычному «Москвичу» не слишком доверял, если не перебирал его своими руками до последней гайки.

А этот «рекордсмен» летит и летит. Пока. Шульгин суеверно выставил указательный палец и мизинец левой руки.

— У вас, Михаил Михайлович, перерывы быва-

ют? — спросил он Громова, взяв из рук бортмеханика гарнитуру СПУ¹.

— А в чем дело? Мы вообще на автопилоте идем. Спать я пока не хочу.

— Так, может, встанете, разомнетесь?

Они устроились в отсеке верхней огневой точки, Шульгин на откидном сиденье, летчик на патронных ящиках. Громов знал, кого он везет, но познакомились они за пару часов до вылета и близко, как следовало, пообщаться не успели, обменялись лишь несколькими дежурными фразами. Потому пилот смотрел на зампредсовнаркома слегка настороженно. Власть — она и есть власть, со всей свойственной ей дурью и хамством. Такие же примерно товарищи его в рекордный полет не пустили, намеренно сломали самолет, чтобы первым стал любимец Сталина и пролетарий, а не своевольный бывший дворянин.

Шульгин протянул командиру плоскую фляжку с лучшим из возможных коньяков.

— До посадки далеко. Взбодримся?

Громов возражать не стал.

— Хорошо. Прямо нектар. Смотрю я на вас, товарищ руководитель делегации, и удивляюсь. Сколько со мной серьезных людей летало, но даже и представить не мог, чтобы на пяти километрах коньяк пили и шуточки шутили. Кабину после них мыть приходилось, и не раз. Вы не из бывших летчиков?

— Нет, я из бывших миноносников Первой мировой. Еще бы посмотрел, как вы себя почувствовали в восьмибальный шторм на «Новиках», сутки и больше...

— Понимаю и уважаю, — сообщил Громов, снова приложившись.

— Закурить здесь можно?

— Попробуйте, только удовольствие вряд ли получите... Кислорода и так мало.

¹ СПУ — самолетное переговорное устройство.

— Значит, обойдусь.

Сашка давно уже думал, как быть, если самолет все-таки начнет падать. Удастся ли с помощью все той же формулы удержать его в воздухе или даже попытаться перебросить на место? Шесть тонн БРДМ получалось через полсотни парсек, а двенадцать тонн в пределах Европы?

Он надеялся, что сумеет, только делать это будет при последней крайности, до упора «не умножая сущностей». Что скажет тот же Громов, если его самолет после отказа, допустим, одного или двух сразу моторов все же приземлится в Барселоне, да еще и на несколько часов раньше расчетного времени, показав среднюю путевую скорость километров семьсот в час?

Сейчас, чтобы скоротать время и отвлечься от неприятных мыслей, спросил то, о чем собирался заговорить только после прибытия на место.

— Михал Михалыч, а что вы скажете, если я предложу вам должность командующего всей республиканской и нашей авиацией? Вы же по натуре руководитель, а не просто пилот-рекордсмен. Не так?

Он знал, что с началом Отечественной войны Громов с должности командира отряда летчиков-испытателей был назначен командиром авиадивизии, потом воздушной армии и руководил весьма успешно, в отличие от многих героев Испании и Халхин-Гола.

— Имеете полномочия? — со странной усмешкой спросил Громов.

— А вы меня что, за фразера держите? — Иногда следует ошеломить человека неподходящей к настроению лексикой.

— Да нет, что вы! Просто я подумал...

— О том, что власть вас не уважает? В моем лице — уважает. И ближайший год, надеюсь, товарищ Сталин моих прав не урежет. Хотите? — Шульгин порылся в нагрудном кармане под курткой, вытащил четыре рубиновых «ромбика». Протянул на ладони пилоту. — Прилетим живыми — прикалывайте. Вы уже комдив.

— Даже так? — Громов качнул головой. — А если не возьму?

— Михал Михалыч, вам нужны такие эксперименты? Я, конечно, на вас не обижусь — насильно мил не будешь. Не захотите, вернетесь в Москву в прежнем качестве. Не больше и не меньше. Только, пожалуй, всю дальнейшую жизнь будете терзаться вопросом, что вы на самом деле выгадали и что потеряли...

— Слишком уж неожиданное предложение. До земли дадите подумать?

— Чего ж, думайте. Полезное дело, хотя и не всегда. Кое-что на эмоциях лучше удается...

В отсек неожиданно начали протискиваться еще две неуклюжие фигуры. Виктор Овчаров, которого Шульгин решил взять с собой в качестве дипломатического советника (тоже пока «без портфеля», но с перспективой), и Иван Буданцев, будущий советник по вопросам внутренней безопасности. Фактически — начальник его личной контрразведки, которую он решил создать в параллель к республиканской, пребывающей в почти полном развале, да вдобавок нашпигованной агентами любой ориентации.

Сашка познакомил столь непохожих людей, рассказал, как при драматических обстоятельствах едва не пересеклись их пути и какую роль каждый из них сыграл в той истории, предложил им общее увлекательное дело. Так вдобавок удачно получилось, что они вдруг ощутили взаимную симпатию, что иногда случается без видимых причин.

В отсеке сразу стало очень тесно.

— Что, соскучились?

— Не так чтобы очень, — ответил Овчаров, пытаясь как-то устроиться, — да слишком нудно там сидеть. Летал я на приличных самолетах, да еще и с подачей закусок и напитков, а тут как бычки в консервной банке. Вздрогнем? — вытащил из-за пазухи собственную фляжку.

— Мы уже, а вы давайте, только не увлекайтесь...

— Увлечешься тут. Нос скоро отмерзнет, — про-

бурчал Буданцев. — Вы всегда в таком холодище летаете? — спросил он Громова.

— Летом чуть теплее, — усмехнулся тот. — Так я пойду?

— Здесь вы командир. Не смею задерживать...

— О чем говорили? — спросил Овчаров, когда они остались одни.

— Да так, пристрелка. Я предложил ему должность главкома республиканской авиации, он обещал подумать.

— Считаешь — справится?

— Имею основания. По крайней мере, на мой взгляд это лучшая кандидатура из имеющих. Начальство наше все стремится выдвигать асов. Слабость у него такая, вызванная почтением к непонятному. Над облаками летаешь, умеешь бочки крутить и чужие самолеты сбивать — и вперед! А что человек, кроме как самим собой, ну, может, звеном или (что реже) эскадрилей, ничем руководить не в состоянии, это, считается, дело десятое. Нам, напротив, я уже сто раз это повторял, организаторы нужны, со стратегическим мышлением и железной волей. Что сильнее — войско львов, возглавляемое бараном, или наоборот?

— Ну-ну, посмотрим...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

К моменту появления Особого представителя, названного, впрочем, в письме к испанскому правительству всего лишь «поверенным в делах», обстановка в расколотой примерно пополам между республиканцами и мятежниками Испании складывалась следующим образом.

В конце декабря 1937 — начале января 1938 г., несмотря на потерю северных провинций и активизацию поддержанных немцами и итальянцами мятежников, военное командование республики, преодолевая внутренние разногласия, решило провести крупную наступательную операцию под Теруэлем. Планировалась она

без должного размаха, как отвлекающая, имея главной целью предотвращение генерального наступления франкистов на Мадрид.

Вместе с тем при взгляде на карту любому грамотному военному сразу же бросалась в глаза стратегическая перспектива. Теруэль находился на вершине обращенного к юго-востоку выступа, глубоко вклинившегося в республиканскую территорию. С этого плацдарма мятежники имели реальную возможность прорваться к Средиземному морю и в очередной раз рассечь оставшуюся территорию республики пополам, что в перспективе вело к неминуемой катастрофе. Ни Каталония, ни Центр поодиночке долго сопротивляться не могли.

В случае же успеха республиканцев в крайне тяжелое положение попадали мятежники. Условия местности и неожиданно суровая погода (метели, мороз до -20°C) заставили бы их отступать до ближайших укрепленных позиций у Альбарассина, а то и Сигуэнсы, а это более ста километров. В случае правильной тактики и своевременного ввода резервов отступление вполне могло превратиться в паническое бегство, при котором франкисты потеряли бы свои самые боеспособные части. Остальных, по расчетам, для восстановления фронта явно не хватало. Вырисовывался аналог Курской дуги (или того стратегического «мешка», что немцы устроили Красной Армии под Белостоком).

В развитии операции возникала возможность нанести заранее подготовленные удары вдоль Эбро на Сарагосу и от Сигуэнсы в направлении Бургоса, столицы мятежников.

В условиях маневренной войны и невысокой плотности войск задача вполне решаемая. Генерал Брусилов выиграл летнюю кампанию шестнадцатого года в куда более сложных условиях. Да и Слащев бы не подкачал, окажись он сейчас в Испании.

Сосредоточив на фронте 5 корпусов, в том числе три корпуса достаточно обученной и прилично вооруженной Маневренной армии, 135 орудий, 150 танков и бронемашин, значительную часть авиации, Народная армия

тремя ударами по сходящимся направлениям прорвала фронт мятежников, окружила 52-ю пехотную дивизию франкистов и силами двух дивизий создала внешний фронт окружения. Остальные соединения ворвались в Теруэль.

Мятежники, в свою очередь, перешли в контрнаступление, бросив в бой деблокирующую группировку из шести дивизий, но успеха не добились, столкнувшись с введенным из резерва 5-м армейским корпусом. К 7 января остатки франкистского гарнизона города сдались. Серьезные потери и экстренная перегруппировка войск заставили Франко отказаться от очередного штурма Мадрида. Пожалуй, это была одна из немногих правильных спланированных операций за все время войны.

Только ни в коем случае нельзя было ее останавливать, но увы, как раз к такому решению склонилось республиканское командование, надумав срочно перебросить большую часть сил и техники на Южный фронт, для наступления на Кордову и Гранаду.

Ничего глупее нельзя было придумать.

...Шульгин в Москве зря времени не терял. Естественно, к описываемому периоду ни один советский военачальник опыта современной войны не имел и иметь не мог: с двадцать второго года, за исключением локального конфликта на КВЖД, Красная Армия не воевала. Гражданская была слишком давно и, вопреки мнению тогдашних теоретиков, никаких стратегических уроков дать не могла в силу своей абсолютной (в военно-теоретическом смысле) уникальности. Соответственно, подбирать себе помощников по критерию воинских талантов Шестаков не мог.

Зато мог Шульгин, руководствуясь знанием будущего. Исходя, к примеру, из того, кто как себя проявил в первые полгода Отечественной войны в аналогичной, но на самом деле еще более трудной, чем у республиканцев, обстановке.

Главным военным советником, а фактически Главкомом всех вооруженных формирований республики

он решил назначить комдива Рокоссовского. Командующим объединенной группировкой советских «добровольцев» — комбрига Петрова, прославившегося во время обороны Одессы и Севастополя. Оба летом сорок первого проявили себя наилучшим образом. Первый — командуя механизированным корпусом, вынужденным сражаться без приказов, снабжения, знания стратегической ситуации, второй сумел создать боеспособную Приморскую армию из остатков раздерганных и деморализованных частей, когда многозвездные генералы теряли управление сверхмощными группировками и бежали в тыл «вперед собственного визга». Он же успешно оборонял незащищенные с суши приморские «крепости», проявляя чудеса изобретательности в безнадежной, казалось бы, обстановке.

Громов принял предложение Шульгина возглавить авиацию, Кузнецов — флот.

Теперь он имел рядом с собой людей, тех самых, о которых говорил Сталину, — способных раскованно мыслить, поступать адекватно любой возникающей ситуации, отстаивать свое мнение на любом уровне власти и, в отличие от того же Жукова, воевать не числом, а умением.

В первые дни, войдя в курс дела и наведя порядок среди непосредственно подчиненных ему советских командиров, Шульгину пришлось заняться дипломатией.

С трудом удерживаясь в пределах протокола и обычной вежливости, он только что за грудки не тряс военного министра-социалиста Индаленсио Прието, толстого, вальяжного сибарита, обладавшего в то же время железной волей, помноженной на скрытность и хитрость. Шульгин знал, что его стратегической идеей было всемерное ослабление влияния на военные дела коммунистов и их союзников, а войну он собирался выиграть позже. Рассчитывая, и небезосновательно, что после установления однопартийной «демократической диктатуры» англо-французы начнут помогать республике по-настоящему. Если останется кому помогать.

Шульгин же мыслил совершенно противополож-

★

ным образом: сначала победа, а уже потом — политические игры. Между теми, кто уцелеет и вообще к ним будет допущен.

Безусловно, в белом Крыму было гораздо легче. Со всем разные вещи — сплоченная команда друзей-единомышленников, прочный тыл, неограниченные денежные средства, армия, пусть и утомленная шестилетней войной, но по-настоящему профессиональная, готовая сражаться до последнего бойца, и тот бедлам, который Шульгин увидел здесь.

Воевать (в современном смысле) испанцы не умели, единственный теоретический багаж офицеров и генералов — проигранная сорок лет назад война с американцами. Довоенная армия развалилась, новая так и не сформировалась как единый боевой механизм. Добровольцы-республиканцы и интербригадовцы горели, как говорится, энтузиазмом и ненавистью к фалангистам, но представляли собой вооруженную лишь легким стрелковым оружием массу, мало дисциплинированную, плохо управляемую, достаточно стойкую в обороне, но наступать способную только в плотных боевых порядках на дистанцию прямой видимости.

Сохраняющееся в стране «демократическое коалиционное правительство» представляло собой наихудший в условиях гражданской войны способ управления, и чем дольше она тянулась, тем острее проявлялись его органические пороки: межпартийные дразги, неспособность оперативно решать неотложные вопросы и проблемы, которых становилось все больше по той же самой причине.

Шульгин за дни, проведенные в бесконечных совещаниях с нашими советниками и представителями, а также и испанскими «товарищами и не очень», убедился, что наяву дела обстоят еще хуже, чем представлялось по книгам и документам.

Чтобы вести и выиграть гражданскую войну, нужна диктатура, не менее жесткая, чем франкистская здесь или большевистская в России. Из-за ее отсутствия там

проиграли белые, здесь проигрывали республиканцы, а как ее учредишь, не устроив очередного государственного переворота? Главное — какими силами?

Коммунисты взять всю полноту власти не способны, не то руководство и не тот «человеческий материал». Очевидно, что при первой же попытке все их нынешние союзники разбегутся или перейдут в вооруженную оппозицию. Начнется бессмысленная и кровавая борьба всех против всех, что будет на руку только Франко. В считанные недели его войска овладеют инициативой полностью и окончательно.

Судя по радиограммам из Москвы и Севастополя, подготовка танковой бригады и конвоя затягивалась и затягивалась, в полном соответствии с теорией «трения» Клаузевица, если даже исключить прямой саботаж, чего исключать было нельзя.

К исходу первой недели Шульгиным овладело чувство, близкое к отчаянию. Как бывает на экзамене — время неумолимо убегает, а ты тупо смотришь на чистый лист бумаги, грызешь ручку, ощущая в голове гулкую пустоту и понимая, что спасения нет.

Ввязался, на свою голову! Войны решил в одиночку выигрывать! Прав был «писатель»: его элементарным образом подставили, жертвуя фигуру, чтобы на другом конце доски приобрести качество. Внушили, что он — сможет, а на самом деле просто убрали из Москвы, без пошлых приемов эпохи «плаща и кинжала». Разыграли классическую «вилку» — в итоге Лихарев и косвенно Сталин получили свободу рук в столице и стране, а в результате катастрофического провала Шестакова здесь республика падет еще быстрее, со всеми вытекающими.

Гениально, ничего не скажешь! Все хитроумные планы Антона летят к черту! Никакой новой геополитической конфигурации не получится, все случится с точностью до наоборот. Кто в таком случае выигрывает?

Самое главное, преодолевая сопротивление, наружу из глубин подсознания со все большим напором карабкался Шестаков со всеми своими комплексами сталинского чиновника. Его обуревал страх пораже-

★

ния и неминуемой расплаты, которая ждет по возвращении в Москву. Страх и тоска за семью, заброшенную неизвестно куда, глубокая депрессия, вызванная потерей собственной личности. Все это так или иначе прорывалось в психику Шульгина, будто первые приступы овладевающей им шизофрении, а также маниакально-депрессивного психоза.

Он отодвинул бумаги, с опаской и ненавистью покосился на стол с десятком разнотильных телефонов, от деревянного, инкрустированного пластинками слоновой кости, до полевого «Эриксона» в кожаном футляре. Любой мог позвонить, сообщая об очередной пакости. Хороших вестей он не ждал. Ниоткуда.

Вышел на балкон глотнуть холодного морского ветра, и почти сразу его вдруг накрыла новая черная волна удушающей депрессии. Намного более сильная, чем все, что ему приходилось переносить прежде. Был бы он сам по себе, наверняка добрался до своей походной аптечки, проглотил нужную дозу специального препарата. А сейчас Шестаков не позволял двинуть ни рукой, ни ногой. В буквальном смысле — вздохнуть невозможно — горло словно удавкой перехватило, воздух с сипением и всхлипами проталкивается через бронхи, и будто при сильном приступе стенокардии — вспышка страха перед близкой смертью. Страх такого рода, что проще самому шагнуть в жадно ждущую темноту внизу, чем дальше его выносить...

«Инфразвук, — мелькнула последняя здравая мысль. — Очень похожая симптоматика... Ну уж хрен, не поддамся!» Вообразил себя чем-то вроде колонки мощного динамика, зрительно представил распространяющуюся во все стороны контрволну.

«Интерференция, мать вашу, интерференция!» — он будто бы генерировал сейчас колебания мирового эфира, способные в противофазе погасить, свести на полный ноль те, что были направлены на него.

И ведь получилось, как ни удивительно. Отпустило. Сашка в ярости ударил кулаком по перилам балкона.

Его штабной номер располагался на пятом этаже отеля «Альфонс», остальные комнаты по обе стороны длинного коридора занимали сотрудники миссии, несмотря на поздний час продолжавшие работать по намеченным планам. Их, похоже, удар не коснулся, ни криков ужаса не донеслось из соседних окон, ни иных признаков нарушения заведенного в «департаменте» порядка. И слава богу! Логически все объяснимо — обычные люди не то что субъектами, объектами игры не являются. Они лишь фон, антураж и реквизит «представления».

«Нет, ну, паскуды! Разве мы так договаривались? Это уже не благородная игра, это — «ход конем по голове».

— Стоп, стоп, парень, — тут же сказал он сам себе вслух, дрожащими пальцами поднося огонь к очередной сигаре. С ними тут было хорошо, испанские товарищи снабдили несколькими коробками самых дорогих и ароматных. — Если все обстоит как раз наоборот? Мы не проигрываем, мы все делаем правильно, даже успешно, они это поняли раньше, чем я, вот и подсутились. Наемного убийцу подсылать или бомбардировщик на отель направлять не захотели, решили вот так попробовать. Элементарная вещь. Главное — не поддаваться. Впервые, что ли?

Внезапный, парализующий волю удар из-за угла он отразил, хотя момент для него был выбран мастерски. Настроение и так было почти на нуле — объективные обстоятельства плюс заранее наведенная «адреналиновая тоска». Враг рассчитал, что он начнет метаться в поисках выхода из безвыходной ситуации, наделает непростительных ошибок, бросит все и сбежит, либо — голову в петлю или пулю в висок. Шульгин по своей прежней специальности великолепно знал, что подвести даже сильного человека к мысли о самоубийстве не слишком сложно. Как в классическом примере из психологии — достаточно везде развесить таблички «Выхода нет!».

А что, если со стороны противника это тоже акт

отчаяния? Последняя попытка переломить ситуацию в свою пользу? Раз они не захотели ждать «естественного» развития событий, то, возможно, в ближайшее время должно случиться нечто, окончательное ломающее их планы?

Один вопрос — случиться «наяву» или...

Он поспешил к батарее телефонов, связался с Рокоссовским, с Овчаровым, состоящим при дипломатическом полпреде, с *информаторами* в аппарате премьер-министра и ЦК компартии.

Абсолютно никаких тревожащих или (вдруг!) обнадеживающих сведений. На фронтах затишье, в тылу нормально. (В пределах *здешней нормы*) В любом случае ничего такого, что оправдывало бы силовую акцию в его адрес.

Значит, причина в самом Шульгине: он уже придумал и сделал или собирается сделать нечто такое, что даст ему решающее преимущество. Знать бы только: что же именно?

Снова всплыла фраза Шекли: «Только не полируйте!»

Значит, сполитурил?

А теперь что делать, если не знаешь ничего? Или знаешь, но не можешь вспомнить?

Что бы такое придумать, неожиданное, какой очередной гамбит или «дурацкий» снос на мизере?

С балкона открывался изумительный вид на ночной город, на россыпи огней. Днем можно любоваться панорамой порта и беспокойным зимним морем.

Это ведь Барселона подразумевалась в «Хищных вещах века»? Нынешняя мало похожа на прелестный «город дураков», но все равно забавно искать соответствия. Ивану Жилину комфорта досталось побольше, и задача у него, в сравнении с Сашкиной, была пустяковая. Подумаешь, «слег»! Было с чего напрягаться при их победившем коммунизме.

Если он завтра отдаст приказ начать генеральное

наступление, встревожит это *партнеров*? Вряд ли. Смысла нет, стратегического и даже тактического.

А на сторону Франко со всей командой перебежать? То же самое. Да такое ему в голову под любым прессингом прийти не могло.

Но был же повод для внезапной, по всем меркам жестокой агрессии, не могло его не быть.

А если с другой стороны посмотреть?

Чего сейчас игроки от него наверняка не ждут? Это мы и сделаем.

Он выглянул в коридор. У выхода на лестничную площадку дежурил охранник из отряда Гришина, одетый в «моно» — обычный здесь для большинства мужчин и женщин темно-синий комбинезон на молниях. Вооружен испанского производства «маузером» на ремне-патронташе через плечо. Прямо Юл Бриннер, только шляпы не хватает.

Увидел начальника, подтянулся, отдал честь.

— Лозовой, имей в виду и передай по смене, я очень занят, до утра никого не принимаю, ни под каким видом. Уловил — никого!

— Так точно, компаньеро Алехандро, — такой был один из его псевдонимов.

Шульгин запер дверь, отключил телефоны, прошел в кабинет, уселся по-турецки на ковер.

Сосредоточиться, прогнать бранные мысли, создать в уме нужную пространственную конструкцию, сформулировать мантру...

Вместе с памятью обоих своих «дублей» к нему перешла и способность «второго» Шульгина синергично использовать возможности «основного» мозга и матрицы. В данном случае, пожалуй, даже двух матриц, необъяснимым для него образом сосуществующих в общем ментальном пространстве. Оригинал, копия и копия копий, действующие «нераздельно, но неслиянно».

Физическое тело Шестакова он тащить через астрал не собирался. Его личность — тем более. Пусть «остается на хозяйстве». Если в помещение кто-то войдет, вопреки приказу (мало ли какие возможны не-

ожиданности, посю- и потусторонние), сработает сторожевой пункт, Григорий «проснется», энное время сможет функционировать в автономном режиме за счет общей памяти, тут и *эфирное тело* Шульгина поспеет, возьмет управление на себя.

Таких манипуляций с астралом, как эта, Сашка еще не проделывал, но кое-что похожее им с Новиковым и Удолиным удавалось. Правда, тогда они уходили в Гиперсеть или в Замок, а здесь он решил попробовать свои силы в *ментальной телепортации* в пределах земного, материального мира.

Он совершенно не боялся *развоплощения* или *Ловушки Сознания*. Из обрывков теории, которыми он владел, следовало, что *тонкое тело* в *вещном мире* подвергается значительно меньшим опасностям, чем наоборот. Однако, если верить воспоминаниям, физические переходы в вымышленный (не важно кем) Замок тоже обошлись без эксцессов. Ухитрился же профессор притащить оттуда спиртное и распить его на Земле с ожидаемым результатом.

Ну, сутры-мантры, не подведите!

Ощущение, будто с закрытыми глазами вдруг очутился в кабинке свободно падающего лифта. Совсем ненадолго. И вот перед ним перспектива ярко освещенного ночного Арбата. Того самого, старого, в смысле — довоенного, мощенного брусчаткой, с отблескивающими в свете фонарей трамвайными рельсами и обычными электрическими лампочками в жестяных абажурах на столбах.

А он словно парит над ним таким эфирным облачком, медленно перемещаясь в сторону Смоленской площади.

Быстро, найти объект!

Выбирать особенно не из чего, время близко к полуночи, прохожих совсем мало. Да вот хотя бы этот!

Шульгин понял, что *внедрился*, и тут же понял, в кого. Рассмеялся внутренне. Надо же... Впрочем, чему удивляться. Знаменитая режимная трасса, по которой

дважды в сутки проносится своим кортежем на дачу и обратно в Кремль вождь и учитель, потому едва ли не каждый второй празднующийся гражданин — сексот¹, особенно ночью, ближе к часу *проезда*.

Вот он в такого и угодил. Так, пожалуй, даже лучше: лишний *реквизит* появился, «корочки» и «ТТ» в кармане пальто.

Дом, где обретался писатель Юрий, был совсем рядом, наискосок через дорогу. В первом этаже — магазин «Военная книга», просуществовавший до конца шестидесятых.

Он поднялся по чугунной лестнице с перилами в стиле модерн и до белизны вытертыми рифлеными ступенями к нужной двери, грязно-бурой от времени. Лет тридцать не красили. В отличие от всех прочих дверей площадки на ней белела кнопка лишь одного звонка и отсутствовал длинный список жильцов, как рядом, с указанием: «Папанину — тринадцать длинных, два коротких».

Позвонил, как требовалось по наскоро придуманной легенде, продолжительно и дважды.

— Кто там? — Хозяин, по счастью, оказался дома, и не мертвецки пьян. Впрочем, таковым он бывал только на людях, а дома, при наличии гомеостата, чего ради страдать?

— Откройте, милиция...

Щелкнул замок, звякнула, натягиваясь, цепочка. Шульгин показал раскрытое удостоверение.

Дверь открылась.

— Чем обязан, товарищ? — спокойно, без малейшей дрожи в голосе, спросил писатель. А чего ему бояться? *Безобразиев* последнее время не учинял, против властей не бунтует, если же они паче чаяния *ошибутся*, сумеет устранить недоразумение не хуже, чем нарком Шестаков. Может быть, даже лучше. Изящнее.

— Поговорить надо. — Сашка спрятал документ,

¹ Секретный сотрудник.

мельком взглянул на своего носителя в зеркало. Сотрудник как сотрудник. Драповое пальто, сапоги с галошами, шапка вроде кубанки, лицо, как положено, невыразительное.

— На кухню пройдем или куда?

— Можно и на кухню. Если не особенно торопитесь, пальтишко снимайте, у меня тепло.

— Спасибо, я так, — только шапку снял. Присел на табурет, побарабанил пальцами по столу, будто сообщая, с чего начать. Достал из кармана пачку «Беломора», вопросительно покосился на хозяина.

— Курите, курите, сейчас пепельницу подам...

Шульгин чиркнул спичкой.

— Так в чем ваш вопрос, товарищ... Или уже «гражданин»?

— Товарищ, товарищ! А ты меня не узнаешь, Юрий Митрофанович?

— Пойдите-ка. Что-то не припоминаю, не участковый наш новый?

— Не участковый...

— Тьфу, — в сердцах воскликнул писатель. — Ты, что ли, Александр Иванович? Опять маскируешься? Успешно, ничего не могу сказать, только блеск глаз выдал. Не к этому рылу крыльцо. Что-то у тебя случилось?

— Ничего. У меня ничего. А у тебя, я думаю, проблемы только начинаются.

Он вынул из кармана пистолет и направил его точно в лоб собеседнику.

— Понимаешь, я сейчас могу выстрелить, и никто ничего не докажет. Гомеостат не поможет, я его заберу сразу, с твоей мертвой руки. Оболочку этого несчастного опера я тоже оставляю в квартире, чтобы потом другие специалисты разбирались, как и что случилось. Устраивает?

Шульгин неторопливо взвел курок.

— Думаю, картинка получится весьма впечатляющая и на самом деле загадочная — с чего бы это уличный «топтун» забрался сюда и застрелил давно вышедшего в тираж литератора? Неужели из-за стилистиче-

ских разногласий? Одного не пойму — тебе какая с того польза? Или у нас разногласия не стилистические?

— Мне показалось, что мы прошлый раз расстались союзниками, почти друзьями, и вдруг — пистолет, угрозы... В самом деле что-то неожиданное произошло? — Писатель говорил вполне спокойно, но взгляд маленьких, спрятавшихся под щетинистыми, с сединой бровями, выдал и его, как только что Шульгина.

— Как же, непременно произошло. — Шульгин спрятал «ТТ» в карман, свою роль он сыграл. — Я много думал о том разговоре, особенно очутившись в Испании. Или ты мне не все сказал, или условия игры опять изменились. Не слишком ли быстро?

— На то и Игра. Но лучше бы ты мне доходчивее растолковал, может, вместе быстрее разберемся. Коньяку?

— Давай. Что мне, что тебе он физически не повредит. Вкус посмакуем, убойную силу *со стороны* оценим...

Писатель потянулся к кухонному шкафчику, достал бутылку «Арарата».

— По-прежнему привержен. Французские мне кажутся пустоватыми. Закусывать «пыжом» будешь?

Знал приятель Сашкины вкусы и сам, как бывший гвардеец, был не чужд. Кружок очищенного от кожуры лимона между двумя ломтиками острого сыра.

— Итак?

Шульгин начал с того, что удивлен несовпадением очерченного Юрием круга предписанных ему возможностей с тем, что выяснилось.

— О таких возможностях астральных переходов ты ничего не говорил. С Валгаллой понятно и почти привычно, а сейчас я учинил то, чего ни Сильвия, ни Антон не умели... Совершенствуюсь на глазах или *так надо*?

— Забывчив ты стал, Саша... — Юрий наверняка в моменты возлияний отключал гомеостат, чтобы зря не переводить драгоценный продукт, и его с первой (а

может, и десятой за сегодняшний вечер) рюмки заметно повело.

— Все они умели, да не все им позволялось. Напряжешь воображение — сообразишь, какие из ваших приключений с чем можно соотнести. И что при этом оставалось за кадром.

— Я и решил: не попросить, потребовать ответа: какова твоя истинная роль, в какие рамки загнали меня, где кончаются мои степени свободы, насколько я могу рассчитывать на помощь и поддержку «светлой» стороны и каким образом меня *играет* «темная»? Понятно, что разбивка по цветам совершенно условна, но мы уже так привыкли. Антон назвал себя «светлым Даймоном», так и пошло.

Пистолет — это не шутка. Мне, знаешь, последнее время в очередной *макет* человека выстрелить — раз плюнуть, и все равно, кого конкретно ты представляешь. Я готов допустить, что никого, просто валяешь дурака, пребывая «над схваткой». Рефери, а то и *заказчик* Игры как таковой.

Что мне прикажешь делать в таком тумане?

Предположим, я тебя сейчас убью в ответ на попытку убить меня весьма подлым способом. Согласен допустить, тебе от этого будет не холодно и не жарко. Ну и что? Ответный ход, пусть внешне и бессмысленный. А там — кто знает. Для чего-то существуешь ты здесь и сейчас? Если жертва будет признана несущественной или приемлемой, я сделаю следующий ход. Скажем, снова внедрюсь в Узел, и великолепно знаю, в какой, а вы — не знаете. Оттранслируй, пожалуйста, Юра, что я в некоторую ярость пришел. Примерно как в Ниневию. Суну гранату внутрь вашего компьютера, и собирайте обломки микросхем по всей Галактике...

— Ты понимаешь, чем это грозит именно тебе и всем твоим друзьям?

— Повторяю — мне наплевать. Раз вы понимаете только *сильные* ходы, вы их получите. Вдобавок я пришел к выводу, что мое существование в данном, вообще в человеческом облике не является высшей ценно-

стью, ради которой стоит жертвовать принципами. Люди спокон веку погибали в боях по куда меньшим поводам, причем далеко не все верили в возможность посмертного воздаяния. А я для себя — верю! Вот и думайте...

Похоже, слова Шульгина, а особенно вложенная в них убежденность дошли до адресата. Или — адресатов. Крутой, отчаянный блеф, в стиле послевоенной шпаны — тельняшку на себе рвануть, ножиком замахать перед лицом *фраера*, заорать: «Держите меня, пацаны, счас всех порежу», — оказывается, действует и на фигуры космического уровня. А что? В той мере, что они себя *очеловечивают*.

— Главное, не надо нервничать. Возможно, сейчас ты получишь ответ. Понравится он или нет — не знаю...

Нельзя сказать, что Шульгин на самом деле чувствовал себя так уверенно, как пытался показать. Но отступать все равно некуда. В нынешнем состоянии он и вправду был готов влезть в любую заварушку с непредсказуемым исходом. Меньше они рисковали, устраивая мотоциклетную гонку по Москве или танковый бой на Таорэре?

— Кто нервничает? Не вы ли случаем? Суетитесь, хамите. Одновременно играть в преферанс, в городки и бильярд не получится. Я представляю, какие энергии были введены, чтобы *достать* меня. Последний раз подобное случилось в Замке, когда мы были еще нормальными людьми. И то устояли, пусть на пределе возможностей. Сейчас я перенес это легче, даже, вопреки намерениям, получил дополнительные силы для пробоя сюда. Все равно так не по правилам. Если сказали, что я волен в своих действиях, зачем тут же учинять беспредел? Пришлось мне не так давно общаться с товарищем Троцким, сложный он человек, но одна мысль его мне крайне понравилась. «На каждую принципиальность нужно отвечать крайней беспринципностью». Вы этого хотите?

Писатель, отстраненно слушавший его тираду, по-

луприкрыв глаза, внезапно заговорил, перебив Шульгина. От своего имени, от чужого?

— Александр, ты пойми, как оно обстоит на самом деле. Никто не нарушает правил. Их просто нет в твоём понимании. Ботвинник или Карпов не могли набрать полную горсть фигур и швырнуть их в лицо соперников. А Остап мог. С его точки зрения это не выходило за пределы его принципов. Как раз пример игры с изменяющимися правилами. Правила якобы фиксированы, но игрок может их произвольно изменять. Даже неправильным способом, лишь бы не бестолково. Это аморально, но спасает от проигрыша, если видеть смысл именно в этом. Не проиграть! То есть — по-своему разумно. Зато было бы неразумно выпустить на доску таракана или запеть арию Радамеса из «Аиды». Ни первое, ни второе ничего не дает игроку в данном горизонте возможностей. Игрок, бьющий партнера доской по голове вместо очередного хода, начинает действовать по принципу *catch is you can*¹. Так и здесь. Все давным-давно сказано. Благами *нейтралитета* вы можете пользоваться только в «крымском» варианте. И ни шага в сторону. Вокруг — тайга, где прокурор — медведь. Привыкай или уходи. Доступно?

— Нет, — удивляясь сам себе, ответил Шульгин.

— Плохо. Бессмысленное упрямство. На этот раз никто агрессии против тебя не предпринимал. Если ты прыгнул с вышки и не смог правильно войти в воду, приложился животом, ни вода, ни вышка не виноваты. В Испании, получается, с окружающей действительностью у тебя контакт не сложился. Упругость среды другая. Проще сказать, данная реальность не хочет принимать вмешательство на твоих условиях.

— «Миллиард лет до конца света». Помню, читал. В России, значит, приняла победу белых, здесь победу республиканцев принимать не хочет. Инфразвук включила. Непреодолимая сила истории?

¹ Кто взял, тот и прав (англ.).

— Скорее всего так. Ничего удивительного. Должны же быть какие-то константы? Самолеты худо-бедно летают, а пароход с крыльями не полетит...

— С крыльями нет, а с антигравом?

— Значит, тебе придется его изобрести. Если способностей хватит.

— А иначе — убьют?

— Не обязательно. У тебя уже мелькала мысль — плюнуть на все и смотреться, пока не поздно. На Валгаллу, в Аргентину, просто домой, насовсем...

— Разумеется, мелькала, и неоднократно. Не только здесь, а и там, в Югороссии с окрестностями, но все время что-то мешало согласиться на такой вариант. В том числе и то, что настоящего дома вы нас лишили в том же восемьдесят четвертом. Ох, как мы мечтали плюнуть на все, забыть все, остаться там, где родились и привыкли жить. Вы ведь не пустили! Теперь хлебайте!

«Да вот прямо сейчас взять и уйти, — одновременно думал Шульгин. — Формула есть, а главное — желание. Почти непреодолимое. Шестаков, Овчаров, Буданцев как-нибудь выпутаются. Они — отсюда. Все необходимые условия я им создал. Справятся, нет — велика ли разница? Хочет та реальность сохранить свою идентичность — ну и пожалуйста. Нам и других хватит».

А Власьев с Зоей и детьми? Навсегда останутся на «необитаемом острове»? Или потом исхитриться, забрать их тоже в двадцатые? Старлейту, может, и понравится, а что с шестаковским семейством делать? Снова себе на шею повесить, вернее, тому Шульгину, совершенно чужую женщину? После долгих и мучительных объяснений замуж выдать? Голова кругом идет.

Конечно же, это опять его Игроки в ловушку неразрешимых антиномий загоняют. Веселятся, ставки делают, наблюдая за его «джокерным мучением». (Или — «мизерным» — сразу схватить взятку или тянуть до последнего, то ли прорвемся, то ли «паровоз».)

Один любезно предлагает достойно капитулировать, второй под руку шепчет — держись, наше дело правое...

— Значит, так дела обстоят, — протянул Шуль-

гин. — В Испании бороться за победу бессмысленно, в Москве товарищ Сталин за всю предыдущую трепотню по полной программе спросит. Домой вернусь уже не я, на Валгалле или медленно дичать, или у квангов политического убежища просить... Ах да, еще и Аргентина. Перспективки...

Он изобразил полную растерянность и подавленность.

— Наливай, что ли, стремennую¹, и будем точку ставить. У тебя случаем игральные кости нет? Бросим, и будь что будет.

Сам же с тихим злорадством подумал, что для настоящих казаков после стремennой все как раз только начинается.

— Посмотрю, кажется, где-то завалялись.

Юрий, повозившись в ящиках стола, действительно принес два желтоватых кубика с черными точками.

— Вот, баловались когда-то с друзьями, а сейчас уже и правила забыл.

— Какие там правила. Мы попросту. Каждая грань — вариант. Если рационального выхода нигде не просматривается, отдадимся на волю судьбы. Но сначала все же стремennую. А где закурганную пить придется...

Они чокнулись, синхронно поднесли к губам рюмки, и тут же Шульгин почти неуловимым движением ударил писателя левой снизу в челюсть. С расчетом на нокаут.

Тот вместе с табуретом отлетел к противоположной стене, едва не врезался головой в батарею отопления. Замер, раскинув руки.

Чисто, до десяти можно не считать.

Совершенно в соответствии с предыдущими рассуждениями коллеги: не совсем по правилам, но рационально. Канал связи с кем бы то ни было разорван про-

¹ Стремennая — чарка, которую жена наливает казаку, уходящему в поход и уже сажающемуся в седло. За ней следует закурганная, которую казаки пьют, отъехав за пределы видимости родной станицы. А дальше уже что Бог даст.

стейшим, механическим способом. Как лопатой по полевому телефонному проводу.

Сашке нужно было минут пять свободного времени, и он, помня о регенеративных способностях аггров, снял с руки Юрия браслет.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Начиная с первой встречи с гениально-сумасшедшим профессором Удолиным, сколько раз они выходили в Гиперсеть, командой и поодиночке? Шульгин попробовал посчитать — вышло, что не меньше десяти. Точнее вспомнить не получалось. Некоторые случаи относились к разряду сомнительных, то есть доподлинно неизвестно, можно ли их отнести к прорывам, осуществленным собственной волей и способностями, или же то были подобию галлюцинаций, организованных Антоном, собственно Замком, Держателями...

В свой зачет он относил четыре бесспорных похода. Сейчас, значит, пятый. Причем перед каждой попыткой «доброжелатели» настойчиво указывали на возрастающую опасность таких инициатив. Форзейль, самый дружелюбный и понятный из «нелюдей», со всей степенью убедительности говорил, что каждый их самостоятельный выход в астрал, точнее — в Гиперсеть, смертельно опасен. Куда опаснее, чем прогулка альпиниста по снежному мосту над пропастью. Неверный шаг, громкий звук — и «прощайте, скалистые горы».

Ловушки Сознания, стерегущие Гиперсеть от попытки проникновения в нее посторонних мыслеобразов (способных на равных конкурировать с «высочайше утвержденными»), всегда на боевом взводе и готовы подсунуть нарушителю правил такую псевдореальность, что не выбраться из нее никогда. Вдобавок, оказавшись там, никогда и не поймешь, что отныне существуешь в специально для тебя придуманном мире.

Тогда же Антон добавил, что, возможно, Валгалла, аггры, ее населяющие, и солидный кусок Метагалактики вместе с Землей — тоже иллюзия. Ловушка выс-

шего порядка. Поставленная даже не на них, а на самих Игроков. И еще сказал:

— Вот вам мой совет, возможно — последний, и даже не совет, категорическое пожелание — сидите, как мышшь за печкой, не мечтайте в подходящее время с решающим результатом вмешаться в кошачью драку.

Они пообещали учесть его пожелание и, конечно, не удержались. А как удержишься? Мы что, намного лучше Пандоры и жены Синей Бороды? Само собой, не хоббиты, которые ради ложно понятых «либеральных идей» массу народа утробили, чтобы «Кольцо Всевластия» в жерло вулкана бросить. Мы вот, русские, на роль названного Кольца товарища Сталина приняли, и ничего, Саурона (сиречь Гитлера и союзников его) все ж таки сокрушили, а потом и с прочими последствиями «культа личности» разобрались потихоньку, без роковых потрясений. Главное — базовое зло повергнуть, с помощью зла, разумеется, потому что добро все равно не из чего больше делать. Кто сказал? Сашка не помнил, но против самой идеи не возражал.

Ничего ощутимо плохого в результате их эскапад не происходило. Они каждый раз вроде бы увеличивали степени своей свободы. Расширили зону экспансии до 2056 года, нашли там Ростокина, устроили Форт Росс-3 в Новой Зеландии. В Советской России и Югославии тоже порядок навели. Собственному существованию придали непредставимую ранее увлекательность, сопряженную с достойным комфортом.

Одна беда — затягивающая в немыслимые бездны воронка сужалась и сужалась. Все сильнее становилась скорость ее вращения. Мальстрим какой-то. Лично он, Шульгин, сейчас переживает практически те же самые коллизии в третий раз, а может, и в четвертый. Замок, Лондон, Сильвия, роль Шестакова, нищий на доисторическом базаре, заключенный на вилле в горах, пленение Сильвии, снова замок, Антон. Пароход, Крым, одесские катакомбы. Еще раз — со Столешникова на Валгаллу. И обратно в Москву, к Шестакову.

Где он сейчас, кто он? Что будет дальше? На каж-

дую реплику реальности — свой Шульгин? Начинает становиться скучным.

И все же?

Он в очередной раз рискнул, надеясь, что его способности «кандидата» в Держатели нарастают. Это пока выглядит именно так. В астрал удивительно легко выскочил, собственной волей. Без всяких агтрианских и прочих штучек сумел внедриться в первого попавшегося прохожего. С «писателем», далеко не рядовым агентом, прикинувшимся «отошедшим от дел», а вполне включенным товарищем разобрался, хочется думать. Уже немало.

Сейчас тот лежит на полу, *отключенный*. Сашка вырубил его, чтобы спокойно уйти в астрал через состояние «О мусе дзю ни се го син» («Не пребывая ни в чем, дай уму действовать»), по формуле Удолина с собственными коррективами. Оставить его для дальнейших разборок с потерявшим память чекистом? Теоретически интересно может получиться, только он этого все равно не увидит. Никакого спортивного интереса. А если сделать иначе?

Шульгина всегда обижало, что у него нет собственного гомеостата. У Ирины и Сильвии имелись, а добытый Берестиным в Москве-66 использовался как «переходящий приз» или одна на всех походная аптечка. А вот теперь — есть!

Он не стал связывать писателя, просто отнес его в кабинет на диван, убедился, что тот в ближайшие несколько минут очухается, оборвал шнур телефона. Прикинул, во что и как спрятать обретенное сокровище, и вовремя сообразил, что ни одного предмета из этой квартиры брать с собой нельзя. Кто знает, какие за ними тянутся *ниточки*?

Устранил видимые следы своего здесь пребывания, запер входную дверь снаружи, а ключ сунул под коврик на лестничной площадке.

Дошел до ближайшего известного ему (точнее — оперу) проходного двора, завернул браслет в не слишком чистый платок чекиста и засунул в подобранный

рядом с мусорным ящиком жестяную банку от бычков в томате. Какой-никакой, а экран. После чего, ломая чужие ногти, поднял крышку канализационного люка, упрятал свой клад в щель между кирпичами колодца. Замазал липкой грязью. Сумеет дезертир-аггрианин отыскать свое сокровище — его счастье. А нет — будет у Шестакова в этом мире собственное средство продления жизни.

Вышел в Калошин переулок, через него — в Староконюшенный, уводя «тело» подальше от *закладки*. Здесь на глаза попалась вывеска круглосуточной «Закусочной» (были и тогда такие, по причине ни с какими биоритмами не сочетающейся столичной жизни). Одни люди возвращались с работы в два-три ночи, другие в то же время на работу выходили, и далеко не у всех имелись возможности успеть что-то приготовить на своих коммунальных кухнях. А тут в любом случае нечто похожее на еду получишь, макароны по-флотски или печенку по-строгановски с гречкой по цене трех трамвайных билетов, рюмку водки, кружку пива, чай с сахаром и лимоном. Хлеб — бесплатно. Что еще работяге нужно?

Вдобавок буфетчица была владельцу тела знакомая. Как иначе, если годами крутились ребята по своему участку, обязанные иметь *установочные данные* не только на каждого человека (дворников, буфетчиков, продавцов в первую очередь), но и на любую собаку, с ошейником, без ошейника — не важно.

— Что, сменился, Игнат Лукьянович? — радушно спросила полноватая женщина лет под сорок, до хлопка входной двери почти засыпавшая за своим прилавком рядом с посвистывающим дежурным самоваром. В закуской было пусто, время самое никакое — полпервого ночи, ни то ни се, вечерний клиент прошел, утреннего ждать и ждать. И ветер за окнами завывает так успокоительно.

— Сменился, Катя. Ты мне водочки сто и сосисок парочку, с капустой, если есть, или котлетку...

— Для тебя всегда все есть. Иди на свое место, сейчас подам...

Место было в углу, за ситцевой занавеской, круглый столик с доской из искусственного мрамора. Платить оперу не подразумевалось, само собой.

Шульгин уселся, расстегнул пальто, снял шапку. Пистолет на месте, удостоверение тоже, посидит-посидит Игнат за своим поздним ужином, да и пойдет домой, ничего не помня, кроме как дорогу от Арбата сюда да разговор с буфетчицей. Может, вздремнул в тепле да с устатку, и что такого?

— Катя, — крикнул он вслед, — неси двести. Не может же мне сегодня что-то, и перемерз.

Это Шульгин вспомнил Удолина. Якобы его сутры-мантры действуют исключительно при мощной алкогольной поддержке. Сейчас Шульгин собирался учинить столь глубокое проникновение, что не стоило пренебрегать ни малейшим шансом. Он видел, как лихо протащил их Константин в самый первый раз по этажам и уровням астрала, пребывая в весьма *взбодренном* состоянии.

— Понимаю, Игнат Лукьянович, ох, как я вашу работу понимаю, — тараторила буфетчица, выставляя и тарелку с горячими сосисками, и не двумя, конечно, и полный до краев стакан, и огурчик соленый. — Я здесь, худо-бедно, в тепле сижу, едоки то есть, то нет, а вам — мороз, пурга или дождь там — все одно, ходи, ходи... Отдохните, со всем удовольствием. Можно и до утра, трамваи, смотрю, закончились.

Часы над стойкой действительно показывали, что с трамваями — все.

— Спасибо, Катя. Я поем, потом разговаривать будем...

Сашка залпом выпил стакан — для себя, съел сосиски — для Игната, точнее, для поддержания легенды.

Что хорошо — память его, и без того от рождения великолепная, за последние дни превратилась в абсолютную. Это было очень кстати. Игроки и вообще всякие «силы» могут руководствоваться какими угодно

собственными планами, строить прогнозы поведения подконтрольных объектов на базе математических или мистических моделей, но есть область *высшего знания*, им неподконтрольная по определению. Она сама себе и Гиперсеть, и система.

В кармане чекиста нашлись три пятнадцатикопеечных монетки (пятиалтынных), их все здесь при себе имеют, чтобы по телефону-автомату позвонить. Ими он и исполнил шесть бросков на покрытый липкой клеенкой стол, загадав: «Что сулит мне проникновение в Сеть?» Два раза по три выпало одинаково — две сильных черты внизу, слабая вверху. Гексаграмма пятьдесят восьмая, «Дуй», по-русски — «Радость». Ну-ка, что под этим подразумевает учитель Конфуций?

Мысленно пролистал старый, с засаленными углами страниц том. Вот он, нужный текст.

Сколько ни обращались Шульгин и Новиков к «Книге перемен» с ранних студенческих лет, когда философствующий Андрей сам подсел на древнюю мудрость и вовлек в это дело Сашку, всегда поражались. Хоть все-раз к этому относись, хоть как к интеллектуальной забаве — Книга отвечала именно на заданный вопрос. Никогда иначе.

Сейчас спросил — пожалуйста!

«Если проникновение приводит к достижению известной цели, то в достижении цели человек находит большое удовлетворение. Это удовлетворение приводит его к переживанию радости. С одной стороны, в радости достигается выражение самодовольства, с другой стороны, в радости легко может наступить рассеяние.

«В начале девятка.

Радость от согласия.

Счастье!

Девятка вторая.

Радость — от правды.

Счастье! Раскаяние исчезнет.

Шестерка третья.

Радость — от прихода.

Несчастье!

Девятка четвертая.

Радость от договоренности. Но еще нет равенства.

Если же стороны поспешат, то будет веселье.

Девятка пятая.

Если оправдаешь разорителей, то будет ужасно!

Наверху шестерка.

Влекущая радость!»

Толковать можно как угодно, особенно третью и пятую позицию. Но в целом итог предприятия должен оказаться положительным.

Он сгреб монетки, вернул на место.

Убедился, что буфетчица занялась своими делами, в ближайшие минуты не потревожит, ощутил, как водка начала свое мистическое дело, преодолевая гематоэнцефалический барьер, и начал погружение.

Всяко бывало: пробкой выскакивали в межгалактическое пространство, плавно входили в путаницу цветных туманностей, струн и псевдотоннелей. Ростокин с их подачи вообще очутился в жутко реалистическом пространстве выдуманного им самим тринадцатого века. Сашка повидал такое, что без крайней необходимости и вспоминать не хочется. У друзей наверняка бывали подобные же моменты. Не зря лучший друг Андрей по поводу некоторых своих «видений» предпочитал ограничиваться самыми общими описаниями и рассуждениями.

Шульгин как-то, самый, пожалуй, первый раз¹, спросил у друга об этом и, не получив удовлетворительного ответа, сказал с легкой издевкой: «Что, тот самый «слег», как у Стругацких, когда никто не желает признаваться, что там видел и делал?»

Новиков ответил удивительно спокойно: «Ты знаешь, почти да. Ты тоже не говорил и сейчас, уверен,

¹ См. «Вихри Валгаллы».

не станешь рассказывать даже мне, что именно, в деталях и конкретно, происходило у тебя по первому разу с Наташей Ч., Наташей И. и прочими. Есть, товарищ психиатр, некоторые моментики, что и наедине с собой не хочется вспоминать. Ты мне «Хищные вещи...», я тебе «Солярис», и успокоимся на этом».

Известно было также, что астрал если принимал *посетителя*, то создавал для него ту картинку *портала*, которую считал нужной в данный момент. Или, как предполагал Удолин, предлагал ее сформировать самому, исходя из текущего состояния сознания и подсознания. По аналогии с обычным сном. Он ведь зависит если не от тебя напрямую, то от твоих тайных мыслей, настроений, дневных забот, начинающихся болезней, прочих привходящих обстоятельств.

Так и сейчас.

Не в межгалактическом пространстве он оказался, не внутри непредставимо гигантского компьютера (хоть электронного, хоть биологического), даже не в знакомых помещениях Замка, который тоже был неким входным терминалом одного из связанных с земной жизнью Узлов, а в том месте и в тот момент, о котором давненько не вспоминал. Хватало текущих забот.

Получается, именно этот очажок тлел на дне его подсознания, как окруженная лейкоцитарной капсулой, но никуда не девшаяся заноза.

Освещенная сумрачным светом дождливого и туманного дня кают-компания яхты «Призрак», вначале придуманной ими, Новиковым, Левашовым и самим Сашкой, в незабвенные шестидесятые годы. Когда даже вообразить нельзя было, чтобы граждане Страны Советов стали владельцами океанской яхты и беспрепятственно болтались на ней по морям и океанам, совершенно не имея в виду текущих обстоятельств, экономических и политических.

Потом тем не менее она стала реальностью. В ок-

тябре двадцать первого года, когда почти все намеченное было сделано, они решили с Андреем и своими девушками уйти в дальнейшее плавание, предоставив прочим «братьям» разбираться с Югороссией, а главное — с тем тупиком, в который они сами себя загнали.

Тупик, может быть, слишком сильно сказано, но в их с Новиковым понимании идея себя изжила. Да и намек поступил весьма недвусмысленный, с двух сторон сразу, что лучше бы им (именно Сашке с Андреем) на долгий срок избавить цивилизованный мир от своего присутствия. Ставшего, очевидно, слишком назойливым.

Подготовили они яхту к походу, распрощались с друзьями, согласовали важные и не очень моменты, и вдруг в последний момент Шульгин почувствовал, что уйти не может. Не должен. Слишком интересная и непонятная интрига начала раскручиваться в Севастополе, в Москве, в Берлине.

«Так прощались с самой серебристой, самую заветною мечтой флибустьеры и авантюристы, по крови горячей и густой»?

Таким же образом, как недавно в квартире Лихарева, Сашка решил «уйти, чтобы остаться». Так и сделал. Случилось после этого решительного шага много интересного¹, а итог каков? После всех приключений и коловращений жизни он опять оказался здесь, на яхте, в точке принятия очередного судьбоносного решения.

Значит, что? Весь гигантский круг через века, реальности и страны — коту под хвост? Астрал в ответ на его отчаянный бросок отшвырнул его туда, где он совершил главную ошибку?

Все вокруг точно так, как было тогда.

Слегка заваленные внутрь, обшитые светлым деревом борта, бронзовая отделка иллюминаторов, панорамное, с частыми переплетами окно, выходящее на кормовой балкон, старинные лампы в карданных под-

¹ См. «Время игры».

весах под подолоком. Имитация адмиральского салона на парусном фрегате XIX века.

О несколько большей современности судна говорили пятирусная стойка бара, заполненная бутылками с самыми изысканными и экзотическими напитками, кожаная мебель, комбинированный музыкальный центр с клавиатурой электрооргана, книжные стеллажи и молекулярные копии любимых картин.

Сквозь толстые стекла иллюминаторов, покрытые извилистыми дождевыми струйками, на стойку падал унылый сероватый свет. Через кормовое окно не видно ничего, кроме тумана.

Шульгин посмотрел на себя в зеркало. Действительно он, собственной персоной, молодой и бравый, в новом, необношенном флотском светло-синем кителе с эмблемой «Призрака» на левом рукаве.

Только ситуация подается в зеркальном отражении. Тот раз было ровно наоборот. Не он здесь сидел — Андрей, а сам Сашка появился уже потом. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Он боком присел на вертящийся, привинченный к палубе табурет, на соседний бросил красиво обмятую фуражку с широким, окованным по краю медью козырьком. Не глядя протянул руку, взял первую попавшуюся бутылку, до которой достал. Наудачу.

Опять совпало! Джин «Бифитер», которым в набросках юношеского романа Новикова они отмечали начало кругосветного плаванья. (Жуткая, по тем временам, экзотика, известная лишь по книгам и рекламам в редко попадавших в руки иностранных журналах.)

Его же они пили здесь с Андреем.

Теперь, по логике сюжета, должны скрипнуть неприработавшиеся петли двери за спиной и появиться Новиков в мокром плаще. И завязаться та самая, историческая беседа, в которой, пожалуй, он мог бы согласиться с доводами друга и все же отправиться в дальний поход на другую сторону шарика.

Подождал минуту, другую — ничего и никого.

В одиночку сделал основательный глоток из тяжелого, как артиллерийская гильза, «штормового» стакана.

Может быть, через некоторое время друг найдет способ возникнуть здесь? Без него сцена никак не тянет на достоверность. А как бы хорошо было! Андрей пришел, они вместе признали право Игроков забавляться в меру сил и возможностей, а те возвращают Сашке зря потерянное время, молодость, яркость чувств и сильно помятый об углы жизни оптимизм, друга, женщину, «и полные трюмы, и влажные сети, и шелест сухих парусов. И ласковый, теплый, целующий ветер далеких прибрежных лесов».

Может быть, это форма и формула капитуляции? Если так — он согласен. Снимается масса парадоксов. Всем становится легко и весело. Правда, непонятно, куда девать собственную память и массу документальных свидетельств, что они все жили и после нынешнего момента. Каждый по-разному, но ведь жили же...

Тут возникает вопрос, собственный или опять наведенный: «А если действительно все стереть прямо с этого момента, взамен сейчас в салон войдет Новиков, с ним Ирина и Аня — согласен? Обрадуетесь, обнимитесь после долгой разлуки — и вперед?!»

«Вот так нас, дураков, и ловят, — подумал Шульгин, глядя на свое отражение в зеркале над стойкой. — Какая разлука? Мы же все виделись, с кем вчера ночью, с кем — сегодняшним утром. Они настоящие со мной — тамошним. Но даже если предположить... Приобретая душевный покой и океанский круиз, что я отдам взамен? Четыре года жизни, всего лишь. Тома три написанных Андреем романов испарятся. Исчезнут из ноосферы Ростокин, реальность 2056-го, наши разборки с англичанами, веселые дела двадцать четвертого, да много чего еще... В том числе главное — осознание того, что действительно получил очередную порцию счастья взамен... Если удалось не попасть под колеса машины, которую ты даже не заметил, разве возможно радоваться этому везению? Вот если бы рядом выставить две картинки — твоих собственных похорон и

праздничного вечера, на который ты спешил и успел, — тогда да, тогда бы оценил...»

Значит, опять кому-то это надо! Чтобы забылось и исчезло.

И все равно соблазн был почти непреодолим.

«Ну, забудешь и забудешь. Это же только лучше. Для всех. Были ошибки, так сотрем их, и — с чистого листа. Разве плохо вернуться, скажем, в удивительно ясное, тихое, прозрачное и солнечное утро шестьдесят седьмого года, когда ты сошел в семь утра с электрички в Ессентуках и не спеша, покуривая первую сигарету, шагал вниз по улице Интернациональной к курортной поликлинике, где проходил преддипломную практику? Ты же сам, тогда еще, говорил себе, что нужно навсегда запомнить этот миг. Лучше его вряд ли будет...»

Услужливая память немедленно сделала ту подернутую патиной времени картинку сочной и яркой.

Влажный после короткого ночного дождичка тротуар. Сплошь одноэтажные и двухэтажные дома прошлого века справа, железная ограда курортного парка — слева. Умилявшая его вывеска последнего в преддверии близкого коммунизма¹ частника. Рядом с крыльцом под железным навесом синей краской по фанере: «Портной Комаров. Пошив, лицовка, ремонт». Смешно было такое видеть. Представлялся ему, молодому московскому парню, воспитанному на романах Стругацких о светлом Полдне, этот Комаров таким плешивым старичком в сломанных очках, уныло втыкающим иголку в чужую заношенную ткань.

Сам он, подтянутый и бравый, идет пружинистой походкой, насвистывая нечто вроде: «Не гляди назад, не гляди...» Впереди — чашка кофе с булочкой в угловой кафешке, шесть часов необременительной работы с пациентами, потом — предполагаемая поездка в Железноводск с красавицей-докторшей, руководительни-

¹ Наступление коммунизма было официально объявлено с трибуны XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.) на 1980 год.

цей практики, почему-то одинокой в свои двадцать семь. И все вытекающее...

Так, может, сразу туда отскочить? Никаких препятствий. И остаться именно там навсегда?

Шульгин одним глотком осушил стакан. Еще раз оглянулся. Теперь — чтобы посмотреть, не скрывается ли за высокими спинками кресел у обеденного стола некто похожий на Мефистофеля.

Вроде нет.

Но искушение поддаться навязываемым мыслям и решениям сильно, сильно! Пусть он не святой Антоний, но занимаются им плотно. Практически неверующий Сашка, благо никто не смотрит, старательно перекрестился, вспомнив, что надо справа налево.

Тот раз Андрей сказал:

— Не думаешь ли ты, что как раз Держателям захотелось нас с тобой разлучить? В каких-то собственных целях. Не зря же идея (не ходить в плавание, а остаться в Севастополе) возникла у тебя только что?

— Нет, — ответил ему Шульгин. — Ни на твое, ни на мое мышление они напрямую воздействовать не могут. Отчего и изобретают всякие окольные ходы. Что-бы принудить нас к тем или иным «добровольным» поступкам... Если бы умели — все наши приключения не имеют смысла.

— Для нас не имеют, — возразил Новиков. — Для них, кажется, какой-то имеют.

Задумался на минутку, глядя на пепел, образующийся на конце сигары, и спросил:

— Саш, ты уверен, что никто посторонний последние дни на яхте не появлялся?

Вопрос показался Шульгину странным.

— Посторонний — в каком смысле? Воронцов — посторонний?

— Нет. Он, наверное, нет... Другие... Да не так это в принципе важно. Книги на борт ты возил?

— Как раз книги — только я. И оружие...

Сашка подскочил с табурета. Он отлично помнил тогдашний ход мысли и поступок Новикова.

Подошел к шкафу и с трудом вытащил с одной из полок толстую книгу в потертом зеленом переплете с золотым тиснением на корешке. «Конфуций. Уроки мудрости».

Отчетливо вспомнил момент четырехлетней (по отдельному счету) давности. Как он бросал на стол золотые гадательные монеты и что выпало. Повторить? Пожалуйста. Шесть бросков. Не могли, ну не могли даже всесильные Держатели Мира предвидеть такой ход, тем более прямо сейчас переворачивать червонцы в полете. По ранее обсужденной причине.

Выпала третья гексаграмма. «Чжунь». «Начальная трудность».

Благоприятно пребывание в стойкости.

В трудности, в нерешительности четверка коней тянет в разные стороны.

Благородный человек предвигает события, не лучше ли оставить начатое дело, его продолжение приведет к сожалению.

В гальнейшем счастье! Ничего неблагоприятного.

В малом стойкость к счастью, в великом — к несчастью.

Слезы до крови — льются сплошным потоком.

Совершенно верно, прошлый раз была она же. А итог? Оставить начатое дело, сохранить стойкость в малом, обойтись без слез и крови?

Так мы и поступим. Вряд ли старик Конфуций тоже стал работать на Игроков. Пожалуй, он настолько древен, вечен и мудр, что может себе позволить остаться самим собой. А очень нужно будет — постараемся найти и его для личной консультации. Пока достаточно книги. Загадаем еще раз.

«Чем закончится для меня нынешнее проникновение?»

Выпала двадцать четвертая. «Фу», «Возврат».

В начале девятка.

Возвращение неиздалека.

*Дело не будет доведено до раскаяния.
Изначальное счастье.
Шестерка вторая.
Прекрасное возвращение.
Счастье!
Шестерка третья.
Постепенное возвращение.
Опасность, но хулы не будет!
Шестерка четвертая.
В верных поступках
Одинокое возвращение.
Шестерка пятая.
Полноценное возвращение.
Не будет раскаяния.
Наверху шестерка.
Заблуждающееся возвращение.
Несчастье. Будут стихийные бедствия и беды.
Если применить действие войском,
То в конце концов будет великое поражение.
Для государя такой страны — несчастье.
До десяти лет поход не будет возможен.*

Вот вам и пожалуйста, понимайте, как хотите. Но, главное, возвращение все же обещано, правда, вариантов многовато. Что ж, остается как-то избежать «заблуждающегося возвращения». Знать бы еще, что это такое. Сам мудрец достаточно туманно комментирует гексаграмму в том смысле, что бедствия проистекут не вследствие естественного хода развития мира, а собственной деятельности подразумеваемой личности. Воздействие моральных качеств на процессы природы...

Не так уж глупо, между прочим. Разве не о том же они с Новиковым размышляли? Единственный вопрос — какие именно моральные качества будут сочтены приемлемыми «природой»?

Скорее только те, которые имеются в наличии. Умным прикинуться можно, порядочным — не в пример труднее, скорее всего вообще невозможно в течение сколь-нибудь значительного отрезка времени.

Сашка поставил книгу на место. Пошел к кормовому балкону, по пути думая, что в море, с теплой компанией друзей и подруг, на ближайшие полгода ничем не озабоченной, здесь было бы куда веселее.

Он отчетливо понимал, если бы так вдруг случилось — вспыхнули бра и люстра под подволоком, увидел бы Новикова с бокалом виски, в котором позванивают о стенки кубики льда, смутно улыбающегося, изрекающего истины и парадоксы в духе лорда Генри, Аню, полулежащую на диване, музицирующую за электроорганом Ирини, — Шульгин с ходу бы согласился забыть все и от всего отречься. Черт с вами, пусть так и будет! Как в рассказе «Поезд в ад». Нет, ну чего еще желать?

Эта идиллическая картина вызвала у него готовность к капитуляции быстрее и проще, чем почти непереносимый для психики волновой удар.

Увы, принята она не была.

Все оставалось, как было, за одним исключением. Ни пирса, к которому был пришвартован «Призрак», ни портовых кранов, ни огней города вдаль он не увидел.

Бескрайняя пустая гладь моря или океана, момен-тами освещаемая половинкой луны, которую то и дело закрывали рваные летящие тучи. И ничего больше.

Сашка со вкусом выматерился, опершись ладонью о ручку двери.

Что ж, господа, вы упустили свой шанс! А я ведь почти уже сдался. Секунда-другая в том же направлении — и все!

Значит, они тут ни при чем, или...

Ну, раз нет, так нет. Наваждение прошло. Он вернулся к самодостаточной данности. Как так вышло, что он не слышал ни звука заработавших турбин, ни положенных при отходе сигналов, ни топота ног команды по верхней палубе, ничего?

Опять гиперперенос, как случилось с яхтой и ее экипажем прошлый раз?

Шульгин передернул плечами и направился к трапу, готовясь к чему угодно.

«Чего угодно» не случилось. Пустая палуба, пустая рубка. Подсвеченный лампочкой нактоуза компас указывает курс на чистый зюйд. Слегка ходит, на полрумба вправо-влево, деревянное колесо штурвала, как и должно быть, если не держит его рулевой, а яхта под правильно выставленными парусами движется в крутой бейдевинд.

Паруса стояли все, включая стаксели, топсели и трисели. Значит, до первого шквала. Зазеваешься — яхта либо ляжет на борт, либо в лучшем случае останется без стеньг, а то и мачты повалятся. Слишком уж прочны дакроновые полотнища и нейлоновые тросы. Известное дело.

Кто же их поставил?

Из чистого интереса Сашка прошел на бак до самого бушприта, убедился, что нет на борту ни души, человеческой или биороботской. Один, значит.

Форштевень рассекал гладкую, едва гофрированную водную поверхность бесшумно, не образуя буруна, но скорость при этом для парусника была приличная, узлов десять, никак не меньше.

«И куда же это меня везут? — отстраненно подумал Шульгин. — Если тот раз мы стояли в Севастополе, сейчас, значит, идем к Босфору. А точнее?»

Определяться по звездам он не умел — на штурмана не учился. Компьютер тоже не помощник, в двадцать первом году до спутниковой навигации додуматься не успели. Если он, конечно, находится именно там, а может и в любом другом году до и после Рождества Христова. Или вообще нигде.

Идеальное решение для врагов, если они на самом деле возжелали от него избавиться ненасильственным способом. Вполне в их «гуманном» стиле: сам выбрал комфортабельную плавучую тюрьму, и болтайся по волнам до скончания света, а точнее — срока автономности. У «Призрака» таковой составляет чуть больше месяца при полном экипаже, по питьевой воде и продовольствию. В одиночку можно протянуть месяца че-

тыре-пять. Если наладить опреснитель и снабжение дарами моря — год, два, возможно и больше...

«Летучий Голландец», короче. При условии, что за это время ни до какого берега не доберется, что совсем не исключено. Заставят крутить циркуляцию посреди Тихого или Индийского — и привет!

Не мытьем, так катаньем.

Сашка решил проверить степень дозволенного. В ходовой рубке сел в капитанское кресло, пробежал глазами по приборной доске. Похоже, все системы работают. Нажал кнопку запуска двигателей, двинул от себя ручки дроссельных заслонок. Застучали движки, зафыркали, схватили, через минуту заработали в нормальном режиме.

Еще чуть газу. Лаг указал, что скорости прибавилось, на узел, два, три...

Он и сам это чувствовал. Больше нельзя, при полной парусности.

Большой деревянный штурвал за спиной больше для антуража, если действительно хочется ощутить себя марсофлотом¹ клиперной эпохи. Для управления под турбинами имеются манипуляторы. Он двинул правый, слегка, чтобы не поставить «Призрак» в галфвинд, что без перекладки парусов было чревато...

Яхта послушалась. Смешно, господа. А может, *господа* тут совсем ни при чем, это собственное воображение и в океан вывело, и всем прочим управляет? Человек во сне, да и просто в мечтах отнюдь не занимается пошаговым раскладом своих фантазий. Хочу плыть — плыву, лететь — лечу, а расчет тяговых усилий или подъемной силы — не для этого случая.

«Хорошо, — подумал Сашка, — сейчас еще одну штучку проверим, в соответствии с «Суммой технологий», и отправимся отдыхать по той же программе».

Они с Андреем в далеком одиннадцатом классе настолько проработали и изучили все тогда доступные

¹ Марсофлот — уважительное наименование опытного моряка парусной эпохи.

книги по мореходному делу, что, когда в Хабаровском крае Шульгин выходил на Амур с местными мужиками, они поражались способностям и познаниям молодого московского «доктора», то есть простого врача районной «Скорой помощи». Район, правда, был больше Франции, Голландии и Бельгии, вместе взятых.

Сейчас он восстановил в памяти схему управления парусами «Призрака». Имелась здесь автоматика, позволявшая Новикову даже без помощи роботов легко перемещаться по двум смежным океанам. Теперь мы пробуем.

Получилось: заработали сервомоторы, наматывающие на барабаны шкоты и брассы, пошли вниз марсель, грот и бизань, за ними вспомогательные паруса. Он оставил только кливера, чтобы помогали подруливать и держать курс. Еще чуть добавил оборотов на турбины. Стрелка лага двинулась к восемнадцати узлам. Если до упора — можно и за тридцать выйти, только зачем?

Стоит спешить, если не знаешь, куда плывешь? Яхта пока что слушается, ну и хватит. Не для этого он здесь.

Знать бы, для чего.

Лучше оставить все, как есть, задать автопилоту курс и спуститься в свою каюту, где он собирался жить долго и счастливо, совершая круиз по джеклондоновским местам, а потом, может быть, и полную кругосветку.

Там или сам сообразит, как быть дальше, или доброжелатели подскажут. Настрой — это главное.

Гиперсеть это тоже поняла, если признавать за ней подобную способность. Не дала она Сашке насладиться уютом тщательно оборудованной каюты, где сотня самых любимых книжек на прикроватной полке, несколько фотографий в ореховых рамочках на переборке и маленький личный бар, чтобы не шлепать босиком по коридору до кают-компания, если уж очень захочется «утлупить» свое настроение.

Он собирался передохнуть от избытка впечатлений, кое-что вспомнить, а потом вернуться в рубку и пообщаться с большим компьютером, который умел

очень многое, если верить словам Новикова и Росткина. В него заложены специализированные программы для наладки и перепрофилирования роботов, но можно их использовать совершенно неожиданным для соперников способом...

Сбросил китель, вытянулся вдоль койки, размял сигарету, включил вытяжную вентиляцию, закурил, упершись взглядом в голографическую копию «Оперного проезда в Париже», трехмерную, слегка подсвеченную изнутри тем самым сероватым, дождливым светом. Выглядела она скорее окном, из которого писалась картина, чем репродукцией. Чуть прищурить глаза, отпустить воображение — и поедут фиакры, задвигаются спешившие куда-то на исходе прошлого века люди.

И тут же его, без всякого предупреждения, снова выбросило. Совершенно как из тела Шестакова на утреннем метельном шоссе. Наверное, свою функцию *здесь* он исчерпал — или сдал очередной тест. К добру или нет — непонятно.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Он ощутил себя находящимся в подобии колодца или, пожалуй, башенной шахты затонувшего линкора. В детстве читал воспоминания водолаза, участвовавшего в подъеме затонувшей на севастопольском рейде «Императрицы Марии». Когда в корпус подали воздух и корабль всплыл вверх килем, такая вот картинка и открылась: из оказавшегося наверху междудонного пространства вниз уходил казавшийся бесконечным тоннель, по стенкам оплетенный трубами, кабелями, погнутыми рельсами подающих механизмов, а на самом дне — голубая линза отжатой давлением воды, в кольце, где раньше размещалась сорвавшаяся со своего погона башня. Сквозь воду проходил отраженный от песчаного грунта солнечный свет. Там это было описано очень красиво и впечатляюще, самому хотелось стать водолазом.

Сейчас же он чувствовал совсем другое: бессмыс-

ленность, полную невозможность разобраться в хаосе деформированного металла, перекрученных и разорванных трубопроводов, ферм подающих механизмов, свисающих повсюду пучков разноцветных кабелей. Сожаление и тоску при виде того, во что за доли секунды взрывы превратили совершенное творение человеческой мысли, каким был мощный линейный корабль. Страх, что может остаться здесь навсегда, вместе с выбеленными морской солью скелетами матросов и офицеров, так и лежащих на своих боевых постах с рокового для Черноморского флота дня шестого октября шестнадцатого года.

Глубоко, значит, застряла эта сцена в памяти, раз сейчас, при вхождении в Узел, именно она спроецировалась на не имеющие земных аналогов структуры Сети. Но ведь не просто же так Сашка увидел то, о чем не вспоминал десятилетия. Какое-то соответствие между сутью и формой наваждения непременно должно просматриваться. Намек на скорую гибель привычного мироустройства, на невозможность найти выход из страшной стальной гробницы?

Не прошло и нескольких секунд, как видение (или воспоминание) со столь конкретной привязкой сменилось совсем другим: бирюзовая голубизна обратилась отвратительной желтизной, плавное скольжение вниз, к свету, перешло в нудный подъем, сопровождаемый скрипом и лязганьем древнего лифта, ползущего между этажами.

Добираясь из последних сил до очередной площадки, он приостанавливался, будто раздумывая, стать окончательно или еще немного поработать. Тогда можно было увидеть звездообразно, подобно лучам, расходящиеся коридоры, тоже загромажденные бог знает чем, настолько унылые, тоскливые на вид, что тюремные могли бы показаться шедеврами пафосного дизайнера.

Шульгин не ощущал своего тела и вообще физического здесь присутствия, но изогнутую ручку на внутренней двери кабины видел, догадываясь, что повер-

нуть ее и выйти на любой остановке полностью в его силах. Но совершенно не хотелось. Что он станет делать здесь, лишенный сил и воли? Однако, якобы их лишенный, он в то же время отчетливо ощущал себя чем-то вроде змеи или, точнее, рака, только что сбросившего свой ставший тесным панцирь и вынужденного ждать в укромном месте, когда нарастет новый. Тогда появятся новые силы, новый импульс к бытию, в котором он сможет перекусить пополам удвоившейся в размерах, вновь ставшей закаленной и грозной клешней того, кто сейчас способен раздавить его мягкое тельце одним пальцем.

Пока Шульгин раздумывал, неизвестно откуда в кабине лифта появилась грустная желтая корова. На вид добрая, но худая и очень голодная. Угостить ее было совершенно нечем. Хорошо, что не лев и даже не собака динго. Желтый цвет играл здесь какую-то специальную роль. Он потеснился, вжимаясь в угол. Корова посмотрела на него с сожалением и отвернулась.

На следующем этаже в кабину через остекленное с потолка до пола окно площадки хлынул ослепительный желто-оранжевый свет заходящего над пирамидами Гизы солнца. Он прикрыл глаза ладонью.

Еще уровень — корова исчезла. Пронзительный свет померк, но навалилась жуткая слабость. Ноги подгибались, хотелось сесть на пол и заплакать, размазывая по щекам слезы. Сама мысль о том, что придется что-то еще делать, с кем-то разговаривать, куда-то идти, вгоняла в отчаяние. Нет-нет, свернуться в незаметный клубок, накрыть лицо хвостом и затихнуть. Лучше всего — навсегда.

Лязг, звон, поскрипывание тросов, щелчки рычагов на стыках направляющих тянулись буквальным образом бесконечно. Он забыл, когда это началось, и не представлял, сколько еще продлится. Может быть, это лифт Замка? Тот самый, который возил их с Андреем, куда сам хотел. Не только по вертикали, но и по горизонтали, в самые глухие и отдаленные коридоры и башни, куда пешком не дойти и обратно не выйти.

Как хорошо действительно оказаться в Замке. Там он знает, что нужно делать!

Одна эта мысль вызвала резкий вброс в кровь адреналина и эндорфинов. Словно три таблетки фенамина разжевал натошак. Готов прямо сейчас вырвать дверную ручку вместе с замком, выпрыгнуть из кабины, метнуться туда, где наверняка спрятан пульт управления всем этим безобразием. Ударить кулаком дежурного, сорвать страховочные пломбы, вывернуть их всех наизнанку... Всех? Кого именно? — мелькнула трезвая мысль, не из этого сюжета.

Лифт пошел быстрее, но мягче, магнитная тяга, наверное, никак не тросы и цепи. Кабина изнутри оставалась той же, но за ее пределами сверкали коридоры и залы в стиле «хай-тек»: стекло, белый металл, лампы на гнувшихся, как ветки ивы, стойках. Только все помещения буквально кишели десятками грациозно перемещающихся снежных барсов, леопардов и пантер, пятнистых и черных. Моментами в их веселое кружение вторгались пантеры другого вида, «Т-V», маленькие, пропорцией один к десяти, очень подвижные на гладком полу¹. Они гремели гусеницами, дымили выхлопными газами и бессмысленно вертели башнями.

Нет, это совершенно точно не Замок или не те горизонты и уровни, в которых полагается существовать нормальным людям. Сюда Шульгину выходить не хотелось.

Немного просветлело в мозгах и снова захотелось добраться до управляющего узла, зрительно похожего на нечеловеческий компьютерный терминал в кабинете Антона. Шульгин представил его как можно более отчетливо, во всех деталях и подробностях, заготовил нужные вопросы, припомнил формулу, которой прошлый раз открыл базу данных, только не успел воспользоваться как следует...

¹ «Т-V», немецкий танк «Пантера», отличавшийся высокими боевыми качествами, но очень плохой проходимостью по бездорожью.

— Нельзя, — прозвучал внутри головы медный, отливающий начищенной асидолом желтизной голос, — менять выражение лица, ничем себя не проявив. Такое выступление приведет только к несчастью. Лучше останься, чем ты есть, и работай над подлинным изменением своего качества. Ты понял?

Ничего он не понял. Слишком невыносим был заполнивший все его существо вибрирующий медный гул. Как если бы человека заставили припасть ухом к большому церковному колоколу во время благовеста...

Когда вибрация и боль достигли пресловутого «мозга костей», все кончилось разом. Дверь лифта превратилась в простую белую занавеску, он отодвинул ее и оказался в декорациях кабинета физиотерапии курортной клиники, той самой, где проходил преддипломную практику. Кабинки с кушетками, распределительные щиты, древние аппараты УВЧ, электрофореза, Дарсонваля. До сих пор не выветрившийся запах медикаментов и озона.

Можно догадаться, отчего всплыло еще и это воспоминание. Прежде всего, он старался вообразить компьютерный пульт? Получилось вот такое искажение. Как в песне Пугачевой про мага-недоучку. Вдобавок он совсем недавно вспомнил путь к этой клинике по утреннему городу. Зацепка, значит. И руководительницу практики, заведующую отделением Ларису Петровну вспомнил, с которой собирался ехать гулять в Железноводск. (Везло ему в жизни на Ларис, как в свое время Новикову на Людмил.) В Ессентуках она с ним в нерабочее время не общалась, во избежание разговоров. Он уедет, а ей здесь жить и замуж выходить. К чему разговоры?

В этом кабинете, на той вон кушетке она его, выражаясь изящным слогом, «совратила», что, разумеется, было нетрудно. Зачем он понадобился красавице-докторше, на пять лет его старше, Сашка тогда так и не понял, но до сих пор был ей благодарен за великолепный месяц. Потом он уехал, и никогда они больше

не встречались, даже ни одной открыткой не обменялись. С глаз долой — из сердца вон.

Он бы не удивился, если бы сейчас вошла Лариса, такая, как он ее запомнил. Тогда за окнами стояла удушающая июльская жара, несмотря на поздний вечер. В клинике не осталось ни пациентов, ни персонала, кроме дежурной медсестры в приемном отделении. Ему не захотелось тащиться в гостиницу, в четырехместный номер, проще было переночевать прямо здесь, спокойно поработать над отчетом о практике. Тут к нему и заглянула руководительница, одетая в докторский халат, под которым не было совсем ничего. Из-за жары, конечно. Остальное понятно.

Но как на «Призраке» не появился Новиков, так сейчас осталась неподвижной занавеска. «Не входит в ассортимент», — как сказал бы его отец, бывший одно время, после демобилизации из армии, завскладом.

Нет так нет, хотя в памяти его первая «любовница», а не обычная «подружка» осталась женщиной крайне привлекательной. Жаль, что своей фотографии она ему на прощание не подарила. По той же самой причине.

Шульгин присел к столу у окна.

Нужно отметить, одет он был сейчас в тот самый гэдэровский бежевый костюм, что носил тогда, в кармане нашлась пачка «Шипки» и коробка спичек. Курить в кабинете вообще-то было нельзя, но если в открытое окно...

За этим самым окном светились огни парка и доносились звуки духового оркестра.

Место, чтобы поразмыслить, было удобное. В Узел он наверняка попал, иначе откуда все? Только уж больно странным образом. Наверное, прав был Юрий, сейчас *играют* его, гоняют, как крысу по лабиринту, не позволяя приблизиться к тому, ради чего он сюда прорывался. Похоже, все-таки сработала одна из Ловушек. Слабенькая, судя по всему, не на того зверя настроенная. И попали они в патовое положение. Он не в силах пробиться сквозь ее уровни защиты, она

пока не в силах завернуть его в кокон окончательной псевдореальности. И что теперь?

Может, попробовать сбежать обратно через тело опера в Шестакова или на Валгаллу, а то и прямо домой? Как сказано было — раз и навсегда. Ну нет, это успеется. Есть у нас в запасе еще кое-какие финты. Вот один из них.

Насвистывая, он заспешил вниз по лестнице. Сейчас спросит у сестрички, не появлялась ли здесь случайно его руководительница, и если нет, то попрощается и выйдет на улицу. Неужто там и вправду тот самый год?

Вместо тихого переулочка, перпендикулярного улице Интернациональной, он шагнул в черный провал. Слава богу, не в столь неприятную обстановку, как базар девятого века до нашей эры, но тоже сложную. Зато здесь у него были ноги, нормальное зрение, понимание ситуации, пусть и приблизительное, злость и отличный карабин за спиной, надетый наискось через правое плечо. Да еще и верный пес, пробивающийся грудью сквозь снеговые заносы.

Не был этот пес настоящей северной собакой, приспособленной к тамошней жизни и умеющей таскать нарты, но он из последних сил волок хозяина за крепкий поводок до места, которое считал спасительным.

Широкие охотничьи лыжи прилично скользили, почти не проваливаясь, по рыхлому снегу. Шульгин отталкивался палками, помогая псу, пригибался, чтобы снизить лобовое сопротивление, а ветер неумолимо свирепел, бил в лицо, будто некто, им управляющий, задался целью ни за что не позволить добраться в укрытие.

Одно хорошо — преследователям сейчас не лучше. Густой снег точно так же их ослепляет, заносит единственный ориентир — лыжню. Пурга, переходящая в бурю, вселяет в сердца ужас, а главное — у них нет оправдывающей смертельный риск цели. Или есть? Приказ, к примеру, такой силы, что проще умереть, чем не выполнить? Тем более — беглец один, а их много. Рано

или поздно он свалится обессиленный, хоть замерзший труп подберут, большего от них и не требуется.

У Сашки стимулы покрепче. Главный — спасти единственную и неповторимую жизнь, и вспомогательный — он знает, что до убежища всего километр, пройти который вполне ему по силам. Тогда роли поменяются кардинально.

Кто именно за ним гонится, с какой целью — он не знал или не помнил. Знал одно, догонят — будет очень плохо. И не только ему. Будет взят и прорван врагом некий рубеж, важный, как последняя на корабле водонепроницаемая переборка, еще держащая напор моря.

Может быть — опять пришельцы? Такие же, как те, что преследовали его по Москве на синем «Мерседесе»? Рельеф знакомой местности, смутно различаемый сквозь снеговую завесу, а главное — поведение Лорда подсказывали, что буквально через сотню метров станет легче.

Но встречный ветер! Он достигал метров тридцати в секунду, а порывами и больше. Почти предел для встречного движения. Еще немного — свалит, покатит в безнадежную бесконечность. Каждый шаг давался с все большим трудом.

Как там у Пушкина? «Все было мрак и вихорь. Ветер был с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным. Темное небо смешалось со снежным морем».

Отчаяния не было, были злость и надежда.

Вот оно! Выступающий, как нос парохода, скалистый отрог, поверху покрытый стеной сплоченных елей. Теперь обогнуть его, и, пожалуй, спасены. Сашка забыл, что становиться лагом к волне и ветру опасно не только парусникам. Шульгина сбило с ног, и он едва поднялся. Мешали лыжи, провалившаяся в рыхлую пустоту рука не находила опоры. Выручил Лорд. Поскуливая и тихонько гавкая он, тоже изнемогая, вытянул хозяина на твердое место и сел, задыхаясь.

Шульгин прижал к себе крупно дрожащего пса, гладил его по шее и спине, шептал в ухо подбадривающие

★ слова. Что еще верному другу надо? Отдохнет совсем чуть-чуть и выложится до последней живой клеточки.

Сашка достал из внутреннего кармана массивный золотой хронометр, показывающий время любого часового пояса. Здесь и сейчас было шесть утра. До рассвета приблизительно часа полтора. Успеваем.

Теперь уже человек тащил за собой собаку. Ну, еще чуть-чуть, совсем немного, держись, брат!

Противоположный склон ущелья наконец-то открыл их — вошли в «ветровую тень». Дальше — пустяк. Чуть больше полукилометра по плавно идущему вверх карнизу, заваленному слоем плотного наста. Лыжи по нему скользили без усилий. Двадцатиметровый бетонный мостик над бурной, до сих пор не замерзшей речкой, и вот она, хижина. «Последний приют». Вроде в шутку так названа, а там кто его знает.

Сложенная из рваных плит местного камня, с узенькими окнами-бойницами, она и летом не бросалась в глаза на фоне многочисленных трещин и осыпей, а сейчас, если не знаешь, с полусотни шагов не увидишь, не найдешь. Замерзнешь на пороге спасения.

Лорд запрыгал радостно (откуда силы?), вскочил передними лапами на ступеньки крыльца, издал удивительный звук, похожий скорее на человеческую речь, чем на собачью. «Дошли, дошли», — послышалось Шульгину.

Ему на прыжки куражу не хватало. Слава богу, не висячий замок сторожил вход, а то схватило бы механизм льдом, долбайся тогда. Под крыльцом он нащупал хорошо замаскированный рычаг, потянул, и с легким скрипом вход открылся. Лорд скользнул вперед, проверить: не прячется ли в доме враг?

Сашка отстегнул лыжи, ввалился в тамбур и закрыл за собой двадцатисантиметровое, обрамленное стальным уголком полотнище.

Вот и все. Дома и в безопасности.

Как он вымотался, Шульгин понял, только начав раздеваться. Одни мышцы просто не слушались, дру-

гие сводила судорога. Но надо преодолевать измученное тело.

В тамбуре было абсолютно темно. В нагрудном кармане он нащупал жестяную, водонепроницаемую коробку походных спичек. Длинных и толстых, как карандаши, кедровых стержней, с головками из загорающего при любой погоде и трении о любую поверхность состава. Целых пятьдесят штук. Поэтому стресс колонистов острова Линкольн, дрожавших над единственной фосфорной, ему не грозил. И на том спасибо!

Сашка краем сознания удивился, чего это он помнит такую ерунду, а не соображает, кто он сейчас и зачем.

Спичка вспыхнула с треском, ослепительно для настроившихся на мрак глаз. Зная, что гореть она будет не меньше трех минут, Шульгин нащупал на полке лампу «летучая мышь», встряхнул над ухом, убедился, что резервуар полон керосина. Приподнял стекло и коснулся спичкой широкого фитиля. Тот послушно загорелся, окантовавшись ярко-оранжевым пламенем.

Только этого и не хватало для окончательного счастья. Нет, не только. Свет — прекрасно, а нужно еще и тепло. «За бортом» было не меньше минус пятнадцати нормальных, а в пересчете по формуле «жесткости погоды», учитывая скорость ветра, та же Антарктида, полтинник минимум. В хижине — тоже ниже нуля, но ненамного. Для перемерзших человека и пса — почти Сочи. Только до поры.

Какое-то отношение он к здешней жизни непременно имел, откуда бы иначе знал о хижине, об остальном? Ретроградная амнезия, не иначе, когда помнишь все, кроме непосредственно предшествующих некоему моменту событий. Правда, обычная травматическая распространяется на минуты или часы, а тут перекрывает всю его предыдущую жизнь, причем крайне выборочно. Можно сказать, ювелирно тонкая операция над его памятью произведена, если даже способность рефлексировать оставлена и право строить предположения о содержании лакун.

Сбросил ремень с амуницией и небольшой ранец,

нагольный полушубок, подбитый легким мехом, лыжные унты, не забыв снова обнять и погладить пса. Лорд выложился до последнего и теперь лежал на полу, запаленно дыша и вздрагивая, но ласка хозяина была для него ценнее любой сладкой косточки. Шульгин на подгибающихся ногах прошел в комнату. Довольно большую, три на четыре метра. Прямо посередине, между сундуком-лежанкой, окном и столом — чугунная «буржуйка». Не совсем, конечно. Классические самодельные печки, названные так в годы Гражданской войны, изготавливались из железных бочек и прочих подручных материалов, причем отнюдь не «буржуями», которые и тогда сумели прилично устроиться, здесь или за границей, а интеллигентами, оставшимися в громадных питерских и московских квартирах без центрального отопления.

Вы себе можете представить, что такое неотапливаемая многокомнатная квартира с четырехметровыми потолками, когда спиртовой термометр за окном три месяца подряд стоит делений на пятнадцать ниже нуля, да еще по Реомюру, который посуровой Цельсия? А топить, если печку раздобыл, придется собственной мебелью или книгами из любовно собранной библиотеки.

Здесьняя печка была не самодельная, настоящая, заводского литья, с чугунными стенками дюймовой толщины, плитой на две конфорки, правильно устроенными топкой, колосниками и поддувалом, асбестовой трубой, выведенной наружу с учетом противопожарных правил, требуемой тяги и здешней «розы ветров». Не тяп-ляп все делалось.

Каменные стены изнутри обшиты двухдюймовыми досками из горного каштана. Теплоизоляция великолепная, кроме того, трехлинейную винтовочную пулю даже напрямую держит, не говоря о полуметровой кладке снаружи. В Абхазии с давних времен каштан вместо брони использовался. Так, может, он в Абхазии? Вполне возможно — ментальная привязка с давних времен существует. И рельеф местности похо-

жий. Как на тропе вдоль дикого ущелья Гаргемыш в сторону озера Амтхел-Азанда и Клухорского перевала.

Шульгин при свете лампы нашел в сенях рядом с поленницей воткнутые в колоду хороший топор и отлично заточенный австрийский штык от винтовки «манлихер» времен Первой мировой. Настрогал лучины, которые загорелись сразу, только пришлось задвинуть заслонку трубы почти до упора: тяга была уж очень сильная. Ураган продолжал набирать скорость. Даже укрытая отрогом горы хижина, казалось, начала подрагивать на своем фундаменте, несмотря на то что сложена была из аршинных камней на настоящем известковом растворе.

Завывало в трубе и за окнами так, что впору убояться, как героям рассказа Шекли «Поднимается ветер».

Шульгин добавил в топку несколько буковых поленьев.

Как-то все это смутно напоминало ранее пережитое — снега, мороз, пурга, затерянная в белом безмолвии избушка, сжимающие кольцо враги, но целостная картинка никак не выстраивалась.

Печка стремительно накалялась, наполняя комнату сухим теплом. Скоро можно будет раздеться до исподнего. А пока нужно покормить Лорда и самому перекусить — энергии в организме совсем не осталось.

Разогрел на плите две большие банки тушенки с гречневой кашей, одну себе, вторую другу. Выпил полстакана из бутылки с незнакомой бело-коричневой этикеткой: «Водка. Главспиртпром», больше никаких выходных данных, кроме крепости и объема. Таких здесь нашелся целый ящик. Стараясь не торопиться, вдумчиво опустошил деревянной ложкой алюминиевую солдатскую миску. Тушенка была вкусна и ароматна необычайно. Хлеба в избушке не нашлось, и так сошло.

Приоткрыл входную дверь, наломал полный чайник сосулек, свисавших с южной кромки крыши. Заодно убедился, что буран продолжает усиливаться, хотя, казалось бы, куда уж дальше. Ничто живое по рав-

нине передвигаться сейчас не может, разве только на антарктических тягачах «Северянка», (которые логичнее было бы назвать «Южанками»). Так что в ближайшие сутки он может не опасаться появления врагов. Скорее всего...

Вот-вот, врагов! За окном начало рассветать, робко, неуверенно, мутно. Но все же... Не Заполярье здесь, утро приходит в свой черед, какие бы тучи и снега ни разделяли «точку стояния» и Солнце. Он взял приставленный к стене карабин, осмотрел. Знакомая штука, сам его и конструировал. В подсумках шесть тяжелых магазинов, снаружи нанесена флуоресцентная маркировка. Вот два с ртутными пулями, эти — бронебойные, с сердечниками из обедненного урана, двадцать пять миллиметров стали или чего угодно — насквозь, а для заброневоего действия — композитный трассер из термита с белым фосфором. Огромная температура и ядовитый дым. Не сгорит экипаж, так задохнется.

А это на какой случай? Разрывные пули с серебряной оболочкой и начинкой из серебряной дробы. Помнится, знакомый журналист ему рассказывал, как заказывал серебряные пули для защиты от зомби. Или вурдалака. Когда это было, где? Выходит, и ему грозит нечто подобное, в противном случае стал бы он изготавливать такой боеприпас и таскать с собой два килограмма никчемного груза?

Сашка поставил завариваться чай, а сам продолжил размышлять над загадкой собственной личности. Подвигнул его к этому вышеприведенный филологический момент. Прежде всего он осознал, что думает по-русски. Прежде в голову не приходило фиксировать на сем факте внимание. Далее, антарктические экспедиции и «Северянка» — как минимум начало шестидесятых годов. Сразу вспомнился номер журнала «Техника — молодежи» с изображением алого транспортера на обложке и большая статья с описанием его устройства на центральном развороте.

Что это нам дает? Пока ничего, но процесс-то пошел!

Бывает, проснешься среди ночи с ощущением, что

только что пребывал в мире чудесного сна. Яркий эмоциональный фон сохраняется, но не можешь вспомнить ни единой детали и подробности. Начинаешь по определенной методике его реконструировать, непонятно отчего считая это для себя очень важным. Бывает, что получается. Появляется вдруг одна зацепка, другая, а там всплывает и весь сюжет в тончайшей детализовке.

Хотя некоторые психологи утверждают, что делать этого ни в коем случае нельзя. Нарушается, мол, неведомая нам схема взаимодействия коры и подкорки, сбиваются тонкие механизмы самонастройки мозга.

Сейчас Шульгин, пока не зная, что его в данной реинкарнации зовут именно так, пошел тем же путем, стал собирать воедино все доступные, даже самые малозначащие на первый взгляд факты и вертеть их по-разному, будто грани кубика Рубика. Вот, кстати, названный кубик — почти целая эпоха, хотя и совсем короткая, когда весь мир сходил с ума от этой головоломки, внезапно появившейся и так же быстро исчезнувшей. Сделавшей, правда, своего создателя мультимиллионером.

Вспомнил о кубике — получил очередную реперную точку...

Он закурил трубку «Петерсен», набив ее душистым табаком из кисета. Для идентификации не годится...

То, что карабин и патроны он сконструировал сам, могло стать поводом для гордости, но к разгадке не приближало.

Если за ним правда гонятся некие оборотни, так им буран не помеха, идут, возможно, не по физическим следам, а отслеживая духовную ауру. Он сообразил, что осмотрел только запасные магазины, а какой вставлен в карабин? Потянулся, взглянул. Действительно, с серебром. Куда как интересно, и покоя не прибавляет. Стрелял ли он сегодня? Нет, канал ствола чист, обойма полна.

На всякий случай проверил пистолет: в нем патроны обычные, в комплекте.

Может, выйти наружу, поставить на тропке несколько растяжек? Пожалуй, пора. Ощущение непонятной,

но непосредственной опасности нарастало. Спасибо, хоть немного времени на отдых ему отпустили...

В доме должно быть другое оружие? Непременно. Только поискать. Поискал и нашел под крышкой топчана. Две длинные мосинские винтовки, не драгунки, а пехотные, выпущенные, судя по граненым патронникам, до пресловутого «дробь тридцатого» года. Неоткупоренный цинк патронов образца восьмого года. Хорошо. Пулеметик бы лучше, конечно, но и с этим продержаться можно довольно долго. Гранаты — тоже стандартный ящик. Хорошие, как раз для подобного случая, со взрывателями тройного действия: четырехсекундное классическое замедление, мгновенное вытяжное и нажимной вариант, для минирования тропинок.

А что? «Дольше жизни жить не будем, раньше смерти не помрем!»

Приказал Лорду лежать на месте, сторожить дом. На улице от него помощи никакой, а забота лишняя. Прижимаясь к правой гряде скал, чтобы не обозначить следов на ведущем к крыльцу, облизанном ветром снеговом гребне, выросшем на тропе, спустился к изволоку¹, тянущемуся от мостика в его сторону. Два громадных валуна, скатившихся сверху в доисторические времена, лежали под удобным углом, образуя великолепную огневую позицию. Щель между ними — естественная амбразура с девяностоградусным углом обстрела изнутри, а с той стороны речки — едва заметная. Проверено.

Саперной лопаткой Шульгин раскидал снег на выбранном месте, срубил несколько хвойных кустов позади, выстелил «засидку», как это называется у таежных охотников. По бокам под камнями имелись приличной глубины ниши, куда можно было спрятаться и от минометного обстрела, и от воздушной бомбардировки.

Устроился. Винтовка с полусотней патронов в жестяных обоймах по правую руку, карабин — прямо, на подмосточке для упора. Преодолевая порывы ветра,

¹ Изволок — пологий, длинный подъем (старорусск.).

добрался до моста, установил три растяжки с интервалами в десять метров. По сторонам моста две гранаты с полуразжатыми усиками предохранителя, между кольцами втутую выбранный шнурок. Маскировать не пришлось, буран сразу все занес. Теперь, пока снег не тает, обратно и сам не пройдешь. «Да и незачем».

Действовал Шульгин почти автоматически, руководствуясь более инстинктами, чем разумом. Или — опытом человека, который в этих краях — свой. Как снайпер Зайцев в развалинах Сталинграда.

Воспоминания ему отпускались скупно. Вот сейчас, пройдя очередной этап, наверное, успешно, он узнал, что избушка построена как бы в качестве тамбура перед громадной, никому постороннему не известной пещерой. Эшерская, Новоафонская, даже Постояненская в Югославии перед этой — пустыки.

Не убьют здесь и вынудят обстоятельства — отступим в полном порядке. Не просто отступим, отправимся исполнять очередную миссию. Но сначала — удержаться! Зачем? Тоже стало понятно. Там, в пещере, скрыто НЕЧТО, жизненно важное для него и невероятно притягательное для врага. Какого, чем — отдельный разговор, для другого случая. А пока ты стоишь на позиции с винтовкой в руке — ты человек. Бросаешь ее и бежишь — тварь дрожащая. Тебе стреляют в спину или, ухватив за подбородок, режут ножом горло. Как барану.

Шульгин рассуждал, вспоминал и готовился, пока совсем не рассвело. Успел покурить в кулак, спрятав голову за камни. Кто его знает, может, в последний раз довелось затануться вредным для здоровья, но бодрящим и освежающим мозги горячим дымом. Мостик построен чрезвычайно умно, уголком. Настил бетонный, и обращенная вниз, к устью речки стенка — тоже. Полтора метра высотой. А со стороны дома — несколько столбиков и трос между ними, в виде леера. Упасть не упадешь, но и не спрячешься. От пули. Прицельной. За спиной же — восьмисотый бетон, от которого не только пули, но и снарядные, гранатные ос-

колки будут рикошетить, снося с моста все живое и не очень. Не дураки делали. Знать бы только — кто.

Ветер дул и дул над его головой, дико свистящий и завывающий, баллов на десять. На равнине сбивающий с ног, смертельный для застигнутых путников, а Сашке сейчас дружественный. Для неприятеля, выражаясь языком старых моряков — «вмордувинд».

На чем они сейчас появятся? На БТРах — ждем, ребята. Если на тяжелом танке с пушкой сто двадцать и более миллиметров — пожалуйста. Мостик веса не выдержит, на шесть тонн всего рассчитан. Постоите, посмотреть вылезете — пуля между глаз первому. Потом можете гранит в щебенку дробить своими снарядами. До конца боезапаса.

Ни один спецназовец любой армии мира по пояс в снегу триста метров под снайперским огнем не пройдет. Речка тоже форсированию не подлежит по причине глубины, ширины и необыкновенной скорости течения. С берега смотреть и то страшно. Есть, конечно, методики переправ с помощью тросов и иных табельных средств, но это уже для войсковой операции, не для спонтанной погони.

Спецназовцы — это было бы очень просто. Где-то даже оскорбительно для Сашкиного профессионализма. Придумали поинтереснее!

В Замке им с Андреем выставили свору пауков размером с ротвейлера. Возможно, даже не пауков (в ходе беглой стрельбы ноги считать было некогда), фаланг-сольпуг каких-то, очень у них щелкающие хелицеры мерзко выглядели. Патронов хватило еле-еле.

Сейчас с той стороны ущелья к мосту приближались уверенно и целенаправленно, словно на легкой прогулке, подобия горилл или йети. Вот именно. Достаточно человекообразные, ростом выше двух метров. Неодетые, если не считать ремней и разгрузочных жилетов. Старый цейсовский бинокль, восьмикратный, настолько потертый, будто с ним неизвестный немец или русско-советский командир прошел обе

войны, найденный Сашкой в хижине, через свои просветленные линзы показал и тупо-свиные морды, лицами не назовешь, и короткую жесткую шерсть, покрывавшую тела.

Кажется, именно от такого существа Андрей спасался в Замке в день их последней прогулки по этажам и уровням. Выходит, та же сила в Игру включилась, а может, и другая, но по готовой разработке.

Шестеро. Погода им, очевидно, была до фонаря. Если, к примеру, они доставлены с подходящей планеты, где минус двадцать Цельсия и ветер сорок метров в секунду — норма для приятного отпуска.

Теперь понятно, отчего они с Лордом бежали с таким нечеловеческим ужасом. Тогда физические усилия не позволяли думать свободно, хотелось просто оторваться, уйти, а теперь постепенно начало доходить.

Сначала предложен марш-бросок на достаточно гуманных условиях. Не сдохнешь там, где обычный человек выложится и умрет почти обязательно, — молодец. Вот тебе домик, тепло, ужин или завтрак. Наелся бы и выпил хоть полкружки лишней (специально, наверное, водки целый ящик подставили), расслабился и заснул. А ведь как хотелось... Под вой пурги, со страшной усталости, с котелком каши в животе — только и спать!

Тут бы и подошли эти гоминоиды, двери и окна на раз вышибли, руками и ногами, не от них защита строилась.

А не захотел спать, встревожился — новый тебе вариант. И снова на выбор. Чего же в пещеры не пошел?

Да именно потому. Не нравиться вы мне, как тот грузин на базаре говорил. Но в благородстве неизвестному сопернику не откажешь. Играет строго по правилам. Мог бы вход в дом заминировать, в водку яду или клофелина добавить, да мало ли что еще...

Может быть, вот этот красавчик, килограмм на триста весом, сжимающий в верхних лапах подобие шестиствольного пулемета, уверенно шедший по непроходимому снегу, раздвигающий грудью сугробы (не каждый бульдозер откинет), ступивший на настил

мостика, на самом деле где-то там, у себя, нежнейший папаша, каждый вечер забирающий мохнатенького наследника из детского садика и воркующий ему в острое ушко что-то милое и ласковое...

Те, кто за ним так же мощно и тупо бороздит снега, тоже романтические герои Джека Лондона, спешащие воткнуть свой заявочный столб на ручье Индианки? У каждого своя Джой Гастелл и друг Малыш, с которым после сделанного дела они обсудят нравственные проблемы, сидя у камелька и деля очередную порцию золотого песка?

«Солнце встает на западе, луна превратилась в монету, звезды — это мясные консервы, цинга благословение божье, мертвые воскресают, скалы летают, вода — газ, я — не я, ты — не ты, а кто-то другой, и возможно, что мы близнецы, если только не поджаренная на медном купоросе картошка...»¹ Или что-нибудь еще более интеллектуально-изящное придумают. Откуда нам знать?

Кто ж тебя, придурка, сюда звал, на мою прицельную линию? Последний у тебя шанс, секунда, ну две, от моей доброты. Резко ничком на снег, зарылся и пополз, пополз назад, жизнь свою никчемную спасая...

Не захотел? Тогда прости.

Лобные кости йети, питекантропов, тому подобных до- и псевдохомо, насколько знал Сашка антропологию, весьма толстые, трехлинейка не возьмет. Зато броневой, рассчитанная на легированную сталь пуля — вполне. В туловище он стрелять не собирался, что там где у них расположено — дело темное. А в лоб, между глаз — нормально. Хоть в гигантского кракена.

У собственноручно сделанного карабина спуск со шнеллером. Сначала выбрал свободный ход, удерживая мушку в нужном месте, а потом легчайшее движение пальца — и выстрел.

¹ См. Дж. Лондон, «Смок Белью».

Две с половиной тысячи метров в секунду начальной скорости, двадцать граммов веса и урановый сердечник — достаточно, чтобы снести верхнюю половину черепа. И чем крепче череп — тем эффективнее. Был бы помягче, потоньше, обошлось бы сквозным ранением, иногда оставляющим шансы.

Монстра отбросило метра на три назад. Навзничь. Крови и мозгов хватило, чтобы забрызгать все предместье.

Дальше он рассчитывал, что скорость действия автоматики карабина и моторика умелого стрелка намного превосходят реакцию попавших под огонь на открытом месте. Людей, солдат любого уровня подготовки. Особенно если идут цепочкой, щурясь от бьющего в глаза снега. Однако ошибся. Нелюди обладали другой нервной системой.

Они прыгнули в стороны со скоростью, превосходящей даже его воображение. Лишь один раз Шульгин успел выстрелить, дернув ствол влево. Влет, как по тарелочке на стенде. Если и попал, так не проверишь.

С той стороны зашипели-засвистели очереди сверхскорострельных пулеметов. Полетела гранитная крошка. Если из четырех стволов станут вести огонь, целясь по его амбразуре, пятый наверняка попытается преодолеть мостик. За ним другие, перекатами. Вопрос только в том, хватит ли им патронов. Он сменил позицию, обогнув валун, разгреб снег у его подошвы.

Противник тактически мыслил в одном с ним направлении. За что и поплатился. Сашка, морщась от свиста слишком близко пролетающих пуль, позволил самому от важному или рисковому гоминоиду испытать свои силы. Рывок у него был действительно впечатляющий.словно черная ракета вылетела из снежной мути. Куда там олимпийскому чемпиону, стартующему на сотку! Гепард, метнувшийся наперерез антилопе, — это ближе.

Окажись в растяжке обычные «феньки»¹ или «РГ-

¹ Просторечное название гранаты «Ф-1» оборонительного действия.

42», монстр пролетел бы мост раньше, чем они взорвались, и тогда трудно предсказать дальнейшее. А так детонация гремучей ртути оказалась побыстрее нервно-мышечных процессов. Пораженный ударной волной с двух сторон сразу, рейнджер-гоминоид в доли секунды превратился в подобие смятой и скрученной тряпичной куклы.

Крутнувшийся в воздухе пулемет проскользнул между леерами и канул в кипящую воду. Жаль, интересно бы с ним повозиться на досуге.

Но ситуация оптимизма не внушала. Позиционная война — не путь к победе.

Мороз терпеть, конечно, можно еще не один час, хотя и неприятно. Беспокоящий огонь обеспечит трехлинейка, а драгоценные патроны для карабина побережем до решительного боя. Только вот перспективы туманные. Хорошо, если монстров ровно столько, сколько он имеет перед собой. Но с точки зрения Игры это бессмысленно. Двое убиты, третий скорее всего ранен. Остальные, сообразив, что мост заминирован, могут и подождать. Особенно зная, что он тут один.

Троих он наверняка если не перестреляет, то сможет держать на том берегу до бесконечности. Никакой интриги. Чтобы не замерзнуть, переползет к дому, устроится с винтарем у окна тамбура. Чаек попивать да постреливать. Снова пат.

А если им подкинут резервы? Хотя бы еще шестерку. Ему не выжить. Переправятся пятью километрами ниже, обойдут по гребню, и все.

«Героическую оборону», на самом-то деле, держать совсем ни к чему. Потому что оборонять нечего. Лично его ничего с этой избушкой не связывает, категорического приказа № 227 «Стоять насмерть» он не получал тем более. А насчет того, что там внутри, в пещерах, — отдельный разговор.

Так что давай, братец, сматываться. Очередной раз сломаем сценарий. Переоценили «они» степень его азартности.

Сменив карабин на трехлинейку, он, ловко пере-

дергивая затвор и меняя обоймы, расстрелял все пятьдесят тяжелых медных патронов, как бы упражняясь в «морском бое». То клал пули по кромке обрыва в шахматном порядке, то по пять сразу в одно место, где мерещилось шевеление под снежным одеялом. Наверняка попал, хоть раз. «Йети» ответный огонь прекратили, боясь демаскироваться, или просто кротами уползли из зоны поражения.

Тогда и он отбросил пустую винтовку с дымящимися ствольными накладками. Дедами заповеданные принципы заставили его выдернуть и зашвырнуть подалеже затвор. Где ползком, где короткими перебежками вернулся в дом. Задвинул внутренний засов входной двери, побросал в ранец несколько упаковок патронов, три гранаты, три банки консервов, бутылку водки, флягу с остывшим чаем. Свистнул Лорда, который спал совершенно неприличным образом, даже отдаленные выстрелы его не встревожили, раз не было специальной команды хозяина.

Из чистой вредности остальными гранатами соорудил две хитрые ловушки у двери. Долил керосина в лампу, карабин повесил на шею поперек груди, новую винтовку на плечо и через хорошо замаскированный люк спустился в подвал, из которого узкий лаз вел в пещеры.

Знал он, *побочным знанием*, где находится механизм, поднимающий девственного вида гранитный блок, неотличимый от прочих, и как заклинить его изнутри. Получается, не только враг не пробьется, так и «свои» этим путем больше не пройдут. Да ему-то какое дело?

Центральный тоннель, изобилующий множеством боковых ответвлений, имел понятную посвященному разметку, позволяющую идти без страха заблудиться и стигнуть навсегда в образовавшихся миллионы лет назад лабиринтах.

Шагать было легко, уклон не превышал десятка градусов, под ногами гладкий, без трещин камень, присыпанный тонким слоем скопившейся за протекшие гео-

логические эпохи пыли. Керосина в лампе часов на шесть, двадцать километров не спеша можно пройти. До центра Земли не хватит, а до выхода в соседнее ущелье — вполне.

Забавные вещи творятся на свете. В их числе — удивительная повторяемость ходов «партнеров». С теми же подземельями. Это, кажется, четвертый вариант. Пещера повстанцев в Кордильерах, одесские катакомбы, та, через которую лазили Ляховы, из Израиля в Новую Зеландию. Теперь эта. Куда выведет и, главное, — зачем?

Вельтмейстеры¹, все без исключения, начиная с Чигорина и заканчивая Карповым, на своих досках тоже делали одни и те же ходы, только в разном порядке. И ничего, осуждению со стороны публики не подвергались. Посчитаем, что сейчас имеем дело с вариантом сицилианской защиты или испанским фианкетто. А как ответить?

Да никак. Шульгин, с детских лет, когда в их кругах, под влиянием побед Ботвинника, очень модно было играть в шахматы (за неимением компьютеров), предпочитал черные. Противник пусть ходит, демонстрирует стратегическое мышление, а мы поглядим, подождем своего шанса...

Он готов был в любой момент столкнуться с чем угодно — от гнезда подземных огненных Олхой-хорхоев до светлого, обдуваемого океанским ветром кабинета Антона в Замке. В Замок, естественно, хотелось гораздо больше. Но, наверное, или сила воображения была слаба, или время не пришло.

Несколько раз он останавливался, делал пару глотков чая, поил и кормил Лорда — псу под землей совсем не нравилось, вперед он не бежал, держался у ноги. Неторопливо выкуривал папиросу, вытянув ноги и опершись спиной о холодный камень. Вставал и шел дальше.

И дошел. Увидел последний тайный знак, предупре-

¹ Вельтмейстер — неофициальное именование гроссмейстеров, заслуживших титул чемпиона мира или вплотную к нему приблизившихся.

ждающий об очередной ловушке. Сколько их было на пути, не менее опасном, чем маршрут грабителя египетских пирамид. Предусмотрены были мины, проваливающиеся плиты под ногами, падающие с двух сторон решетки, горы песка, готовые обрушиться из бункеров над головой, и многие еще более страшные изобретения древнечеловеческого и нечеловеческого разумов. Непосвященному пройти предложенный путь было заведомо невозможно. Однако его, судя по всему, причислили к посвященным, раз снабдили спасительной информацией. Только зачем? Куда проще сразу устранить, вывести за скобки или не подвергать ничемному испытанию. Разве только напомнить, указать заслуженное место?

Не так и глупо. Очередной тест на профпригодность.

А если плюнуть на все и пойти к цели в рост, не склоняя головы? Пусть делают, что хотят. На древнем базаре — сошло! До того вдруг остро вспомнились те отвратительные часы и минуты, да не с точки зрения несчастной жертвы, наоборот, как взлет собственного разума и мужества.

Однако пока не время. Успеется.

Шульгин лег на пол тоннеля, прижал ладонью холку Лорда, и они переползли рубеж, отделявший от очередной каменной двери. Открыли ее и оказались там, куда стремились, совершенно не подозревая, куда именно.

Кто первый раз едет из Москвы во Владивосток или обратно, тоже поражается, насколько одинаковые вокзалы по обоим концам Великой магистрали.

Эта хижина была точной копией первой, ну, может, за исключением некоторых незначительных деталей.

Ветер за окошком, забранным решеткой, завывал так же, если не сильнее. Только пейзаж выглядел иначе. Никакой реки. Видна внизу, сколько позволяла метель, широко раскинувшаяся равнина, и что там дальше, за пеленой пурги, — неведомо. По-прежнему никакой географической привязки. Кавказ или Гималаи...

Да и черт бы с ним. Усталость, не столько физиче-

ская, сколько нервная, навалилась с непреодолимой (почти что) силой.

Главное — этот портал прилепился на совсем узком утесе, и подходов к нему снизу не просматривается. Может, как в тибетских монастырях: до весны не прийти, не уйти...

Поверим, понадемся. Лучше всего сейчас напрячь волю, заставить ветер усилиться еще вдвое. Тогда даже многотонные валуны начнут кататься по долине и столетние деревья вырваться с корнями, а мы наконец отдохнем по-человечески.

Опять он разжег печку, лег на такой же точно, как там, топчан, закинув руки за голову. Поднимать крышку, смотреть, есть ли и там комплект вооружения, не хотелось. Скучно, если уютно. Пес, добравшись до очередного приюта, убедившись, что хозяин спокоен, нашел себе достойное, на его взгляд, место, закрыл морду хвостом и отправился в свою «страну удачной охоты».

Не прошло и часа, как Сашка собрал мозаику. Вспомнил себя вплоть до каюты на «Призраке». Остались несколько не до конца восстановленных фрагментов. В том числе так и не выяснил, где именно они сейчас находятся — на Земле или в другом месте, откуда и от кого с Лордом бежали, откуда взялся сам пес и что их связывает по жизни, кто и зачем устроил здесь избушки-блокаузы. Какова смысловая ценность именно этого эпизода в режиссерской экспликации пьесы.

Или же снова режиссеры тут ни при чем и он просто бредет поперек схемы Узла, будто по павильонам Мосфильма, вторгаясь в не для него выстроенные декорации? Как у них с Андреем получилось во время странствий по закоулкам Замка.

Поскольку Замок всеобъемлющ и вечен, очень возможно, что сейчас Шульгин все-таки в нем, только опять очутился в секторе, ранее им не открывавшемся. И никто здесь ничем не руководит, кроме внутренних законов самого «сооружения».

Если так — это не самый худший вариант. Пом-

нится, Антон как-то упомянул, что внутрь Замка Ловушки Сознания проникать не могут, зато в изобилии бродят вокруг, обложив его, как загонщики медвежьей берлогу. От чего и предостерегал.

Шульгин сосредоточился, пытаясь вспомнить, как именно у них получалось перемещаться по зонам и уровням Замка. Хорошо бы сейчас очутиться в своей комнате, а еще лучше, сразу в кабинете Антона, за пультом компьютера. Это ему сейчас очень, очень нужно.

Но ничего не вышло. Может быть, требовалось не только ментальное усилие, но какое-то физическое перемещение в пространстве. Чтобы «выйти из фокуса». Только куда здесь и сейчас переместиться? «Три шага налево, три шага направо», как в одесской песенке, вот пока его предел маневрирования.

Возможно, находясь внутри одного «компьютера», доступ к другому невозможен теоретически?

«Рулетка сама по себе система, и все другие системы против нее бессильны». Очень может быть.

Раз так, не лучше ли просто поспать?

В том, что все с ним происходит наяву, а не внутри галлюцинации, помогала убедиться методика, описанная Лемом в «Сумме технологий». В том ее разделе, где разбирался вопрос, как может человек, помещенный внутри «фантомата», догадаться об этом. Единственно по физическим реакциям организма.

Заключенный в фантомат человек, сколь бы долго он там ни бегал, бился на шпагах или скакал верхом, на самом деле пребывает в покое и даже в некотором роде в анабиозе, следовательно, молочной кислоте в мышцах взяться неоткуда. Ее быстрому разложению мог бы поспособствовать геомеостат, но его Шульгин тоже сейчас не имел. А большинство участвовавших в марш-броске мышц как раз сейчас начали реагировать самым недвусмысленным образом. Едва ли Держатели, или кто угодно еще, озаботились столь незначительным на галактическом фоне штришком. Значит, с девяностопятипроцентной уверенностью можно счи-

тать, что он сейчас находится в своем, материальном и бренном, теле.

Ему же отдых крайне необходим.

Сашка улегся поудобнее, предварительно проверив, не грозит ли ему дурацкая смерть от угара. Нет, дрова уже прогорели, а тяга в трубе была достаточной, чтобы обеспечить в избушке должный воздухообмен с атмосферой.

Заснул легко и быстро, в надежде, что до утра его не потревожат. И тут же увидел свою смерть.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

...Увидел свою смерть.

Конечно, не пресловутую старуху с косой, не ангела или демона вроде Азazelло, исполненного мрачного величия, даже не карнавального облика существо, размалеванное и украшенное дурацкими бантиками и бу-бенчиками (так называемая «нелепая»), а сам процесс.

Увидел извне, как сцену из фильма, снятую в духе давнего итальянского неореализма, отчего лишенную эстетики и хоть каких-то художественных достоинств, кроме заранее просчитанного эпатажа без того травмированной послевоенной публики.

Поскольку сюжет касался лично его — он вызвал глубоко негативную реакцию.

Шульгин лежал на больничной койке, в плохой палате. Она была сверх привычных ему норм заставлена шестью койками вместо предусмотренных трех, крайне запущена: стены давно не крашены, линолеум на полу зиял дырами, а главное — подавляла картина тотального неустройства. Даже в участковой дальневосточной больничке, где он работал после института, обстановка была пусть и бедная, по причине и тогда имевшего места «недофинансирования», но хотя бы человеческая. Обустраивались, как могли, заботясь о пациентах. А тут — хуже чем на эвакопункте времен Первой мировой.

Хорошо, койка была угловая, не совались мимо нее то и дело сопалатники, персонал и посетители.

На вид человеку, которого он мгновенно отождествил с собой, было лет под шестьдесят, и Шульгин ужаснулся натуральным образом — как же он отвратительно выглядит! Почти лысая голова, обрюзгшее, дня три не бритое лицо, темные мешки под глазами, отрешенный, без признаков малейшей жизненной силы взор. Однако на прикроватной тумбочке лежит какая-то книга, значит, пытался еще читать, пусть и не сегодня. Рядом на больничном стуле сидит женщина в накинутом поверх темного платья застиранном халате. Настолько пожилая и бесцветная, что Сашка с трудом угадал в ней свою первую жену, от которой благополучно скрылся на Валгаллу, пока она отдыхала в Кисловодске.

Не разошлись, выходит, при всей несовместимости характеров.

Что-то она говорит, глядя в сторону, с неподвижным лицом. Слов не слышно. Немое кино.

Недолгого практического опыта Шульгину хватило, чтобы понять — человек на койке (назвать его собственным именем язык не поворачивался) доживает последние часы, если не минуты.

Неужели вот так заканчивается его жизнь? Не в бою, не в почтенном девяностолетнем возрасте, с сигарой и бокалом коньяка достойное утасание перед камином, в окружении многочисленных родственников и прихлебателей, а черт знает от чего, в больнице для самых бедных, где даже индивидуальной покойницей палаты не нашлось...

Не для умирающего, ему так и так все равно, что-бы не травмировать *остающихся пока...*

За что же ему такое дадено? И тому, кто умирает, и тому, кто на это смотрит?

И в какой реальности действие происходит?

Ответ пришел сразу, не в виде посещающего шизофреников голоса, а просто как отчетливое осознание момента.

«Вот это и есть твой реальный конец. Вы доиграли пульку с Андреем и Олегом, никакие странные мужики не позвонили в дверь, разошлись, довольные раками,

пивом и хорошо проведенной ночью. И дальше все покатилося так же, как и до того. Еще двадцать лет кое-как прожитой жизни, все более редкие встречи с друзьями, пассивность, нежелание плюнуть на все и податься хоть в «челноки», хоть в «белые наемники» (а мог бы!), выпивки по случаю и без случая черт знает с кем. Бесконечные скандалы с женой, ее дурацкие измены, развал института, случайные заработки, бессмысленная ссора с Новиковым, после которой ни разу не встретились. Нарастающее, поначалу оставленное без внимания недоумование. К врачам не обращался, «я и сам врач, вот весной перееду на дачу, сразу полегчает...». Когда не полегчало, жена отвела все же к знакомому специалисту. Диагноз пусть крайне неприятный, но оставлявший кое-какие надежды. К благополучным друзьям, которые могли бы и помочь, не обратился из гордости, а скорее — наступившего безразличия.

И вот — последняя мизансцена. «Смерть Ивана Ильича».

Наступившая агония, по счастью, была короткой.

Жена ухватила за его потянувшуюся к тумбочке и тут же упавшую руку. Он из последних сил попытался приподняться и что-то сказать. Но услышать не удалось. Может, зря, может, и нет. Что там такого скажешь? Вряд ли фразу, достойную войти в монографии и хрестоматии. Да кто теперь знает? Вдруг в ней и заключалась последняя истина? И что за книга лежала на тумбочке? Библия, Конфуций или очередной роман старого друга, в котором была описана совсем непохожая жизнь и ни слова о смерти?

С точки наблюдения не видно, и нет физической возможности поддаться, перевернуть книгу и посмотреть: что же это? Вдруг бы открылось что-то, ему сейчас недоступное?

Никому в реальной жизни не пожелаешь пережить такого — наблюдения за жалкой кончиной того, кто с рождения ощущал себя суперменом, обреченным на великие дела, и «отходящим» жалко и бессмысленно. И не близкого друга — на умирание Новикова или Ле-

вашова он смотрел бы с искренней грустью, печалью, слезой, выкатившейся во время поминального слова, а за собственной, до отвращения подлинной и... И никакой. Стоило ли приходить в прекрасный, многообещающий мир, чтобы так отвратительно из него уйти?

И детей рядом нет. Вообще нет, не успели приехать, не захотели?

Наталья, после короткой паузы осознания, закричала, подзывая палатную сестру. Та подошла, посмотрела, кивнула, разведя руками:

— А что тут сделаешь? Не сегодня, так завтра... Отмучился. Сейчас позову доктора, засвидетельствует, дальше — как положено. Справку выпишет. Без вскрытия обойдетесь?

Шульгин не надеялся с самого начала этой сцены, что жена начнет рыдать, биться головой о край кровати. Не тот человек. Ошибся в ней с самого начала, и все же именно она сидела рядом. До последнего вздоха.

Замутило его, живого, пусть и в эфирном теле. Такая нечеловеческая, недоступная никому, не пережившему подобного, тоска навалилась на душу. Впору немедленно принять литр водки (тризну устроить), а то и снова вниз головой с балкона. Если одно за другим, последовательно, так еще лучше.

Александр Шульгин был чрезвычайно эмоциональный человек. При всех его достоинствах старшие товарищи непременно на это намекали, а моментами — били по ушам, когда в переносном, а когда и в прямом смысле. Он этому в меру сил противостоял, зная свои возможности. С ним соглашались, как он подозревал, тоже снисходительно, что непереносимо для самодостаточной личности, каковой он себя всегда считал.

Сейчас неизвестно кто не очень деликатно предъявил ему картинку будущего, которое он выбрал себе сам. Лично. Минуя «авторитарных» друзей-товарищей, которые не требовали от него ничего, кроме самой малости — быть самим собой. А он чересчур часто, особенно в первой трети жизни, сопротивлялся.

Вот чем кончилось.

Но было же в его характере и другое? Он ведь переступил в какой-то момент через слабую часть своей натуры, выбрал сильную — пожил неплохо и сейчас живет...

«Но ведь жизнь не могла показаться, гарцевал подо мною конь...»

Он встал с топчана в холодном поту, с колотящимся под горлом сердцем. Выкрутил посильнее едва моргающий фитиль лампы. В темном стекле окна, как в зеркале, осмотрел свое отражение. Слава богу, выглядит по-прежнему неплохо. В самом деле, сон и есть сон. Он что, наяву не задумывался о вариантах и выборах?

«Всего один шаг не в ту сторону на перекрестке может навсегда изменить вашу жизнь...»

«Каждому из нас судьба однажды стучится в двери, но, как правило, мы в это время сидим в соседнем кабачке...»

«А мимо случаи летали, словно пули...»

Сашка набросил на плечи полушубок, вышел на крыльцо. Пурга не утихала, только ветер в этом ущелье дул с другой стороны, снег сюда почти не залетал, зато даль была обрезана ближайшей полусотней метров. Прислонился к косяку, частыми затычками раскопегарил трубку, пока не заполнил легкие дымом крепкого «Кепстена».

Сон от яви он умеет отличать, и то, что ему показало, сном не было ни в коей мере.

Демонстрация подлинного сюжета, по времени приблизительно совпадающего с тем моментом, когда они с Новиковым осваивали Москву-2005, или — намок. Горячим утюгом в грудь. Живи, как живешь, а то будет вот что...

Самое же... не страшное, не печальное, а вот именно — безысходное было в том, что он отчетливо понимал: увиденное — правда! Самая что ни на есть. И выбирать между ней и иными исходами пока еще позволено. Пока еще...

«Послушай, что ты дергаешься? — сказал он сам

себе. — Ты разве воображал в прошлой жизни, что будешь жить вечно? Конечно, нет. Другое дело, что о смерти как о непреложном итоге не слишком задумывался, а если и да, то позиционировал себя иначе, чем своих пациентов, которые в большинстве заканчивали жизнь именно так. Как фамилия того мужика, что поступил в отделение на последней стадии дистрофии печени? Белянчиков, кажется. Все порывался к субботе выписаться и шумел: «Доктор, я к тебе пришел здорovia взять!»

Что ж, еще больше оснований, держа в памяти предложенную картину, считать любой другой исход счастливым избавлением.

«Все мы когда-нибудь умрем. В худшем случае — умрем немного раньше».

Он передернул плечами, вернулся в хижину и, будто получив очередной сигнал свыше, нащупал незаметную кнопку на стене напротив топчана. Топографически она выходила к краю обрыва, и ничего, кроме пустого метельного пространства, за ней быть не могло.

Однако сдвинулась в сторону деревянная панель, а за ней открылась освещенная электрическим светом комната совсем другого стиля. Гораздо большая, чем весь домик с его крыльцом и тамбуром, вместе взятыми. Довольно-таки пустая. Массивный стол, на нем устройство, могущее быть компьютером, но с земными или форзелианскими аналогами не соотносящийся. Подобие каркаса шлема из четырех взаимопересекающихся полос золотистого металла. Круглые головные телефоны в положенном месте, грушевидный микрофон на гибкой пружине. Перед столом деревянное кресло в венском стиле. Вот и все.

Можно подойти, сесть, возложить устройство на голову; можно плюнуть на пол, отвернуться и выйти. Знаем, мол, у Ефремова в «Лезвии бритвы» читали, чем такие забавы кончаются.

Здравомыслия хватило не уходить, но и прикасаться к короне он не торопился. Воспоминание о жалком «уходе» того человека в больничной палате прогнать не

удавалось, как он ни старался. Привычные мнемонические приемы не действовали. Из всего следует извлекать уроки. Из варианта собственной кончины тоже.

Понятно, что сейчас непосредственно в Узел, таковой, какой он привык себе воображать из прошлых посещений, его не пускают. Или в прошлом виде Узел просто не существует сейчас. Мутировал, переродился. Он ведь находится не в любой из «нормальных» действительностей, он — «где-то там». Никаких других подтверждений не надо, достаточно двери, открывшейся в комнату, на месте которой находится длящаяся до дна пропасти пустота.

Значит, прибор на столе либо приглашение к диалогу, либо капкан, последний и окончательный. Повторяем прежний круг дурной бесконечности: для ловушки (обычной, а не «сетевой») — избыточно сложно. К чему огород городить? Проще было оставить его умирать в пещере. Куда больше это похоже на эпизод компьютерной игры. Завершил очередной уровень и увидел за дверью приз: сундучок с волшебным оружием или лишней жизнью.

Может, в том и смысл? На «Призраке» он сделал неверный шаг и провалился на «исходную позицию». Здесь сориентировался, ошибки не допустил, ему и предложили очередное испытание.

Отказаться от бонуса — что тогда делать дальше? Покинуть хижину, углубиться в снежные дали неведомого мира? Вернуться к печке, завалиться на топчан и подождать развития событий? Пока вселенский компьютер не зависнет. Неинтересно. Или его все-таки подталкивают к последнему решению?

Нет, это всегда успеется. Убить его в любом случае не убьют, иначе и затевать спектакль не стоило бы, а ручку катапульти дернуть он всегда успеет.

Сунул погасшую трубку в карман. Преодолевая слабое внутреннее сопротивление, пристроил на голову шлем.

Что-нибудь ведь он ему покажет или подскажет? А как с этим обойтись, подумаем позже.

Без всяких звуковых или оптических эффектов компьютер со стола исчез, а по ту его сторону ниоткуда возник Антон. Выглядел он непривычно. Сидит на невысоком помосте в клетушке, образованной совершенно земного вида плетнем, каким на юге огораживают дворы. Палец можно просунуть между каждым неошкуренным прутком. Одет в подобие японского княжеского кимоно, которое идет ему гораздо меньше, чем белый капитанский китель или изысканный штатский костюм. Он производил впечатление не находящегося на расстоянии вытянутой руки человека, а третьего отражения в поставленных друг напротив друга зеркалах. Такого еще не случалось. При любом контакте, очном или через «рамку», вид у него был полнокровный и реальный до предела.

— Привет, — сказал Шульгин, беря инициативу в свои руки. А что ему еще оставалось? — Плоховато выглядишь. Что-нибудь не так? Где бывала лихость и бодрость? Я не вовремя?

Антон ответил после долгой паузы. Складывалось впечатление, что он пытается вспомнить язык, на котором к нему обратился старый партнер-конфидент.

— Далеко ты забрался, Саша. Зачем? Я же тебя предупреждал...

Шульгину стало смешно, пусть обстановка к этому совершенно не располагала.

— Не ты ли, компаньеро, подстрекнул нас с товарищем Сталиным вплотную заняться испанскими делами? Вот естественное развитие событий меня сюда и привело.

— А меня привело сюда, — тусклым голосом сказал Антон. — Последовало, наконец, наказание за нарушение долга и превышение полномочий...

— Вах, как здорово! Не все коту Масленица. И в ваших роскошных ста мирах НКВД не дремлет. Но ты, похоже, пока не в зоне пребываешь, с кайлом и тачкой? Говорить хоть можешь без подслушки вертухая? — изощренно уязвил форзейля Сашка.

— С тобой — могу. Не совсем понимаю, как ты на

меня вышел. Я считал — мне полный амбец! — Русский язык Антона начинал приобретать былую сочность. — Меня выявили, вычислили, разоблачили и подвергли покаянию...

— Ну, Колыма или пуля в затылок в любом случае хуже, — успокоил его Шульгин. — Слушай, долг ведь платежом красен?

— Говорят, что так, — осторожно ответил Антон.

— Так давай я тебя оттуда выдерну. Подскажи как, и такую мы вашим придуркам *конфузию* устроим... Помнишь, был у нас разговор? Только ты это, как-нибудь начинай втихаря *рекондиционироваться*...

Во время одной из частных бесед в Замке, незадолго до того, как форзейль отправил Сашку на захват Сильвии, промелькнул этот термин. Мол, агенты типа Антона, направляемые на Землю или иные планеты, специальным образом настраиваются на психическое человекоподобие. А по завершении миссии с них все лишние качества, привычки и навыки стираются.словно бы фронтового разведчика, четыре года берущего языков, бьющего часовых финкой под левую лопатку, учиняющего иные несовместимые с гуманизмом и политкорректностью дела, перенастраивают на учителя начальной школы или псаломщика¹ в церкви.

Однако Сашка имел в виду не это, не технические процедуры неизвестной цивилизации. Он просто хотел, чтобы ставший близким по духу человек стряхнул с себя путы и принципы поганенького, как оказалось, мира и восстановился в роли победительного красавца, пытавшегося вершить судьбы не самого худшего человечества. Или хотя бы не самых худших его представителей.

— Я постараюсь. Я уже два раза избегал положенных процедур, что мне поставили в отдельную вину.

¹ Церковный служака, равный дьячку или пономарю, читающий псалмы по усопшему.

— А сейчас, за контакт со мной, тебе не добавляют? У нас за маляву¹ карцер дают или ШИЗО².

Антон слабо усмехнулся.

Ох, как скрутило классного мужика! А туда же — великие цивилизации, светлые проводники и провозвестники. Учить они нас будут, что в носу ковырять неприлично!

— Этот канал, я совершенно уверен, не просматривается. Понять не могу, как ты его нащупал. Вот если бы воспользовался моей капсулой или формулами...

— Значит, сейчас говорить можем свободно?

— Да. Говори.

— Так кто же его устроил? Я до последнего считал, что попал в Ловушку...

— Так ты в нее и попал. Только сумел вывернуть к собственной пользе. Понимаешь, Саша, я сейчас никто. Кое-какие остатки человеческого мышления и памяти дают мне возможность с тобой говорить. Если бы не ты, не эта связь, меня ждали бы десятилетия медитаций, долженствующих наставить на истинный путь, но не обещающих даже свободы...

— Круто, — присвистнул Шульгин. — В натуре, лучше на Колыме золото мыть: и конец срока светит, и компания вокруг обычно неплохая...

— Земля — это совсем другое...

— Да уж точно. Сколько вы со своей коллегой Сильвией рук ни прикладывали, а Земля осталась такой, как задумано. За исключением некоторых деталей. Только в голову не возьму, как они тебя так быстро опустили... Месяца не прошло, как мы с тобой оче-

¹ Малява — записка, письмо, инструкция, которая по «правильным» каналам может быть переправлена в соседнюю камеру или в любую ИТК страны.

² ШИЗО — штрафной изолятор, внутренняя тюрьма-одиночка внутри зоны, где за нарушения режима могут содержать до месяца. Или — сколько захотят, по настроению начальника и прокурора.

редные наполеоновские планы строили. Я только-только ими вплотную занялся...

— Какой месяц, Саша! Я тут уже скоро три года. Помереть легче. Вот все, что у меня осталось...

Он протянул руку, и в ней появилась похожая на тыквенную половинку чашка с дымящимся напитком.

— Синтанг. Нечто вроде вашего зеленого чая, но с приличным наркотическим действием. Успокаивает и позволяет видеть красивые сны. Про Землю в том числе...

— А сопьешься?

— Совсем хорошо будет. «Жизнь, что идет навстречу смерти, не лучше ль в сне и пьянстве провести?»

— Да, брат, укатали тебя. Аж смотреть противно. Хорошо, Хайяма пока не забыл...

Сентиментальные рассуждения Сашке внезапно и остро надоели. Будет он еще чужие сопли утирать, когда на свои платков не хватает.

— Короче — есть у меня возможность тебя выручить? С этой позиции или другой? Я сделаю!

— Снова рискнешь головой?

— А хрена ли? Я только что свою настоящую смерть увидел. После чего любая другая — плюнуть и растереть. Как считаешь, правда то была или очередной понт не с нашего двора?

— У любого человека обязательно где-то есть «настоящая» смерть. Все остальные он сам себе организует.

— Ну, спасибо, философ. Еще чуток поговори, и останешься отбывать свое покаяние...

— Да уж, Саша, истинно сказано — не верь лстецам, верь грубиянам. Как ты мне тогда в морду засветил...

— И мне вспомнить приятно. Но хватит порожняк гнать. Что делать — быстро!

Антон сказал, что следует предпринять Шульгину, чтобы для начала перебросить матрицу Антона в какое-нибудь человеческое тело. Проще всего, за неимением лучшего, писателя Юрия...

— Во, бля... — удивился Шульгин. — Откуда ты

про него знаешь? И вообще — он из агтров, ты форзейль. И как же?

— Никакой разницы. Теперь. Если удастся, вернешься в Москву, помаракуем, что дальше делать. Здесь я скончаюсь от остановки моего погрязшего в неподобающих чувствах сердца — и пусть эта трижды долбаная вселенная катится гораздо ниже центра мирового равновесия... — Он добавил несколько фраз в духе незабвенного капитана Кирдяги¹. — В любом варианте *там* меня никто искать не будет.

— Плотно выражаешься, — похвалил Шульгин. — Есть шансы на выздоровление. Получается, кто-то тебя сдал своим, а кто-то заинтересован тебя выручить. Снова чужими руками. Я ведь не за тобой в странствия отправился. Наоборот, в душе надеялся, что очередной раз поможешь, если припрет. А оно вон как получилось. Кто ж меня под пулями на этот терминал вывел?

— Сам и вышел. Очень хотел, наверное.

Шульгин в душе согласился, что так и было. Все время в голове гвоздем сидела надежда на помощь Антона, картинка его кабинета в Замке, воспоминания о сомнительных по результатам, но все же дружеских встречах.

— Пусть так. Считаю, все к лучшему в этом лучшем из миров. Но пока я здесь, ты там и сохраняешь долю адекватности, подскажи, если знаешь, мне-то что дальше делать? В Москве или придется встретиться, или нет...

Антон прикрыл глаза темными, набрякшими веками, видимо, сосредотачиваясь.

И начал говорить странным, свистящим шепотом.

— Наступило время, когда действует не царь, а царица. На ее стороне сила. Всякая попытка подчинить ее себе может привести к опасным последствиям. Намечается возможность концентрации всего зла, которое было на предыдущих ступенях. Оно окончательно

¹ Персонаж цикла рассказов Л. Соболева, несравненный специалист в области флотского нецензурного фольклора.

не побеждено. На время это зло получает возможность действовать вновь. Никакой компромисс со злом по существу недопустим. Спасти положение может только стойкое пребывание на месте. Однако тупой и неразвитый человек, хотя бы он и был слаб, в силу закономерностей движения будет стремиться к действию. Всякое самостоятельное выступление помещает делу воссоединения. Однако не следует думать, что скрывание собственных достоинств приведет к дурным последствиям. Оставайся самим собой, и через сожаление придешь к успеху...

Пожалуйста вам — очередной Дельфийский орაკул! В одиночке сидит пожизненной, а вместо делового разговора несет заумную чепуху. Или таким образом их подводят к окончательному просветлению? Чтоб слюни начал пускать и, кроме своего синтанга, ни к чему более не стремился.

— Хорош, Антон, завязывай. Такой мутотени я тебе сам километры наговорю...

— А? Что? — Форзейль словно проснулся.

— Хватит, я сказал. Соберись. Сейчас когти рвать будем, не скрывая собственных достоинств. К успеху мы придем сами, а сожаления оставим твоим коллегам... Что делать, спрашиваю.

— Продолжай идти, куда идешь. Выход близко. Только не поддавайся эмоциям. А теперь сосредоточься. Вообрази, что пространство между тобой и мной исчезло. Вспомни настроение, с которым входил в Сеть. Окутай меня коконом своей воли. И — выдержи. Как зуб из челюсти. Дальше я сам найду дорогу. В Москве встретимся...

Шульгин так и сделал. Это оказалось совсем не сложно. Не труднее, чем перенести броневик через пятьдесят парсек.

Существо, которое секунду назад было Антоном, мягко повалилось лицом вниз на помост. Чаша откатилась в сторону, расплескивая остатки до сих пор горячего напитка.

Створки межпространственного барьера сомкну-

лись. Шульгин снова видел перед собой только пустую комнату и чистый стол. Провел рукой по голове — никакого шлема на ней не было.

Очередная миссия, следовательно, завершена. Кому из Игроков потребовалось Сашкиными руками спасать Антона, верного, хотя и несколько своевольного агента? Сами не могли? А ведь очень может быть. Очередное правило. Форзейль залетел по собственной неосторожности, угодил за решетку согласно законам своего мира, и освободить его просто так, в стиле Лихарева, вызволившего Буданцева из внутренки, там не получалось. Чужой мир — чужие правила.

Нет там ребят уровня Шульгина, Берестина или даже Лихарева, которые могли бы с автоматом в руке кованым ботинком вышибить дверь, положить мордой вниз охрану, закинуть друга в вертолет и увезти «хоть в Сухум, а хоть в Одессу». Была такая присказка еще в двадцатые годы. В мире Антона все ходят на цыпочках, кланяются и вежливо шипят, постоянно соображая, как кому угодить и где упрочить свою карьеру. Исполнение долга чести передоверяют представителям низших рас. Вроде землян, к примеру.

На столе ниоткуда возник телефонный аппарат, изготовленный из грубого черного бакелита в самом начале тридцатых годов, по дизайну соответствующий. Появился, постоял и требовательно зазвонил. Короткими пронзительными звонками. Так в то время отличали внутригородскую связь от междугородки. Обычно пугались: редко кто тратил деньги, чтобы порадовать приятной новостью. Чаще — наоборот.

— Слушаю, — со скептическим интересом ответил Шульгин. Что там они еще придумали?

— Ты меня слышишь, Саша, — прозвучал в трубке достаточно отчетливый голос Антона.

— Ну...

— Хочу сообщить, что до места добрался и устроился. Не скажу, что мне очень нравится тело, не мой размер, что называется, а остальное не так плохо.

Я тебя жду, постараюсь подготовить кое-какие материалы для успешного завершения начатой миссии.

— Тебя эта ерунда до сих пор интересует? — искренне поразился Шульгин. — Я бы после трех лет тюряги поинтереснее занятие нашел.

— Я, может, тоже найду. Но надо же тебя отблагодарить и обнадежить.

— Спасибо, милостивец ты мой! Не знаю, как без тебя и жил бы...

— Не ерничай, Саша. Дела обстоят не самым лучшим образом. Я бы так сказал — сожми зубы и прорывайся вперед, не обращая внимания ни на какие отвлекающие факторы. Ты меня понял?

— Чего ж не понять. Всю жизнь так живем. С вашей, кстати помощью.

— Об этом после поговорим. У меня талончик¹ кончается. Держись, Саша. Других вариантов нету... Только вперед! Не пытайся вернуться назад. Назад дороги нет. Только смерть или развоплощение.

Сашка подумал, что совет немножко запоздал. Недельки б две назад Антон это ему сказал, когда на Столешниковом попросту общались.

— Куда уж нам назад... — Он не договорил, в трубку запиликали короткие гудки прерванной связи. Да и так все ясно.

Вернувшись в хижину, Шульгин жадно выпил полкружки успевшего остыть крепкого чая и попытался уснуть. Сначала у него не получалось, даже его крепкая психика получила слишком большой эмоциональный перегруз.

Вспомнилась сценка в Замке после эвакуации с Валгаллы. Тогда он продемонстрировал форзейлю, а

¹ Если кто не помнит, в ТЕ времена для междугородного звонка принято было покупать на телефонной станции «талонны». На три, пять и более минут. Связь давали в удобное для телефонной станции время. Или не давали. См. соответствующую песню Высоцкого.

главное, девушкам, что человек покруче любого пришельца. Показал и доказал, послав Антона в нокдаун так, что тот даже не успел заметить движения его кулака. Впоследствии это сыграло свою роль, заставив Ларису обратить на него свое специфическое внимание, а друзей избавило от подсознательного почтения к пришельцу. Но основная идея была не только в этом: ему захотелось немедленно снять у самого себя комплекс поражения, стыд от проигранного сражения за Форт. А Антон, как ни крути, был одним из непосредственных виновников поражения. Сцепившись с Антоном, Сашка показал ему и всем, кто «сильнейший самец в стае». Может быть, после этого и начались между ним и форзейлем «особые отношения».

Мысли на грани засыпания приобретают особую пластику и подвижность. Еще не сон, уже не явь, и кое-какие тормоза с воображения снимаются сами собой. Частности текущих событий и «довлеющая дневи злоба» растворились, а вместо них нахлынули совершенно экзистенциальные построения. Поиск аналогий между аналогиями, как заумно выразился некий философ.

Что, собственно, объединяет каждую из более-менее серьезных деформаций реальности, в которых ему лично и «Братству» в целом пришлось поучаствовать? Каждую по отдельности и весь пакет в целом. Где тот инвариант, который остается неизменным, где бы им ни приходилось действовать, абсолютно добровольно или повинуюсь мягкому интеллектуальному принуждению?

Он мысленно заскользил по линейке времен и вееру вероятностей.

Закономерность обнаружилась почти сразу. Как никто из них раньше ее не заметил? Слишком они были озабочены нравственными метаниями и геополитикой.

Что бы они ни предпринимали: участие в боях на стороне квангов, попытки Новикова и Берестина переиграть Отечественную, создание Югороссии, подавление мятежа «леваков» в двадцать четвертом, — конечным результатом была минимизация человеческих

потерь. Не важно, в подлинных реальностях или химерических.

Разгромив красных под Каховкой, прекратив Гражданскую войну, они в итоге сохранили несколько миллионов жизней с той и другой стороны. Война закончилась на два года раньше, после нее не последовал большевистский террор, раскулачивание и коллективизация.

За недолгие месяцы пребывания Андрея и Алексея в сорок первом им удалось предотвратить разгром Красной Армии, в реальности потерявшей к осени полтора миллиона убитыми и больше трех миллионов пленными.

В Москве двадцать четвертого, удайся переворот, счет жертв тоже пошел на сотни тысяч, ибо очередная война Совдепии с Югославией стала бы неизбежной, а там и западная интервенция с целью выбить Россию из Царьграда и Проливов.

Нынешний тридцать восьмой... Почти прекращен террор, и есть шанс завершить запредельно жестокую испанскую войну. Ребята за Пиренеями такие горячие и беспощадные, что за два с лишним года при двадцатимиллионном населении ухитрились положить народу больше, чем в шестидесятимиллионной России за пять.

В перспективе вариант, когда не состоится и Вторая мировая, по крайней мере — в прежнем формате.

Кому нужен такой альтруизм? Или действительно перед Держателями, Сетью, а то и Тем, кто неизмеримо выше, стоит некая гиперцель, для которой требуется гораздо большее количество и куда менее кровавое человечество?

Зачем, интересно?

Но и самого первого (вполне возможно, что предварительного) вывода Сашке хватило, чтобы обрести желаемое душевное спокойствие. Ведь теперь, черт возьми, ориентируясь именно на этот параметр, можно жить и работать, не отягощаясь «проклятыми вопросами».

Хорошо, что ему не пригрезилась новая, вытекающая из первой, гипотеза. Например, такая — челове-

чество с какой-то целью необходимо довести до контрольной цифры поголовья. Или — критической массы. А уж тогда — или на колбасу, или... Ростокин рассказывал ему про девушку Зарю и ее план депортации с Земли двух миллиардов человек на предмет извлечения из них психической энергии.

Но до этого он дойти в своих умозаключениях не успел. Перевернулся на левый бок и окончательно заснул, без сновидений, чтобы проснуться на очередном привале по избранной им (или для него) тропе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Сейчас, похоже, кое-кто решил дать и ему позабавиться.

Нет, не так! Общение с «Добрый ангелом, светлым Даймоном» вывело на уровень формирующейся мыслеформы все связанные с ним воспоминания, в том числе о походах Воронцова, Новикова и Берестина на большую войну, в которой и он мечтал принять участие, да не довелось. На это наложились его последние размышления о «сбережении народа». И, наконец, собственное подсознание или соответствующая структура Сети для снятия неизвестно кем устроенного стресса с картиной собственной смерти предложили своеобразную компенсацию. Забудешь, не забудешь страшную картину, а отвлечешься.

Еще один штрих нельзя исключать из рассмотрения. Если уж позволили (или приказали) Шульгину-Шестакову одержать победу в первой современной войне двадцатого века, то скорее всего решили устроить ему небольшую стажировку. На войне еще более современной.

К делу подошли серьезно. Не только личную память восстановили в полном объеме по всем реальностям, а кое-чего добавили. В принципе известное, но проходившее краем сознания. Из читанных военных мемуаров советских и немецких полководцев, кое-какой публицистики, художественных книжек и филь-

мов «про войну», столь популярных среди школьников послевоенных лет.

Сейчас он все знал подробнее и глубже всех остальных вовлеченных в сюжет персонажей. На текущий момент и вперед, на всю протяженность их жизней, написанных воспоминаний, всей правды и неправды, что там содержалась, с чем они ушли на тот свет, стыдась или гордясь.

Само собой, техническая сторона вопроса оставалась для него непонятной. В отличие от Новикова с Берестиным и Воронцова его никто не инструктировал, не готовил морально и материально. Вбросили — и все. В расчете, что сам разберется и поступит, как хочет. Но снабдили и обеспечили неплохо.

Раннее утро двадцать седьмого июня сорок первого года. Он, как в своем варианте Воронцов, а точнее, взамен него, очутился на стыке рвущихся на восток вражеских группировок. Только не дивизионным комиссаром, а комиссаром госбезопасности третьего ранга. Три ромба в петлицах, которые повесомее для окружающих, чем звезды генерала армии. В разгар величайшего встречного танкового сражения, происшедшего в треугольнике Луцк — Броды — Ровно. Сражение под Прохоровкой описано тысячекратно, а это забыто или скорее непонято. Подробное изложение битвы было впервые опубликовано в пятьдесят седьмом, затем в шестьдесят первом, но не вызвало в историческом сообществе никакой реакции. Хотя в нем столкнулось вдвое больше танков, чем под Курском или когда-либо в истории. В лоб, без разведки, без знания обстановки, без пехотного и артиллерийского прикрытия. Броня на броню.

Наши его, к сожалению, проиграли, потеряв столько бронетехники, что хватило бы, время от времени пополняя неизбежные потери, грамотно воевать до самого Берлина. Зато немцы, без особого труда справившись с броневой армадой, утратили не только темп, как казалось поначалу, а последние шансы на выигрыш «блицкрига». О чем в тюремных камерах или на собст-

венных виллах горько плакались прославленные на других полях сражений клейсты, манштейны, гудерианы и несть им числа, «героям упущенных побед».

Шульгину для исполнения «миссии» были выделены три «тридцатьчетверки-85». Не беда, что в натуре они появятся только через три года. При тогдашней общей бестолковщине, мании секретности и технической неграмотности высшего комсостава смутно знакомый танк, с башней несколько иной формы и пушкой подлиннее обычной, вопросов вызвать не мог. Если немецкие специалисты сообразили, что «Т-34» — не совсем то, что «БТ», только к сентябрю, так что с наших спрашивать?

Сам он ехал, как и положено начальнику, в обычной «эмке», кистью перекрашенной из черного в цвет хаки, без всяких наворотов, кроме экрана системы глобальной ориентации, на котором карта местности и «точка стояния» воспроизводились с точностью до метра. За ним еще две легковушки и полуторка с бойцами личной охраны.

Десять минут ему было отведено, чтобы вжиться в роль, просмотреть карту. Оперативные сводки и приказы Верховного командования за последние дни Шульгину были известны, равно как и реальное положение дел на текущий момент. Главная, как говорится, «фишка» заключалась в том, что это был мир именно Сталина-Новикова и Берестина-Маркова. На Западном фронте усилиями Алексея фронт держался в предполье между новой и старой границами, и Минск еще не пал. Здесь, на Юго-Западе, пользуясь подавляющим перевесом в силах, наши войска непрерывно контратаковали и даже заняли встречным ударом находящийся на самой границе Перемышль. Советские войска, кроме пехотных и артиллерийских частей, имели на этом участке более двух с половиной тысяч танков против восьмисот немецких. Беда в том, что командование фронтом абсолютно не представляло реально складывающейся обстановки и продолжало импровизировать абсурдную конструкцию из обороны и наступления одновремен-

но. Опираясь на собственные фантазии, слухи и ничемные теперь приказы из «красных пакетов».

Новиков-Сталин, полностью поглощенный событиями на Западном фронте, судя по всему, рассчитывал, что генерал Кирпонос¹ с неделю продержится своими силами, а там общее изменение обстановки заставит немцев прекратить наступление и перейти к обороне. Для координации действий в помощь командованию фронтом был направлен лично начальник Генштаба Г.К. Жуков. Демонстрируя свои «лучшие» качества, будущий гений до предела запутал попавшихся ему на глаза командиров, сам ничего не понял, углубил дезорганизацию и отбыл восвояси.

Но Шульгину встретиться с ним позволено не было, из каких-то специальных соображений, а то бы он ему показал! Сотрудников ГУГБ Георгий Константинович боялся до неприличия, о чем не постеснялся упомянуть в своих мемуарах. Задача «комиссара» была весьма локальной, одноразового действия, но в случае успеха сулила коренное изменение всей стратегической картины.

Как раз сейчас готовился совместный контрудар четырех механизированных корпусов в направлении Дубно с целью разгромить наступающие немецкие войска и занять устойчивую оборону перед линией старых укрепрайонов.

Он еще успел и папиросу закурить, ту же самую «Северную Пальмиру», популярную у больших начальников, как «Кент» у партийно-административных работников в семидесятые.

Полевая дорога вывела его к месту, где член Военного совета фронта корпусной комиссар Вашугин с матом и под угрозой расстрела заставлял командира Восьмого механизированного корпуса Рябышева и его комиссара Попеля немедленно перейти в наступление. Бессмысленное, неподготовленное и не согласованное с соседями, ведущее к гибели корпуса и прорыву нем-

¹ Кирпонос М.П. — генерал-полковник, Герой Советского Союза, в сентябре 1941 г. погиб в окружении.

цев на оперативный простор. Неподготовленное настолько, что не только данных о положении противника, но обычных карт даже у комполков не имелось.

Не важно, подлинная это была сцена или воспроизведенная специально для него с макетами исторических персонажей, портретно неотличимых от оригиналов, сейчас она была абсолютно реальной для Шульгина.

Он приказал водителю, сержанту госбезопасности, остановить машину, а за ним и танки притормозили, попыхивая дизелями. Вышел на поляну, всем видом демонстрируя свою значительность, левой рукой держал папиросу на отлете.

Тут как раз разыгрывалась кульминация не только личной судьбы двух талантливых командиров — судьбы всего Юго-Западного фронта. Целый синклит собрался для реализации этого рокового решения. Вашугин, прокурор, председатель Военного трибунала фронта, порученцы и адъютанты, десяток штабных красноармейцев, сплошь вооруженных автоматами, которых так не хватало в боевых подразделениях.

— За сколько проданся, Иуда? — сдавленным от ярости голосом спрашивал невысокий ростом коркомиссар у генерал-лейтенанта с тремя орденами Красного Знамени. Тот тянулся в струнку перед членом Военного совета, опешивший, не зная, что ответить.

Вмешался бригкомиссар Попель:

— Вы бы выслушали, товарищ корпусной...

— Вас, изменников, полевой суд слушать будет. Здесь, под сосной, выслушаем и у сосны расстреляем...

— Потрудитесь прежде выслушать...

— Заткнись, штатный адвокат при изменнике!¹ Не хотите к стенке — двадцать минут на решение — и вперед...

На появившиеся на опушке танки и машину никто из присутствующих не обратил внимания. Не до того. Танки — это проза жизни механизированного корпу-

¹ См. мемуары Н.К. Попеля «В тяжкую пору».

са, а тут разыгрывались шекспировские страсти. Еще один узелочек, на который завязывались судьбы войны и мировой истории. Не начини корпус Рябышева бессмысленное наступление в пустоту, оттянись назад, за линию пока еще боеспособных пехотных соединений, где предполагалось наладить взаимодействие с Девятым МК Рокоссовского и Девятнадцатым МК Фекленко, 11-я и 13-я танковые дивизии немцев увидели бы перед собой танково-механизированную группировку, составляющую половину всех танковых сил Германии, причем в обороне на выгодных позициях. Семьдесят процентов советских танков при этом качественно превосходили немецкие. Даже те, которые потеряли способность передвигаться. Все равно пушки 45 и 76 мм, особенно из засады, могли расстреливать «Т-2» и «Т-3» беспрепятственно. Их малокалиберные короткоствольные пушки не брали броню «КВ», «тридцатьчетверок», модернизированных «Т-28» даже в упор.

А еще советские войска располагали значительным количеством тяжелой артиллерии, включая мощные шестидюймовые гаубицы-пушки, которых у немцев не было даже в проектах.

Не путайся под ногами у способных командиров сталинские выдвигенцы, совсем другая история могла бы в тот день сложиться. Был Вашутин средненьким командиром полка, стал за два года надсмотрщиком над командующим фронтом, вот и руководил. И наруководил.

Происходящее на кругленькой лесной поляне было так интересно срежиссировано, что никакой Мейерхольд не сумел бы. Звук между соснами разносился отчетливо, каждое слово — весомо и разборчиво.

Вразвалочку, большими пальцами расправив складки гимнастерки под ремнем, неторопливо ступая начищенными сапогами, похлопывая по голенищу старинным кавалерийским стеком, Шульгин подошел к

прощениуму трагической пьесы, остановился, качнулся с каблука на носок.

Безусловно, он был хорош. Особенно в сравнении с жалким подобием себя, умершим недавно в приюте для бедных. За ним так же неторопливо подошли и остановились с автоматами «ППД» на изготовку три сержанта и один лейтенант в фуражках с васильковым верхом.

Дослушав истерическую речь Вашугина и убедившись, что его так никто до сих пор не заметил, Сашка резко шагнул вперед, властно отодвинул левой рукой комиссара Попеля с линии, отделявшей его от Вашугина, медленно и презрительно спросил:

— А ты кто такой?

Член Военного совета фронта аж задохнулся.

— Да я, да я! Вы что, не видите... Я член...

— В этом — согласен. Именно то и есть! Кому и чей — пока не понял. Доложись по полной форме. Как учили. Ну! — Голос его завибрировал, как стальная полоса.

Накопленная за многие годы злость, помноженная на никак не выветривающееся из памяти зрелище собственной смерти, произвела должное впечатление.

Вашугин чисто инстинктивно сообразил, что не какой-нибудь комкор запаса, не успевший получить новое звание, стоит перед ним, а страшное ГУГБ в лице одного из высших представителей. Дернулся, закусил губу и ответил, сдвинув каблуки:

— Корпусной комиссар Вашугин, член Военного совета Юго-Западного фронта...

И тут, наверное, снова у него *взыграло*. Человек, способный застрелиться, осознав свою ошибку, все ж таки — сильный человек. Хотя и не совсем.

— А кто вы, товарищ комиссар? И какое право имеете вмешиваться? Я подчинен только ЦК! Я...

Пышные черные усы дергались, но выглядели приклеенными. Почему, бог весть, но такое впечатление.

— Ты, ты... — Шульгин усмехнулся, пистолет доставать не стал, просто откинул крышку кобуры. —

★ Может, вспомнишь, орел, был такой у тебя начальник по фамилии Гамарник?¹

Рифма вышла сама собой, непредусмотренно.

— Я, особо уполномоченный Ставки Главного командования Шульгин, на месте оценив обстановку, считаю, что твое поведение заведомо преступно. Ты сейчас что приказал генералу и бригадному комиссару? Спалить последний наш боеспособный корпус в бессмысленной атаке? За двадцать минут подготовить и организовать наступление, на что не одни сутки требуются? А потом? Сослаться на отсутствие сил для сопротивления и открыть фронт немцам? Такой у тебя преступный замысел? Данной мне властью объявляю тебя врагом народа...

И протянул раскрытое удостоверение, в которое был вложен квадратик картона со всеми положенными грифами и личной подписью Сталина. Не корпусному, бригадному комиссару Попелю.

Тот отчетливо, с торжественными нотками прочел:

— Распоряжения и приказы подателя сего обязательны к исполнению всеми представителями партийных, советских и военных органов. Секретарь ЦК ВКП(б), Председатель ГКО и Ставки Главного командования И. Сталин. Подпись, печать!

Вашугин побелел. Не столько от личного страха за себя, как от немыслимого изменения обстановки. Хотя отчего же немыслимого? Не так ли он минуту назад собирался поступить с Попелем и Рябышевым?

— Товарищ комиссар госбезопасности! Но я же выполняю Приказ номер три, тоже подписанный лично товарищем Сталиным, наркомом Тимошенко и начальником Генштаба Жуковым... А они отказываются!

— Вот и дурак. Ты сам карту когда-нибудь видел?

¹ Гамарник Ян Борисович — начальник Главного политуправления Красной Армии, армейский комиссар 1-го ранга, застрелился в 1937 году после начала процесса Тухачевского и др. Наверное, от страха.

Не сегодняшнюю, вообще карту? Не ту, что в дурака играют, — топографическую?

Вопрос поставил комиссара в очередной тупик, что отчетливо проявилось в его взгляде.

— Ладно, Вашутин. Расстреливать я тебя не стану, а вот проявить себя в исполнении приказа Ставки позволю.

Подошел, натренированными в занятиях боевыми искусствами пальцами сорвал с петлиц Вашугина ромбы, покачал на ладони, как бы не зная, куда девать. Можно и на землю бросить. Потом протянул Рябышеву:

— Спрячьте, до случая...

Прокурорские и судебные начальники, от греха подалее, оттянулись за ближайшие деревья. Никто из них не осмелился не то чтобы вступить за Вашугина, а хотя бы поинтересоваться достоверностью предъявленного мандата. Да куда им! Если кто в глубине души помнил основы законодательства, тот быстро сообразил, что, начнись разбирательство, сам факт их согласия с эскападами коркомиссара уже являлся подсудным. Кто военный прокурор и кто комиссар? Совершенно разные вещи.

Шульгин же, повторяя в чем-то друга Берестина, поманил рукой попавшегося на глаза танкового подполковника, который, прячась за стоявшей неподалеку «бэтэшкой», смотрел, полураскрыв рот, на разборки высшего начальства.

— Фамилия, должность?

— Волков, командир 24-го танкового полка.

— Я вас прошу, товарищ Волков, передайте этому товарищу свои шпалы, у меня под руками нету, а взамен, когда найдете, приколите себе четыре. Комкор приказ подпишет, а я завизирую. Имею право. Согласны, товарищ Рябышев? Достоин товарищ Волков нового звания и должности командира ударного передового отряда?

Из истории Шульгин знал, что в реальности подполковник Волков проявил себя в последующих боях очень хорошо, сумел выйти на коммуникации против-

ника и уничтожить танковый полк и тыловые подразделения 11-й танковой дивизии немцев. Но вскоре героически погиб, к сожалению.

Генерал-лейтенант, за пять дней настолько замотанный, что в идиотской ситуации с озверевшим коркомиссаром не догадался молча выстрелить ему в затылок, а затем списать эту потерю на «обстоятельства», кивнул. Больше всего ему хотелось спать.

Сержант, порученец Шульгина, неторопливо прикрепил на петлицы бывшего корпусного комиссара три шпалы. На пять ступенек вниз опустил Сашка амбициозного чиновника. Но ведь не расстрел и не самоубийство.

— Запомни, Вашутин. Дураком быть — право каждого, но нельзя этим правом злоупотреблять. Я только что спас тебя от паскуднейшей ошибки в твоей жизни. Если ты уверен в правильности того приказа, который заставлял выполнять знающих дело командиров, то вперед! Товарищ Рябышев, назначаю старшего батальонного комиссара заместителем командира передового отряда. Как ты распинаясь здесь — к вечеру взять Дубно? Вот и бери...

Шульгин никогда не был злым человеком. Просто при встрече с хамами, подлыми дураками или откровенной сволочью у него срывало стопорá, как говорил Воронцов. И тогда он поступал не всегда по-христиански.

Раскрыл коробку папирос, протянул всем, кто находился рядом: Попелю, Рябышеву, Вашутину тоже и ставшему полковником Волкову. Спичку поднес сержант из-за спины.

После глубокой затяжки сказал Рябышеву:

— Исполнит отряд свою задачу, она, кстати, смысла имеет, возьмет Дубно, обрежет немцам коммуникацию — отдайте Вашутину ромбы. Пусть делает с ними, что хочет. Не вернется из боя — доложите, что пал смертью храбрых. Перебежит к немцам — тоже доложите, как есть. Выбор за тобой, товарищ Вашутин...

Шульгин большим пальцем указал за спину, на бесстрастных, как члены хора в античной трагедии, сержантов.

Кто думает, что подобные сцены даются легко, сильно ошибается. Нервы горят не слабее, чем в бою.

А что же тогда сказать о Попеле и Рябышеве? Сашке — эмоциональный всплеск, а людям сорок первого года — едва не снесший головы взмах крыла бессмысленной и унижительной смерти. От руки представителя той самой власти и партии, которым они беззаветно отдались двадцать лет назад.

Да, следует позаботиться еще о других представителях фронта. Большие люди — прокурор в чине бригадвоенюриста, председатель трибунала — тоже. И свита от лейтенантов до майоров. Целый взвод набирается. Берестин когда-то повеселился, поставив на место всего лишь одного капитана ГБ, а тут сколько подходящей публики.

— Этих — тоже в строй. До тех пор, пока обстановка не нормализуется. Вы хотите что-нибудь возразить, товарищ? — заметил он негодующий жест бритоголового прокурора.

— Да, хочу! Невзирая на ваши полномочия. Прокурорский надзор и судебные органы...

— А ты бы лучше заткнулся. — Грубить в этой ситуации Сашке просто нравилось. Разрядка как-никак. — Какой на хрен ты надзор, если при тебе какой-то придурок собирается ставить к стенке заслуженного генерала? Ты обвинение рассмотрел в установленном порядке, заслушал свидетелей, приказы изучил и сопоставил? В трибунал дело передал, командующему фронтом доложил? Что-то я такого не заметил. Стоял, сволочь, и кивал...

Ромбик в петлице у прокурора, три у Шульгина, и грозная эмблема на рукаве, и напор, и расстегнутая кобура...

— Вашутин тебе был выше закона? Его приказы выполнял? Так и сейчас будет! Генерал, — повернулся он к Рябышеву, — посадите всю эту команду, — он обвел рукой вашутинский синклит, — в две полуторки и направьте в составе ударного батальона на Дубно. Пусть хоть раз в жизни немцев увидят... А то, мать их

так, ромбами и шпалами обвешались, а с какой стороны у винтовки приклад, плохо помнят. Выдайте им по винтовке и по сорок патронов!

Жестоким человеком Шульгин себя не чувствовал. И негодяем тоже. Вот когда невинного человека к смерти приговариваешь или к десятилетнему сроку, почесываясь и отхлебывая чаек с лимоном, тогда — сволочь. А дать увешанному знаками отличия и различия командиру высокого ранга проявить себя в открытой борьбе с врагом — благодеяние! Вдруг уцелевшие найдут именно там свое призвание?

Стрелковые командиры все равно поглядывали на бывших властителей судеб с опаской, потому Шульгин поручил исполнение своего приказа сержантам. Тем все равно, что Блюхер, что нарком Ворошилов, что захолустный прокурор.

— Все, товарищи командиры. Что было, то было. Теперь слушайте мою команду, — сказал он, когда они сели вокруг раскладного стола рядом с машиной комкора.

Рябышеву Шульгин приказал немедленно собрать все свои дивизии и полки, подгребая по пути любые пехотные и артиллерийские части, независимо от подчиненности, стремительно отойти, прикрываясь арьергардами, на линию реки Горынь и прилегающих укрепрайонов. Где и занять жесткую оборону.

— Вот вам мой, от имени Ставки, приказ. — На листке полевого блокнота с отпечатанным поверху перечислением всех его должностей он остро отточенным красным карандашом написал вышесказанное. — Ни на какие иные распоряжения не реагируйте, за исключением лично вам адресованных и доставленных офицером связи, подписанных не ниже чем наркомом обороны. Если комфронта нажимать станет, просите у него письменной, под свою ответственность, отмены этого. А таких, как Вашугин и ему подобных впредь ставьте к стенке, не вступая в пререкания. В нынешней обстановке о них никто не вспомнит и с вас не спросит. Вот, к слову, комкор-9 Рокоссовский вообще ни один нынешний дурацкий приказ не исполняет,

действует только по своему разумению. И корпус цел, и сам далеко пойдет...

Теперь осталось еще одно дело, казавшееся важным. Шульгин помнил, как после отъезда Воронцова генерал Москалев отказался выполнять его приказ на диверсию в тылу немецкого моторизованного корпуса. Как бы и здесь такого не случилось. Значит, стоит присмотреть лично хотя бы за первыми шагами командования.

Куда веселее, подумал он, было бы сейчас рвануть на машине до ближайшего крупного узла связи и вызвать Москву, Кремль. Поговорить по душам с Андреем. Интересный разговор мог получиться. Но ведь не получится. Скорее всего он просто не доедет. Шальную бомбу немецкий «Ю-87» сбросит или отзовут его на очередной уровень. Раз не было в воспоминаниях Новикова такого, так и здесь не случится. Парадокс, понимаете ли...

Но немножко побаловаться ему вряд ли помешают.

— Садитесь в свой танк, товарищ бригадный комиссар, — предложил он Попелю. — Прокатимся, пока передовой отряд изготовится, посмотрим, что там впереди делается...

Судя по книге воспоминаний Н.К. Попеля «В тяжкую пору», он был весьма храбрый человек, с первых дней войны лично водил танки в атаку, наблюдая поле боя через оптику прицела. И сумел, не покидая передовой, дожить до Победы. Шульгин и решил показать ему, каким образом следует воевать, чтобы сократить пресловутые тысячу четыреста восемнадцать фронтовых дней хотя бы вдвое.

Впереди двигались три шульгинские «восемьдесят пятки», за ними тоже три машины, но с пушками «семьдесят шесть». В первой на месте командира устроился бригадкомиссар. Он не совсем понимал замысел странного чекиста. Приказ Вашугина возглавить ударную группу трехдивизионного состава с массой танков был плодом нервного срыва потерявшего голову начальника, но там хоть масштабы соответствовали

★

должности. Идея же отправляться навстречу врагу, в неизвестность, всего лишь ротой не лезла вообще ни в какие ворота. Высокому представителю Ставки выезжать на передовую, без всякой охраны, в железной коробке, которая пусть и защищает от пуль и осколков, но жарко вспыхивает и взрывается от единственного снаряда немецкой зенитки, — безрассудство.

Попель был благодарен чекисту за спасение, чем черт не шутит, сдуру ведь и вправду мог Вашугин поставить его и Рябышева к сосне, заменяющей стенку, но параллельно испытывал совсем другие чувства. Как всякий нормальный человек тех лет, успевший покрутиться на разреженных высотах, где обитают птицы, увенчанные звездами и ромбами. Поведение, манера разговора комиссара вполне соответствовали общепринятым, а как же иначе, Шестаков знал «номенклатурный политес» получше армейского политработника. Но одновременно Николай Кириллович «пролетарским чутьем» ощущал в чекисте не нашего человека. Будь он просто из дворян или из царских офицеров, за двадцать с лишним лет пообтерся бы, а этот словно вчера *оттуда*. Один стек чего стоит, но прежде всего — презрение в глазах плескалось, когда он говорил с Вашугиным. Совсем не то, что испытывал сам бригадкомиссар, стоя перед членом Военного совета. Приходилось Попелю в Гражданскую встречаться с белыми офицерами, до сих пор он помнил такие вот взгляды. Даже у пленных перед расстрелом.

Танки тоже вводили в задумчивость. Так, не вникая, «тридцатьчетверка» и «тридцатьчетверка». Башня да, несколько другой формы, и пушка, само собой. А вот техническая культура... Попель немало лет посвящал службе в танковых войсках, знал все типы машин, начиная с «Т-26» первых моделей и «БТ-2», и, что называется, нутром чувствовал, что эти три танка отличаются от его машины сильнее, чем сама она от «бэтэшки».

Бригадкомиссар не ошибся, «Т-34-85», которые он видел, относились к последним сериям этой модели, изготовлены по самым совершенным для конца соро-

ковых годов методикам. От архаичных машин первого образца отличались разительно.

«Надо бы спросить у чекиста, когда и на каком заводе выпущены его танки, — думал Попель, — что в них нового и необычного, когда начнут поступать в войска... Да поздно уже».

Их маленький отряд, пройдя десяток километров по лесной дороге, вышел к берегу речки Пляшевки. Судя по карте и расчету времени, с той стороны на южный берег только-только начали переправу разведподразделения 16-й танковой дивизии немцев.

День стоит настоящий июньский. Тепло, но не жарко, небо синее, без единого облака. Далеко на севере и северо-западе погромыхивает, но совсем не страшно, вроде уходящей грозы. Наверху ни одного самолета, ни нашего, ни вражеского.

С заросшего негустым лиственным лесом пригорка хорошо видны осторожно преодолевающие бревенчатый мост четырехосные броневики «Ахтрад» с двадцатимиллиметровыми пушками в угловатых башнях. За ними пылили по проселку до десятка «Т-3».

Вводная ясна. Немцы выйдут в существующий здесь оперативный вакуум, подтянут за собой мотопехоту, организуют плацдарм и с утра силами всей дивизии, а то и более того, получат великолепную возможность нанести сокрушительный удар во фланг наступающих на Дубно соединений корпуса. При том уровне тактической подготовки, что имеют средние и даже старшие командиры Восьмого МК, управление войсками сохранить вряд ли удастся.

Попель, высунувшись по пояс из люка, с биноклем в одной руке и сигнальными флажками в другой, пристально всматривался в открывшуюся ему картину. Шульгин спрыгнул на траву, добежал до его танка.

— Интересно, Николай Кириллович?

Бригкомиссар только поморщился. Тон представителя Ставки показался ему неуместным. А возразить — субординация не позволяет.

— Ваш передовой отряд сюда не успевает...

— Ему и направление другое указано. Мать... — не выдержал Попель, — ну где же, на хрен, наша авиа-разведка? Где все? Атакуем?

— Да что же это у вас неискоренимые кавалерийские замашки? — со всей возможной иронией произнес Сашка. — Не наатаковались еще? А беднягу Ва-шутина за те же инстинкты осуждаете. Пока я не дам иной команды, стойте, где стойте, и наблюдайте...

До переправы было около двух километров, и Шульгин успел, не высываясь из-за маскирующего подлеска, развернуть три своих танка в цепь с интервалами пятьдесят метров.

Он знал, что водители и башенные стрелки вверенных ему машин владеют своим искусством на уровне корабельных роботов. Тоже подарок.

Сам он с друзьями на Валгалле сумел вполне прилично освоить «Леопард», «МТЛБ» и прочие виды отечественных бронетранспортеров, но с «тридцатьчетверкой» дело имел впервые. Однако, как выяснилось, знал ее наизусть и мог с закрытыми глазами найти любой маховичок, рычаг и переключатель, что в башне, что в отсеке управления.

Теснее здесь, конечно, было, чем в «немце», и с эргономикой плоховато, однако в заданных условиях по-воевать вполне можно.

С дистанции в восемьсот метров даже из обычной «СВД» ничего не стоит попасть в поясную, тем более — ростовую мишень. А тут с места, из танковой пушки с приличной оптикой, в едва ползущую машину размером с сарай!

По броневику он приказал стрелять фугасными снарядами. Эффектнее и нагляднее получается. Стальные листы веером в разные стороны, башня плавно крутится в воздухе, с треском рвутся снаряды и патроны боеукладки, жарко вспыхивает бензин.

Четыре прицельных выстрела — четыре «Ахтрада» превратились в чадящие кучи железа. И раньше, чем командиры танков успели осознать изменение обста-

новки, «тридцатьчетверки» перенесли огонь на них. Только снаряды пошли в ход бронепробивные.

Естественно, стрельбы такой точности и интенсивности ни сам Попель, ни его экипажи раньше не видели. Как-то не получалось в советских танковых войсках в то время действовать по принципу «выстрелил — забыл». Пушки были не те, прицелы, наводчики вообще вне всякой критики. У немцев, к сожалению, с меткостью обстояло получше, но не в этом случае. С их стороны донесся всего один, да и то сделанный наобум выстрел. И все. Силенциум, как говорили древние римляне, то есть — тишина.

Шульгин, вытирая пот со лба, шел навстречу выпрыгнувшему из башни Попелю, а его стрелки из трех стволов сразу разносили в щепки на совесть, еще австрийцами сделанный мост.

— Вот примерно таким образом, товарищ бригадный комиссар, воевать надо, — с явным удовлетворением за хорошо сделанное дело сообщил он. — В нынешней конкретной ситуации. Потерь нет, расход боеприпасов минимальный, задача выполнена на сто процентов с хвостиком. По такой методике вам даже «Т-35» и «Т-28» до конца войны хватит. А дивизией вылетать в лобовую атаку на артиллерийские позиции, да с пикировщиками над головой, — всей промышленности не хватит вас пополнять...

Сейчас он боялся одного — что его выдернут и отсюда, как не раз бывало, и пропадет весь воспитательный момент. Хорошо ли будет комиссару и атеисту увидеть, как грозные танки бесследно растворяются в воздухе вместе с «уполномоченным»? Совсем товарищ дезориентируется, впадет с непривычки в мистику, и непредсказуемо, в какую сторону ход его мыслей обернется.

Значит, нужно удерживать картинку, сколько хватит сил, чтобы успеть попрощаться, после чего удалиться по лесной дороге для выполнения очередного поручения Ставки.

Попель тоже выглядел довольным и даже восхи-

щенным. Шутка ли — целый немецкий разведбат разгромили, а главное — обстановка на фронте стала намного понятнее.

— Если б надо мной никакого начальства, кроме господ бога, не было, я б тоже так воевал, — спокойно ответил он. — Ударил — и в кусты. А нам, хочешь не хочешь, и пехоту поддерживать надо, и марши в указанный район совершать, да и задачи танков в глубокой операции никто не отменял. Вот скоро на запад повернем, нам же Львов обратно брать и придется... Там в кустах не отсидишься.

Вступать в дискуссию и сообщать комиссару, что до расположенного в полусотне километров Львова идти придется три года, через Москву и Сталинград, он не стал.

— Я ж вам не предлагаю всю стратегию переписывать, я только показал, что в вашем нынешнем положении, пока бардак не войдет в рамки, вверенную технику следует использовать более рационально. Чтобы потом не было мучительно больно... Одним словом, прощайте, Николай Кириллович, дела ждут. Не вы один у меня в списке. Может, когда и встретимся. Желаю удачи...

— Подождите, товарищ комиссар госбезопасности. Один только вопрос — почему в распоряжении НКВД уже имеются такие машины, а мы про них даже слыхом не слыхивали?

— Вопрос, конечно, неуместный, но вам — ответу. Прежде всего, строится эта машина на заводах нашего подчинения, вот нам и пришлось ее первыми в деле испытать. Похоже, неплохо слепили. Самое же главное — никакого смысла нет их в войска сейчас передавать. Вы ж людей за два года службы и тем, что есть, пользоваться не научили. Проехал я по дороге от Тернополя — без всяких немцев по обочинам десятки и сотни танков и тягачей из-за пустяшных неисправностей брошено. Дай вам эти — еще хуже было бы. Так что... Как в одном анекдоте говорится: «Сначала плавать научитесь, а потом воду в бассейн напустим».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Скрыться в лесных дебрях со своим взводом Шульгин успел. Если бы еще немного его здесь поддержали, он бы наверняка постарался помочь отряду Волкова с минимальными потерями взять Дубно. А оттуда, будь что будет, попытался связаться пусть не с Новиковым, хоть с Берестинным в Минске. Глядишь, договорились бы о взаимодействии... Возможно, как раз за это намерение его в очередной раз упразднили из реальности.

Скитания по уровням Гиперсети становились утомительными, не так физически, как нравственно. Антон ничем не посодействовал, а в благодарность за спасение мог бы подсказать что-нибудь по делу. Простое и понятное, как боевой приказ или инструкция к зубилу. Возможно, конечно, что и сам ничего не знает, иначе не попался бы так пошло своим контрразведчикам. Взяли его, наверное, сразу после связи со столешниковской квартирой. А откуда три года? Оттуда же, наверное, откуда базар в древней Ниневии. Не так уж существенно.

Собственная участь волновала Шульгина гораздо острее. Неужели он примитивным образом заблудился в веках, как герой стихотворения Гумилева, и никто из сильных мира сего или «того» никак не причастен к его скитаниям? И каждый сюжет, в который он попадает, — проекция одного из эпизодов земной реальности? Проекция, или реконструкция, «нарезка фильма». Валяются на полу монтажной куски киноплёнки, и кто-то без разбора вставляет их в проектор, смотрит минуту-другую и отбрасывает. А для него это длится часами и сутками.

Можно и иначе представить: берут его, как пешку или фигуру, за полированную деревянную голову и ставят на очередное поле доски, которое на самом деле — фрагмент подлинной жизни одной из мировых линий, куда просто не приходилось раньше попадать. А общий рисунок игры, тем более — замысел партии, с позиции пешки или даже слона рассмотреть невозможно.

Вот сцена на фронте — она ведь выглядела абсо-

лютно достоверной, в точности воспроизводила факт «настоящей» войны. Никаким образом не совпадающей с той, какая могла бы случиться в случае его испанской победы.

Его собственное поведение выглядело так, будто он долго и тщательно репетировал роль. Ни малейшей растерянности при встрече с историческими личностями, никаких провалов памяти, как в сцене с пургой и погоней. Четкое осознание своей полной идентичности и адекватности. Может быть, потому, что реальность Главной исторической последовательности полностью синхронна и синфазна менталпотенциалу его мозга, а другие реальности в той или иной мере «псевдо» и он не может с ними полноценно совместиться?

Он своим вмешательством немедленно изменил подлинный ход событий и слепил очередную «химеру». Удалось вывести 8-й мехкорпус из наметившегося «мешка», сохранить его боеспособность, сбить наступательный порыв немцев — глядишь, и не хватит им через месяц ударной силы, чтобы замкнуть кольцо Киевского окружения. Почти шестьсот тысяч солдат и командиров фронта не погибнут и не сдадутся в плен, а организовано отступят на следующие рубежи. Соответственно, немцам не удастся устроить Вяземский котел, в котором стигнуло еще около полумиллиона, и так далее...

Вдруг в том и заключается некая высшая цель или непознанный закон природы — множить и множить число «химер»? А он, проникнув в Сеть по собственной воле и с конкретным замыслом, попутно оказался неким катализатором непостижимых процессов. Хорошо еще, если попутно, куда как хуже, если окажется приписан к этой функции навечно. Может, именно его Сети и не хватало, чтобы поддерживать в ее структурax здоровый мутагенез. Предупреждал ведь Антон...

Нельзя, кстати, исключить и другой вариант — он сейчас «методом тыка» ищет то, что нужно ему лично, по принципу «пойди туда, не знаю куда...». Вот и ходит.

Проще же всего — претворилась в жизнь давно предсказанная угроза. Влез с недостаточными силами

дальше, чем следовало, и завяз, как на «Жигулях» в разъезженных «Уралами» глинистых колеях. Ни взад, ни вперед, а то, что мелькает за стеклом, — разбуженная воем мотора таежная нечисть мороки наводит.

Декорация тем временем в очередной раз изменилась. Мгновенно и без театральных эффектов.

Только что был теплый прикарпатский вечер, успокоительно урчал мотор «эмки», тяжело переваливались на кочках танки в зеркале заднего вида. Открылась уютная полянка с родничком, оправленным аккуратным срубом. Шульгин приказал остановиться, водички попить и по противоположной надобности. С удовольствием сделал несколько глотков, отошел за кусты, радуясь тому, что физиология подтверждает его материальную сущность, и тут же осознал себя стоящим совсем в другом месте. Мгновенно потемнело, задул холодный ветер, с неба посыпался мелкий и тоже холодный дождь. Со всех сторон его окружали не прикарпатские яворы, а мачтовые сосны, далеко вверх, невидимые в темноте, шумели кроны. Под ногами мокрый песок узкой проселочной дороги.

Что-то знакомое почудилось ему. Запахи, вообще масса неуловимых признаков того, что не чужой он здесь, бывал неоднократно. Может, не в этой самой точке пространства, но поблизости. Сырость висела в воздухе не только дождевая, а как бы исходящая от большой воды, реки или озера. И многое другое подсказывало.

Отойдя под защиту леса, чтобы не маячить на дороге, хотя вокруг царил тишина, естественные, природные звуки не в счет, Шульгин попытался понять, в каком теперь находится качестве и какими ресурсами располагает.

На нем была плащ-накидка с капюшоном, под ней — военная форма, на ощупь — незнакомого покроя. Не та, в которой он изображал комиссара. На плечах — жесткие парчовые погоны. В кобуре тяжелый револьвер. В карманах всякая мелочь, в том числе металличе-

ский портсигар и грубо сделанная зажигалка, с большим рифленным колесиком. Уже хорошо. Как бы снова не Гражданская война или Первая мировая.

Спрятавшись за ствол сосны и поглубже надвинув капюшон, он закурил. От фитиля резко запахло плохим бензином. А папирота как папирота, толстая, душистая, крепкая, турецкая, наверное. При ее ярких вспышках разобрал на крышке портсигара черненные изображения скачущих коней. Никаких надписей.

Достал из кобуры револьвер. Больше на ощупь, чем с помощью зрения, попытался его идентифицировать. Система незнакомая, что-то среднее между «смит-вессоном» и «кольтом» конца XIX века. Калибр между четырьмя и пятью линиями¹. Барабан классический, на семь патронов, полный. Еще столько же в карманчике кобуры. Ладно, на первый случай хватит. Очень возможно, что по замыслу ему больше и не нужно.

Когда папирота догорела и глаза окончательно привыкли к темноте, он опять вышел на дорогу. Какое направление выбрать? Задача чисто Буриданова, оба они равноценны, но нормальный человек тем и отличается от осла и философа, что способен принимать немотивированные решения.

Шульгин пошел направо, и уже через полкилометра примерно впереди замаячил слабый свет. Он ускорил шаг. Обрисовался контур большой, северорусского стиля бревенчатой избы, с высоко поднятым крыльцом, чтобы снежными зимами входную дверь не заносило. Из занавешенного изнутри окошка рядом с дверью пробивался тот самый лучик, который ему повезло заметить.

Сойдя с дороги, Сашка, бесшумно ступая по высокой мокрой траве, подобрался вплотную, держа револьвер на изготовку. Прислушался. В доме тихо, только где-то позади него, в конюшне или в сарае, чуть слышно пофыркивают несколько лошадей.

¹ 10,2 — 12,7 мм.

Сквозь щелку в занавеске удалось рассмотреть край освещенного керосиновой лампой стола и тень сидящего за ним человека. Больше, пожалуй, в горнице никого не было.

Шульгин осторожно постучал в стекло. Тень пересекла горницу и исчезла. Ее хозяин, судя по всему, совершенно спокоен, стук в окно глубокой ночью его не встревожил. Или ждет кого-то?

Скрипнули петли тяжелой, набухшей от сырости двери.

— Ты, Акинф? — услышал Сашка странно знакомый голос. — А чего в дом не заходишь?

На ступеньки упало пятно явно электрического света. Довольно сильный фонарь. Луч скользнул вверх, уперся в глаза Шульгина. Он заслонился ладонью.

— Уберите... Я — просто прохожий. Погреться пустите?

— А револьвер зачем? Брось на землю! Постойте! Александр Иванович, неужели вы? Откуда? Заходите же...

Уж на такую встречу Шульгин рассчитывал меньше всего.

Игорь Ростокин, журналист из 2056 года, встреченный Андреем в Сан-Франциско, с которым они славно поработали в Москве-1924, принятый затем в «Братство» в качестве полномочного представителя по XXI веку реальности «генерала Суздалева». Что он тут делает, вообще что это за место такое?

Сашка сбросил накидку, с которой дождевая вода прямо-таки струилась, вслед за Ростокиным прошел в комнату.

Одет Игорь был в незнакомую форму, покроем напоминающую драгунскую времен Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Узкий темно-зеленый китель, синие брюки, заправленные в высокие сапоги со шпорами, серебряные двухпросветные погоны со скрещенными мечами, наложенными на вензель «М». На ремне револьвер, очень похожий на тот, которым вооружили Шульгина.

Ростокин, не сдержав порыва, обнял Шульгина.

— Вы ко мне на помощь, Александр Иванович? Ох, как вовремя. А много ли с вами людей? Мы с Акинфом вдвоем остались. И еще взвод в монастыре. Никак не устоять...

Он взглянул на Шульгина как-то странно.

— Не пойму я только, как же вы Акинфа миновали? Тут только одна тропа, а я ему велел перед мостом стоять. Или вы с озера подошли? Катером?

Сашка решил до последнего не задавать демаскирующих вопросов. Своя здесь реальность, это безусловно, и Ростокин в ней свой, а сам он кто? Вот и стараемся выяснить окольно, применяя «стратегию не прямых действий». «Ловушка, ловушка, я в тебя не верю!» — так, кажется, звучит основное заклинание?

Для начала просчитаем, из какого эпизода их общего прошлого здешний Ростокин. Их не так уж много. Он посмотрел в висевшее между окном и дверью зеркало, старое, с пятнами облесшей амальгамы. На нем мундир, близкий к тому, в который одет Ростокин. Только китель серо-голубого цвета, а брюки черные. До бриджей-галифе здесь еще не додумались, если вправду семидесятые годы. Тысяча восемьсот... Сапоги одинаковые. Погоны похожие, но у него скорее генеральские, зеленый зигзаг по парче, без звездочек. И без вензеля. Полный генерал, что ли? Недурно.

Конечно, для Ростокина он с самого начала был генералом, хоть врангелевским, хоть орденским.

Так, значит, сейчас воплощаем мечту Игоря?

Сразу все встало на свое место: он рассказывал, как в ходе их эксперимента по поиску в дебрях реальностей мертвеца Артура с подругой очутился в мире своего недописанного романа о вторжении орд Батыя в условную Русь¹. Без подробностей, которые затрагивали слишком много личного.

Интересно, очень интересно. Ростокин сожалел, что

¹ См. «Андреевское братство».

таланта и убежденности ему не хватило, чтобы удержать реальность, о которой он много лет страстно мечтал. Ту, где он, молодой князь Мещерский, доверенное лицо великого князя Михаила (фигуры вымышленной, но совместимой одновременно с Александром Невским, Дмитрием Донским, Иваном Четвертым), встретил любимую княжну Елену в драматических обстоятельствах, спас, естественно, и едва не обрел чаемое счастье.

Смешно, конечно, вообразить такое цинику Шульгину, выросшему в совсем иную эпоху, что и через сто лет двадцатилетние юноши станут восхищаться и увлекаться сюжетами в стиле Вальтера Скотта или Бестужева-Марлинского, а вот поди ж ты!

Когда-то, не вдаваясь в подробности, Игорь рассказал ему о том, что случилось в том астральном походе, но крайне скупое, поскольку совсем другие проблемы их тогда занимали.

Вбросил Шульгин романтического мужчину из благостного 2056-го в жестокий девятьсот двадцать четвертый, и тот себя проявил там достойно. А теперь оказывается, что не так уж слаб оказался и воображением, если смог принять в придуманном мире реального человека. Тоже близок к уровню Держателей (или Удержателей) своих мыслеформ.

Воспоминаний хватило, чтобы включиться в сюжет.

— Лесом я прошел, Игорь. Акинфа твоего не встретил. Татар тоже. Но людей со мной нет. Один я... Так уж получилось.

И внимательно посмотрел на «князя», как он отреагирует, рассыплется ли самодельная реальность, вспомнит ли Ростокин свою истинную сущность, хоть какую, кроме придуманной. Очень бы просто стало, если б тот воскликнул: «Александр Иванович, слава богу, вы пришли, и наваждение кончилось, а то ведь прошлый раз в окошко постучали, когда я письмо великого князя собрался прочесть, дверь открыл — а там яркое утро, Артур стоит на пороге, и княжна исчезла, и все...»

И они бы вместе начали думать, как выбираться обратно. Вдвоем с таким напарником гораздо легче.

Но Ростокин полностью оставался в образе.

— Поесте хотите? В печи горшок щей и сковородка жаркого томятся. Выпить тоже найдется. Только минутку подождите, взгляну, как там княжна. Жар бы не прикинулся...

Молодой князь ушел. Поразительно, какая интересная конструкция выстроилась. Лексика у Ростокина, человека середины XXI века, совпадает и с той, которой пользовался Шульгин, и одновременно слегка стилизована, не под конкретный XII или XV век, а вообще, под условную старину. Помнит Шульгина и не сомневается в наличии княжны, лежащей в соседней комнате. Вдобавок эта лубочная реальность, в которой Сашка сейчас пребывает, выглядит весьма достоверной. По ощущениям. Даже сорок первый год разил кинематографом в стиле Озерова, а здесь — как дома.

Стены, печка, запах керосина, табака — все натуральное до последней крайности.

— Хорошо, — сказал Ростокин, вернувшись. — Спит. Пропотела после баньки да медовухи, дышит ровно, даже улыбается...

Видно было, что и он сейчас счастлив.

Почему бы и нет? Прошлый раз *задание* и что-то еще помешали ему остаться в придуманном для себя мире. Артур появился совсем не вовремя. Сейчас — *мгновенье глится*...

— Рад. Надеюсь, к утру совсем здорова будет, — сказал Шульгин. — Если время позволит, еще раз в баньку, чаю с малиной-калиной, медом, и снова в постель. Аспирина у тебя, думаю, нет? Или чего посылнее?

— Да откуда же? — на секунду выпал Ростокин из образа и немедленно в него вернулся: — Зато трав всяких много, монахи из Пустыни сушили и собирали. Если, упаси боже, болезнь княжну прихватит, отец Флор много в лечебном деле искусен, к нему обращаться...

Так, это направление пора оставить. Далекое заведет.

Шульгин демонстративно перекрестился.

— Да пребудет с нами сила Его! А то и так обойдется. Неси на стол, что обещал. Карта у тебя имеется?

— Как же, всенепременно...

Примитивная стилизация, но Ростокину, наверное, так те времена и представляются.

Еда была вполне удобоприемлемой, то, что Ростокин считал водкой, больше напоминало ирландский виски, но действовало правильно. Тринадцатый век по замыслу, чего вы хотите?

Карта изображала южный берег Селигера и окрестности вплоть до Селижарова. Как же к нему привязалось это загадочное озеро! Который уже раз вокруг него происходят необыкновенные или хотя бы неожиданные приключения. А началось все с первого приезда сюда, в восемнадцатилетнем возрасте. И — зацепило что-то.

Исполнена была карта тоже в технике XIX века, не горизонталями, а штриховкой, но очень тщательно, в масштабе три версты в дюйме. Красным и синим карандашами нанесена обстановка. Хреновая, нужно сказать.

— Вот это мне доставила княжна Елена от великого князя, рискуя жизнью. Полусотня лучших дружинников погибла, защищая ее и уведя погоню в глухие леса. Одна она добралась...

Шульгин помнил, как, вернувшись из той прогулки в Гиперсеть и приведя с собой Артура и Веру, Ростокин рассказывался о привидевшейся ему «экранизации» своих юношеских записок с приличной долей иронии. Что слишком, по его словам, «картонно» было сделано.

Сейчас он живет тут всерьез. Надо, кстати, отметить, что *выбило* его прошлый раз до нынешнего момента, тогда он только собрался вскрыть пакет, как картинка изменилась и он увидел переставшего быть покойником Артура.

Сказал «старшим товарищам», конечно, не все, да и кто бы сказал, но душевная боль о второй раз не реализовавшейся мечте у Игоря осталась.

Главный вопрос — Ростокин ли на этот раз сумел

удержать реальность, чтобы досмотреть, чем все кончится, исключив из сюжета Артура, или Шульгина ему подставили в качестве партнера, чтобы они вдвоем закрепили такой, вполне бессмысленный, с точки зрения «нормального» человека, вариант отечественной истории. Правда, что такое норма, а что — отклонение от нее, судить давно уже невозможно.

— И что князь пишет в приложение к карте?

Ростокин протянул ему лист плотной бумаги. Писарем с отличным почерком было начертано вполне современным русским языком:

«Князь Игорь Мещерский, поручаю тебе до последней возможности оборонять монастырь и городок Осташков. Моим словом и волей собери за стенами всех смердов, свободных землепашцев, хозяйских людей, ремесленников и горожан, всех, способных носить оружие, без различия пола и возраста. Снаряжения и припасов, как мне ведомо, у тебя хватит. Вылазок в поле не делай. Сядь в осаду и держись, до того, как озеро и реки встанут, уповаю прислать тебе помощь. Если же Бог, в неизреченной милости своей, не соизволит даровать мне победу в той битве, что вскоре предстоит, поступай по собственному разумению. Княжну Елену вверяю твоему попечению, не дети уже, сами поймете, как жить, твоей порядочности и ее здравомыслия вам достанет. Надеюсь на скорую встречу, если не суждено — живите долго и счастливо. Мой великокняжеский стол, ежели опустеет, займи, о других чаятелях не беспокоиться. Благословляю. Сумеешь ли удержать — сам подумай. Михаил».

— Что ж, документ куда как серьезный. — Шульгин говорил осторожно, пока не зная, стоит ли вернуть Ростокину к той реальности, в которой он благополучно вернулся домой, или укрепить его в новой роли. — Фактически — ярлык на великое княжение. Потянешь?

— О чем говорите? Неделю, месяц бы прожить, монастырь и базу удержать. Там и вправду оружия и снаряжения на десятитысячное войско запасено. Вот

ратников за стенами — тридцать человек. Ну, монахов с полсотни, так половина телом немощны... Князь пишет — людей собери! Тут и недели не хватит, чтоб только селения обойти, а собрать, сюда доставить? Не исключаю, многие и взбунтоваться могут. Чтоб хоть день без власти, да наш...

И прервал тревожную, едва ли не паническую ноту.

— Ну а вы-то как здесь оказались, один, без охраны? Я, вас увидев, обрадовался: сам Александр Иванович, да если с полком, батальоном Басманова пусть, мы б тут сразу...

«Как у человека все в голове перепуталось», — почти без эмоций подумал Шульгин. И нашествие Батыя, и белогвардейцы, семьсот лет спустя воевавшие совсем с другим врагом, — все у него равноценно и равновероятно. А может, так и должно быть? Поблизости, в той же «серой зоне» и покойник Артур с подругой бродят, и жертвы его в соседней деревеньке за бутылочкой посмертную жизнь коротают.

Для чего верить, что время, где мы случайно провели первые тридцать лет, и есть «норма»? Может, просто тихая заводь рядом с бурным потоком?

— Один я, один. Вот разве напарник, — он подкинул на ладони револьвер, — он да я — уже пятнадцать... «Винчестер» в углу вижу — еще десять. Так, глядишь, и взвод набирается. Монахи — совсем неплохо. На Соловках от англичан долго оборонялись, решительно. Твоих людей тридцать? Рота. В полевой обороне соотношение один к трем. Значит, уже у нас больше батальона. На крепостных стенах — один к десяти можно считать. Тогда с полком справимся. К монастырю с берега что? Дамба, мост?

— Ничего нет, обычно — лодочная переправа, когда грузы переправляют — паром, — ответил начинающий обретать оптимизм князь Игорь.

Ширину плеса Шульгин помнил, бывал в этих краях, пусть и давненько — в двадцатом веке. Почти полкилометра. При глубинах от трех до десяти метров и отсутствии у возможного противника штатных пере-

правочных средств — надежная преграда. Пока плыть будут, половину перестрелять можно. И что они потом с конями на урезе воды делать станут, на узкой полобочке у подножия стен в три человеческих роста?

— Ты говорил, твоя княжна от волжской переправы сюда поскакала, а ратники погоню на запад, на Пено увлекли?

— Так и было.

— Сколько той погони было, не спросил?

— Не до того было.

— Жаль, но бог с ним. Думаю, тоже не больше полусотни, ну — сотня. А главные силы у Селижарова?

— Княжна сказала — у Ржева. У Селижарова их, получается, рейдирующий отряд перехватил...

— Так это совсем другой разговор! Нечего, княже, мандражить. От Ржева, если туменом, даже тысячей идти (книжки Яна и Чивилихина мы читали), по этим дорогам — трое суток минимум. Тумена у них не наберется, сотню или две мы с тобой удержим, скорее — просто раздолбаем. Акинф твой чем располагает?

— Броневи́к «П-30», на нем двухдюймовая пушка, тридцать шрапнелей, еще пулемет. Стоит перед деревянным мостом, грузоподъемностью до пятисот пудов, берега речки заболоченные, для кавалерии труднопроходимые...

— Что ж ты горюешь, князь? — Шульгин только что не смеялся. Положение на самом деле отнюдь не критическое. — «П-30» — это что? Никогда не слышал. ТТХ¹ какие?

— Новгородского производства. Броня — пятилинейная, мотор керосиновый, сорок лошадиных сил. Скорость до пятидесяти верст по твердому грунту. Запас хода двести верст. Про вооружения я уже сказал. Приличная машина. У Ливонского ордена, конечно, помощнее техника, у них даже танки есть. Князь к ним за помощью обратился, так когда еще придут...

¹ ТТХ — тактико-технические характеристики.

— Когда придут — это одно, а вот уйдут ли потом, — словно сам себе, сказал Шульгин. — Но сейчас у нас другие заботы.

Проблемы Росточкина Сашка понимал лучше, чем он сам.

Естественно, если один, растерян, любимая девушка внезапно повесилась на шею, а опыта боевого — стремящаяся к нулю величина, то сложно. У прототипа, подразумеваемого князя Игоря, он, возможно, и был, но ровно такой, как у автора, журналиста Росточкина, извлеченный из книжек писателей, которые сами вряд ли толком воевали.

Вот командир отряда спецназа генерала Галафеева поручик Лермонтов здесь был бы к месту, а ежели исходить из текста «Слова о полку Игореве», так лучше бы сразу князю отступать на Тверь. В целях минимизации потерь и уклонения от обвинения в государственной измене¹. Поскольку ни стратегическим мышлением, ни нормальной тактической подготовкой указанный князь не отличался. Самому Росточкину в его благостное время приходилось, да и то лишь корреспондентом, участвовать в локальных заварушках по периметру цивилизованного мира.

Шульгин же — совсем другой экземпляр. Не говоря обо всем прочем, за ним опыт нескольких безнадежных, но все же выигранных сражений, и с врагом покруче нынешнего.

— Связь у тебя с монастырем есть?

— Да, полевым телефоном. — Игорь указал на деревянный ящик на подоконнике.

— Так звони. Десять человек немедленно сюда, и взрывчатки, какая найдется, килограмм двести пусть прихватят, патронов ящиков десять, снарядов для броневика, пулеметов штуки три. Монахов, которые в строй стать не могут, направить по городкам и селам,

¹ См.: А. Солженицын. «В круге первом», стр. 400 и далее (М.: Худ. лит, 1990).

как князь писал, ополчение поднимать. И княжым словом, и игуменским. Уловил идею?

— Уловил, Александр Иванович, сейчас и начну. Только зачем звонить, я сам туда сбегаяю, на месте распорядиться лучше получится.

— Согласен. Здесь какое оружие есть? В доме?

— «Винчестер» вон, пехотных винтовок три штуки, ручной пулемет, гранат ящик, патронов прилично...

— И ты еще грустил? Вот так у нас все получится. — Шульгин показал Ростокину большой палец. — За княжну не беспокойся. Я врач, между прочим. До утра поспит, ты к тому времени вернешься. Если что не так пойдет, я ее выведу. Лодки на берегу есть?

— Много.

— Вот и ладненько. Беги. Все лишние лодки переправить на остров, одну, в крайности две, оставить да замаскировать. И слушай обстановку, без шума нас тут не возьмут, успеешь на помощь. Акинфу твоему какой-нибудь пароль есть, чтобы он меня признал и слушался?

Ростокин сказал. Показал, где оружие.

— Подожди, — окликнул его Шульгин, — чин твой как по-здешнему называется?

— Полковник. Должность — комендант оборонительного района. Безудельный князь...

— Чего ж так? — удивился Шульгин.

— Старшие братья, дядья уделом распорядились, да мне оно и легче.

— Ну да, самурай в чистом виде или странствующий рыцарь. А я здесь кто?

— По погонам — большой воевода, а при каком владетеле — не обозначено...

— Значит, тоже странствующий. Вот и сразимся с очередным драконом, глядишь, какой-нибудь удел обретем, сами станем вензеля раздавать...

Сашка понял, что Ростокин не до конца уловил ход его мысли и степень юмора. Наложенный сценарий и роль тормозят реакции исходной личности. А вообще Игорь был парнем очень сообразительным.

Князь, прихватив «винчестер», скрылся в дождевой

мгле, Шульгин, нагруженный пулеметом типа «льюис», длинноствольной пятизарядной винтовкой, двумя патронными коробками через плечо и дерюжной гранатной сумкой, направился в противоположную сторону.

С Акинфом, водителем и башенным стрелком в одном лице, общий язык нашли сразу. Тот только спросил:

— Из каких краев будешь, воевода? Не наш и не Рязанский, не Черниговский, не Волынский даже...

— Из дальних. Есть за Диким полем Тмутараканское княжество. Тамошний я.

— Как же без дружины до этих краев добрался?

— Долгая сказка. Показывай свое хозяйство, думать будем, как вдвоем оборону держать...

Интересный мир придумал Ростокин. Наверное, в его двадцать первом веке тонкой детализировкой обстановки не увлекались, точнее — на совсем другие вещи он обращал внимание, а подробности — дело десятое. Все, что за рубежом двух предыдущих веков, — почти равноценно. Захотел повоевать с татаро-монголами в несколько более комфортных условиях, введя некоторые анахронизмы, ну и кто бы ему был судья, не заскочи сюда случайно придирчивый эксперт?

Броневик действительно был почти точной копией трехосных пушечных начала тридцатых годов нашего века, наверное, попавшихся Игорю на глаза в каком-то справочнике или фильме. И марка, кстати, «П-30»! Путиловский 1230-го? Или Путивльский? Да нет, он же новгородского разлива. Наверное, просто «пушечный».

Внутреннее устройство тоже соответствовало. Вполне рационально и работоспособно, значит, и вправду есть у Ростокина дар, приближающий его к Держателям, иначе получился бы в лучшем случае макет без начинки. Вообще здешняя мыслеформа очень устойчива и достоверна, даже вот сапоги за время ходьбы по сырой траве и лужам начали промокать.

Если, конечно, Игорь сам ее создал с нуля, а не получил в готовом виде от более продвинутых конструкторов. Трудно представить, чтобы в своих литератур-

ных этюдах он вдавался в такие тонкости, как изогнутая рукоятка затвора винтовки или дизайн приборной доски бронев автомобиля.

Зная, к чему приводит небрежение деталями, Сашка убедился, что пушка и пулемет броневика в порядке, подъемные и поворотные магазины смазаны и работают, движок заводится, пусть не стартером, а ручкой через магнето.

Видно, реальность создавалась по принципу: «выглядеть должно так-то, взаимодействовать и функционировать в полном соответствии, остальное не мое дело». Удобно, им на Валгалле все своими мозгами придумывать, а руками воплощать пришлось. Да и с единственным пароходом Воронцов возился не меньше, чем целое судостроительное КБ.

Значит, есть в Сети «служба», специально отвечающая за воплощение самых сумасшедших проектов.

— Понимаешь в технике, воевода, — с уважением сказал урядник Акинф. Здесь, наверное, высокопоставленные особы себя знанием точных наук не обременяли, как и в девятнадцатом веке, к примеру, большинство командиров паровых кораблей смутно представляли, что там внутри корпуса дымит и пыхтит.

— А то! — весело бросил в ответ Шульгин. — Сам, к слову, много ли воевал? Или больше при машине?

— Не шути, воевода. Всю жизнь воюю, с пятнадцати лет. С немцами-ливонцами, с рязанцами и белозерцами пришлось, со степняками чуть не каждый год схлестывались. А вот как ныне — впервые. Тяжело. Вишь, докуда отступили? И чем кончится — думать не хочется.

— Не дрейфь, урядник...

Пожелание показалось Акинфу незнакомым, да у них там, тмутараканских, многое не как у людей.

— Сейчас мы кой-чего наладим. Уверен, что с той стороны никто из наших не подойдет?

— Разве есаул Волк со своими людьми из разведки. Только давненько ушли, и никаких вестей. Всех побить не могли — воины знатные. На тот берег разве

их оттеснили, тогда вернутся не скоро, вокруг всего озера лесом. Больше вроде и некому...

— Значит, сделаем, как учили.

При свете фар Шульгин привычно установил четыре растяжки, одну за другой, перекрыв все возможные подходы к мосту с неприятельской (теперь уже) стороны. Гранаты у древних земляков были похожие на «РГ-42», только в два раза массивнее, заряжены, наверное, пироксилином или мелинитом. Вместо взрывателя «УЗРГ» с предохранительным кольцом имелся вытяжной шнур, но в данной ситуации это даже удобнее.

Еще одну посередине, между перилами. Две гранаты остались в запас.

Броневи́к отвел метров на пятьдесят назад, в ложбинку, так, чтобы пушка смотрела строго по оси переправы. Со снарядами Ростокин слегка ошибся: десять осколочно-фугасных, двадцать шрапнелей. Ничего, скоро еще подвезут, даст бог. Пулеметную позицию расположил почти у самого берега, достаточно топкого, чтобы конница (а пехоты у монголов сроду не было) не могла форсировать речку с разгона. Косоприцельным огнем сгрудившихся всадников причешет так, что часа три-четыре им о наступлении думать не захочется. Или, если совсем удачно выйдет, — думать будет некому.

Вторую опорную точку он устроил справа от дороги, тоже с очень хорошим сектором обстрела.

Дали б ему сюда те три танка, с которыми он другую переправу защищал, куда веселее историю смоделировать можно было. Эффектный рейд до самого Сарай-берке, или как там у них походная столица называлась...

— Что, урядник, до подмоги продержимся? — спросил он, довольный сам собой. — Закуривай...

— Зельем не балуюсь, — покривился тот, но самому предложению не удивился.

Ну да, наверное, здесь, как во времена Алексея Михайловича, табак употребляют только очень независимые и богатые, конечно, личности, вроде как кокаин и опиум аристократы шесть с половиной веков

спустя. Только — откуда его возят, если Америка еще не открыта? Опять Игорь маху дал.

Чтобы не оскорблять убеждения и обоняние нового соратника, подымил в сторонке.

Нет, до утра нападение вряд ли состоится: монголы, как известно из истории, народ осторожный, к лесу вообще относятся с опаской, а бродить в глухих дебрях столь же глухой ночью их только с помощью заградотрядов заставить можно.

— Гаси свет, брат Акинф, и ложись поспи, а я покараулю. Часа четыре на отдых имеешь, там и князь с людьми подойдет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ростокин греб тяжелыми веслами, время от времени оглядываясь и сверяя курс с едва заметным огоньком лампы надвратной иконы. На душе у него было смутно.словно внутри непонятного, вязкого, тревожного сна. То, что в этот непростой, честно сказать — отчаянный момент появился здесь Александр Иванович, хорошо. Он умеет принимать верные решения в любой обстановке, и его боевые качества Игорь знает. Как он легко и быстро обрисовал их реальную боеспособность, пересчитав взвод в полк.

Но как Шульгин мог вообще здесь оказаться? Они с Новиковым и Удолиным организовали Ростокину переход в астрал, через который он попал в мир юношеской мечты. И нашел здесь то, о чем грезил почти полжизни.

Увлекательный, по-своему спокойный век, совместивший в себе несовместимое. Позднее российское Средневековье, куда более цивилизованное и уютное, чем европейское. (В придуманном им варианте, конечно, как там оно на самом деле было — кинохроник не осталось, однако без инквизиции, крестовых походов, жутких эпидемий и антисанитарии городов.) Нашествие Батыя — это, разумеется, плохо, но, во-первых, не так уж оно было и страшно, если верить Льву Гумиле-

ву, во-вторых — Ростокин догадался противопоставить ему совершенно оригинальное мироустройство. На исходном «субстрате», базисе XIII века, — техническая и интеллектуальная надстройка второй половины XIX с элементами XX веков.

С детских лет в своем охваченном смутами, бесконечными мятежами, гражданскими и религиозными войнами двадцать первом Игорь мечтал о таком вот невозможном синтезе. Английский викторианский век, эпоха Александра Третьего и Владимиро-Суздальская Русь, которая, устояв против монголов, присоединив к себе Тверь и иные княжества, в союзе или федерации с Великим Новгородом стала бы величайшей европейской, а за отсутствием Америки и мировой державой. Твердой, просвещенной, гуманной, учитывающей все исторические коллизии, ошибки и преступления прежних и будущих правителей, истинный морально-политический облик союзников и противников. В общем — все, что он знал из курсов истории, «воспоминаний и размышлений» деятелей от Макиавелли до своих современников. Под его, разумеется, властью.

Но пришлось Ростокину стать всего лишь журналистом, военным и космическим. Приключений ему хватало, но мечты оставались мечтами.

Оттого так легко и безболезненно он вписался в команду «Андреевского братства», в их XX век. Эти люди оказались братьями по духу и устремлениям, только сумели наяву воплотить то, к чему его влекло подсознательно и безнадежно.

Внезапно осуществилось буквально все и даже немного сверху.

Княжна Елена оказалась живой и прелестной девушкой, еще более красивой и умной, чем в воображении. Встретившись в ситуации, когда он тоже смог предъявить ей свои лучшие качества, спасти от смертельной опасности и даже услышать добровольное и искреннее признание в любви, подкрепленное завещанием великого князя.

★ Теперь, может быть, Шульгин пришел, чтобы забрать его из этого мира?

Ростокин сейчас воспринимал окружающее многослойно. Так уже бывало с ним. Настоящее — это настоящее. Вполне реальный и единственно возможный мир. Как двадцать четвертый год в Москве, куда он вместе с Шульгиным пришел непосредственно из Новой Зеландии-2056. Хорошо при этом помня предыдущее существование. Сейчас, правда, — несколько более размыто. Такое случается, опять же, в снах — понимаешь, что спишь, удивляешься явным несообразностям происходящего в сравнении с явью и при этом продолжаешь вести себя в соответствии с сюжетом.

Игорь не мог «проснуться», разорвать связь с этой реальностью, как это случилось прошлый раз с появлением Артура. Но здешний Ростокин этого не знал, вместо Артура появился Александр Иванович, чем зафиксировал ситуацию. Кто его знает, может быть, и навсегда. Воспоминания о будущем если не растают постепенно, то сохранятся в обратном качестве — как часть обычных фантазий, более-менее тщательно проработанных под настроение.

Тот самый случай, от которого предостерегали знающие люди, — Игорь начинал искренне верить в происходящее, забыв об основополагающем принципе сопротивления Ловушкам. Ему-то самому от этого хуже не будет, свою жизнь, не важно, вымышленную или подлинную, он проживет с максимальным удовольствием. Может быть, она окажется счастливой и даже почти вечной, только из «настоящего» мира субъект будет устранен навсегда, как лишний элемент, превысивший свои полномочия, проникший в недозволённые сферы. Галактический фагоцитоз, одним словом.

Но пока, отвлекшись от ненужных воспоминаний, Игорь прокручивал в голове текущие, неотложные планы и заботы. О Шульгине начал думать именно как о

местном бродячем полководце, переходящем от одного сюзерена к другому с предложением своих услуг. Бывали такие в истории, тот же воевода Боброк Волынский, сыгравший решающую роль в Куликовой битве (если верить источникам). Чего же им не верить? Раз за шестьсот лет данная версия вошла в анналы и оказала необходимое воздействие на двадцать с лишним поколений, к чему какая-то другая? Узнали б мы сейчас с абсолютной точностью, что все пьесы и сонеты Шекспира написал не он, а совсем другой человек, носивший ту же фамилию, что бы это изменило?

Пока Игорь греб, напрягая спину и плечи, упираясь ногами в высокий шпангоут грубо, но надежно изготовленной местными умельцами лодки, северный ветер усилился, разводя волну и отжимая плавсредство из пролива на открытый плес. Оно бы и хорошо, если б погода по-настоящему испортилась. Тут иногда бывают такие шторма, что не только монголы вплавь, но и десант на моторках не выгребет, только успеть бы обернуться туда-сюда, перебросить Шульгину подмогу или, наоборот, эвакуировать его, княжну и Акинфа на остров.

Наваливаясь на левое весло, Ростокин сумел притереться бортом к пирсу, или, как здесь говорят, — «лávине». Накинул веревку на забитое в дно опорное бревно настила.

Пробежал десяток сажен, заколотил прикладом в ворота, не уступающие размерами и массивностью тем, что защищали вход в Кирилло-Белозерский монастырь, где отец Григорий спасал его от преследования Артура семьсот лет спустя. Эпизод вспомнился, но очень смутно, на уровне эмоции — как хорошо, что есть такое место, такие стены, что защитят от почти любой опасности. И еще — во всех читанных книгах было написано, что Чингисхан и Батый запрещали своим воинам трогать православных священников, церкви и монастыри. Может, и эту твердыню штурмовать не станут, уйдут к Твери или еще дальше?

Праздные мысли.

Очутившись за стенами и убедившись, что все здесь в порядке, он отдал необходимые распоряжения полусотнику и десятским. Те сразу же подняли дружинников и воев, начали таскать нужное к лодкам.

Полусотенному Глебу, мирским именем Неждан, Ростокин приказал перегнать на тот берег паром, чтобы в случае нужды броневики переправить. Пять человек оставить охранять причал, двоим, понадежнее, неотлучно находиться при княжне, отнюдь ее не тревожа, если возникнет крайняя необходимость — доставить в монастырь. Остальным поступить в распоряжение воеводы Александра, который сейчас с Акинфом оборону строит, и подчиняться ему, как самому князю.

— А отступать придется — дом поджечь и, убедившись, что княжна в безопасности, возвратиться, избегая потерь. И языка взять, коли получится...

Неждан почесал короткую бороду.

— Сделаем, княже. Подержимся в меру разумного, большую рать затевать не будем. Княжну доставим в целости. Только, может, лучше прямо сейчас, не дожидаясь поганых? Спокойнее и тебе, и мне будет. Да и на озере, видишь, лютует ветер, к утру не знаю, выгребем, не выгребем...

— Сам смотри. Постучи в спаленку осторожно, о здоровье справишься. Скажи, что и как. Если полегчало ей, в тулупчик одень и вези сюда...

Да, если Елена в монастыре будет, ему забот прибавится, хотя и на Александра Ивановича он надеялся, как на каменную гору. Умрет, а княжну не оставит, сомневаться нечего.

С игуменом Флором, крепким сорокалетним мужем, которому, по манерам и обличью, не только монастырем управлять совместно, но и дружину в бой водить, договорились быстро.

На стены могут встать до сорока братьев, а еще двадцать пять прямо сейчас отправятся собирать ополчение. Старикам, женщинам с детьми и со всем имуществом будет сказано уходить в хляби непроходимые.

— Пересидят, не впервой, — успокоил Игоря игумен. — Наловчились от сборщиков податей добро свое прятать — и от супостата укроются. Если что — перезимуют. Урожай собрали, слава богу. Скотины хватит, дичь в лесу, рыба в озере, дров искать не нужно. Да и мы, вышней силой, отобьемся как-нито. Тяжелых пушек, надеюсь, у поганных нет? Сакмагоны¹ что говорили?

— Откуда пушки? Изгоном² идут, только уж больно много их. Тьмы и тьмы. Великокняжеское войско на трех рубежах не удержалось, отходит с большими потерями... Мои две сотни третьего дня в поиск ушли, пока никто не вернулся.

— Ну, небось... Если что, поодиночке лесом выбегутся. Не все, так половина. Я твоего есаула знаю, не даст своих, как баранов, порезать. Сам Волк...

— Твоими бы устами, отче!

— Так и будет. Завтра-послезавтра, надеюсь, до полтысячи ополчения мы соберем. Мужиков пахотных, рыбаков, охотников, осташковских ремесленников, девок крепких, баб бездетных. Отобьемся. Если еще и разведка твоя вернется... Ладно, я своим делом займусь, ты своим. И молиться будем на одоление супостата.

Оружия и прочих припасов в примыкающих к северной стене монастыря кирпичных амбарах было в достатке. Десятитысячное войско месяца три снабжать можно, конечно, не в тотальной войне, в обычной усобной, если с Новгородом нестроение выйдет или Смоленск великий князь в очередной раз усмирять надумает. Но для полутысячного отряда, если собрать его удастся, на год хватит.

Пушек серьезных, правда, здесь тоже не было. Штук пять старых полевых, стреляющих чугунными коническими бомбами, снаряженными черным порохом, ну и

¹ Сакмагон — степной разведчик. От слова «сакма» — след, колея, тропа (*старорусск.*).

² Изгон — конный набег степняков, без тяжелого вооружения и тылов.

картечью, само собой. Их можно установить на башнях, обращенных к ближнему берегу. Зато винтовок разных систем и патронов к ним — сколько хочешь.

Князь в склады и направился. В сухих сводчатых галереях, сколько хватает взгляд, стояли в пирамидах густо смазанные винтовки с открытыми затворами и заткнутыми ветошью дулами. И совсем новые, и отслужившие не один десяток лет. В подвалах — штабелями ящики с патронами, на каждом четко обозначены калибры и системы, к которым они предназначены.

Артиллерийский порох в бочках, насыпью и в шелковых картузах, динамит в полуфунтовых, обернутых вощеной бумагой шашках, новомодный по тем временам пироксилин, расфасованный по фунту и по два. Бухты огнепроводного шнура, и многое, многое другое, полезное для обороны.

Ростокин решил, пока позволяет время, устроить на берегу минно-взрывное ограждение. Отрыть в склоне наклонные шурфы, направленные вдоль озерной глади, загрузить в них по паре пудов пороха, а сверху забить пудов по пять каменного щебня. Если начнется массовое форсирование пролива, одновременный или последовательный подрыв зарядов может произвести на атакующих незабываемое впечатление.

Уже и утро наступило, а на материковом берегу было тихо. Убедившись, что работы по всему монастырю идут споро, не позже обеда пушки будут готовы к бою, на стены доставлены в изобилии винтовки и патроны, десятские и благословленный игуменом на ратный подвиг отец-келарь распоряжаются толково, с должной твердостью, князь немного успокоился. Первый натиск крепость точно выдержит, а дальше ее оборонительная мощь будет возрастать.

Его совершенно не удивляло, что настоящие каменные стены, башни и храм с колокольной появились на Столбном не раньше XVIII века, а до того имелся здесь малый деревянный скит, где спасал душу преподобный Нил. В том и идея Ловушки, что самые абсурдные, с

точки зрения здравого смысла, факты и явления воспринимаются абсолютной нормой. Шульгин бы мог рассказать, ссылаясь на практический опыт, как шизофреники с научными степенями на полном серьезе доказывали, что сосед через стену пускает «фиолетовые лучи», чтобы завербовать в ЦРУ, или что-то еще более бессмысленное. «В моей квартире поселились инопланетяне под видом тараканов». При этом во всех остальных областях эти люди сохраняли интеллект и профессиональные качества.

Теперь можно вернуться на свой КП, выяснить, как обстоят дела там, отчего до сих пор не вернулся Неждан или кто-то из ратников, не доставили в обитель Елену? В бинокль было видно, что паром, несмотря на злую волну, пребывает в целости. Пришвартован в бухточке у своего причала, и возле него неспешно копошатся несколько человек.

Игумен выделил ему монастырский баркас, крутобокий и «мореходный», если можно так выразиться, пригодный, чтобы даже в сильный шторм дойти хоть в Осташков, хоть до Полнова и Волгино-верховья. Четверо монахов сложили под кормовым навесом личное оружие, по команде брата-кормчего навалились на весла.

Дождь продолжал сеять, ровный, не сильный, не слабый, как раз такой, о котором еще вчера молил Игорь. Сутки, двое — болота разбухнут, проселки станут непроезжими для конных масс. Время — самое то, как начнет мочить, так до первых заморозков только по воде и можно передвигаться.

На крылечке дома немолодой ополченец развлекался, дразня приبلудную кошку. Та притворно шипела, изображая готовность напасть, но от настоящей агрессии воздерживалась, соображая, что человек, обиравшись, может и не покормить.

На вопрос, где княжна и полусотник, мужик махнул рукой:

— Все там. Мне сторожить велели, а сами все туда. И коней забрали... Недавно.

Ростокин негромко выругался, стараясь не слыш-

ком спешить (бегущий воевода в мирное время вызывает смех, а в ратное — панику), заторопился к мосту. Опять княжна какую-то дурь измыслила. Одна надежда, Шульгин не допустит.

Так оно и было.

Игорь издалека увидел, что возбужденная и возмущенная Елена что-то с жаром ему доказывает, а Александр Иванович, неторопливо покуривая, отрицательно качает головой. Акинф с Нежданом и ратники толпятся по другую сторону броневика, не желая участвовать в господских разборках. Под соснами коновод сбатовал четырех понурых, недовольных, что их вывели из теплого сennика, уже заседланных лошадей.

Княжна была снова одета в свои воинские доспехи, высушенные и вычищенные. Ветер трепал за плечами синее с красным подбоем корзно¹.

— О чем спор? — осведомился Игорь, подойдя. — Подобру ли отдыхалось твоей светлости? Здорова ли?

И вновь залюбовался, до чего хороша девица. Нет во всем княжестве ее краше и умнее. Не зря второй год с утомительной регулярностью наезжали сваты от чужестранных государей и владетелей, заставляя каждый раз сжиматься сердце Игоря. А вдруг на сей раз решит Михаил, что династические интересы важнее капризов несмыслящей дочки? Но пока обходилось, дорожил великий князь мнением Елены, а то — поджидал наибольшего жениха, уж не самого ли Базилевса Византийского? С его гордыней — неудивительно.

И вот теперь сразу — княжна призналась, Михаил написал, что готов отдать дочку Игорю. Пусть и Рюриковичу, но безудельному. Если б не война, могло такое случиться? Да никогда. Что ж ему теперь, Батые благодарить за это счастье?

— Здорова, княже, здорова. И воля моя — обратно по дороге проехать, вдруг да разыщу хоть одного из верных слуг, жизни не пожалевших. Вдруг кровью ис-

¹ Корзно — вообще верхняя одежда, в данном случае — форменный княжеский плащ (*старорусск.*).

текает, подмоги ожидая? Ты вот мне помог в самый последний миг, а дружинники чем хуже? Воевода же этот, мне незнакомый, не пускает. Не понимает, что великокняжеское слово — закон?

— Не состою я на службе ни у тебя, прекрасная Елена, ни у батюшки твоего. По договоренности со старшим здесь воинским начальником, князем Мещерским, в его отсутствие принял на себя всю полноту власти. Сейчас вот сдам пост — и решайте, как знаете...

— Откуда ты вообще объявился, воевода? Еще ночью тебя здесь не было! Дружину тмутараканскую на помощь привел? Так где она? Не помню я, чтобы отец князю Мстиславу эстафету посылал. Далеко больно до ваших мест... И договора союзного между нашими столами не заключалось.

Весьма была осведомлена Елена в дипломатии, не зря Царегородский университет окончила и ко многим великокняжеским делам причастность имела. Характер отцов тоже унаследовала, привыкла, что никто в княжестве ей перечить не смел.

— Как ты, княжна, лесными тропами добрался. Дружины со мной нет, верно, так дружина — дело наживное, если голова на плечах имеется...

Шульгин слегка поклонился и отошел на несколько шагов, пусть милые сами свои проблемы решают.

— Никуда ты, Лена, не поедешь. Хватит с тебя. Князь Михаил не простит, если что, и я тебя, ныне обретенную, терять не хочу.

Княжна скривила вновь ставшие капризными губы, сверкнула глазами из-под соболиных бровей.

— Захочу, так поеду! Будешь перечить — свое слово могу обратно взять. А без него я — великая княжна, ты же — только полковник, не воевода даже!

«Ох и наплачется Игорь с такой женушкой, — усмехнулся в усы Шульгин, — ох и наплачется «наследник». Тринадцатый век на дворе, развитой феодализм, здесь с венценосными дамами политес двадцать первого не проходит. Надо выручать...»

Не глядя на княжну, обратился к Ростокину:

— Чего бы не съездить, княже? Рекогносцировку проведем, вдруг правда кого найдем или встретим? Своих — хорошо. Поганных — языка возьмем. Риска не так много, не впервой.

Игорь слегка растерялся. Не ожидал он от Александра Ивановича такой подлянки. До последнего решил стоять, чтобы не допустить сумасбродства, хотя бы и силой, и нате вам...

Шульгин продолжал:

— Погоны сотника княжна носит, доказала, что в седле сидеть умеет, темноты не боится... — Усмехнулся не по-здешнему. — Чего же еще? Прокатимся верст на десять-пятнадцать, своими глазами поглядим. Коней четверо? Вчетвером и поедем. Ты, княжна, я, и еще кого-нибудь возьмем. Неждан, кто у тебя в набеге ходил, кого в разведку послать без сомнений можно?

— Меня бы лучше всего...

— А оборону держать кто будет?

— Тогда Юрюту возьмите. Дикое поле ему — что дом родной. Почитай, сызмальства туда наведывается, всегда живой возвращался, и не с пустыми руками.

Его и взяли, мрачного воина лет под сорок, ноги колесом от освоенного с детства умения на любом алюре скакать без седла и стремян.

Шульгин снял свои растяжки, отдал последние распоряжения на случай, если их отряд запоздает или вообще не вернется, и двинулись.

Юрята хотел было стать впереди, но Сашка указал ему место замыкающего.

— Я буду головным. В случае чего мне и командовать. За мной князь, потом княжна, а ты озирайся, саблю обнажи, винтовку поперек луки. Не знаешь, что ли, часто дозор пропускают, последнего с седла сдергивают, остальных в спину бьют...

— Верно говоришь. — Дружинник посмотрел на него с уважением.

— Вдруг начнется — княжну спасай, а мы как-нибудь...

Сосны в этом лесу стояли далеко друг от друга, почва под ними, покрытая толстым, многолетним слоем опавшей хвои, промокнуть не успела, потому Шульгин вел дозор метрах в десяти правее дороги, колеи которой, от ходившего здесь броневика, уже заполнились серой водой. Если даже одноконной цепочкой по ней ехать, ничуть не быстрее, чем пешком, получится, для маневра возможности никакой, фланги для нападения открыты. Лесом же — все наоборот.

Сашка, просидев ночь то с Акиным возле броневика, то в избе, присматривая за Еленой и изучая карту, обдумал свое положение. Оно ему, без всяких оговорок, нравилось больше, чем любое предыдущее в этом завихрении. Тем, что создавало невиданное поле свободы. Если и отсюда не выкинут, само собой. Но подсказывала интуиция — не выкинут. Если это Ловушка, то она, по определению, независима от управляющих контуров Сети. А сам он независим от Ловушки. Как хороший пловец — от водоворота, смертельного для дилетантов.

Тем более Игорь невольно выступает в качестве прикрытия, вспомогательного десанта, погибающего на плацдарме, пока главные силы высаживаются совсем в другом месте.

Он решил предложить своим соперникам или, если таковых не имеется, обычным законам природы нечто вроде партии «в поддавки». Следовать «естественному» развитию событий, никак ему не противодействуя, даже в мыслях. Проявила княжна взбалмошное желание отправиться на поиск дружинников своего конвоя — пожалуйста. Поддержим, вопреки вполне разумной позиции Игоря. Если ею кто-то управляет, посмотрим, с какой целью. Если действительно аффект глупой девчонки, разведка все равно не помешает. А то, что он, единственный, способный осознавать происходящее с нескольких точек зрения, повел себя как слабое звено, уступившее начальственной воле, — вполне может повысить его личные шансы. Стал бы упираться, «брать управление на себя» — тут и засветился...

Никак его не оставляла мысль, забавная или насто-
раживающая, что озеро, вокруг которого они крути-
лись, имеет некий мистический смысл, а то и функ-
цию. Слишком часто оно возникало в контексте их
приключений. В «настоящем» шестьдесят восьмом году
они ездили сюда с друзьями в студенческий лагерь. По-
том Левашов купил здесь «имение», где Новиков впер-
вые открыл ему истинную сущность Ирины. Еще даль-
ше — друг Шестакова Власьев избрал его местом сво-
его отшельничества. Туда же сам Шестаков-Шульгин
прибежал из Москвы, спасаясь от чекистов. И теперь
Ростокин избрал Нилову пустынь в качестве опорного
пункта своей реальности.

Прямо Бермудский треугольник какой-то. Или
проще — им самим, молодым, никакого представления
о грядущем не имеющим, он так запал в память, что
остальные события нанизываются на предложенную
ось, как куски баранины на шампур. Потому что боль-
ше не на что. Кроме московских реперных точек, ес-
тественно.

А сейчас он едет, покачиваясь в седле, ручной пуле-
мет с взведенным затвором, пристроенный поперек се-
дельной луки, смотрит в глубь леса по левую руку. Так
правильнее. Если враг движется по дороге или по ее
правую сторону, он обнаружит себя раньше, чем сам
заметит разведку, и времени развернуть ствол хватит.

Сашка, было дело, подрабатывал метальщиком но-
жей и силовым акробатом в московском цирке. А там
аттракцион конной джигитовки ставил старый, за ше-
стьдесят уже, кубанский казак, отслуживший в кавале-
рии все кампании, от боев с басмачами в Средней
Азии в двадцать девятом и до самой Померании, где
конники Второго гвардейского корпуса, продолжавшие
называть себя «доваторцами» (хоть и погиб Лев Ми-
хайлович в декабре сорок первого), зачерпнули каска-
ми балтийскую воду.

Засиживались, как принято, артисты после пред-
ставления в подсобках, выпивали в меру, Василий
Петрович, сняв напряжение (рискованные трюки он

на арене демонстрировал), делился боевым опытом, находя в Шульгине благодарного слушателя. Раззадорившись, показывал на настоящих шашках, чем отличается спортивное фехтование, в котором Сашка был мастером, от настоящего, боевого. И будто предвидел, что придется «молодому» повоевать в конном строю (что представлялось абсолютно невероятным в разгар «атомного века»), щедро делился с ним кровью добытым опытом. Как одной шашкой справиться с вооруженным огнестрельным оружием противником, как конному взводу действовать в тылах танковой дивизии, и еще много разных приемов и хитростей, позволявших выжить даже в теоретически безнадежных ситуациях.

Шульгин считал, что дикие степняки, при всех инстинктах и условных рефlekсах хищников и грабителей, интеллектуального превосходства над более цивилизованным противником не имеют по определению, а значит, и шансов на убедительную, с геополитическими последствиями, победу — тоже. Что история и подтвердила.

Игорь и княжна, помирившись, ехали рядом, о чем-то личном негромко переговариваясь, Юрята приотстал саженой на двадцать, что тоже было правильно.

Тишина стояла в лесу неимоверная. Птицы не пели, звери, которых в тринадцатом веке должно было бегать здесь изобильно, не попадались и голосов не подавали. Или ушли вглубь, или их вообще в сценарий не включили.

Дождь по-прежнему шелестел, шишки с вершин падали, а так — ничего.

Миновали две нешироких речки вброд, на подходе к развилке, где остатки конвоя увели за собой погоню, а княжна свернула к командному пункту Игоря, оставились. Так никого и не встретив. Ни своих, ни чужих.

— Знаешь, что я тебе скажу, княже. — Шульгин развернул коня. — Отъедьте с барышней (он нарочно

употребил термин не из этого времени) вон туда, — указал на холмик с крутыми склонами и раздвоенной вершиной, на которой косо росли три корявых дерева и торчали корни давным-давно вывернутого пня. — Уж больно хорошая позиция. Пулемет мой возьми. Обождешь нас, а если что — прикроешь. Мы же с Юрятьой пробежимся, вправо-влево, верст на пять в каждую сторону. Сдается, супостату здесь делать нечего. До сплошных фронтов стратегическая мысль не дошла, а за каждым случайным всадником загон устраивать — ни людей, ни коней не напасешься. Я правильно говорю, княжна?

Он впервые за три часа, расслабившись, прикурил папиросу, отпустив поводья и высвободив ноги из стремян.

— Не так, воевода, — вскинула Елена подбородок. — Я — не случайная. Не знаю, кто меня выдал, только на окраине Селижарова ждали именно мой отряд. Хорошо, мужик, кузнец, наверное, изба его на отшибе стояла, и дым из трубы шел едкий, сам же был в кожаном фартуке, остановил и предостерег. Приехало, сказал, днем около сотни диких, в лисьих шапках, оружием обвешанных, с ними несколько русских, поговору — рязанцев, по дворам стали. Через толмачей расспрашивали, не проезжали здесь обозом или верхами княжьи люди. Потом живность всякую хватать начали, в котлах своих походных варить без разбора и просто на кострах жарить кур и гусей. Кумыс пили и наше, что найти сумели. Один из русских, бражки не в меру выпив, проболтался, что через наши места сам князь проезжать должен или кто из его семейства. Вот взять их татарове изготовились. Кто пособничать будет — наградят, кто княжьим людям помогать — на кол посадят или хребет сломают. Это сват ему сказал, специально прибежавши. Ты, мол, Богдан, на самом краю живешь, предупреди наших, если покажутся.

Кузнец хотел племянника нам навстречу послать, за вторые высылки, да не успел. Мы раньше появились.

Соглядатаев у татар нашлось в достатке. Мы и де-

саятью словами перемолвиться не успели, а уж появились. С трех сторон кучами повалили. Мои дружинники правильно сообразили, ряды сбили, стремя к стремени, и напролом ударили. Третью, наверное, потеряли, но через Селижаровский тракт прорвались. Еще треть осталась отход прикрывать, а мы дальше поскакали. Дважды нам наперерез небольшие отряды выбегали, опять то огнем, то сабельным боем мы их рассеивали, но и людей со мной все меньше оставалось. Сотник Владимир через каждые три версты по пять человек в засаде оставлял. К ночи, к волжской переправе, четверо со мной осталось. Сотник мне тропу указал, сам решил за развилкой бой принять, и, если уцелеет, дальше к Пено уходить, чтоб думали, будто и он только очередная застава, а главное — впереди.

— Да... Случается и так, — покачал головой Шульгин. — Молодец сотник, настоящий боец. Но все равно. С момента, как ты на тропу свернула, часов, пожалуй, двенадцать прошло. И нет никого. Так прикидываю, у татар тоже силы кончились. Шутка ли — чуть не полсотни верст погони? Твои люди вряд ли все погибли, скорее по лесам разбежались. Не рубка же лоб в лоб. Постреляли, сколь патронов хватило, — и в сторону. И Владимиру, будь я на его месте, верст через пять самое то с дороги в глушь уходить. Ничего глупее не придумать, как на единственной дороге спину врагу подставлять...

Шульгин по привычке разведчика смял в руке окурок, сунул в карман. Где-нибудь в другом месте выбросит, в целях дезинформации вражеских следопытов.

— Короче, здесь ждите, по сторонам посматривайте, говорите только шепотом...

Дальше поехали вдвоем. Он на самом деле полагал, что в дефиле между озерами Сиг и Вселуг, оттянув на себя остатки монгольской погони, сотник просто обязан был раствориться в непроходимых дебрях. Иначе какой же он воин? Шульгин вообще удивлялся, каким образом преследование продолжалось так долго. Уже

первая тыловая застава, если в ней было три десятка, вражескую сотню обязана была перестрелять из засады, свалив поперек дороги несколько сосен. Топоры же у них должны были быть?

О чем и спросил Юрята.

— Могло и не быть, воевода. То ж не настоящие ратники, то княжья дружина. А саблями много не нарубишь... И откуда княжне знать, сколько на самом деле поганных было? Если не сотня, а тысяча? Тогда и патронов не хватит, и со всех сторон окружают, не выскочишь. Не так бы надо...

Договорить воин не успел. Спереди грохнул винтовочный выстрел, и он кулем свалился на обочину. Только Шульгин заметил, что пуля в него не попала. Просто реакция у старого бойца идеальная. Распластался, ногами в кустарник, а цевье винтовки зажато в руке, и левая рука легла на заранее растегнутую кобуру.

Самое же главное — ноги из стремян Юрята выдернул неуловимым движением. Со стороны могло показаться, что он так и ехал, отдыхая.

Сам Шульгин рванул коня влево, под треск направленного уже в него пачечного огня¹. Метров через десять-пятнадцать не хуже Юрята рыбкой скользнул с седла, упал на четвереньки и, вытянувшись, пополз по-пластунски на источник огня. Наверняка монголы, если они из своего времени, а не из нашего, о таких тактических приемах понятия не имели.

Судя по звукам, стреляли метров со ста. Дурацкая самонадеянность. Если противник тебя не видит (а так и было в настоящем случае), нужно было подпустить его вплотную, а потом брать «тепленьким». Три десятка нукеров, судя по выстрелам, их было не меньше, навалившись толпой, своей цели могли достичь. Не в данном варианте, конечно, а теоретически.

Что ж, развлечемся еще немного. Что его могут

¹ П а ч е ч н ы й (беглый) — в отличие от залпового — ружейный огонь, ведущийся стрелками без специальной команды, по готовности.

убить в вымышленном мире, Сашка не опасался. Не за то боролись! Ладно, пусть и достанет его пуля, так скорее всего выбросит после «смерти» куда-нибудь еще. При таком подходе к судьбе и настоящая смерть (тьфу, тьфу) не представляется страшной. Просто он не успеет узнать, что все кончилось окончательно и навсегда.

А вот эти ребята, персонажи романов Яна, Балашова и прочих, уж точно супротив своей воли занесенные в чужую реальность, хлебнут сейчас по полной программе. Что им так полюбилось это место? Ехали бы себе и ехали, «к последнему морю»¹. В Дубровнике, коней расседлав, отдохнули бы, искупались, пивка попили, на дискотеку сходили.

Одновременно Шульгин прикидывал: какая же складывается сейчас обстановка на театре?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Засада на том самом повороте подсказала, что информацией противник располагает, причем полученной от здешних «власовцев». Кто еще может знать об укромных тропах, ведущих в принципе в никуда. Южный берег Селигера — абсолютный тупик. Тактический и даже стратегический.

Вот если на самом деле развернулась полномасштабная охота на дочку великого князя — тогда все сходится. Только неужели Ростокин в свой сюжет и такой эффектный поворот заложил? А черт его знает! Они, эти графоманы-литераторы, особенно без надежд на публикацию, какой только ерунды не напридумывают. Андрей, к примеру, когда-то продолжение «Дня триффидов» на советской почве писал. Забавная книжка получилась, между прочим, жаль, что не издана.

Ползти по толстому слою слежавшихся сосновых иголок, да еще и мокрых от непрекращающегося дож-

¹ «К последнему морю» — заключительный роман трилогии В. Яна «Нашествие монголов», о прорыве войска Батыя к Адриатике.

★
дя, было легко. Шульгин только жалел, что нет у него сейчас обычного «АКМа». Сейчас не нужны никакие «томпсоны» или карабины собственной работы, добрый старый «калашников», штук шесть магазинов — и ничего больше. Чего ж это «режиссеры» не подкинули ему такой подарок?

«СВД» тоже подошла бы. Однако что есть, то есть. При умелом обращении и пятизарядная магазинка себя покажет. Только нужно зайти будущим союзникам (Халхин-Гол имеется в виду) в тыл и работать с дистанции не меньше двух сотен метров. Тогда все будет О'К. А старый степной волк Юрята пусть по обстановке ориентируется. Ему есть куда отступать и хватит ума не подставляться по-дурному.

Широкой дугой он сначала ползком, потом короткими перебежками вышел в тыл монгольской засаде. Выбрал идеальную позицию. Лес по южную сторону тракта из чисто хвойного переходил в смешанный. Шульгин присмотрел несколько старых берез, одна из которых на высоте трех метров раздваивалась наподобие буквы «У». С этой развилки отлично был виден почти весь вражеский отряд. С полсотни всадников сгрудились на поляне, ожидая результата действий передового охранения, спешившегося и начавшего продвигаться по секретной тропе. Кто-то там поторопился, выстрелив по Юрята. Дистанцию не рассчитал, или дождь с туманом помешали, а может, просто конь не вовремя оступился. Иначе б все могло сложиться и по-другому.

Если только не включились в дело совсем другие факторы.

Со своей позиции Сашка мог стрелять в спину неприятелю, почти не рискуя. Устроился верхом в удобной выемке между стволами, передний полностью закрывал его от чужих взглядов и пуль, он же, чуть склонившись в любую сторону и положив цевье винтовки на подходящий сучок, мог чувствовать себя, как в тире.

В случае неблагоприятного поворота событий было

куда отступать. Буквально в десятке сажен справа и сзади начиналась буреломная чащоба, сквозь которую не только верхами, но и пешком заморишься пробираться. Имеющий хоть три десятка метров форы сможет класть преследователей на выбор, оставаясь невидимым и недосягаемым.

Примерно такой же рельеф и по ту сторону тропы, где остался дружинник. Она почему и считалась секретно-стратегической, что вилась до самого берега озера между непреодолимых, заболоченных и перекрытых естественными и искусственными засеками участков пуши.

Фермопилы не Фермопилы, а глубоко эшелонированный оборонительный район, было б только кому его защищать.

Он рассчитал все. Даже если допустить, что монголы сумеют сохранить под внезапным огнем с тыла полное самообладание, станут действовать четко, слаженно, не допуская ни малейшей ошибки, шансов у них исчезающе мало. Ширина тракта, вязкость дорожного грунта и характер прилегающей местности не позволяют атаковать развернутым строем, только сомкнутой колонной по три в ряд, почти шагом, что равноценно самоубийству.

Трехлинейная винтовка Мосина в хороших руках позволяет сделать двенадцать прицельных выстрелов в минуту. Та, что поднимал сейчас к плечу Шульгин, имела более удобный затвор, продольно-скользящий, без поворота рукоятки, как у «манлихера» 1886 года, и снаряжалась обоймой, вставляемой снизу, в окно перед спусковой скобой. Все эти хитрости доводили скорострельность до пятнадцати, а с Сашкиными навыками и реакцией — до двадцати выстрелов.

Быстрее, чем за три-четыре, а реальнее, за пять-шесть минут контратаку не организовать, и на бросок до рубежа рукопашной потребуются почти столько же времени. Так что...

Патронов в поясных и наплечных подсумках у не-

го восемьдесят штук. Бурским стрелкам такого боезапаса хватало, чтобы укладывать навсегда или обращать в бегство кадровые английские полки и бригады.

Он опустил мушку на широкую спину всадника в толстом халате и отороченной лисьим хвостом шапке, который выглядел и вел себя как предводитель. Для первого выстрела позволил себе плавно выбрать спуск.

Приклад резко толкнул в плечо, всадник, вскинув руки, упал на шею коня. Дальше стрельба пошла уже без пауз. Пять рывков затвора, смена обоймы — и дальше! Несколько раз, вскользь, он задел пулями лошадиные крупы и бока. Не убить, а чтобы взбесились от боли и перестали слушать всадников.

Стрелял, стрелял, стрелял... Для скорости выдергивал из подсумков сразу по две обоймы. Одну на место, другую в зубы. Еще секунда экономии на лишнем движении руки.

Зря писали уважаемые авторы о высочайшей дисциплине и выучке воинов Чингисхана и Батыя. Может, в эпоху сабельных стычек лава на лаву так и было. А когда лишенное маневра и руководства подразделение расстреливается беглым, убийственно точным огнем, взбешенные жгучей болью кони дико ржут, рвутся в стороны, встают на дыбы, кусают друг друга, топчут упавших под копыта всадников, а те продолжают падать и осмысленных команд не слышно — паника среди не имеющих собственного независимого мышления, а главное — цели жизни и смерти кочевников обращается в подобие степного пожара.

Он привык воевать с настоящим противником, равным, а то и превосходящим численностью, и сейчас планировал свои действия по тому же принципу. Учел, что окружающие деревья, отражая и искажая звук выстрелов, какое-то время позволяют ему сохранить маскировку, рассчитал рубеж, на котором враги опомнятся, остановятся, спешатся, развернутся в цепь и начнут наступать перекатами, поочередно прикрывая друг друга огнем.

Вместо этого сумевшие уцелеть, усидеть в седле, теряя время, начали разворачиваться, чисто по-муравьиному, чтобы бежать туда, откуда пришли. Назад, к своим, инстинктивно, но правильно сообразив, что если вперед — то еще глубже погрузишься в жуткий, безвыходный русский лес, где нет путей, за каждым деревом враг и каждое дерево — тоже враг.

Едва ли несколько десятков разрозненных и неприцельных выстрелов прозвучало в ответ на уничтожающий и деморализующий огонь единственной винтовки.

Сашка мельком подумал, занимаясь главным делом: «Похоже, эту публику стремительно попытались цивилизовать, вооружив новой идеей и более-менее европейской техникой, не удосужившись поработать над менталитетом и мотивациями. У африканских негров и прочих «борцов за свободу» в двадцатом веке в автоматах и даже ЗРК нехватки не было, однако взвод «белых наемников» спокойно разгонял целые «армии» в каком-нибудь Конго или в Кот¹-хрен знает чего. Пятьсот лет назад Кортес и прочие конкистадоры тоже успешно покоряли могучие империи...

Визжащая, перекикивающаяся непонятными словами и фонемами толпа неслась мимо. Грязные узкоглазые всадники в нахлобученных на уши малахаях не думали даже о том, чтобы сдернуть со спин карабины, отстреливаться хотя бы в белый свет, для самоуспокоения. И кривые сабли бессмысленно болтались вдоль конских боков.

Оглушенный грохотом собственной винтовки Шульгин все-таки слышал, что издалека отвечает ему еще одна. Более редко и размеренно, значит, тоже прицельно. Гулкие хлопки монгольских карабинов звучали совсем иначе. Жив Юрята! Да он и не сомневался.

¹ Кот (фр.) — берег. Кот д'Ивуар — Берег Слоновой Кости, к примеру.

Последние выстрелы Сашка сделал уже вдогон, сбив на землю еще троих. Скольким удалось сбежать, он не считал. Пожалуй, больше сюда не вернутся, в ближайшие сутки минимум. Наговорят своим начальникам, что встретились с тысячным войском. На Востоке так принято. Сломают им хребты или нет за бегство с поля боя и дурную весть, не важно, но контрнаступления в ближайшие сутки ожидать нечего. Не та война.

Его подсумки были почти пусты, винтовка раскалилась до того, что от цевья и ствольных накладок тянуло дымком шашлычных углей.

Он шел по дороге, без всякого удовольствия любясь плодами трудов своих. Трупов было сравнительно мало, большинство утащили с собой лошади. Монгольские гутулы¹ из стремян выскальзывали плохо.

Один цирик² повис над дорогой, проткнутый насквозь торчащим вдоль обочины навстречу направлению бегства острым суком.

Живых ему не попало.

«Кто стрелял!» — с определенной долей гордости подумал Шульгин. Люди это или не люди, а фантомы, как в компьютерной игре, или ростовые мишени на стрельбище — не важно, но если делаешь дело, так делай его как следует.

Предполагая, что кое-кто из проникших на тропу может в близкое время тоже появиться на перекрестке, иного пути отступления для них нет, он снял с убитых несколько карабинов. Посмотрим, чем они воюют, выберем подходящий.

Все они были одинаковыми, напоминали систему «генри-винчестер», с продольно-скользящим затвором, управляемым рычагом спусковой скобы. Забавно, Америку только через двести пятьдесят лет откроют, приличная оружейная индустрия через пятьсот появ-

¹ Войлочные сапоги с загнутыми носками.

² Солдат (монг.), но термин гораздо более позднего времени.

вится. Можёт, это китайцы на опережение начали плохие копии шлепать?

Да нет, механика нормально работает. Сашка выбрал один, показавшийся поновее. Обвешался патронными сумками, предварительно убедившись, что нет снаружи и внутри вшей и блох. К счастью, запах ружейного масла этих мерзких кровососов отпугивал. Обходились пропотевшими хозяйскими шубами.

Бесхозных коней вокруг бродило много, не побегавших следом за ордой и не рискнувших углубляться в лес, где чуяли, наверное, волков и прочих хищников. А еще полтора десятка было привязано поводьями к деревьям. Ждут своих не по уму сунувшихся в дебри хозяев.

Винтовка Юрты время от времени все постреливала вдаль, и дробь ответных выстрелов перекатывалась промеж стволов и распадков.

Шульгин выбрал трех коней, выглядевших сильнее и свежее других, на всякий случай приторочил к тому, что монголы считали седлами, несколько карабинов с боезапасом, десяток сабель. Своего оружия на базе Ростокина навалом, а все же... Трофеи, на память.

Отвел лошадей туда, где был привязан его жеребец, накинул поводья на ветку. Потом, не слишком даже маскируясь, просто умело скользя от дерева к дереву, направился в нужном направлении.

Не прошел он и полуверсты, как услышал впереди и правее голоса. Негромкие, но явно отечественного происхождения.

В неглубоком овражке, через который протекал ручей, сидели на склоне двое одетых в приличные зипуны мужиков, не из пахотных, а скорее к торговым делам причастных, и монгол, с тем же «американским» карабином на коленях и обнаженной саблей под рукой.

Разговор промеж русскими шел о том, что пора бы и сваливать отсюда. Больно громкая стрельба вокруг, и явно не в пользу поганых. А мы вот ввяза-

лись. Так не лучше ли кинуться разом, придушить вот этого — и по домам. По дороге хабар какой-никакой собрать.

Монгол понимал ли по-русски, нет, но на своих союзников посматривал подозрительно. Дикий или нет, но в обстановке ориентировался.

Схема понятна без объяснений.

Только вот что лучше — шлепнуть агрессора сразу, а с этими поговорить или прежде всего брать языка? Второе решение Сашка счел более рациональным.

Выстрелом снес с его колен оружие, прыгнул, наступив ногой на саблю, а кулаком, с поворота, врезал в скулу. И хватит.

На поясе у монгола висел сыромятный аркан. Им он и связал всех в кучу, спина к спине.

Наконец-то смог, расслабившись, закурить.

Черт знает чем приходится заниматься, нет бы на яхте по морям плавать. А вот не дают... Да все равно лучше, чем в грязной палате помирать! Сашка понимал, что от той картинки ему ввек не избавиться, и, что бы ни случилось, будет примерять ее к любым другим жизненным случаям. Для того, естественно, она и была ему показана.

Стрельба вдруг резко приблизилась.

— Сидеть мне, мать вашу, тихо, а то...

Он выдвинулся на гребень и начал, не выпуская папиросы изо рта, стрелять по мелькающим между деревьями фигурам в стеганых куртках и халатах.

Юрята, известным образом засвистев с переливами, вышел из-за сосен.

— Все, воевода? — спросил, на ходу перезаряжая винтовку.

— Пожалуй, и все, — согласился Шульгин. — Иди сюда, тебе интересно будет...

— Это — кто? — спросил дружинник, увидев пленных.

— Сам и спрашивай, твои земляки, не мои...

Оказались обыкновенные «коллаборационисты», каких во все века хватало. Сами из Твери, купеческие приказчики, изъездившие с товарами все тогдашние пределы, более-менее знающие языки окрестных народов и племен, космополиты, можно сказать, лишенные патриотизма даже в тогдашнем понимании. «Уби бене, иби патриа»¹. После прихода монгольского тумена, подчиняясь одновременно угрозам и посулам, согласились поработать толмачами и проводниками. Знали, что на Столбном помещается «военная база» великокняжеского войска, а когда монголы, перехватившие отряд Елены, убедились, что княжны нет ни среди пленных, ни среди убитых, подсказали тысяцкому, Даваджаб-нойону, куда она могла укрыться, если не прикопана дружинниками в безымянной могиле. Вот и повели специально выделенную сотню «ловцов».

Только монголы оказались не на высоте. Не слушали советов, думали в лесу воевать, как в степи. А столкнувшись с реалиями, растерялись, утратили управление.

— Повесить бы их, — предложил Юрята.

— Неплохо, — согласился Шульгин, — только не сейчас. Отвезем к князю, там допросим с пристрастием, и караульщика ихнего, а уж потом, в зависимости от поведения...

— Дело говоришь, воевода. Инда поехали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Война войной, как говорится...

Игорю сейчас было не только и не столько до войны, как до занимающих его и даже терзающих внутренних проблем. Он помнил из институтских курсов, что существуют в каждой области человеческих знаний задачи, не имеющие рационального решения.

¹ Где хорошо, там и родина (лат.).

Большинство «простых» людей об этом просто не задумываются, на уровне житейского здравого смысла уверенные в непреложности евангельской истины: «Да — да, нет — нет, а остальное от лукавого».

Сейчас он впервые столкнулся именно с такой ситуацией. Прежде — не приходилось. Хотя в дальнем космосе, хоть в историях с ожившими покойниками и Майклом Паниным, межвременными переходами и «Андреевским братством» достаточно однозначное и вполне рациональное, в предложенных обстоятельствах, решение обязательно находилось.

(Здесь следует иметь в виду, что описываемый Ростокин и ныне действующий Шульгин оказались примерно в таких же отношениях, как Сашка с самим собой несколькими неделями раньше. Люди развилки. Нынешнее состояние как бы отрицало самое себя. Игорь, здешний, — совсем не тот, что вернувшийся «в мир» после того, как уложил спать княжну и начал вскрывать пакет от Михаила. Никак не мог он знать и помнить того, что случилось позже: об Артуре и иных делах, в которых им с Александром Ивановичем довелось поучаствовать в собственном времени, в нескольких других. Однако же помнил.)

Если Ростокин возвратился в квартиру на Столешниковом в известный фиксированный момент, уверенный, что эпизод встречи с Еленой был поставлен плохо и завершился ничем, то каким образом совместить все случившиеся до и после временные петли? Куда и как он вернется теперь? В самом простом варианте — туда же, просто с двойным комплектом воспоминаний. Тогда кто же возвратит в мир Артура и Веру? Если все-таки он, то рано или поздно борьба с «нашествием» для него кончится, опять же ничем. И снова появится Артур.

Исходя из подобного допущения, Игорю, не стесняя себя никакими моральными соображениями и принципами, следует довести эту партию до реши-

тельного результата. Заодно и посмотреть: получится ли? Достаточно ли отпущено ему степеней свободы?

Конечно, существует риск, что реальность зафиксирована окончательно и хода ему из нее больше не будет. Тогда — как с формулой возврата? Прошлый раз она сработала столь эффективно, что и развоплощенных Артура с Верой он сумел с собой привести, немедленно обретших полноценные физические тела взамен эфирных.

Что, если таким же образом обретет реальность для «истинного» мира и Елена, вернется туда вместе с ним? Как выпутываться из проблемы двоеженства?

Тем не менее, рассуждая вполне здраво с точки зрения 2056-го, а равно и 1924 года, своей подлинной ипостасью он странным образом считал именно эту. Ничего в принципе особенного для тех заморочек, в которые он ввязался. Единственная, пожалуй, разница, исключительно психологическая, в том, что переход вместе с Шульгиным из новозеландского форта в белый Харьков он воспринял «механистически», то есть материалистически, точнее сказать, зато выпадение сюда через астрал выглядело чистой мистикой. А на самом-то деле? Чем не существовавший в его истории «югоросский вариант» и все там случившееся лучше (подлиннее?) этого, столь же невозможного, исходя из теории Фолсома и иных научных постулатов? Единственно тем, что одна из сюжетных линий совпала с той, что он придумал и описал в юности. А если это не визуализация мечты, а обычное прозрение?

Сумел же Новиков, точно так же фантазируя, за двадцать с лишним лет угадать предстоящее крушение «их» советской власти и трехцветный российский флаг над Скобелевской площадью.

Селигер сам по себе узел, сплетение невероятно-стей, «точка пробоя кабеля», не зря практически в одном месте случились судьбоносные события, хоть краем, но зацепившие почти каждого члена «Братства».

И Ростокин, сидя, может быть, прямо на «силовой линии», получил прямую связь с такой вот, уродливо искаженной, но для находящегося внутри — вполне естественной реальностью.

Дождь лил и лил, шелестя по плащ-палатке, которую Игорь натянул между обломками корней вывороченного пня, над глубокой промоиной, образовавшейся под ним. Костер бы запалить, да в засаде нельзя.

Они с княжной о многом поговорили, не касаясь только главного вопроса. Словно все между ними как прежде — Елена дочь сюзерена, сам он понятно кто. Высокороден, но беден и на службе состоит. Захотят — возвысят соразмерно титулу, нет — отошлют от престола собственное счастье искать. С опалой или без, как их милостям угодно будет. А то и в яму посадят, в монахи постригут. Средневековье, куда денешься?

Это, конечно, хрен вам! С нашей подготовкой в нужный момент и великого князя со всей его свитой и ближней дружиной в одиночку раскидаем. Не говоря об огнестрельном оружии, которым здесь пользуются, как дворовые пацаны палками. «Кых, кых, ты убит!» А если не убит и не палка, «ППШ» в руках, с настоящими боевыми патронами?

Опять *постороннее* воспоминание. Откуда в его детстве «ППШ»?

Он приобнял Елену за талию. Вроде и по поводу: холодно, сыро. Температура — примерно плюс десять. Некомфортно.

— Моя ты любимая! — стал он ей шептать в ухо. — Никогда не мог поверить, что ты на меня глаз своей положила. Кто я тебе и зачем нужен?

— Глупый ты, глупый! Только тебя я и видела. Один ты был на человека похож, который вместе со мной из папашиней державы, из лапотной Руси сможет соразмерную Византии империю создать. Помню, как послов новгородских в прошлом году, не по праву,

конечно, убеждал ты союз торговый и военный заключить. Получилось у тебя, вопреки указаниям отцовым, правилам общепринятым. Как ты вино фряжское с аквавитой¹ для них мешал, я заметила...

— Что ж ты, княжна, каждый мой шаг следила?

— Не веришь? А ты у двора базилевса бывал? Сына его, Константина, видел?

— Бог миловал...

Хотя о Константине некоторые представления у Ростоккина были. Вполне теоретические.

— Ты бы смог с ним на равных держаться?

Елена, наверное, представила себе гигантские залы Палатина, толпы придворных, возжигаемые ладаны и прочие курения, вообще пышную и бессмысленную роскошь умирающей империи.

— Делать нечего... На дипломатический разговор или беседу в стиле перипатетиков образования хватит, а если грубить начнет — рукояткой револьвера в зубы, и разошлись, — пошутил Игорь.

Образ Елене показался, наверное, слишком сложным.

— Он ведь и мечом владеет, и в боях на фракийской границе себя показал...

— Много они показали, даже с крестоносцами путем разобраться не сумели!

Игорь ответил самым простым в его положении образом. Он ведь человек двадцать первого века, и смоделированная им девушка тоже оттуда. Была она, по тексту, петербургской студенткой, с которой встретились на базе отдыха и разошлись по окончании срока. А княжна — это вторично.

Начал читать ей стихи, те самые, что подходили тогда и которых никак не могло появиться в тринадцатом веке.

Зато насколько она сейчас была красивее той, случайно встреченной и показавшейся симпатичной дев-

¹ Аквавита — в данном случае — чистый спирт, доставляемый из Южной Европы в качестве лечебного средства.

чонки! Если бы та Ленка повела себя правильно, могло бы у них что-то интересное получиться. А она вообразила себя... Ну, неизвестно кем вообразила. Что она лучшая девушка в этом туристском лагере? Так и лови момент! А уехав в Петербург, мгновенно станешь одной из миллиона.

Сначала рукой он осторожно погладил ее грудь поверх всех воинских доспехов. Ничего сквозь них не чувствовалось, кроме самого факта: не отстранилась. Даже прижалась потеснее и подставила губы.

Неподходящее место и время для развития успеха: сверху дождь, внизу грязь, и слишком много на каждом плотных одежд и ремней с амуницией. Только напрасно распалать чувства.

Начавшаяся вдали стрельба расставила все на свои места. Елена вывернулась из его объятий, сама недоумевая, что это на нее нашло. А там кто его знает! Не зря в прежние времена во всех европейских странах девиц без сопровождения старших родственников и друзей наедине с приятелями противоположного пола не оставляли. Наверное, имелся вековой опыт их врожденной моральной неустойчивости.

Больше получаса Игорь лежал, сторожко осматриваясь и прикидывая, куда направить ствол пулемета, откуда вероятнее всего может появиться враг. Княжна, как настоящий боец, разложила на земляной полочке диски и винтовочные обоймы, готовая за второго номера работать и самостоятельно позицию держать. Но полыхнувший бешеным накалом огня далекий бой почти сразу затих, и вскоре, предупредив условленным свистом, появился Шульгин с Юрятой, конями и пленными.

— Все, князь, поехали домой. Времени у нас теперь много. Заставу с броневиком оставим, а нам здесь делать нечего. В монастыре языков допросим обстоятельно, скорого набега ждать не стоит. Не тот враг нам попался...

На обратном пути он более-менее подробно изложил Игорю и Елене случившееся, по-своему толкуя

низкую боеспособность противника. Он не стал говорить, что Ловушка в очередной раз не сработала именно потому, что он сумел пересилить заложенную в нее программу. Неизвестно когда и неизвестно кем. Стоило ему хоть на минуту поверить, даже в глубине души, что перед ним те самые всесокрушающие монголы Чингисхана, походя громившие государства и империи, которым не могли противостоять ни китайцы, ни Хорезм, ни отчаянные русские дружины, тут бы ему и конец. Что такое двое против сотни?

Зато, как только вообразил, что это всего лишь мирные араты¹, наряженные для масштабной батальной киносъемки, — все стало на свои места. Режиссер ведь не сказал им, что в какой-то момент стрельба начнется боевыми патронами. За три рубля суточных (советскими деньгами) помирать дураков поищи!

Никому свою военную тайну Шульгин раскрывать не собирался. Напротив: только вокруг нее можно было строить дальнейшую политику.

Ловушка, или кто там еще, очевидно, умела работать только с ограниченными объемами человеческой личности, чисто биологическая составляющая которой насчитывает миллиарды мозговых клеток, нейронов, аксонов и прочего. Количество же связей между ними, наведенных полей и вообще чего-то такого, что Удолин называл астральными, эфирными, ментальными и высшими телами, наверняка превышает возможности «высшей» структуры. Не может техническое устройство, сколь бы сложным оно ни было, превосходить возможности своего создателя. Как камень, который всемогущий Бог то ли может создать для себя неподъемным, то ли нет.

Для Ростоккина (при всем уважении к этому парню, с которым довелось поучаствовать во многих острых ситуациях, Сашка считал его тем не менее мягковатым для настоящей жизни) придуманная история с

¹ Арат — монгольский крестьянин-скотовод.

княжной показалась вполне убедительной, то есть запас его воображения оказался достаточным для построения «химеры».

Воронцов, который никогда не претендовал на роль Держателя или кандидата в таковые, сумел вообразить свою Наталью так убедительно, что она мгновенно материализовалась в женщину, способную на протяжении многих лет существовать в реальном мире, неотличимая от других. А ведь на самом деле была просто воспоминанием, не слишком совпадавшим с оригиналом, но изменившим его по своему образу и подобию...

Снова сердце Шульгина пронзила ледяная игла. Большой подлости по отношению к нему Сеть, или Держатели, или сам он (такое не исключалось) не могли придумать. Сцена жуткой или, что еще хуже, немыслимо жалкой смерти в больнице присутствовала в нем теперь постоянно. Казалось бы — ну и что такого? Разве победительный юноша двадцати трех лет от роду, если не дурак, не думает о реальном конце?

Как правило — нет. Возраст для того и существует, чтобы в каждой поре мыслить соответственно. В двадцать думаешь, что ты и твой отец, дед, их друзья и прочие окружающие живут каждый в своем времени и возрасте. Им — пятьдесят, шестьдесят, и по-другому быть не может. А тебе — двадцать. Когда-нибудь, по прошествии бесконечных дней, станет двадцать один. Но это так далеко...

Здесь играла несколько другая схема психического воздействия. В тридцать, в сорок, пусть в пятьдесят ты еще волен вообразить, что падешь в бою, от мгновенного инфаркта, на собственной яхте взорвешься на болтающейся по морям японской или американской mine. Но если тебе скажут и покажут, конкретно и окончательно, — будет именно так, в этот самый день указанного года, — вот тут гайки отдадутся у самого в себе уверенного человека.

— Так вот вам, господа! — Шульгин едва не изо-

бразил руками известный жест. Но удержался. Это тоже будет выходом за пределы тайны.

Пуускай Игорь пока тешится близостью действительно крайне привлекательной девушки, по всем параметрам соблазнительной, и внешностью, и династическим положением. Чем кончится — посмотрим.

А разве нельзя подумать, что и данный момент, удивительно точно нарисованный, нынешнее настроение, этот дождик, винтовка поперек седельной луки — именно то, что в последние свои минуты вообразил тот жалкий, отвратительный (так Шульгин неожиданно начал думать) двойник? Ну, невозможно жить, отождествляя себя — с тем!

«Да можно, можно», — подсказал внезапно мерзкий по тону внутренний голос.

«Кто бы спорил, — ответил, озлобляясь, Шульгин. — Только и этому мóроку мы не поддадимся».

Они долго шли по проложенным внутри монастырских стен коридорам. Низким, сводчатым, еле-еле освещенным подвешенными на крючках керосиновыми лампами. Уныло, конечно, зато чувство личной безопасности нарастало буквально с каждым шагом. Попробуй меня здесь достань, кто бы ты ни был! Классно это придумано, монастыри то есть. Правда, европейские, бенедиктинские или францисканские были еще интереснее. Стояли в живописных местах, на господствующих высотах и скрещении стратегических торговых путей. Выглядели внушительнее, интерьеры до сих пор вызывают восхищение, и монахи там занимались гораздо более интересными делами. Книги латинских мудрецов переписывали, ликеры изобретали, местных графов и баронов неторопливо к основам цивилизации и демократии подтягивали. Прогрессоры были, в определенном смысле. Наши себя так поставить не сумели. Душу, прости Господи, спасали, уступив реальную власть и влияние сиюминутно мысля-

шим князьям и князькам. Принесло ли это России практическую пользу? Отнюдь.

Елену и Игоря игумен устроил в близко расположенных кельях. Очень они устали, чисто физически, что было заметно. Потому Шульгин не стал приглашать Ростокина на дальнейшую беседу, хотя и хотелось.

Пусть отдыхают.

Дальше пошли вдвоем. Он и игумен. Оружие Сашка оставил внизу, кроме револьвера, на который отец Флор покосился, но ничего не сказал. Время-то бранное.

Смысла в наличии на поясе семизарядной тяжелой железки не было никакого, кроме психологического. От некоторого количества противников Шульгин отбил бы руками и подручными предметами, в случае подавляющего перевеса — револьвер не лучше детского пугача.

Другое дело — человек любой практически эпохи, от неолита до Новейших времен (за исключением советской власти), считал меч на поясе или шпагу, нож за голенищем, кремневое ружье, пистолет в кобуре, в кармане, вообще всякое оружие — непременным атрибутом свободного! Только рабы не имели на него права.

Не каждый поймет, в чем дело, но Шульгина и его друзей напрочь отвратило от советской власти еще и то, что на их глазах у отцов-фронтовиков отнимали (под угрозой тюрьмы) даже награжденные, с серебряными табличками от командармов и комфронтов «ТТ», «парабеллумы» и «вальтеры». У дедов — «маузеры» и «наганы» с орденами Красного Знамени на рукоятках. Началась такая кампания года с пятьдесят третьего, кажется. Сталин умер, новые начальники пришли, параноя стала раскручиваться по очередной спирали.

Власть, которая боится старого револьвера в трясущихся руках старика, жизнь на ее утверждение потратившего, не заслуживает даже презрения.

Апартаменты игумена находились этажом выше, причем так расположенные, что туда не каждый из постоянных обитателей монастыря нашел бы дорогу. По винтовой лестнице через башню, потом по внешней галерее, и вдруг налево узким коридорчиком. Со всем неприметным. В его конце — дверь, которую взломать невозможно по причине не только толщины и прочности, а расположения. Ни тараном, ни просто руками, пусть и снабженными кое-каким инструментом. Такой тамбур, как раз на ширину полотнища, да еще и открывающегося «поперек хода».

Кельей три большие комнаты, выстроенные анфиладой, с несколькими смежными помещениями поменьше назвать можно было лишь с серьезной натяжкой.

Отец Флор, игумен, внимательно выслушал сообщение тмутараканского воеводы. Начальник монастыря был воплощен вполне убедительно. Поскольку имелся у него прототип, глубоко запавший в память и эмоциональную сферу Ростюкина. Да и сама обитель тоже. Слегка подкорректированная копия Кирилло-Белозерского, как он выглядел в середине XXI века, с элементами конкретной Ниловой пустыни (того же времени) и Соловков. Одним словом, тех мест, которые произвели на Игоря наибольшее впечатление.

Образование монах имел неплохое, по свету побродил, включая Святую землю. Причем пешком или на лошадях, если считать, что авиации и автобусов ему не подвернулось по причине принадлежности к Средневековью.

— Ополченцы продолжают подходить. Случится — обороняться сможем до полного ледостава. Дальше — не знаю.

— Да знать-то, владыко, и нечего. Никто сюда больше не придет. Историю знаете? Византийскую, римскую, остальную, само собой?

— Что-то я тебя, воевода, не совсем понимаю. И сам ты мне кажешься странным...

— Чем же вдруг? — оживился Шульгин. — Объясни, отче. Я бы и сам мог тебе объяснить, но хочется твое мнение послушать.

— Скажу, — игумен провел ладонью по бороде, — видится мне, что не православный ты. Католик, наверное. Или, хуже того, жидовствующий...¹

— Упаси бог, отче. Разочарую тебя, но никаких ересей не исповедую. Другое дело, стойков римских почитаю, Аврелия в особенности, а из греков Платона и Сократа. Только тебе сейчас надо такие тонкости выяснять? Я ж не в семинарию поступать намерился. Обитель твою отстоять от врага, и только. Потом дальше побреду по миру, искать, где еще пригодиться...

А сомневаешься — прости ты на меня руци свои, с крестом наперсным — изыди, мол, так и изыду. Сяду на коня — и дальше. Водой святою на дорожку умоюсь. Уловил мысль, отче?

— Уловил, уловил, ты не трудись особенно. Не о том моя речь... В Тмутаракани я не был, обычаи там у вас, наверное, свои. С одной стороны греки из Кафы, с другой — Дикое поле. До исконно русских земель далеко. Но манеры твои больше схожи с латинскими, будто и впрямь ты себя странствующим рыцарем воображаешь, а не воином на княжеской службе.

— Так и есть, отче, так и есть, — с живостью согласился Шульгин. — «С «лейкой»² и блокнотом, а где и с пулеметом по полям сражений мы прошли...» Скоро сорок лет живу на свете и воюю за правое дело, где придется или где Бог укажет, что, впрочем, одно и то же. Или не так?

— Сейчас послушник обед нам принесет, и продолжим мы нашу полезную беседу...

— С удовольствием, отче. Только укажи мне, по-

¹ Одна из ересей раннего православия, опирающаяся на элементы иудаизма.

² «Лейка» — просторечное русское название первой узкоплечной дальномерной фотокамеры Лейца, прототип семейства советских «ФЭДов» и «Зорких».

жалуйста, место, где я, устава не нарушая, мог бы богомерзкой привычке придаться, табачку покурить то есть. Настолько привык, что не могу без того, мозги перестают работать.

— Грех, конечно, только не мое это дело. Вон, на галерею выйди, подыми, если иначе не можешь...

Игорь продолжал свой рискованный эксперимент. Как уже говорилось, прототипом Елены была питерская студентка, покорившая его сердце пятнадцать лет назад по прямой временной шкале XXI века в этих же местах, на турбазе по ту сторону плеса. Она, безусловно, была самой красивой и яркой девчонкой в том заезде, что сразу же ее испортило. Чересчур много внимания со стороны обладающих массой достоинств парней и мужчин. На их фоне Ростокин ничем не выделялся да вдобавок отличался совсем неуместной застенчивостью и деликатностью. А для двадцатилетней девушки это скорее недостаток, чем достоинство.

Короче, тогда свою партию он проиграл. Пока Елена не осознала своей здесь позиции, кое-что у него получалось. Во время заполюночных песен у костра с легкими возлияниями и танцами ему удалось и грудь ее осторожно погладить, и к щечке губами пару раз прикоснуться, пьянея от запахов и надежд на продолжение. Но в тот раз он отступил перед достаточным условным сопротивлением, забыв, что суворовский завет — «быстрота и натиск» относится не только к военным делам.

Был бы он уже тогда отважным военным корреспондентом или космическим журналистом с именем — все получилось бы совсем иначе, и жизнь, безусловно, сложилась как-то иначе.

Уже следующим днем нашелся человек, который не забивал себе голову возвышенными мыслями. Правда, к концу срока Лена разочаровалась в нем и даже впала в депрессию, догадавшись, что две недели потеряны зря. Не так себя повела, не на ту лошадь поставила. Ошибка, если не хуже, вряд ли поправима.

Простились они с Игорем тепло, старательно скрывая друг от друга чувство горечи от воспоминаний о несбывшемся. Полгода, а то и больше переписывались «как близкие друзья», причем на бумаге, а не электронной почтой, и Лена постоянно касалась листка капелькой своих духов. Зачем, для чего? Неужели из чувства изощренного садизма? Или по девичьей глупости?

Кто теперь скажет, отчего Игорь не бросил все, не метнулся из Москвы в Петербург в ближайший уик-энд? Не мог простить обиды, ждал прямого приглашения или тоже тонченно мстил?

Когда эпистолярное общение сошло на нет, он довольно долго вспоминал о своей несбывшейся любви. Последний раз вспомнил о ней незадолго до своего первого межзвездного полета, когда сидел в гнусном номере прифронтовой гостиницы на очередной азиатской войне, схваченный приступом «вельтшмерц», мировой тоски, и набрасывал в потрепанном блокноте:

Ночь... Дождь... Одиночество... Тьма...
В душу вползают унылые мысли.
Кто я? Что? И что сделал я?
Чему еще суждено свершиться?
Спас ли я? Или я погубил?
Только вопросы, и нет ответа.
Словно фонарщик прийти забыл
И не зажег волшебного света.
И окна, наверно, твои не горят.
Спишь ли? Тоскуешь? Рассвет у порога.
Может быть, вспоминаешь меня?
Может быть, веришь? Ведь это так много!
Мне твоя вера дает силы жить,
Добрая фея моя речная!
Встреченная на исходе пути,
А может быть на пороге рая?
Рая земного, а не в небесах,
Что для тебя мной храним и вечен,
Где шепчут волны и блещет роса,
И бор серебром весь насквозь расцвечен...
Нет, все еще впереди, и взметнут

• Крылья тебя, якорям всем на радость.
И в ярком небе еще расцветут
Листья и звезды, которым не падать...
...Ночью дождливой стою у окна,
Капли стекают по стеклам гладким.
Осень в Пекине так же мокра,
Как наша осень на Петроградке...¹

Отослал ей это стихотворение, но ответа не получил. Так постепенно и забылось.

Если правильно сказано кем-то, что стихи — высшее воплощение человеческого духа, то они, эти и другие тоже, вполне могли вызвать к жизни и материализовать образ девушки. Неотреагированные эмоции, сказал бы в этом случае Александр Иванович, обладают чудовищной силой. Не знаю, как там насчет веры «в горчичное зерно», которая позволит перемещать горы, а вот два недоучки — художник Гитлер и семинарист Джугашвили — дали миру понять, как опасно лишать человека перспективы. Купил бы еврейский магнат году в тысяча девятьсот десятом или тринадцатом за тысячу марок десятка три акварелей Адольфа Алоизовича да устроил выставку в Вене с хорошей прессой, как бы ему были благодарны шесть миллионов соотечественников и пятьдесят миллионов прочих, ни за что погибших людей! Кажется, ни один из художников, попавших в собрания Третьякова или Щукина, не возжелал учреждать рейхи, вешать на фонарях коллег, сколь бы их колорит и мазок ни казались им чуждыми и отвратными.

А теперь судьба предложила ему эту же девушку в полное распоряжение, с правом переиграть партию по новым правилам. Сумеешь, нет?

Он пересек темный коридор, постучался в дверь.

— Это ты, князь? — спросила Елена, перед тем как отодвинуть засов. Сам вопрос уже служил ответом.

¹ Стихотворение В. Овчарова.

— Кто же еще?

Она стояла за порогом, кутаясь в льняную простыню, прикрывавшую голые ноги едва до колен.

— Зачем пришел?

— Как будто не знаешь...

— Знаю, — не то вздохнула, не то всхлипнула княжна. — Очень долго ждал, так?

— Ты даже не знаешь, как долго...

— Знаю, — повторила она. — А если война закончится не так, как мы надеемся?

— Тем более. Тогда и пожалуй об упущенном некому будет.

— Понимаю. Я и сама тебя ждала, чего скрывать...

Она за руку провела его через едва освещенную дрожащим светом свечи прихожую к узкой, для монахов устроенной деревянной койке, поверх из лыка сплетенной сетки прикрытой тонким тюфяком. Сбросила с плеч простыню.

Он видел ее на селигерском пляже в тугом купальнике, по моде тех лет скрывавшем тело от плеч до середины бедер, потом в бане, когда он своими руками ее раздел. Но это медицинский момент, не считается. Потом, в присутствии Артура, она явилась ему не голой, а обнаженной, ей прислуживали Алла и Ирина, столь же неодетые, но при всех своих зрелых формах уступающие в соблазнительности изящной, а главное — царственной девчонке. Каковая царственность в жестах, движениях, мимике отчетливо перебывала так называемую «силу плоти». А уж Игорю, впервые увидевшему Ирину на палубе «Призрака», казалось, что ничего совершеннее не бывает в природе.

Убедился, что бывает. Просто угол зрения меняется в зависимости от настроения. Кому Венера Милосская, кому Афродита Таврическая.

Елена легла, прижимаясь к стене, освободив достаточно места, чтобы и он поместился.

Никаких предварающих и сопровождающих просящее слов княжна не говорила. Обещаний не

требовала, хоть любовных, хоть политических. Просто прижалась горячим тонким телом, сама начала его целовать, по-современному, хоть и не знал Игорь, чем эти дела отличались от наших в тринадцатом веке.

— Игорь, смотри, я ведь тебе первому... Девушка я... Боюсь...

Что «та» Лена девушкой не была, он знал точно. Двадцатилетних девственниц в две тысячи сороковом году не бывало по определению, если уж только совсем какие-то богом ушибленные или судьбой обделенные таились где-то. И с его соперником она несколько ночей провела, таких вещей от терзаемого ревностью парня не скроешь. Так никого это особенно и не волновало. Плохо, что не со мной, а в принципе — каждый в своем праве.

Зато *эта* Елена, в качестве компенсации, что ли, девственницей оказалась. Игорь долго и нежно ласкал ее, стараясь разбудить ту страсть, которая непременно присутствует в любой почти девушке. Природа так определила. Он очень старался, и все получилось, как надо. Разрядку Елена испытала, пусть и неяркую, но наполнившую ощущением ранее неизведанной радости. По телу разлилась сладкая истома, захотелось спать и в то же время — немедленно повторить. Теперь уже — со знанием того, как ей будет лучше.

Игорь курил у окна, по-своему переживая достигнутый успех — все же он добился того, о чем мечтал давным-давно, а потом выбросил из головы, как многое другое, за ненадобностью. Девушка его не разочаровала. А то ведь как бывает — стремишься, добиваешься, теряешь голову в предвкушении чего-то неземного, потом предмет вожделения уступает, и все кажется ужасающе пресным и банальным. Начинаешь понимать, что некоторые красавицы созданы лишь для того, чтобы пьянить на расстоянии, сближение же — потеря иллюзии и хуже того — резкая неприязнь.

Чем свечи лучше электричества, так тем, что романтическая атмосфера создается автоматически. Не

освещенное пронзительным светом тело со всеми его не всегда эстетическими подробностями, а мягкий абрис, насыщенный тенями.

Елена села поперек кровати, вытянула ноги до середины кельи, руки закинула за голову, вызываяще выставив свои не слишком роскошные груди. Она явно ощущала себя перешедшей в иное качество. Женщина она теперь, со всеми вытекающими последствиями. Полноценное существо, познавшее не только неведомое ранее удовольствие, но и осознавшее свои права и власть.

Обняла Игоря, сама стала горячими ладонями скользить везде, целовать его мягкими, совсем не такими, как раньше, губами.

— Ты же теперь навсегда мой, князь? Мы с тобой начнем новую, Мещерскую династию. Давай еще раз. Мне понравилось. Только теперь не так. Постельные бабы меня учили, ты не думай. Нас, княжон, с самого детства учат. Книги индийские и арабские, с картинками, читают. Вас, мужчин, воинскому делу обучают, нас этому...

Очень Ростокин удивился. Сейчас действительно не питерская студентка Лена его обнимала, а подлинная великая княжна, с историческим опытом тысячетлетней империи. Вспомнилась из прочитанных книг базилисса Феодора, еще кое-какие византийские дамы, имевшие гаремы мужиков почище, чем женские у царя Соломона.

— Ты сейчас все правильно сделал. Не груб был, не спешил. За это я тебя еще больше полюбила. Девичья любовь — не то. Просто глупость. А женщиной с тобой став, никогда тебя не покину. Люб ты мне, и другого не надо.

Шепча эти слова, Елена вела себя так, что напоминала Игорю суккубов, демонов, принимающих женский облик, доводящих мужчин до исступления, а потом...

Но не о каком «потом» ему думать не хотелось.

— Вот, — удовлетворенно сказал Елена, наконец перевернувшись на спину и распрямившись. — Подай вот это... — указала на соседний табурет. Натянула сначала белые трикотажные трусики (разве их в тринадцатом веке знали?), а потом и вязанные солдатские кальсоны с рубашкой. — Теперь я рожу отцу наследника. Старшие сестры опоздали, дуры чопорные...

Ростокину показалось, что его опять использовали. Династические хохмочки, так их мать...

Хотел было спросить: а как насчет всего остального? Любовь там, свадебное путешествие по достопримечательностям Золотого кольца, или в Европу...

«Какая, на хрен, Европа, — тут же возразил он сам себе. — Париж — поганая деревушка, где даже Нотр-Дам построят через полтора года. А так — деревня, до Владимира и до Твери как до Марса пешком, не говоря о Новгороде Великом!»

— Спать будешь, княжна? — спросил он, затягивая ремень на кителе.

— А что, по крышам бегать? — ответила Елена, подтягивая одеяло к груди.

Удивительно пересекались манеры и черты характера двух вроде бы разных девушек, но, похоже, одинаково неудобные в обычной семейной жизни. С первой Ленкой он расстался не по своей воле, не понимая еще, что нашел, что потерял, а с этой, похоже, не только великокняжеского стола не нужно, а и вообще...

— Так и поспи, и я тоже...

Елена махнула рукой и отвернулась лицом к стене.

Игорь чувствовал себя совершенно вымотанным. Кто б сказал раньше, что юная девственница может до такого довести. А то у него женщин раньше не было. Мадьярка Алла, страстная до потери сознания, и та оставляла достаточно сил...

Суккуб, не иначе, княжна Елена. Хорошо, что живым удалось выскочить.

Он не знал, каким образом сумел разыскать помещение, где сидели, выпивали и закусывали Александр Иванович с игуменом.

— Ого! — хором сказали оба, увидев то ли князя, то ли корреспондента газеты «Звезды зовут».

Ростокин затворил за собой дверь, надеясь, что до утра ее больше никто не откроет. Ему вспомнилась ночь в келье отца Григория, казначея Кирилло-Белозерского монастыря.

— Бесы ли тебя обуюли, сын мой? — спросил отец Флор, недрогнувшей рукой наливая стограммовую стопку. — На, ее же и монаси приемлют, и ты прими, не пьянства ради, а душевного здоровья для...

— Спасибо, отче. — Игорь махом выпил, посидел, ощущая, как растекается по телу раба божия чревоугодная влага, подцепил двузубой вилкой порядочную порцию монастырской квашеной капусты, которую грешно есть помимо водки.

— А знаешь, товарищ корреспондент, пока ты мировоззренческие вопросы решал (ведь так?), мы с отцом Флором под первый литр удивительнейшие вещи выяснили...

Игорь, сглотив, поднял взгляд.

— Ты, помнится, отца Григория хорошо знал? Ну, того самого... — Шульгин, забыв о предыдущем, курил, уже не спрашивая разрешения и не выходя на галерею, да и игумен внимания не обращал. Не до того.

— Знал, а что? — Ростокин, еще не перейдя предела, сам к чужой фляге не тянулся, но глазами Шульгину показал, что добавить — необходимо.

— Так отец Флор тоже его очень хорошо знает...

— Это, то есть, как? — Сказать, что Ростокин был ошарашен, — ничего не сказать.

— Да как хочешь, сын мой. — Игумен разлил, почесал снизу вверх бороду, — Достойнейший монах отец Григорий. Кровашки пролил немало, так ведь в мирском качестве, Отечество защищая, что подвиг, а не грех. Зато потом тридцать лет повседневно молился, не за себя только, за всех, с кем служить пришлось...

Ростокин, слотнув еще сто грамм крепчайшей настойки (куда там братьям-бенедиктинцам с их ликером), медленно уплывал.

— И тебе помог от наваждения избавиться, не так ли?

— Какое наваждение, отче, какой отец Григорий? У нас сегодня одна тысяча двести тридцать седьмой год от Рождества Христова, так? Или не так?

— Ни малейших сомнений, — ласково улыбнулся игумен. — Именно так и в летописях записано: «И нашли на Русь татарови силой бесчисленной лета шесть тысяч семьсот сорок пятого...» От сотворения мира. С отцом же Григорием мы неоднократно встречались года так начиная с семь тысяч пятьсот сорокового, когда он сан принял, стал на разных мероприятиях в епархии и Троице-Сергиевой лавре бывать...

— Так получается, вы тоже?..

— Что — тоже? — осведомился игумен.

Ростокин и не знал, как правильно сформулировать мелькнувшую в голове мысль. Хотел спросить, тоже ли монах участвует в непонятном спектакле, живет одновременно в тринадцатом и двадцать первом веке в одном и том же качестве, при этом все понимая и воспринимая как должное? Но подумал, что прозвучит это как минимум глупо.

На помощь пришел Шульгин.

— Все мы здесь в той или иной мере «тоже». Есть мнение, что келья отца Флора, как и Григория в том твоем случае, обладает определенной экстерриториальностью. Мы с ним, когда здесь заперлись, начали насущные проблемы обороны и высокой политики обсуждать, неожиданно почувствовали, что понимаем друг друга куда лучше, чем на открытом пространстве...

— И настоечка помогла, — хохотнул монах, — не ЛСД, а горизонты сознания расширяет...

Теперь это был абсолютно современный мужчина, с приличным не только духовным, но и светским образованием. С манерой разговора, свидетельствующей,

что конец двадцатого, начало двадцать первого века ему куда ближе, чем тринадцатый.

— Ты же, помнится, говорил, что, спасаясь от тогда неведомого тебе врага, в келье отца Григория почувствовал полное спокойствие, свою неподвластность «демонам», и мысли тебе в голову очень здравые начали приходить, — продолжил Александр Иванович, демонстрируя очень хорошую память даже на мельком сказанные давным-давно слова. — Вот и здесь тот же феномен проявляется. За дверью — сам знаешь что, а внутри... — Он вопросительно посмотрел на Флора.

— С утра был канун Рождества Христова, две тысячи пятьдесят седьмого уже, — без желания произвести театральный эффект сообщил игумен.

Оставалось Игорю только обладеть. При этом сознание его мгновенно прояснилось, будто сухой тряпкой протерли запотевшее зеркало, в котором он только что тщетно пытался рассмотреть свое отражение. И собственное княжество, и Елена удалились, как в перевернутом бинокле. Из тысяча девятьсот двадцать четвертого года ушел в астрал, в собственное время вернулся. Хорошо, с одной стороны... А как же с предыдущим вариантом?

— Видишь ли, брат, отец Флор работает в системе Георгия Михайловича Суздалева.

Новиков с Ириной в свое время сумели проникнуть в тайны криптократической власти России, вошли в тесный контакт и даже, если можно так выразиться, подружились с генералом Суздалевым, главой совершенно специфической, не имеющей аналогов в мировой истории спецслужбы. Этот бывший десантный полковник сосредоточил в своих руках власть не только над всеми спецслужбами страны, но и над всеми существующими в ней конфессиями. Не в каноническом смысле, а только в организационном. Используя их идеологические и технические возможности на благо Отечества, разумеется, только на уровне выс-

ших иерархов, которые взамен получили права и привилегии как минимум первых вице-премьеров.

Ростокин, хоть и жил в своем мире с самого рождения и, будучи первоклассным журналистом, отслеживал и анализировал многие вопросы внутренней и внешней политики, близко не подошел к величайшей тайне.

Изнутри сообразить, как устроен мир, в котором ты живешь, достаточно сложно. Особенно если нет эталона для сравнения. Советским диссидентам и просто мыслящим людям всегда можно было оглянуться на царскую Россию или на страны «свободного мира», чтобы увидеть все как достоинства, так и деформации действующего режима. А когда живешь в одной из самых успешных и демократических стран цивилизованного сообщества, как заметишь?

Новиков с Ириной, оказавшись в мире Ростокina (еще не зная, что присутствует там такой приятный персонаж), очень быстро разобрались в его сути, сообразив, что очень такая реальность близка к «химере». И, самое интересное, подставился и раскрылся им тот человек, который был обязан до последнего хранить идею «криптократии». Тот самый случай, о котором в фильме «Вариант «Омега» говорил Олег Даль в роли русского разведчика своему сопернику, талантливому и благородному немцу: «Вы хотели передать нам стратегическую дезинформацию? Не получилось. Значит, вы разгласили стратегическую информацию...» И так далее, с примитивным выбором — застрелиться или начать работать на победителя.

С Суздалевым у них наладились вполне деловые отношения, он и вывел их на Ростокina, который в то время загнанным зайцем метался по Сан-Франциско. Выручили его и даже приняли в «Братство», только о Георгии Михайловиче ничего не сказали. Да Игорю тогда это было не слишком нужно.

Сам же генерал-митрополит перешел «на связь» к Шульгину, не подозревая об этом, конечно. Агентом он себя вообразить не мог, воспринимал ситуацию с

точностью до наоборот, однако непонятным, «мистическим» чувством догадывался, что живет в химерической реальности, которая может «схлопнуться» в любой момент.

Шульгину с эстетствующим криптократом тесного служебного взаимодействия наладить не довелось, хотя и были такие планы. Другие дела отвлекли. Новиков несколько раз с сожалением говорил об этом, в смысле, что нудит и гложет его недоработанный проект, как неуплаченный карточный долг. Расстались с Суздалевым, пожав руки, договорившись сотрудничать, и — по нулям. Сам исчез и Ростокина с собой забрал.

Выходит же, что ничего страшного. Все те же шуточки со временем. Где-то проходят годы, где-то — дни. Бывает — минуты.

Шульгин очень долго пытался понять смысл происходящего именно с ним. Зачем оставаться в Москве тридцать восьмого в качестве Шестакова? Зачем воевать в Испании? Зачем снова Валгалла?

А тут вдруг некоторая осмысленная схема начинает выстраиваться. Если только удастся разложить события последних лет по каким-то полочкам.

Им с Андреем несколько раз, начиная с «первой Валгаллы», приходило в голову отвлечься от вала накачивающих и накрывающих с головой событий. Случались подходящие вроде бы моменты, но тут же вторгались посторонние силы. В Замке за уединенным ужином, в Крыму, в Москве и так далее. Словно бы и замотивированно все было весьма убедительно, а получалось так и так не по делу. Как «им» было надо, а не нам.

Сейчас он до последнего края не понимал, что вокруг творится. А тут — понял.

— Отец Флор на самом деле настоятель Ниловой пустыни. Твой современник и соотечественник. Я уж не знаю, ты ли его своим воображением загнал сюда, или сила места проявилась, или Георгий Михайлович

после разговоров с Андреем *новые качества* обрел, но картиночка получилась впечатляющая. Правда, отче?

— На самом деле, брат Александр, ничего так уж слишком впечатляющего! Испытания Христа в пустыне, я думаю, ничуть не более реалистичными были. И не менее. Вообще не бери в голову. Все действительно разумно...

— Отец Флор не только Академию богословия окончил, он в миру на факультете религиоведения в Петроградском университете обучался, — счел нужным пояснить Ростокину Шульгин. — Отчего полную свободу мышления приобрел. В мое время к звездам за месяц не летали, однако я вполне такую возможность допускал, поскольку фантастика у нас была куда лучше, чем у вас, развита. И абсолютно ничем человека «первой оттепели» удивить было невозможно. Если Сталина низвергли и в том же пятьдесят шестом году «Сокровища Громовой Луны» напечатали, какие еще невероятности нас удивить могли?

Ростокин видел, что Шульгин старательно изображает из себя настолько выпившего человека, что спрос с него никакой. Только для кого? Для него, отца Флора или иной природной субстанции?

— Вот сейчас, отче, — продолжал плести словесные кружева Александр Иванович, опять потянувшийся к настоечке, — зашел бы к нам Суздалев Георгий Михайлович, мы бы с ним и поговорили! При условии, конечно, — он резко качнулся к столу, едва не ударившись о его край грудью, — что у нас тут правда защищенная зона...

Зачем ему потребовалось изображать крайнюю степень опьянения, Игорь так и не понял, но догадывался — зачем-то надо.

Дверь одной из внутренних комнат тут же открылась, и в комнату вошел человек в черном обтягивающем сюртуке и таких же брюках, заправленных в высокие лакированные сапоги.

Ростокин несколько секунд смотрел на него, пыта-

ясь сообразить, где он видел его. Что-то неуловимо знакомое — не больше. Слишком много за годы журналистской работы встречалось ему разных людей — дома, в космосе, на фронтах, потом и в параллельном мире. Что-то брезжит, брезжит...

Шульгин с самого начала, когда Андрей впервые рассказал ему о встрече с Суздалевым, предположил, что «генерал» тоже может относиться к «кандидатам» в Держатели или служит высокопоставленным резидентом, аггров, форзейлей — не так важно.. Организованная им интрига вокруг яхты «Призрак» вряд ли была доступна обычному человеку.

— Ну вот, Георгий Михайлович, — сообщил с блуждающей улыбкой Александр Иванович, — вы думали, что мы захватили Ростокина и его Аллу с коварными целями оставить за собой тайну бессмертия, а он — прошу, в полной сохранности. Принимайте! В качестве благодарности, если не затруднит, расскажите мне: что тут у вас творится?

Игорь смотрел на Шульгина, не столько думая о странном повороте сюжета, в котором ему приходится исполнять свыше навязанную роль, как о том, зачем уважаемому человеку, не только им уважаемому, но и людьми повыше его, изображать пьяного? Он бы и так сумел *переиграть* любого.

Вдруг, словно озарением, — понял.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	41
Глава третья	62
Глава четвертая	75
Глава пятая	95
Глава шестая	110
Глава седьмая	124
Глава восьмая	143
Глава девятая	160
Глава десятая	185
Глава одиннадцатая	196
Глава двенадцатая	218
Глава тринадцатая	240
Глава четырнадцатая	254
Глава пятнадцатая	271
Глава шестнадцатая	276
Глава семнадцатая	295
Глава восемнадцатая	314
Глава девятнадцатая	340
Глава двадцатая	357
Глава двадцать первая	375
Глава двадцать вторая	392
Глава двадцать третья	409
Глава двадцать четвертая	417

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ

Книга первая

ИНВАРИАНТ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Номер page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 09.10.2007.
Формат 84х108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52.
Доп. тираж 8 000 экз. Заказ № 4702480

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

*For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»**

E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Журнал «Вокруг света» и Борис Стругацкий представляют

Альманах «Полдень. XXI век»

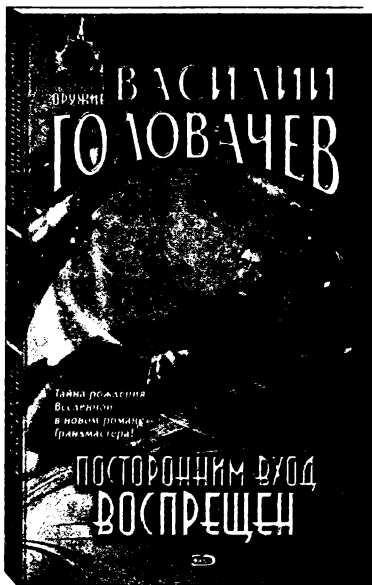
Настоящая фантастика в новом формате

ВОКРУГ СВЕТА
VAN VOORDE & DE VRIES

Грандмастер отечественной фантастики

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ

Новый роман «Посторонним вход воспрещен»

В 2006 – 2007 годах вышли
романы Василия Головачева:

- * «Укрощение зверя»
- * «По ту сторону огня»
- * «Ведич»

Сборник рассказов
«Мир приключений»

www.eksmo.ru
www.golovachev.ru

Тайна рождения Вселенной в новом романе Грандмастера!

Серия

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

С НАЧАЛА 2007 ГОДА В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Роман Афанасьев «Стервятники звездных дорог»
- Виктор Бурцев «Очередь за солнцем»
- Роман Глушков «Боевые псы Одиума», «Аварийная команда»
- Александр Громов «Змееныш», «Крылья черепахи»
- Владислав Крапивин «Ампула Грина»
- Олег Курылев «Невозвращенец»
- Игорь Огай «Уровень атаки»
- Сергей Осипов «Демоны вне расписания», «Ночная охотница»
- Роман Папсуев «Цейтнот»
- Андрей Плеханов «Слепое письмо»
- Вадим Проскурин «Прививка от космоса», «Небесные воины»
- Виталий Романов «Вариант «Зомби», «Разум чудовища»
- Вячеслав Рыбаков «Звезда Полюнь»
- Вячеслав Силин «Монополия на чудеса»
- Александр Сухов «Танец на лезвии ножа»
- Сборник «Академия Шекли»

**Лучшие произведения русской фантастики
в одной серии!**

www.eksmo.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ

Александр Шульгин – мыслитель и авантюрист, солдат Истины и стратег Игры – еще одно доказательство того, что и один в поле воин. Его нынешнее путешествие по химерическим реальностям – на грани фолла, в отрыве от друзей – позволяет не только зачислить еще несколько очков на счет людей в их противостоянии с Держателями и Игроками, но и раскрыть нового противника, до поры до времени копившего силы и не спешившего себя обнаружить. Под личиной наркома оборонной промышленности Григория Шестакова Александр затевает игру на поле предвоенного Советского Союза с самим Сталиным. Не зная точных ответов, Шульгин чувствует, что изменить историю в этой конкретной точке совершенно необходимо...

